

12096

Трегори Макдональд Лев Каневский «Идол» и «Нимфа»
Сын Флетча

**Из зимы
в лето**

**С компанией
ДИАТУР**

Экстремальные туры:
**Шикарный Париж
Амстердам-Брюссель-Париж**

Горнолыжные туры:
**Турция
Словения, Чехия
Франция
Австрия**

Отдых и развлечения:
**Кипр
Египет (Красное море)
Турция
Израиль**

Экзотические туры:
**Таиланд
Остров Ямайка
Шри-Ланка, Мальдивы
Куба**

**Москва, м. «Смоленская»,
Шубинский пер., д. 2, офис
тел./факс (095) 241-54-51,
241-04-41**

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧНИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА

худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.09.96.
Подписано к печати 29.10.96.
Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. нр. отт. 17,64.
У-изд. л. 23,10.
Тираж 87000 экз.
Знак № 1137
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс [095] 250-59-28.
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. № 014832
**Учредитель - коллектив
редакции журнала
«Смена».**
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».
Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

12 (1586) ДЕКАБРЬ

© «Смена», 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

- 24** *проза* НАТАЛЬЯ ПОРОШИНА
ПОДРУГИ
Рассказ
- 62** ДЖЕК ХИГГИНС
В АДУ
МЕСТА НЕТ
Детектив
- 186** ГРЕГОРИ МАНДОНАЛЬД
СЫН ФЛЕТЧА
Остроумный роман
- 13** *поэзия* **КОНКУРС ОДНОГО**
СТИХОТВОРЕНИЯ
- 160** АНАСТАСИЯ ГОСТЕВА,
ТАМАРА КИРВАЛИДЗЕ
- 6** *время и мы* СТАНИСЛАВ ПЕСТОВ
ПОГОДА,
КОТОРУЮ МЫ,
УВЫ, ТВОРИМ
- 16** ЮРИЙ ТАРАНЕЦ
КОГДА СТРЕЛЯЮТ
В ТЕБЯ...
- 29** ГАЛИНА БРЫНЦЕВА
ПРИГОВОР
- 38** ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ
РАВНЕНИЕ
НА ГЮЙС
- 114** ОЛЬГА АРНОЛЬД
«Я И ЛОШАДЬ,
Я И БЫК, Я И БАБА,
И МУЖИК!»
- 174** МАРИЯ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
ЧЕЛОВЕК-РЕНТГЕН
- 50** *история и культура* ПЕТР ТОДОРОВСКИЙ:
«МОИ ГЕРОИ -
ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ»

124 АДЕЛЬ АЛЕНКСЕЕВА
ПОЛЕНОВ

132 ЛЕВ КАНЕВСКИЙ
**«ИДОЛ» И
«НИМФА»**

164 ЛЮДМИЛА
ТРЕТЬЯКОВА
**НОЧНАЯ
ПРИНЦЕССА**

На 1-й обложке:
фотохуд
МИХАИЛА ШАБАЛИНА

АН О Г Н Р С

**АНДРЕЙ ИЛЬИН
ОБЕТ МОЛЧАНИЯ-3**

Резидент попадает в экстремальную ситуацию. Оставшись фактически в полном одиночестве, пытается предотвратить покушение на Президента, но вынужден противостоять не отдельным криминальным личностям и даже не группе бандитов или коррумпированных чиновников, а колоссальной силе, руководимой людьми из государственного аппарата. Снова один - и снова победитель!

**КАРТЕР БРАУН
СТРИПТИЗЕРКА**

Кэртер Браун - один из популярнейших американских писателей детективного жанра. Главный герой нескольких его повестей, в том числе и «Стриптизерки» - частный сыщик Рин Хольман, работающий в Голливуде и помогающий кинозвездам выпутываться из очень затруднительных ситуаций...

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1996 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

АНДРЕЙ ИЛЬИН

ИВАН ЗЮЗЮКИН

ИГОРЬ ГАМАЮНОВ

ВАЛЕРИЙ АГРАНОВСКИЙ

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

ВАЛЕРИЮ АГРАНОВСКОМУ –
за очерк
«3 часа до смерти»
(N 11);

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

ИГОРЮ ГАМАЮНОВУ –
за очерк
«Схватка над бездной»
(N 8);

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

ИВАНУ ЗЮЗЮКИНУ –
за цикл очерков
«Драмы великих сердец»
(NN 2.4.6.8.11);

АНДРЕЮ ИЛЬИНУ –
за романы
«Обет молчания»
и «Обет молчания-2»
(NN 3.4);

ЛЬВУ КАНЕВСКОМУ –
за очерк
«Душа изнывает по абсолютному»
(N 10);

АЛЕКСАНДРУ КУШНЕРУ –
за цикл стихов
(N 2);

МИХАИЛУ ЛЮБИМОВУ –
за повесть
«Лондонский ноктюрн»
(N 9);

ОЛЬГА ЧАЙКОВСКАЯ

ОЛЬГЕ ЧАЙКОВСКОЙ –
за очерк
«Тот, кто поймал Чикатило»
(N 5).

ПОГОДА КОТОРУЮ МЫ

Наш собеседник –
Валентин Петрович
Мелешко,
доктор физико-
математических наук,
директор Главной
геофизической
обсерватории,
разработчик
и руководитель программ
по расчетам
изменения климата.
Валентин Петрович
принимает участие
в деятельности
«Всемирной программы
исследования климата»,
в других международных
программах
Всемирной организации
метеорологии.

– Валентин Петрович, все знают погоду – это тема для разговора, когда говорить не о чем. Но, если серьезно, могли бы вы как ученый дать четкое определение климата?

– А это та же погода, только усредненная за достаточно большой срок, скажем, тридцать лет. Такой стандарт общепринят.

– Погодой человек сегодня управлять не может, вернее, почти не может – на небольшом пятнышке, на ограниченное время мы научились разгонять дождевые тучи с помощью йодистого серебра. Ну а менять климат сознательно мы ни в коей мере не умеем...

– Вот именно сознательно. А невольно человечество давно уже ощутимо воздействует на воздушный океан.

– Вы имеете в виду накопление углекислого газа?

– Да, и не только его – метан, окислы азота, хлорфторуглеводы также можно отнести к тем га-

ОАДГ, УВЫ, ТВОРИМ

зам, которые создают парниковый эффект. Хотя, конечно, две трети эффекта – это углекислый газ.

– Когда говорится о парниковом эффекте, так и представляется земной шар, накрытый полиэтиленовой пленкой, которая пропускает видимые солнечные лучи, а радиацию от нагретой земной поверхности – более длинноволновую – задерживает, отражая опять на Землю. И невольно чувствуешь себя растением, что находится во влажной и теплой атмосфере парника.

– Собственно, именно так и «работают» парниковые газы. Если бы их не было, то количество поглощаемой солнечной энергии равнялось бы величине обратной радиации, излучаемой с поверхности Земли, и при прочих стабильных условиях, климат не менялся бы. Но с 1860 года, когда начала бурно развиваться промышленность, которой нужно было сни-

7
гать уголь и другие виды топлива, концентрация углекислого газа стала нарастать, и к сегодняшнему дню она увеличилась почти на треть по сравнению с серединой прошлого века. В совокупности с другими газами образуется как бы «пленка» в атмосфере, которая извне (от Солнца) радиацию впускает, а обратно выпускает уже меньше. За счет разной длины волны падающей и обратной радиации. Ну а солнечное излучение – это тот самый мотор, что во взаимодействии с Мировым океаном, атмосферой и льдами «раскручивает» погоду на Земле. Погоду делает Солнце.

– И – человек. Ведь каждая тонна сожженного угля дает полтонны углекислого газа. Сколько же ежегодно вносит в атмосферу двуокиси углерода «копящая» промышленность?

– Почти 6 миллиардов тонн. И цифра эта, увы, не снижается.

Сто лет назад ежегодный выброс в атмосферу не превышал 2 млрд. тонн. Для сравнения хотелось бы сказать, что весь планктон Мирового океана подобно земным листьям поглощает также 2 млрд. тонн CO_2 . Но сегодня ему не под силу переварить и трети выбрасываемой нами углекислоты.

- И климатологи уже могут сказать - насколько изменилась температура Земли от последствий таких выбросов?

- Да, за последние 100 лет она подросла из-за парникового эффекта на 0,3-0,6 градуса. Подобный разброс - из-за разных методик и точности измерений. Можно считать округленно, что климат Земли «потеплел» за прошедший век на полградуса.

- Как растет температура Земли, значит, она нездорова. А может наука предсказать состояние «больной» в будущем?

- Для того чтобы предсказывать погоду, а стало быть, и климат, нужны точные метеорологические данные на сегодняшний день, хорошо обкатанная математическая модель и большой компьютер с мощной памятью и колоссальным быстродействием.

- Что касается метеорологических данных, то я вижу у вас на карте несколько сот станций, которые, по-видимому, обеспечивают вашу обсерваторию всей совокупностью сведений - таких, как давление, температура, влажность, облачность...

- И нам поступают еще и данные с кораблей, самолетов, спутников, но все равно их недостаточно. В особенности, если учесть, что значительная часть станций не работает - нет средств. В принципе, имея набор параметров состояния атмосферы сегодняшнего дня, нетрудно рассчитать погоду на три года вперед. Потом, наблюдая реаль-

ную погоду, можно уточнять, настраивать модель.

- Но это же прекрасно - зная погоду далеко вперед! Часто приходится слышать, что окупаются любые затраты на точный прогноз. Землепашцу хотелось бы знать, например, что с 20 по 23 июня 1998 года над его полями будет сиять солнце, с 24 июня два дня будет лить дождь. В тех районах, где ожидается засуха, можно сеять засухоустойчивые злаки, где дождливо - влаголюбивые сорта... Да и многим другим - строителям, рыбакам, лесорубам, морякам, летчикам важно знать будущую погоду. Скольких жертв можно избежать, если людей заранее известить о наводнениях, бурях, тайфунах...

- К сожалению, прогнозировать так детально мы пока еще не в состоянии. Наука может вычислить данные, усредненные на большие регионы - континенты. Чтобы прогнозировать погоду, снажем, в Сибири, Поволжье, надо иметь исходные данные, взятые от часто расположенных станций. Сегодня они находятся одна от другой в 600 километрах. Правда, кое-где уже собирают информацию «с шагом» в 300 км. На точность прогноза влияет, конечно, и несовершенство моделей расчета. Я уж не говорю о слабой компьютерной базе - нынче в Госкомгидромете устанавливают мощную вычислительную машину, а до этого нам приходилось считать на американской ЭВМ, установленной в штате Колорадо. Команды мы ей подавали по международному телефону... И все-таки самая тяжелая неприятность, способная «испортить погоду» в расчетах, - это неустойчивость атмосферы.

Сейчас в Европе делают прогноз на 10 суток вперед, но не один, а три десятка, которые рассчитываются с разными прибли-

нениями. Если же расхождений больших нет, то вероятность удачного прогноза велика. Хотя на 20-30 суток никто надежного прогноза не даст.

На годы вперед можно, как уже говорилось, предполагать погодные условия лишь на континентах. А человеку нужно знать конкретные вещи: брать ли ему зонтик в командировку, где лучше отдохнуть летом.

— Вы уже говорили о влиянии парниковых газов на климат. Какие сюрпризы ожидаются в ближайшем столетии?

— Есть шесть сценариев, на основании которых делаются прогнозные оценки с учетом разной степени выбросов в атмосферу: от максимальной до минимальной. Все они говорят о серьезном потеплении климата. Вероятнее всего на 2°-2,5°. Но пределы в разных сценариях шире — от 1,3 до 3,5°.

Однако общее потепление будет очень неравномерным. При наиболее вероятном общем росте температуры на 2° сильнее потеплеет на континентах Северного полушария. Границы снежного покрова там сдвинутся на север. Эти суровые районы станут более пригодны для обитания и хозяйствования. Льды в наших северных морях исчезнут, морской путь в Ледовитом океане станет свободным круглый год. Резко сократятся зоны вечной мерзлоты. Но плодородные земли наши станут засушливыми. А вот в северной Атлантике потепления почти не ожидается, что весьма важно для стран Европы. Мало что изменится и у берегов Антарктиды из-за подъема с глубины холодных слоев океана. Впрочем, через 1000-2000 лет и он достаточно прогреется... В тропиках потепление скажется меньше. Но влажность, осадки, бури будут свирепство-

вать повсюду... Повышенная влажность вызовет дополнительную облачность, и эффект парника еще больше возрастет. Прибавьте сюда отодвигание границы льда и снега на север — поглощение солнечной энергии увеличится (меньше отражается от сокращающегося снега и льда). Получается как бы обратная связь — потепление вызывает новое потепление...

— И чем нам грозит все это?

— Нагрев приведет к расширению воды, и уровень Мирового океана повысится. Сыграет свою роль и таяние вечных льдов. К 2100 году общий подъем уровня составит по разным оценкам от 50 до 95 сантиметров.

— Что может означать затопление низменных долин, жилищ наших? Ведь на горах и холмах пшеницу не посеешь. Значит, угроза голода? А угроза наводнений из-за наступления моря на такие страны, как Голландия?..

— Дамбы Голландии, может, и выдержат, но в странах тропического пояса гораздо чаще будут циклоны... К сожалению, этим беды не исчерпываются — есть, хоть и небольшая, вероятность того, что из-за потепления в Антарктиде обломится западный ледниковый щит. Нынче он покоится на ложке, находящемся ниже уровня моря. А если уровень океана повысится, щит надломится и отойдет — растает. Тогда уровень океана повысится на 5 метров. Это — катастрофа. Хотя, повторяю, вероятность таких катаклизмов до 2100 года мала.

— Похоже, что миф о всемирном потопе имеет под собой реальное основание...

— Но причины давних потеплений не связаны с парниковым эффектом. В Антарктиде, с помощью бурения, добывают сейчас колонки льда, отложенного много тысяч лет тому назад. Недавно

исследован лед, образованный 130 тысяч лет до нашей эры – по пузырькам растворенного в нем воздуха определен состав древней атмосферы. Концентрация углекислого газа на протяжении тысячелетий практически не менялась. Она, повторюсь, начала расти только с середины прошлого столетия. А давние похолодания и потепления наука связывает с движением материков, появлением новых течений в океане, но не с деятельностью человека и накоплением CO_2 . «У природы нет плохой погоды» – плохую погоду делает сам человек, все дальше и дальше загоняя себя в угол неразумной деятельностью... Если человек прекратит выброс парниковых газов в атмосферу даже сегодня, то и в этом случае эффект их воздействия растянется на годы. И чем позже человек схватится за голову, тем тяжелее будут последствия, тем дольше ждать стабилизации... Конечно, есть и компенсирующие факторы: кроме уже упоминавшихся планктона Мирового океана и лесов, можно назвать аэрозоли, особенно сульфатные. Они отражают радиацию, что вызывает охлаждение. В Северном полушарии над промышленными районами, где достаточно сульфатов, потепления в будущем не ожидается, возможны даже местные похолодания.

– Мне пришла в голову немного бредовая мысль. Дело в том, что еще в восьмидесятых годах академик Никита Моисеев провел расчеты изменений климата Земли, связанных с ядерными взрывами во время возможных военных конфликтов. При обмене ядерными ударами только, скажем, на европейском театре военных действий в тропосферу поднялось бы такое количество дыма, пыли, гари, что они обволокли бы воздушными течениями всю нашу пла-

нету и стали бы сильнейшим экраном, отражающим солнечную радиацию. Когда академик с коллегами получил первые результаты, то наши ученые схватились за голову – в Саудовской Аравии, например, установилась бы температура минус тридцать семь градусов по Цельсию, на всей планете стояла бы ядерная ночь. Погибли бы все леса – источники кислорода на Земле, остановились бы полностью замерзшие реки, исчезли бы нивы и фермы, голод и смерть царили бы на планете. Мир содрогнулся, услышав о ядерной ночи, особенно когда расчеты американских, французских и ученых других стран дали сходные результаты. Не знаю, правда, насколько расчеты близки к возможной реальности...

– Нас тоже привлекали в свое время и подобным расчетам. А по поводу надежности их можно привести такой пример – извержение одного вулкана в 1991 году привело из-за выбросов пепла к понижению температуры в тропиках на $1,5^\circ$ в течение полутора лет.

– Я хочу сказать, что глобальное потепление, вызванное человеческой деятельностью, можно сивелировать руками человека же. Несколько точно рассчитанных взрывов в районах, изобилующих пылью, приведут, по-видимому, к нужной экранировке солнечной радиации и последующему расчетному снижению температуры. Причем можно это делать постепенно, шаг за шагом отслеживая изменения «замутненности» и последующего похолодания. Словом, человек уже в состоянии не только портить погоду, климат, но и улучшать их. Впрочем, наука, вероятно, предлагает более изящные решения...

– Сегодня еще не все осознают, что положение тревожное. На недавней конференции в Женеве рассматривались две точки зрения: опасность велика, нужно действовать срочно; опасный уровень четко не определен, дейст-

зовать нужно после того, как он будет установлен... но все понимают: выброс парниковых газов следует остановить немедленно... Но внедрить новые энергосберегающие технологии не так просто даже для благополучных стран. Что уж говорить о таких, как Россия, где и без того уровень производства падает. (Кстати, как утверждают экологи, закрываются в первую очередь самые «чистые» предприятия, а не примитивные, с допотопным оборудованием).

И вот страны Океании, которые ожидают трагическое будущее, да и сегодня уже им не сладко, ставят вопрос перед международным сообществом: почему за проблемы, создаваемые развитыми странами, расплачиваться должны они? Хотя, если строго говорить, то они и сами вносят «вклад» в накопление парниковых газов – вырубают леса, активно занимаются сельским хозяйством, что сопровождается выделением метана. (Чего стоят в этом плане только рисовые поля!) И сегодня страны третьего мира требуют создания некоего Фонда, куда промышленные державы будут вносить средства, пропорционально вкладу конкретной страны в загазованность атмосферы. Эти средства должны идти на помощь потерпевшим. Подобную позицию поддерживают и некоторые развитые страны, в частности Франция, Норвегия... Это понятно, они не находятся в первых рядах «загрязнителей». Во Франции вообще 75 процентов всей энергии производится самым чистым способом – с помощью атомных электростанций. А Норвегия, хотя и добывает нефть, но активно ее не жнет, а продает в другие страны.

– У России тоже есть свои козыри – леса. Наличие лесов должно ведь учитываться при определении доли

каждой страны в накоплении парниковых газов...

– Да, у нашей страны почти четверть мировых запасов леса и половина запасов мировой хвои. Слава Богу, что значительное повышение удаленности спелых лесов от лесозаготовительных предприятий делает нерентабельным то массовое истребление их, которое раньше называлось заготовной – ведь почти половина леса терялась и гибла. Строжайшая экономия ресурсов если и не улучшит климат, то, во всяком случае, будет способствовать его стабильности. Как в Израиле орошают сады? Под каждое дерево проведена трубочка, из которой капает – буквально капает! – вода. Мы же строим громадный канал через пустыню, бездумно тратим воду, из-за чего пустыня превращается в болото, почва засоляется и навсегда выпадает из оборота. Еще Вильямс в свое время предупреждал об особой осторожности при прокладке оросительных каналов, о необходимости дренажного слива с орошаемых площадей. Но не послушали академика, сэкономили на дренажной системе Каракумского канала. Потом погубили реки Амударья и Сырдарья и даже целое Аральское море...

– Как говорил великий сатирик, в России две беды – дороги и дураки. Последние почему-то все время всплывают наверх. Погубив природу и сельское хозяйство в Средней Азии, решили исправить ошибку поворотом туда северных рек. Причем новые русла предлагалось прокладывать с помощью атомных взрывов...

– О последствиях поворота северных рек я тогда написал в своей диссертационной работе. Если бы реки удалось повернуть, то при общем стоке в 100 кубических километров неминуемо последовали бы сильные изменения

климата Казахстана, Урала, Сибири из-за дополнительного испарения. И не в лучшую сторону. Аукнулось бы даже в США. Поэтому мои расчеты рекомендовали прекратить, а эту главу из диссертации выкинуть. Вот так просто проигнорировали научный прогноз. Да что говорить, игнорируют не только науку – это уже давняя наша традиция, – но и простой опыт. Когда распахивали целину, к нам приезжали американцы, канадцы – они тоже прошли все перипетии подъема целинных земель. Предупреждали, чтобы не пахали целину плугом, а применяли бы безотвальную обработку почвы с помощью плоскореза. Кстати, прообраз плоскореза – канечас, он назывался будкер – изобрел российский агроном Овсинский. Когда украинские крестьяне начали эмигрировать в Канаду, они прихватили с собой этот первобытный плоскорез – на трактор и хороший плуг денег не было. И вот от пыльных бурь, которые начались после распашки канадской целины, менее всего пострадали те беднейшие хлебопашцы, чьи поля обрабатывались безотвальным методом. Надо сказать, что канадцы и американцы быстро извлекли уроки – наладили массовый выпуск плоскорезов и других орудий для «безотвалки», вспашку проводили с учетом розы ветров и половину пахотной земли пускали под пары. Все это они толково объяснили нашим целинникам, но мы никак не хотим учиться на прошлых ошибках... В итоге пыльные бури выдули плодородный слой целинных земель и засыпали другие разработанные уголья.

– *Науке, наверное, не сложно было подсчитать, какой удар по климату нанесли эти бури?*

– *Науке под силу и не такие проекты... Вот сегодня стреми-*

тельно растет уровень Каспийского моря. Раньше он неуклонно снижался и за полвека упал на 2,5 метра. Теперь, после того как перегородили залив, откуда, как предполагалось, сильно испарялась вода, уровень необычайно быстро поднимается. И это никак не объяснить лишь последствием строительства дамбы... Мы полагаем: тут дело в том, наков водообмен не только на самом Каспии, но и во всех прилегающих к нему районах с учетом стока множества крупных и мелких горных рек. Для выяснения реальных причин создали довольно объемную и сложную модель, просчет которой требует мощных вычислительных средств. Нашим проектом заинтересовался крупнейший в Европе климатический центр в Гамбурге. Если подпишем с ним контракт, то скоро, возможно, будут ясны причины каспийского явления.

– *Ну что же, если человек стал достаточно могущественным, чтобы влиять на глобальные атмосферные процессы (невольно или сознательно), если он стал достаточно разумен, чтобы суметь предсказать последствия таких влияний, то, надо полагать, он найдет в себе силу и разум, чтобы избежать тех негативных результатов, которые грозят всем нам?*

– *Если, конечно, мы вовремя спохватимся.*

Беседовал СТАНИСЛАВ ПЕСТОВ.

Представляем
победителей

ИРИНА МИРЗОЕВА,
30 лет, математик,
Москва

≡

Не от снега я, не от века,
Не от золота на Земле.
Я – скиталица, я – калека,
Перемазанная в золе.
Не от крика я, не от флага,
Не от праведного креста –
Неисписанная бумага
Незаплеванного листа,
Недожеванного словами,
Недотопленного в реке,
С недокамканными углами
В недошьлепленной руке.
Не от времени, а от боли.
Не срываясь и не звеня –
Голосок, окликавший в поле,
Не узнавший в себе меня.
Как Вселенная во Вселенной –
Рядом с вами не в этот час –
Внепространственный, неизменный.
Не доплакаться мне до вас,
Не дотронуться – человека
Не найдешь, где зола в столе,
Не от снега я, не от века,
Не от золота на Земле.

И тишина. И тень. И пот холодный.
Рассветный переулочек в тишине,
Потерянный, московский, несвободный,
Так холодно повернутый ко мне.
Асфальт летит под ноги полусонный.
Есть Час Листвы над поднятой рукой,
Когда великий, тихий и огромный
Мир – точно шелест над Москвой-рекой.
Есть Час Листвы, есть Час Зари открытый –
Все входит в светлый и прохладный дам.
И улицы как будто бы забыты,
И щели крон – сквозной дверной проем.
Люблю тот час, когда нет сил над миром,
Над шагом и листвою нет зорких глаз,
Когда еще не встали в свете сирам
Ни власть, ни звук, ни бедственность, ни связь.

СВЕРЧОК

Земная тень – она огня не просит,
Как я себе – лампы не прошу,
Идти по следу от небесных просек
К небесному парящему плащу,
Нести свирель, нести все звуки ночи –
Стрекочущий отчаянный клочок.
Нести слезу, нести в безумстве точек
Надрывный и негаснущий волчок.
Его и нет, но власть звенит над миром –
Назло, назло проклятию времен.
И скорбь висит в холодном свете сирам,
И шаг тяжел, и горизонт пленен.
Идти вперед сквозь смянутые соты
И быть, и быть – до дерзости живой,
Чтоб возносился до великой ноты
Один сверчок для скорби мировой.

ВЛАДИМИР ФРОЛОВ,

34 года, преподаватель,
Сарагул, Удмуртия

Чего искать? – Веселого сиротства,
Гуляя напролет по сентябрю,
Где ветхие истоки первородства
Похоронно ждуют вечернюю зарю.

В биении лохмотьев-полотенец
Сконфуженных березок и осин
Кому я верен, вальный уроженец
И пастырь холодеющих равнин?

Служивые лукаво сводят счета
По лезвию или карандашу...

*А я забыл – дары или щедроты
В ладонях за собою уношу.*

*Беспечно, беззаботно ускользая
Невольником – вперед или назад –
И на прощанье гордо не бросая
Ни удивленный, ни лобезный взгляд.*

*Похоже, новый день беспомощней других,
Но выйдешь на крыльцо – и путь открыт до сада.
Досадно лишь – знаком и пуст от сих до сих,
И рад бы обойти – да вальничать не надо...*

*Дорогу перейти недолго и не лень –
Прозреть под утренней заплаканной листвою,
Чтоб пережить себя и обозначить день,
Не хуже дней других, а лучше и с лихвою.*

*Не шелуху толочь, а шляться у пруда,
Турусы разводить, балтать – какое благо –
Не с липой, так альхой – ни братства, ни труда...
Не жизнь, а кое-что честнее – эпос, сага?*

*Но денешься куда, каль надобны уже
И надолго – и день, и шельмоватый ветер,
И вальный разговор нечаянной душе,
Живой пока еще на милосердном свете.*

*Удивительный запах левкоя
И слегка подзавядшей ромашки
В стариковских прозрачных покоях...
Мой сосед не родился в рубашке.
Оттого пропал в Магадане, исполняя державную волю...
Все мы грешники, видно, цыгане –
Кто помнее, кто побале.*

*Не в рубашке сосед мой родился,
Впрочем, это уже неизвестно,
Ибо он с полдороги не сбился,
А нашел свое время и место –
Он обрел осторожную старость,
Седину, чистоту и поджарость,
Жалость злую и мирную ярость
Восхищения – эка досталось!..*

*Пилигрим в серебре и покое –
Золотое Господне творенье...
И ромашка под сенью левкоя –
Словно позднее благодаренье.*

КОГДА СТРЕЛЯЮТ

Живым вернуться мало. Надо еще - человеком...

В ТЕБЯ...

Фото ЮРИЯ КОЧЕТОВА

Для большинства из нас – простых российских граждан – чеченская война стала «войной по телевизору».

За два года мы столько качитались, наслушались, насмотрелись об этой странной войне, что кажется – чем еще, какой жестокостью рассказ о ней может больно задеть душу и возмутить разум?

В монологе младшего сержанта, вернувшегося из Чечни, нет ни жестоких эпизодов, ни душераздирающих подробностей про то, как люди убивают людей. И сам он, слава Богу, уцелел и даже не был ранен! Не был?..

Вот его свидетельство о чеченской трагедии, читатель.

Решайте сами:

удалось ли «уцелеть» на этой странной войне девятнадцатилетнему мальчишке? Одному из многих десятков тысяч мальчишек, через нее прошедших...

Юра Таранец вернулся из Чечни в конце июня 1996 года.

В первый раз мы встретились в августе... Худенький, невысокого роста – он скорее мальчишка, чем прошедший войну солдат. Но взгляд его настороженный, колкий, выдавал какой-то тяжелый опыт – в девятнадцать лет обычные пацаны все-таки другие...

Лицо его кажется мне красивым, хочется, чтобы он улыбнулся – но Юра не улыбается.

И говорит он медленно, с частыми паузами...

На диктофонной пленке, когда я прослушиваю запись нашей беседы, они повисают незадачными вопросами, но уже не моими к Юре, а вопросами Юры к нам...

Каним я был раньше, спрашива-ете... Обыкновенным, как все ребята. Родился в Москве, ходил в детский сад... Однажды, помню, мама меня из сада забирает, а я ей вдруг говорю, что хочу братишку. Или сестренку. Неважно, словом, но чтобы еще кого-нибудь. И мама говорит: «Ладно». И у меня действительно через какое-то время появляется брат. А потом еще две сестры – сейчас одной десять, другой шесть лет. И уже когда я был в армии, мама родила еще раз – так что младшему брату в нашей семье сейчас чуть больше година.

В школе я учился неплохо, по некоторым предметам – география, биология, математика – даже на олимпиадах выигрывал. Но вот английский язык не шел. Надо было уделять ему больше времени, но у меня его не было. И по дому приходилось помогать, и каждый день, после школы, я ходил на дзюдо. Занимался с удовольствием и всерьез – получил первый взрослый разряд. Правда, в девятом классе пришлось это дело бросить и устроиться на работу: семья большая, мама – с малышами, а что такое заработок отца?

В общем, я устроился в фирму, где выращивали грибы. Рабочим, а в одиннадцатому классу «сделал карьеру» – мне уже доверяли заниматься сбытом продукции. То есть фантически я стал торговым агентом – в наше время это довольно выгодная работа. (Будь она у меня сейчас, многих проблем мои младшие братья и сестры не знали бы...)

Мама по профессии инженер-экономист. Сколько могла – работала, но сейчас пока дома, в отпуске по уходу за маленьким... Так получилось, что работать теперь должен только я. Но вот уже месяц, как вернулся, а устроиться не могу...

Отец? Он рабочим был... Я опоздал на несколько дней, не про-

стился с ним. Отец умер, пока я воевал в Чечне. И было ему всего-то 42 года.

После школы поступил в институт на вечернее отделение. Правда, учиться пришлось недолго. В ноябре 94-го мне исполнилось восемнадцать лет, и на другой же день я ушел в армию.

Не могу сказать, что не хотел служить. Во мне осталось что-то от тех времен, когда искренне произносили: «Служу Советскому Союзу». Хотя служба в армии была уже не престижна, вокруг армию ругали, мои ровесники искали любые способы не идти туда. Но я не хотел быть дезертиром, «уклоняться», «косить» – это не мой стиль жизни. Потом бы сам себя не уважал. Да и вообще я думал, что мужчина должен эту школу пройти...

Меня призвали, стало быть, в ноябре, и попал я в одну из так называемых конвойных частей в Ульяновской области. Про Чечню тогда говорили всякое, но в основном, что мы туда лезть не будем, они воюют между собой, пуская сами разбираются. Наших, мол, солдат там нет. Однако готовили нас в части как-то странно – не похоже было, что для охраны зонков: готовили, судя по всему, к оперативной службе. И к тому же почти сразу среди солдат распространили анкету с единственным вопросом: согласен ли воевать в Чечне?

Я написал: «Не против». Вас это удивляет? Но, во-первых, кто знал, какая это будет война! А во-вторых... Я как бы коллекционировал ощущения. Мне все было интересно. Все хотелось узнать, попробовать, самому на себе испытать. Как когда-то в детстве мечтал прыгнуть с парашютной вышки в парке Горького, так потом – пройти через какие-то экстремальные ситуации. Мальчишество? Может быть... Мне, правда, все было интересно! Я только теперь понимаю, что было бы, если бы я попал в Чечню в самом начале боевых действий

абсолютно необученным! Если бы сразу я попал в эту нашу!..

Бог миловал...

С другой стороны, эту жажду ощущений я успел утолить сполна. До армии не курил – в Чечне пристрастился к самым крепким сигаретам. Других там не было. Водку тоже попробовал там. Хотя достать ее было трудно, и мы с ребятами сошлись во мнении, что это даже несправедливо: во время Великой Отечественной войны бойцам полагалось сто граммов спирта... Или сколько там? Точно не знаю, но факт тот, что им было чем снимать напряжение. А у нас – сухой закон. И вот, чтобы снять стресс – а таких ситуаций было полно, – приходилось искать что-то другое. Мы заваривали чефир – пачку чая на кружку. Ноноплю практически не курили, но зато ее жарили и добавляли в нашу... Я там много чего попробовал. И узнал, какое может быть ощущение, когда стреляешь... И не просто так, а по людям.

И тогда стреляют в тебя – наново это...

– Нас везли в эшелоне, в плацкартных вагонах. Уже в Чечне, на какой-то станции, пересели в грузовики. Представьте, конец июля, жара. А мы в сферах – это такие наски весом три килограмма, с металлическими пластинами, а сверху – тряпичные. Духота! А везли весь день.

Совсем другая земля.

Я еще в поезде стал смотреть, как меняется природа. Были леса, постепенно деревья исчезли, пошли степи, потом – кусты, орешник...

Я раньше думал, что так только в кино бывает: человек вдруг теряет оттого, что вокруг него ни берез, ни сосен; и он чувствует, что попал на чужбину. И вот такое же случилось со мной. Как только исчезли наши леса – прямо не по себе сделалось. И потом в Чечне много раз я ловил себя на том, что смучаю по березам... Дома их и не замечаешь, внимания

не обращаешь. А там – тоска, что берез-то нет!

Там природа колючая. Шиповник, орешник, дикая груша – все колючее. Только весной красиво. Когда снег тает, все начинает цвести – вот тогда красиво. А все остальное время – нет. Уже в июне все засыхает и становится коричневым – выгорает... Я не мог бы и дня по собственной воле прожить в том краю! Тоска. Лучше нашего Подмосновья природы нет.

Там вообще все другое. И женщины – хоть мы только издавна их видели, – и нравы местных жителей...

Мы не брали городов и селений, у нашего батальона была цель – оборона уже занятых позиций. Жили в окопах – 16 человек. Офицеров среди нас не было. И все, как в Отечественной войне: блиндажи, коптилки, да еще форма чуть ли не с тех времен... Единственное, наверное, чего тогда не было, а мы «изобрели» – сняли с БТРа аккумулятор, купили на свои деньги магнитофон и крутили кассеты...

Обидно, конечно, слышать, как сейчас говорят о нас: «ободренные солдаты». Но тут нечего возразить. В чем на войну попали, в том и ходили. Теплые вещи получали только в посылках – кому из дома пришлют, кому перепадет из гуманитарной помощи.

Но «помощи», правда, получали немного. В основном она шла тем, против кого мы воевали. То есть мы только по радио о ней слышали: мол, отправила такая-то страна. А то и Россия. Но не своим. А свои ходили в чем придется. Единственный раз получили теплые вещи – вязаные шапки-маски – из Димитровграда Ульяновской области, после того как у нас побывал представитель этого города и написал потом в местной газете статью «Батальоны просят хлеба». Вот люди и отличились.

Хлеба нам тоже не доставало. Это чистая правда, хоть трудно в нее поверить, в наше-то время... У нас де-

ревенских было много – армия наша, как я убедился, в прямом смысле этого слова рабоче-крестьянская. Из богатых семей там ребят редко встретишь. А деревенские хлеба едят – не напасешься. Это я без всякой злобы говорю. Я и сам там стал хлеб есть в любых количествах. Дома такого не было.

Так вот привезут хлеб – едим. Не привезут – без хлеба сидим. Что такое голод, это я тоже узнал в Чечне.

Нитайская тушенка – праздник! В основном же давали кашу. А в наше – черви. Или мышиный помет. Мы сначала думали, добавляют чего-то. Специи, может быть. Но скоро разобрались.

Конечно, так нельзя кормить армию. Я теперь посмеиваюсь: год провёл на Кавказе, а какие там овощи или фрукты – знаю только по московским рынкам. Мы там ничего, кроме наших, не видели...

Стыдно сказать, не брились. В первых, с лезвиями напряженно. Во вторых, с мылом: хозяйственное по счету, банное – редкий случай. А главное, побреешься, весь болячками пойдешь: продезинфицировать-то лицо нечем.

Сейчас смотрю, как гонят по телевизору рекламу мыла «Сэйфгард». Вот туда бы его – хоть бы по кусочку солдату! Да что об этом говорить... Я там впервые в жизни и вошь увидел. Белые-белые – мы их называли «бэтезры».

Война может нравиться только тем, кто сидит наверху и получает от этого прибыль.

А солдатам...

– Там не было такого понятия – первый бой. Потому что, повторяю, мы не нападали, а только отражали нападения боевиков на наши оборонительные позиции. Воюют они ночью. Там вообще жизнь протекает ночью. Днем в Чечне не воюют. И мы к этому приспособились. Унин – как завтрак, завтрак – как унин. Орга-

низм перестроился настолько, что я до сих пор по ночам не сплю.

И первое нападение было ночью. Тревога, нужно выбежать из блиндажа и по оному добежать до «своей» ячейки – отсюда ты должен вести огонь. Окоп идет в сторону «зеленки» – кустов, где засели боевики, отсюда они стреляют. Окоп тянется метров на тридцать. Моя ячейка была последней – ближе всех к этой проклятой «зеленке». И, значит, пока бежишь до нее, вполне вероятно, что тебе навстречу уже бежит кто-то из врагов.

Вот этот страх я и помню. Бегу, автомат перед собой держу, чтобы в случае чего сразу выстрелить. Но нельзя сделать этого раньше времени – вспышкой выдашь себя, еще хуже будет. Тогда, в первый раз, я и услышал собственное дыхание. И узнал, каким громким может быть сердцебиение – собственное сердце слышишь со стороны – будто оно чужое.

Потом страх ушел... Но всему привыкаешь. И к страху привык. Научился воевать спокойно – если вообще применимо такое слово к понятию «воевать»...

Но к чему невозможно привыкнуть, так это к тому, как люди стреляются. И стреляют друг в друга. Наши, свои ребята...

Кто-то получил письмо из дома, а там дурные новости; и нет никакой возможности помочь близким. И вот от этого бессилия солдат может застрелиться. Ного-то «внеуставные отношения» достали – там этого «добра» тоже хватало. А кто-то, в бунвальном смысле, с ума сошел...

В себя стреляют – трудно понять, но можно. А когда в другого, в своего же? С офицеров солдатские трупы «списывают». Как списывают в нонторах имущество. В Чечне говорили: «Солдата списать легче, чем автомат».

Вот с этим невозможно смириться.

Убивал ли я? В упор – нет. А так – неизвестно. Мы же стреляем ночью, по «зеленке», боевинов в ней не видно, только слышно. Утром там трупов не остается: чеченцы всегда уносят с собой убитых.

Так что не знаю, убил я кого-нибудь или нет. Мне так легче.

Панического страха я на войне не испытывал. Но моменты, когда пуля пролетала в двух миллиметрах, были. Однажды мы едва не взорвались всем отрядом. Пришел КамАЗ полный боеприпасов. И встал неразгруженный возле нашего лагеря. А тут кас и обстреляли из минометов. Так вот один снаряд едва не задел машину. Еще чуть-чуть, и был бы такой взрыв, что вряд ли мы теперь с вами разговаривали...

– Когда кто-то из ребят уходил, демобилизовался – все радовались. Никто не завидовал. Поздравляли друг друга, разряжали автомат в небо... Блатных в Чечне не было, они туда просто не попадали, их вовремя «отмзывали», а те, кто воевал, нахлебался войны по горло. И это справедливо, что он уходит, даже если я остаюсь. Такое у нас было отношение друг к другу. Хотя там высокие слова не произносились.

Сейчас меня некоторые спрашивают: совершали ли там ребята подвиги? А для меня этот вопрос дико звучит. Мы такого слова не употребляли. Это не та война, в которой оно может быть применимо. Потому что знать не знаешь, за что воюешь.

А друг друга спасали, это было. Помню, речка, над которой стояли лагерем, поднялась и подмыла все блиндажи. Сверху льет, намни с гор ползут, а внизу наши машины. И одну понесло... С солдатом-шофером. Наш майор бросился, вытащил солдата... Наверное, это подвиг? Но там он воспринимался как обычный военный случай. И на награды никто не претендовал...

Не знаю, справедливо ли говорить, что армия разлагается. Военная организация больна – так точнее. Нет обеспечения, нет программы обучения, должной подготовки... Нет у армии престижа, как было раньше. Но люди-то остались людьми. Они не утратили человеческого в этой войне. Те, кто там был... А про тех, кто искал в ней выгоду, я не знаю.

Мне, в общем-то, повезло. Ребят, близких мне, из нашего блиндажа, на моих глазах не убивали. Из роты – да. И из других рот тоже. Но мои, слава Богу, живы.

Но вот я в Москве, а они еще там. И это не дает мне покоя. Я все время думаю, как они, чем же для них окончится эта война? Все время думаю: когда их отпустят? (Мы разговаривали в августе... – **Н.Ф.**)

Там дней не помнишь. Какое число – без разницы. Нет необходимости знать, какой сегодня день – воскресенье или среда. И зачеркивать дни до дембеля в календаре – тоже бессмысленно: ты все равно заложник – когда надо, тогда отпустят. От тебя тут ничего не зависит.

...Мне «повезло». Однажды утром ни с того, ни с сего вызывает командир роты.

– Ты, наверное, знаешь, – спрашивает, – что у твоего отца было большое сердце?

– Нет, – говорю, – он редко болел. Он вообще-то здоровый человек.

А командир опустил глаза.

– Короче, у тебя отец умер.

И я расплакался...

Оказывается, он умер неделю назад. Мама сразу послала мне телеграмму, но почему-то мне ее не показывали.

За это время учителя из школы, где я учился, вышли на Комитет солдатских матерей, и уже Комитет обратился к нашему командиру с просьбой уволить меня из армии, отпустить домой навсегда. Если бы не это ходатайство, меня, скорее всего, отпустили бы только в отпуск. Хотя

все срони службы уже прошли: призывали на полтора года, а прослужил я девятнадцать месяцев.

— Возможно, вас удивит, но признаюсь честно: если бы не отец, я, наверное, остался бы в Чечне и после демобилизации. Остался бы как контрактник, по собственной воле. Просто я там открыл еще одну вещь: человек, как собака, но всему привыкает.

Особенно четко я вижу это теперь. Я чувствую, как я переменялся. Пренде не замечал, думал — я такой же, как был. А когда вернулся домой...

Конечно, и жизнь в Москве на месте не стояла. Мне, например, казалось, что миллион рублей в месяц — оклад контрактника, — огромные деньги. А на гражданские оказалось, это мизер. И работа с окладом в миллион моих ровесников не устраивает. Хотя это совсем другая работа — мирная, безопасная, не то, что в Чечне.

Когда я там был, казалось, что война действительно интересует моих сограждан — в том смысле, что они пытаются остановить ее. А в Москве вижу: все живут своей жизнью, всем все до лампочки. Телевизор смотреть противно: показывают Чечню, раненых, убитых — и тут же глупые клипы о красивой жизни.

Здесь я чувствую себя диним. Перехожу дорогу на Китай-городе, вдруг машины со всех сторон. Никто тебя не видит. Я прыгаю между ними, как заяц. У меня такое ощущение, будто сам я только что с гор спустился.

Раскрепощенные девушки, юбки — мини. Когда уходил в армию, таких почти не носили. Или я зевнул?..

Подойти, познакомиться я уже не в состоянии. Занат, снован — мне трудно стало общаться с людьми... Меня шокирует то, что раньше было привычным. Витрины магазинов, богатая и беспечная публика; веселятся, ходят на дискотеки, сидят в кафе. Раньше я, в общем, любил лю-

дей, а теперь виню их насвободу; и в нарядом — интерес только к своей персоне, больше ни к кому. И слушает он тебя только по долгу службы. Или из вежливости. И понимая это, я замынаюсь, ни с кем не хочу общаться.

Еще в Чечне думал, что вот вернусь домой, восстановлюсь в институте, буду учиться. Но там же, помню, увидел у одного парня учебник тригонометрии, попросил дать мне позаниматься. Открыл — и все незнакомое. Все забыл. Ни одной задачи не понимаю. Теперь к этому чувству добавилось еще одно: да я просто не вписался в студенческую компанию! У них в институте совсем другая жизнь, она мне теперь чужая.

Ощущаю себя потерянным во времени. С одной стороны, мне 20 лет, совсем вроде бы мало. С другой — я так много знаю, что жить дальше неинтересно. «Гражданским» я словно бы остался в том дне, когда уходил в армию — нового опыта мирной жизни ведь не прибавилось.

И надо, казалось бы, второй раз «стартовать» с той же отметки. Но вот я стою на ней и понимаю, что мне уже ничего не хочется.

И еще я понимаю, что все два года я накапливал сплошные потери...

Вот вы спрашиваете, смогу ли я полюбить? И мысленно я моментально отвечаю вам: нет! Сейчас — не могу. И дело не только в том, что девушка, которая мне писала, вышла замуж. Это могло случиться и не будь я на войне... Просто теперь я стал смотреть на девушек цинично и даже с легким презрением. По-другому не получается. Даже если мне понравится кто-то, тут же мысленно стараюсь ее опорочить. Говорю себе: все женщины проданные. Все корыстные. Не дай Бог к кому-нибудь привязаться — разочарование будет горьким.

А мне надоело разочаровываться...

Про «белые колготки» не могу забыть. Слышали про таких девушек-

снайперш, воюющих в Чечне на стороне боевиков? Больше всего поражает дане не то, что они убивают – хотя это тоже шокирует: как потом с этой девушкой жить под одной крышей? Больше всего ужасает, что они убивают за деньги. Их лишь деньги интересуют... Я понимаю, что про всех так думать нехорошо. Нельзя... Во мне слишком много скопилось злобы – и теперь надо терпеливо ждать, когда она отпустит меня.

...Впервые я сам испугался этого еще в Чечне, в новогоднюю ночь. Мне вдруг показалось, будто в меня вселился сатана. Это было совершенно нехорошо, ведь мы с ребятами так старались устроить настоящий Новый год, настоящий праздник. Сладости из посылок накопили, фейерверк пускали, всяких шуток напридумывали. Счастливыми хотели быть в эту ночь – ведь, говорят, как встретишь год, таким он и будет.

А я сижу и не могу побороть в себе злобу. Парень рядом со мной это заметил. «Юра, что с тобой?»

– В меня сатана вселился, – говорю я.

Он мне чаю дает. «Да брось ты – глупости». А я чувствую, он меня понимает: с ним, может быть, тоже такое было. Просто он смог это не показать. А я не смог. И теперь стараюсь хотя бы не вспоминать – ни об этой ночи, ни о других.

Я вообще стараюсь не вспоминать о Чечне. Отстраненно смотреть, что там происходит, по телевизору. Но отстраненно не получается. Молю Бога, чтобы там все закончилось навсегда, чтобы все вернулись живыми.

И ловлю себя на том, что живыми вернуться – мало, надо еще – людьми...

Хуже всего бессонница. Если она оттого, что на войне спутались день и ночь – тогда ладно, пройдет. Но если я снов боюсь? Не спрашивайте, на них. Я стараюсь забыть их тут же. Только просыпаюсь в поту. Все равно – в поту. И на сердце – тяжесть.

Но, в общем, я знаю, что надо жить. По контракту вернуться в Чечню нельзя. И ни на какую другую войну – нельзя. Мама правильно говорит: «Ты нам нужен».

Дом сейчас весь на мне. Надо поднять младших сестер и братьев. Надо устроиться на работу, и я ищу ее.

Оназдалось, что и это не так-то просто. Два года дали мне очень много, но не дали главного для сегодняшней жизни – профессии. Можно пойти охранником, в какую-нибудь коммерческую структуру – и этим выбор исчерпывается.

Значит, снова замуфляж, снова в рунах оружие?!

Но другого способа заработать деньги, чтобы поднять семью, у меня, к сожалению, не проглядывается.

И от этой обреченности еще хуже...

– Когда я воевал в Чечне, нам обещали золотые горы. В смысле всяких льгот как фронтовикам. Мне много не нужно. Но ссуду на жилье моей семье я бы взял. Нас ведь шестеро в обычной двухкомнатной квартире – это тяжело всем, и маленьким, и мне.

Так хочется, чтобы мои близкие были счастливы!..

Но про ссуду никто не жепает слушать. Ни в одной инстанции, где я был, меня не поняли. А военном отрезал: «Про какие такие льготы ты говоришь? Ты же не афганец, не воин-интернационалист. Ты же воевал в пределах России!»

То есть не на войне?

Выходит, что так. Но тогда объясните мне, где я воевал? И в кого стрелял? И кто стрелял в меня и в моих товарищей?

И почему рвались мины рядом? С какой «невойны» возвращаются мои сверстники без ноги, без руки, без глаз? Где же мы полонили тысячи жизней?

И за что положили?..

НАТАЛЬЯ ПОРОЩИНА

ПОСРЯЖА

наверное, потому такая впечатлительная, что у меня плохая память. В самом деле, всякий раз, когда что-то происходит – пусть я подобное уже переживала и раньше, может, неоднократно, – моя восприимчивая душа неизменно откликается на событие как в первый раз. Память же – это разборчивое животное – отсеивает некоторые переживания, кои, по всей видимости, оседают в ее закромах, и с надобностью, а порой и без оной, вытаскивает на свет то забытую, как мне казалось, встречу, то мимолетное переживание, происшедшее лет десять назад и заваленное в тех самых закромах поздними, более сильными впечатлениями, то боль, что затаилась и, как выясняется, совсем не утихла.

Помню совсем отчетливо, как впервые увидела его. Во всех подробностях, его одежду – джинсы, потертые выше колен (как позже выяснилось, от руля), клетчатую рубашку в красно-черных тонах, темные ботинки, на одном пыльный теплый след, словно напоминание о лете, о жаре, проселочной дороге. Хотя давно уже стояла осень, и солнце, осветившее город, явилось для москвичей совершенно неожиданным подарком.

Словно на фотографии: он подошел ко мне с пустячным вопросом (что-то о курсовой), я стою с подругами, но уже вижу только его, серую голубизну глаз, уцелевший после бритья на щеке черный еле видимый волосок (как нестерпимо тут же захотелось потрогать его упругую колющую жесткость!), дальше следующий снимок: его рука на моем плече, и подруг рядом нет – исчезли.

Зато Лика... Здесь кинематограф. Сначала затемнение, потом яркий свет, и она в кругу этого света – истонченная лучами, почти небесно прозрачная, ангельская. И вновь затемнение. Совершенно не помню ни знакомства с нею, ни той грани, которую мы, не глядя, перешагнули и которая отделяет приятельство от настоящей дружбы. Сразу – совместные поездки, походы (именно походы – затяжные из вечера в вечер) по театрам, кино, выставкам, упоительные споры о живописи и графике, книгах. Мы зачитывались Буниным, Пастернаком, Набоковым, Чеховым. Как все это стало немодным сейчас в эпоху криминала и разрешенного секса! Но тогда...

Мы с Алешей учились на медицинском, а у Лики и профессия была эфемерная – искусствовед, по тем временам престижная, блатная. Помнится, действительно, родители ее были номенклатурщики, и как следствие – образование, безнадежно изысканная одежда, но все это фоном. Главное – наша дружба, тройственная чистая любовь.

Алеша сделал мне предложение еще до вторжения Лики в нашу жизнь, это безусловно, и как человек слова, не мог изменить своего решения. Лика же была моим свидетелем на свадьбе. Мы много шутили, смеялись в тот день, и я совсем – абсолютно! – не замечала той сквозной боли, которая начиналась в глазах Алеша, проходила через меня и углублялась в Лику. Это пришло позже – осознание чужой боли, что подобно острому ветерку пробегает по кончикам пальцев.

Отметить торжественное событие пришло много народу. Дом – однокомнатная клетушка – наполнился до предела, но тесно не было, было жарко, хмельно, весело, мы заглядывали в завтра, строили планы, пили, как водится, за здоровье молодых и кричали «Горько!». Только Лика в эти моменты исправно отворачивалась, то нагибалась за салфеткой, то ковырялась в салате, то в задумчивости смотрела в вечеряющее окно. Но я не испытывала злорадства, таких чувств не было в нашем союзе, и мстительность за ее хрупкость, утонченность, устроенность никак не могла поселиться в моей душе. Нет! Напротив. Мы продолжали встречаться, конечно, не так часто, как прежде. Учеба сменилась работой, и времени у нас с Алешей, как у людей семейных, оставалось не так много. Лика по-прежнему считалась моей лучшей подругой, мы все так же много спорили о книгах, правда, теперь в основном по телефону, но какая разница, мы выросли, и взрослые заботы постепенно вытесняли то неостановимое легкое течение по жизни, что так свойственно юности. Но мне и в голову не приходило отторгать Ликю от нашего дома! И если она все реже и реже стала появляться у нас, то это уж никак не была моя вина.

26 Она все не выходила замуж, стала вести уединенный образ жизни в своей – ей одной принадлежащей! – квартире. Как же! Ведь ее родители могли позволить себе подарить любимой дочке квадратные благословенные московские метры. Помню, как, столкнувшись на улице с институтской знакомой, мы после бурного обмена приветствиями (А ты как? Где? Замужем? И сколько уже первенцу?) случайно заговорили о Лике, и я выяснила, где теперь живет моя подруга и даже некоторые незначительные факты из ее теперешней жизни. Оказывается, Лика переживала роман с загадочным мужчиной, неотразимым, деликатным – воплощением всех достоинств и всего одного недостатка – он был женат. Все это со скользкими смешками (так и казалось, что она шепчет мне на ухо, прикрывая ладошкой шевелящиеся губы) мне поведала давняя приятельница на улице под общим зонтом – накрапывал легкий невесомый дождик, когда непонятно, то ли воздух просто влажный, то ли все-таки дождь, – зонт не спасал и лицо было мокрым. Я достала платок, вытерла лоб и перед глазами мелькнуло лицо Алеши: он точно так же вытирал лоб – чистый и сухой – когда я заговорила с ним как-то о Лике, а он ушел от ответа, и сейчас я отчетливо поняла, какое чувство тогда увидела в его чертах: замешательство.

Я зашла к ней спустя неделю, сколько было искренней радости при нашей встрече, я, конечно, попеняла ей, что она перестала звонить, и даже намекнула, что, видно, виной тому злодейка-любовь. Лика покраснела, я бы даже сказала, смешалась, ушла на кухню ставить чайник, а я от нечего делать начала разглядывать ее комнату, всю усеянную приметам ликиного характера – милые безделушки, сухие цветы в изящных вазочках, гравюры на стенах, все – с безукоризненным вкусом.

– Тебе нравится? – спросила Лика, входя в комнату и застав меня в разглядывании книжного шкафа.

– Конечно! – слетело с языка. – Ты всегда отличалась повышенной чувствительностью к прекрасному. У тебя замечательный дом.

- Уверена, у тебя не хуже.
- Ты давно не была у нас...
- Ты же знаешь, много дел...

Чтобы скрыть неловкость, мы принялись за чай, помогло, и скоро разговор перекинулся на общие темы, воспоминания, стало легко, и тень надежды, что еще не поздно, все можно повернуть вспять – мелькнула в моем сознании. И я точно помню, что как раз в это мгновение заметила мужские часы на полке возле кровати, точно такие я подарила Алеше совсем недавно на день рождения. Я воровато опустила глаза – тень исчезла, и я спросила у Лики, уставясь в чашку, когда же, наконец, она придет к нам в гости. Договорились встретиться на следующей неделе, и вот я уже у себя дома, накрываю стол, и Алеша беспомощно стоит перед зеркалом, пытаюсь красиво повязать галстук.

Ли́ка пришла около семи, необыкновенно красивая, тонкая – как мне, широкой в кости, всегда не хватало этой ее легкой поступи, небрежного изящества – в светлом костюме, в лодочках, точь-в-точь в цвет сумочки, которую она бросила в передней. Алеша неловко чмокнул ее в щеку, явно смутившись и не зная куда деть руки. Невольно вспомнилось, как совсем недавно на дружеской вечеринке он беззастенчиво обнимал и целовал девиц с нашего курса, которых мы не видели сто лет, и было совершенно естественно, что все мы обнимаемся и целуемся, как когда-то, когда встречались после недолгих разлук.

Ли́ка села спиной к окну, и закатное солнце светило ей в спину, окрашивая волосы в нежно-рыжий цвет. Я суетилась на кухне, меняла блюда, подливала в бокалы вино и с немилосердной ясностью чувствовала, как устойчивая почва медленно уходит из-под моих ног. Я всегда считала себя человеком приземленным, мне было не понять высоких мотивов их отношений, но зато я твердо знала, чего хочу и от чего не собираюсь отказываться.

Вечер завершился, мы слегка опьянели и долго прощались в коридоре с Ликой. Я настаивала, чтобы Алексей поймал для нее такси, она отмахивалась, и я, продолжая пытку, вышла вместе с ними на улицу, ночной воздух омыл лицо, и я, трезвея от наступающего несчастья, не сводила глаз с их украденной любви.

Дальше наступает пустота, темная и тяжелая, с редкими просветами облегчения, когда Алеша неожиданно вовремя возвращается домой, мы вместе ужинаем и даже разговариваем. И опять темно. До того короткого момента, когда однажды утром он, сидя ко мне спиной на разворошенной бессонницей постели, и, прикуривая одну сигарету от другой, не проговорил глухо:

- Больше не могу. Я люблю ее, и ты это знаешь.
- Давно? – спросила я глупо, ответ-то был известен.
- Давно.

Он смял недокуренную сигарету в пепельнице, та рассыпалась в его нервных пальцах.

- Уйдешь к ней? – Мой голос прозвучал неестественно спокойно, наверное, потому, что я проигрывала в голове этот диалог много раз, я знала его наизусть.

- Да.

– Когда?

– Сегодня.

– Дай мне хотя бы один день. – Теперь в моем голосе звучали слезы, но без истерики. – Простимся по-хорошему, это единственное, о чем я прошу тебя.

Молчание.

– Хорошо. Завтра.

Он уехал на работу, а я, не мешкая, позвонила Лике. Мы договорились встретиться недалеко от моего дома – мне во что бы то ни стало требовалось выманить ее из квартиры, чтобы он не смог до нее дозвониться, – и я достала все заготовленное заранее. Записка от Алексея, искусно мной подделанная, и как акт доброй воли – пузырек сильно действующего снотворного, я же на собственном опыте знаю, что такое бессонница от неразделенных чувств.

Мы долго бродили с ней по улицам, иногда замолкая, когда слова иссякали, но потом вновь нас словно прорывало, и мы говорили, говорили, говорили. Пожалуй, никогда я не чувствовала такой близости с ней, как в те незабываемые моменты ее обезоруживающей искренности и моей иезуитской откровенности. Я призналась Лике, что давно знаю об их связи, давно мучаюсь, болею этим. Она же в порыве раскаяния рассказывала мне о муках совести и невозможности прервать это чувство, она так и сказала: «прервать», как говорят о нежелательной беременности, и тогда я тихо произнесла:

– Я ведь на четвертом месяце.

Она замерла, напряглась.

– Алеша знает?

Мне пришлось наклониться в ее сторону, чтобы расслышать.

– С сегодняшнего дня.

– И что?

– Он выбрал семью. Ты же знаешь, как он мечтал о сыне.

– Знаю. – Очень тихо.

Лица повернулась ко мне, лицо странно спокойное, немигающие глаза. Как мне захотелось прижать ее к себе, уберечь это светлое тихое создание, словно не предназначенное для этой жизни.

– Пойду. – Она даже улыбнулась.

И это непонятным образом решило все – я увидела ее, благородную, чистую, незапятнанную, недоступную мне, грубой и земной, и сквозь мутную пелену я, не вмешиваясь, наблюдала, как протягиваю ей записку, затем лекарство, преодолевая звон, слушала свой сладкий живой голос:

– Помогает... Успокаивает... По одной таблетке... – и дальше шепот ей в спину: – Прости.

Алеша промаялся со мной весь вечер, он точно чувствовал, как наваливается беда, но я стойко не отпускала его. Когда же нервы его все-таки не выдержали, и он, сбрасывая с себя мои руки, вырвался и помчался к ней – в ночь, в звезды, когда, наконец, он непослушным ключом отпер ее дверь, и свет ночника ударил ему в глаза и осветил неподвижное тело на кровати, – Лица уже не дышала.

ПРИГОВОР

Думаем ли мы,
взрослые,
о высшей мере
своей
ответственности,
когда сажаем
в тюрьму детей?

Необходимое предисловие

Они развязны и агрессивны. Они циничны и не имеют никаких внутренних нравственных запретов, никаких комплексов вины...

Мы их боимся. Завидев компанию ребят, стараемся обойти ее стороной. И правильно делаем: по официальным сведениям, из года в год детьми и подростками совершается все больше немотивированных пре-

ступлений, отличающихся особой, дикой жестокостью. Темпы же роста преступности несовершеннолетних опережают даже рост «взрослой» преступности.

В прошлом году только в столице было совершено оноло пяти тысяч преступлений, в которых участвовали 5548 детей и подростков. За восемь месяцев этого года их привлечено к уголовной ответственности уже более 3,5 тысячи...

Судебный очерк

А на учете в московских инспекциях по делам несовершеннолетних (ИДН) сегодня состоит 12315 ребят от десяти до восемнадцати лет...

За последние несколько лет на тему «детской криминальной революции» опубликовано, без преувеличения, тысячи статей, проведено десятки конференций, социологических исследований, «круглых столов» и межведомственных совещаний. Кажется, все причины этой национальной беды определены и названы: начиная с охватившего страну экономического кризиса, развала социальной сферы, государственной системы внешкольных учреждений и кончая «дебилизацией» подрастающего поколения России из-за алкоголизма и наркомании родителей.

Справедливые пламенные фразы – «Чужих детей не бывает! Эти малолетние преступники – наши дети, и все мы за них в ответе» – звучали в контексте темы миллион раз. Все впустую – рост подростковой преступности это не останавливает. Ведь в «контексте судьбы» конкретного подростка замечательные слова про то, что чужих детей не бывает, почему-то забываются взрослыми. А все объективные жизненные обстоятельства, не оставившие мальчишке или девчонке ни единого шанса не стать преступником, – в расчет не берутся.

Достоевский был убежден: даже сторонний человек должен входить в зал суда с покаянной мыслью, что «и он виноват». Наверное, для любого взрослого, входящего в зал, где на скамье подсудимых ребенок, подросток, – такое покаяние тем более необходимо: все чаще сегодня мир взрослых оказывается для своего «младшего мира» недобрым и равнодушным.

В предлагаемом судебном очерке, читатель, быть может, слыш-

ком много дат, сухих юридических формулировок из следственных протоколов и материалов уголовного дела. Но – наберитесь терпения, «побывайте» вместе с нашим корреспондентом в зале одного из московских районных судов. А узнав истории подростков, осужденных от имени государства и общества – от нашего, значит, с вами, читатель, имени! – судите сами: выросли ли мы до «покаяния по Достоевскому»?..

На нарах

В Москве четыре следственных изолятора (СИЗО), или, попросту говоря, тюрьмы. Условия жизни в них людей, дожидаящихся решения суда, который подтвердит окончательно (или не подтвердит) их вину перед законом, иначе как бесчеловечными не назовешь.

Начальник приемного отделения больницы при печально знаменитой в народе тюрьме Матросская Тишина, майор медицинской службы Борис Веселов сказал мне, что число находящихся в СИЗО заключенных в три раза (!) превышает норму.

И в то же время, как официально признал начальник Главного управления исполнения наказаний МВД России Юрий Калинин, примерно 90 тысяч «жителей» следственных изоляторов вполне могли бы до окончания следствия и вплоть до вынесения им судебного приговора оставаться на свободе, дав подписку о невыезде или внеся, как то положено в некоторых случаях законом, денежный залог.

Это было бы тем более разумно, что судебная канитель чаще всего длится по многу месяцев; своеобразный рекорд побил заключенный одной из московских тюрем, который дожидался приговора суда семь лет!

На фоне такого «показателя» два года, что провел до приговора суда в

Матросской Тишине Максим С., возможно, не впечатляют, если бы не возраст Максима. Какое страшное преступление должен был совершить мальчишка, которому едва исполнилось четырнадцать лет, чтобы немедленно отправить его в тюрьму? Где туберкулез и чесотка, где гомосексуализм и прочие «намерные забавы», где едва ли не каждую неделю охранники вынимают из петли взрослых мужиков, не выдерживающих такого существования...

Кроме Максима, по тому же уголовному делу проходили в качестве обвиняемых еще четыре подростка. А само оно состояло из трех, по сути, отдельных дел, объединенных между собой.

Криминальный триптих

ДЕЛО О ГРАБЕНЕ. До конца не начал мать отправила двенадцатилетнего Валерку к бабушке на Красную Пресню. 26 августа 1993 года вечером Валерке страх как захотелось семечек. В такое время – было уже начало десятого – купить их можно было разве что у метро, куда он и отправился. По дороге встретил незнакомых пацана и девчонку. Сели потреться. Валерка уже не помнит, в какой момент Женька (так звали пацана) стал к нему прикалываться: дай, дескать, твою бейсболку поносить, не жмотничай. Потом сорвал ее с Валеркиной головы и нахлобучил на свою. Еще и издевался: «Да ладно тебе! Сказал, отдам. После... А вот штанами давай насовсем меняться, гляди, мои – драные!» Дальше – больше... С этим тщедушным Женькой Валерка бы, наверное, справился, но вот девчонка, Лена... Она всю дорогу Женьку подначивала, а над Валеркой насмехалась. Когда он ей сказал, кто она есть, – залепила ему пару затрещин да еще и ногой пнула. Тут-то Валерка и разревелся – от

злости, от обиды. Стал срывать с себя все подряд и швырять в эту психованную. Остановился только, когда в трусах и футболке остался. Нуртку, рубашку и кроссовки Женька кинул ему назад, добавив к ним и драные свои джинсы. Валеркины же джинсы шестнадцатилетнему парню пришлось впору.

По-настоящему страшно Валерке стало, когда Женька сказал: «Чего стоишь? Вали отсюда!» Он представил, как зайвится сейчас домой, к бабне, в чужой рванине и... поплелся вслед уходящим обидчикам: монет, удастся все-таки свои штаны назад получить?..

Из показаний свидетельницы В.: «Мой внук, Валерий Ч., пошел за семечками к станции метро, а вернулся домой только на следующий день в чужих старых брюках (рваных), без бейсболки и носков. После чего я повела его в 43-е отделение милиции, чтобы сделать заявление...»

Профессионального энтузиазма это «дело о грабене» в 43-м отделении милиции не вызвало с самого начала: Пресня – далеко не самый спокойный в Москве район, и действительно тяжелых дел у сотрудников отделения хватало и без «бейсболки». Решили даже не возбуждать по такой мелочевке уголовного дела. Однако зампрокурора района с этим не согласился: «Преступление, предусмотренное статьей 145 ч.2, относится к числу тяжких... прошу принять решение в соответствии с законом». Дело – «в соответствии с законом» – возбудили, объявили Евгения Л. в розыск. Вновь оно выплыло на белый свет через полгода, когда работники уже другого, 54-го отделения милиции задержали Евгения Л. по обвинению в краже. После чего следователь, на котором с прошлого года «висела грабенка», с восторгом ее и передал коллегам в Хорошевский район для объединения с делом о краже.

ДЕЛО О КРАЖЕ. В этом преступлении, в отличие от случившегося с Валеркой, пострадавшие стороны до самого последнего момента оставались вне «сценического действия», и потому – ни особого драматизма, ни напряженного противостояния «преступники – жертвы» в происходящем не было.

...А был поздний зимний вечер, продрогший спальный район Москвы, светящиеся в режиме экономии уличные фонари и четверо подростков под ними. Уже упоминавшиеся Максим С. и Евгений Л. и два двоюродных брата – Дмитрий и Алексей П. Четырнадцатилетний Дима – из всей четверки только он один не состоял на учете в ИДН – поругался с родителями, удрал из дома и вот уже несколько ночей провел в подвале, где задолго до него «обустроился» Женяна.

32
Вся кража заняла у подростков тридцать пять минут. Этого хватило, чтобы вскрыть отверткой дверцы четырех припаркованных у соседних домов машин и забрать из них автомобильные зеркала (общим количеством 8 штук) и шестнадцать аудиокассет (общей стоимостью 16 тысяч рублей). Попались они владельцу четвертой машины, были задержаны милиционерами и доставлены в КПЗ ближайшего отделения. Все похищенное было возвращено потерпевшим уже на другой день, и от материальных претензий они отказались, заявив, что причиненный ущерб для них незначителен.

Тем не менее уголовное дело было заведено, и для всей четверки, обретавшейся два дня в камере предварительного заключения, следователь с благословения прокурора определил дальнейшие меры пресечения. С Димы была взята подписка о невыезде, и его забрали домой примчавшиеся родители. Евгения (не работает, не учится, бомж, ранее уже обвиненный в грабеже и находящийся в розыске) и Максима (нигде

не учится, отзыв инспектора ИДН отрицательный) отправили в Матросскую Тишину.

А вот ровеснику Евгения, шестнадцатилетнему Алесею, учившемуся в ПТУ, повезло: его, как и Диму, оставили на свободе. Несмотря на то, – ну, хоть убейте, не видно в таком развороте никакой милицмейской логики! – что он в это же самое время уже находился под подпиской о невыезде, выступая в качестве обвиняемого в судебном процессе об угоне автомашины. Приговор суда (один год условно с отсрочкой исполнения приговора) ему был вынесен буквально через день-два после его выхода из КПЗ. И это странное «везение» обернулось позже большим невезением для всех его «подельников» по краже зеркал и «примкнувшей к ним» (по эпизоду с грабежом Валерки) девочки Лены. Потому что ровно через восемь месяцев, в октябре, когда в Хорошевском суде уже шел вялотекущий процесс по объединенному делу о грабеже и краже, Алексей совершил еще одно преступление.

ДЕЛО ОБ УГОНЕ ЛИЧНОГО АВТОТРАНСПОРТА. Суть его можно передать несколькими фразами. Дело было вечером, делать было нечего. Решил «покататься на тачке», вскрыл все той же отверткой дверцу «жигуленка». «Понатался» всего с часон, когда на соседней улице его тормознул милицкий наряд. На Алексея было заведено еще одно (!) уголовное дело. Но даже и тогда его (напомню: уже условно осужденного и выступающего обвиняемым в происходящем судебном процессе) оставляют на свободе: несовершеннолетний-де, учится в ПТУ...

Такой же несовершеннолетний Евгений Л. и еще более несовершеннолетний Максим С. отсидели к тому времени в Матросской Тишине уже восемь месяцев. Нет, не спрашивайте меня о милицмейской логике!..

Самый нескорый суд в мире

Судебный процесс вела народный судья Л.Калинина: практически все уголовные дела по несовершеннолетним, поступающие в Хорошевский районный суд Москвы, передаются Людмиле Николаевне.

Первое судебное заседание по объединенным в одно дело грабежу и краже автомобильных зеркал состоялось в июне 1994 года. Последнее, на котором и был, наконец, вынесен приговор, – в январе 1996 года.

Из-за чего, собственно, происходит судебная волокита, о которой мы все столь наслышаны, что часто предпочитаем наплевать на обиду и на своих обидчиков, «лишь бы не связываться с судами»? Пожалуй, самая основная причина – неявка в суд участников процесса. Но если вместо заслушивания не пришедших по судебной повестке свидетелей и потерпевших, суд вправе удовлетвориться их показаниями, имеющимися в деле, то неявка кого-то из адвокатов или обвиняемых ведет к срыву судебного слушания.

Протокол самого первого судебного заседания по делу о грабеже и краже заканчивается словами: «Слушание дела отложить». Эта же фраза, лишь с другими датами – в конце всех последующих протоколов: в суд не являлись свидетели, потерпевшие и – главное! – адвокаты.

(По российскому законодательству, любому несовершеннолетнему, обвиняемому в преступлении, в обязательном порядке назначается государственный, бесплатный защитник. Для адвокатов такое назначение, не сулящее ни денег, ни славы, – как кость в горле. И если учесть, что одновременно с этим они работают (уже не бесплатно) еще в нескольких судебных процессах, если даты заседаний по двум разным делам – «плат-

ному» и «бесплатному» – совпадают, ясно, интересами какого из них защитник пожертвует). Адвокаты подсудимых подростков болели, отгуливали отпуски... Двое из пятерых их подзащитных все это время продолжали сидеть в Матросской Тишине...

В ноябре 1994 года перестала являться на судебные заседания Лена, поначалу оставленная на свободе под подписку о невыезде. По решению судьи ей изменили меру пресечения на арест и доставили в Бутырскую тюрьму.

В декабре судебный процесс вступил в новую стадию: следствие по факту октябрьского угона машины Алексеем П. было окончено, его уголовное дело направили в Хорошевский суд и объединили с уже рассматривавшимся там в течение полугода делом о грабеже и краже. Вслед за этим обвиняемый П. счел для себя за лучшее наплевать на данную им подписку о невыезде и ударился в бег.

Вот тогда вкунулось всем ребятам то «везение» Алексея, вот тогда обернулась против них та странная логика, с какой правоохранительные работники расставляли запятые во фразе «сделать нельзя подписку о невыезде!» Потому что, установив (на что потребовалось полтора месяца!) факт «пропани» одного из обвиняемых, суд вынес определение: Алексея П. объявить в розыск, изменить ему меру пресечения на арест; слушание же дела – приостановить. Для остальных подсудимых подростков – и тех, над кем дамочным мечом висела подписка о невыезде, и тех, кто дожидался приговора суда в тюрьме, – последнее означало: пока не возобновится слушание, ничто в их положении не изменится.

Ничего и не менялось. Целых девять месяцев...

Лишь в конце октября 1995 года (!) судья Калинина, назначив за-

седание, вынесла определение: поскольку мероприятия по розыску Аленсея П. результатов не принесли, выделить его уголовное дело о краже автомобильных зеркал и угоне машины в отдельное производство.

После этого из-за неявки потерпевших и адвокатов было сорвано всего одно судебное заседание. Двух январских дней 1996 года хватило, чтобы начать и благополучно завершить судебное слушание. Третий день потребовался, только чтобы вынести приговор.

Три дня. И – девятнадцать месяцев...

Комментирует эту жестокую разницу во времени Николай Юрков – юрист, судейский стаж которого более двадцати лет.

– О роли адвокатов в том, что процесс оказался неоправданно затянут, уже сказано. Поэтому отмечу другие «вешки» в нем, когда, обернись ситуация иначе, и сроки суда сократились бы. Во-первых, не следовало присоединять дело об угоне, только что переданное в судебное производство, к делу, что уже много месяцев находилось в стадии судебного слушания: это априори означало увеличение сроков. Что, собственно, практина и подтвердила. Во-вторых, судья безусловно должна была выделить дело Аленсея П. в отдельное производство сразу после того, как объявила сбывавшего парня в розыск. Как можно приостанавливать слушание на целых девять месяцев, зная, что несовершеннолетние (нашими бы дурными они нам ни казались – не убийцы ведь, не насильники!) находятся в тюремной камере?! Как судья могу сказать: получив и изучив дело, начал бы с того, что рассмотрел вопрос об изменении меры пресечения для ребят, оказавшихся в Матросской Тишине. Признаться, не уверен, что решил бы его положительно в отношении Евгения – тут тяжелый случай, конечно: шест-

надцатилетний парень, бездомный и беспризорный – куда бы он, уже объявлявшийся в розыск, из тюрьмы направился? А с Максимом друзей – и преступление его не Бог весть какое страшное, и судим он раньше не был, и дом, и мама у него имеются. Что было делать этому четырнадцатилетнему ребенку в тюрьме? И что с ним там могли сделать... Не понимаю, почему адвокат Максима не подала судье жалобу с требованием изменить ему меру пресечения? И не таких ведь «матерых преступников», как этот пацан, судьи выпускают сегодня из тюрем под подписку...

Я задавала этот же вопрос государственному защитнику Максима. Ответ: «Это было безнадежно – у подзащитного были плохие характеристики», – признаться, поназался неубедительным. Спросила и у народного судьи Налининой: «Вы пошли бы на изменение для Максима меры пресечения, если бы адвокат выступил с таким ходатайством?» Людмила Николаевна ответила искренне: «Едва ли! У меня уже тогда одна обвиняемая (Лена Н. – Г.Б.) процесс неявками срывала, а я еще и этого выпустила бы?!»

...Уловить в любом судебном приговоре смысл его длинных юридических формулировок, перемежаемых бесконечными ссылками на неведомые для неподготовленного человека статьи законодательства, – задача тяжелая. Поэтому о том, какие наказания получили ребята, скажу «своими словами».

Евгения Л. суд признал виновным в двух преступлениях – грабеже и краже. По их совокупности он был осужден на два года и один месяц лишения свободы во взрослой исправительно-трудовой колонии (восемнадцать лет ему исполнилось в тюрьме). Елена Н. «проходила» только по грабежу, ее срок лишения свободы составил один год и три месяца в воспитательно-трудовой коло-

нии для несовершеннолетних. В зачет этих сроков Женьке пошла Матросская Тишина, а Лене – год в Бутырне.

Дмитрий П. и Максим С. были признаны виновными в краже автомобильных зеркал, за что и получили по два года лишения свободы в колонии для несовершеннолетних. Однако и на того, и на другого распространялась амнистия, объявленная еще 23 февраля 1994 года в связи с принятием Конституции России и освобождающая их от наказания.

Потому с Максима сняли наручники и отпустили на свободу прямо в суде, под рыдания мамы и бабушки. После этой сцены «амнистирующая» строчка из судебного приговора Максима: «От назначенного ему наказания в виде лишения свободы сроком на два года – освободить», – поназалась отвратительным фарисейством. Ибо она ему «дарила» всего тридцать пять дней... Простая тут арифметика: к моменту своей амнистии мальчишка уже отсидел 695 дней. И не в колонии для малолеток, а в страшной Матросской Тишине...

Вначале, беседуя с судьей сразу после вынесения приговора, все не могла понять: что так тревожит меня в нашем разговоре? Поняла чуть позже, когда речь зашла о только что осужденной Елене, которую в те минуты спецфургон вез из суда обратно в Бутырку.

Минимальный срок, который, как сказала Людмила Николаевна, она могла бы определить Лене, – один год. Но тогда, подумалось мне, Лена (хотя ее «грабёжная» статья не подпадала под ту амнистию), как и Максим, сегодня же была бы освобождена: «зачетный» то год в Бутырке истек еще месяц назад. Спросила судью Калининну, отчего же такой «странный» у девочки срок: год и еще три месяца? «Пусть посидит, – ответила Людми-

ла Николаевна, – подумает о жизни! Я не люблю лживых детей. Сколько раз она мне процесс срывала... Да и куда она пойдет? Мать ее умерла, пока она в тюрьме была. Квартиру-то за ней, кажется, закрепили, но... Представляю, что там будет, в той квартире, когда она вернется!»

Шутила так судья, что ли?.. Да нет, не шутила, дошло до меня, наконец. Просто ей всех их – и Лену, и Женьку – совсем, кажется, не жалко.

Конечно, я понимаю: жалость – лишний советчик. Единственный судье указ при вынесении приговора – это Закон. Но когда приговор уже вынесен – без гнева и пристрастия! – когда он уже оглашен?.. Да, лживые, неразвитые, агрессивные. То, как измывались они над двенадцатилетним Валеркой – отвратительно! Любить таких, как Женька и Елена, трудно, почти невозможно. А вот не пожалеть, уверена, – грешно. И услышь я жалость эту – самую обычную, человеческую – в голосе Людмилы Николаевны, окончательно и безоговорочно уверилась бы в справедливости вынесенного ею полчаса назад приговора. Ведь читала она в материалах уголовного дела, как жестоко складывалась у них жизнь, как обречены были – и судьбой, и людьми – стать такими, какие они есть.

По поводу их судеб в судебном приговоре в пору частного определение выносить. Да только в какую инстанцию направлять его? Зато можно попытаться вынести такое «частное определение» в журнальной статье: ее адресат известен и точен.

Частное определение

В истории всех этих ребят, которых жизнь свела в одном судебном процессе, в большей или меньшей степени присутствуют одни и те же

«компоненты» чужой – взрослой – вины за то, что с ними произошло.

Почему, думалось мне в зале суда, рядом с этим пареньком с пострадавшими глазами – Мансимом, не сидит на скамье подсудимых его давно не работающий отец-алкоголик? Тот, который бил сына и успел до того, как жена прогнала его прочь, из спокойного добродушного мальчишки сделать замкнутого, молчащего непокорного бунтаря... Почему здесь же, хотя бы на местах для свидетелей, нет людей, называющих себя педагогами? Тех, которые в ответ на мольбу матери двенадцатилетнего Мансима: «Помогите, я теряю сына! Прошу вас...» ответили: «Мы аттестуем его за шестой класс лишь в том случае, если вы прямо сейчас же напишете заявление о переводе сына с нового учебного года в другую школу и заберете его от нас»...

Почему инспектора ИДН, чья помощь подросткам свелась к двум-трем «профилактическим беседам о недопустимости правонарушений», смеют думать, что их профессиональная и человеческая, гражданская совесть чиста?

...В железной клетке зала суда сидели дети. У которых, если повнимательнее вчитаться в материалы их уголовного дела, не было ни единого шанса стать другими. Взрослый мир не дал. Не захотел, хотя и мог. Но вины за то ничуть не испытывает.

ЖЕНЬКА. Судьба у него пропадающая. От самого рождения...

Из заключения медиков детской психиатрической больницы N 6, проводивших по ходатайству следствия по уголовному делу Евгения Л. экспертизу: «Женя родился преждевременно, несаревым сечением, в асфиксии (удушьи), два дня был на аппаратном дыхании, развитие с задержками. В восемь и девять лет получал сотрясение мозга. Страдает неврозоподобным энурезом (недержание мочи)... В декабре 1985 года

осмотрен психиатром. Поставлен диагноз: «...Олигофрения в стадии дебильности».

Как может складываться в нашем отечестве жизнь ребенка, мать, дед и дядька которого алкоголики (отца он вообще не знает)? Как к нему, «спокойному олигофрену», относится общество – в лице своих граждан, а государство – в лице своих служащих?

Из протокола допроса обвиняемого Евгения Л.: «В школу я пошел с шести лет. Мать пила и часто не ночевала дома, по этой причине я не посещал школу. Остался в первом классе на второй год. Во втором классе меня направили к психиатру. После этого перевели в 13-й интернат для дебилов, где я окончил четыре класса. Были случаи, убегал домой, к матери, так как спучал по ней. Ночевал у знакомых, попадал в приемник-распределитель, откуда меня доставили уже в другой вспомогательный интернат. Тогда же направили в психбольницу N 6 на три месяца. Потом снова отправили в психушку под Москву...»

Да кому он был нужен, этот ребенок – сын алкоголички?!

С учебкой Женьки, разумеется, «завязал», так и не научившись толком читать-писать. Поселился у деда на Пресне, где они с матерью и девятилетней сестрой Мариной были прописаны, поскольку прежнюю их квартиру мать успела продать. И где, с нем она теперь «шалашилась», Женька не знал.

Дед тихо пил и тихо умирал, пока не умер в начале лета девяносто третьего. Тут же объявилась мамаша. Квартира была немедленно продана. Больше мальчишка ни мать, ни сестру никогда не видел...

Вот, собственно, и вся Женькина история. Потому-то, покрутившись у знакомых пресненских алкоголиков, пускавших переночевать, он нашел с февраля приют в подвале дома Мансима, который его хоть

поднармливал. А 13 февраля после кражи зернал оназался уже за решеткой.

ЛЕНА. Рассказывать ее историю, закончившуюся в Бутырке, нет никакой необходимости: она по сути та же, что и у Евгения. Разве что квартиру ее пьющая мать не продала. Не успела – умерла, пока дочь была в тюрьме.

Они словно под копирку писаны – судьбы Женьки и Лены. И диагнозы у девочек те же – олигофрения в стадии дебильности, энурез неврозоподобный. И характеристики инспектора ИДН, выданные следствию, одними и теми же фразами составлены. Собственно, и инспектор была у Евгения и у Елены одна и та же. (Я звонила в ИДН 43-го отделения милиции, хотела договориться о встрече, но мне сназали, что «инспектор Ивашкова тут больше не работает, уволилась: надоело». И педагоги вспомогательного интерната N 13 – те же, написавшие в характеристине на воспитанницу фразу, которая меня, признаться, потрясла своей «изыснанностью»: «Педагогический коллектив расценивал поведенческую сферу Лены как результат отсутствия должного домашнего воспитания»... Наново? Будто не ведали, что все домашнее воспитание этой девочки сводилось как раз к «недолжному». А если «не ведали», – нание же тогда они педагоги?..

...Изучая материалы этого – такого типичного для российских судов – уголовного дела, все тверже убеждалась: иного развития судьбы ни у Елены, ни у Женки быть не могло. Не было у них на то ни единого шанса. Тем более – в Москве. Где при равном (точнее, превосходящем) с другими российскими городами и всеями неблагополучии с подростковой преступностью, нет ни одной спецшколы (для ребят до четырнадцатилетнего возраста, склонных к правонарушениям), ни одного спецПТУ (для четырнадцати-шестна-

дцатилетних). Единственная такая спецшкола для «трудных» была закрыта в столице четыре года назад. И с тех пор, как рассказала начальник отдела Минобразования России Галина Тростанецкая, московский министр образования Любовь Незина категорически заявляет: «Пока я на своем посту, ни одной спецшколы в городе не откроется».

Людмила Зобкова, замначальника отдела ГУВД Москвы, в чьем ведении инспекция по делам несовершеннолетних, пояснила: теоретически, чтобы уберечь неблагополучных ребят от совершения преступления, можно направлять их в те города, где есть спецшколы, но... Пятьдесят областей России таких закрытых учебно-воспитательных заведений не имеют по причине бюджетной скудости, а там, где есть такие спецшколы, они переполнены. Если же все-таки удастся получить там место – на содержание каждого «своего» ученика Москва обязана перечислять принявшему его городу или области 43 миллиона рублей за год.

Ну а чтобы «почти задаром – по существующей договоренности» направить четырнадцати-пятнадцатилетнего подростка в подмосковное спецПТУ, он должен, по имеющимся правилам, обладать, как сназала Людмила Ивановна, «здоровьем космонавта». Так что «спокойному олигофрену» Женьке Л. даже этот шанс не светил...

Российским законодательством предусмотрено уголовное наказание «за оставление находящегося в беспомощном состоянии человека без помощи, что повлекло за собой тяжелье последствия».

Вот только кому предъявлять обвинение? Кому инкриминировать эту статью уголовного кодекса за обреченность тысяч таких детей, как Лена и Женька, так и не дождавшихся помощи?

Ни от государства, ни от общества...

РАВНЕНИЕ НА ГЮЙС

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ
Фото **ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ**

**Лавочник или
морской офицер?**

**Лавочник имеет
200 тысяч рублей в день.**

Морской офицер — ...

**И все-таки
тысячи подростков
выбирают море.**

Россия унаследовала от Союза семь из одиннадцати высших военно-морских училищ. За ее пределами остались училища в Бану, Ниеве и два в Севастополе.

Для российского Военно-Морского Флота наиболее болезненной была потеря севастопольских ВВМУ — здесь готовились морские офицеры, владеющие специальностями, связанными с новейшими видами вооружения и оснащения боевых кораблей. Севастопольские училища, на-

Начальник училища
контр-адмирал
Геннадий Ясицкий
на торжественном смотре.

вечно оставшись в летописи славы, фантически закончили свое существование. Списаны из боевого порядка – как списываются отслужившие боевые корабли.

Но кафедры, на которых готовились «самые современные» специалисты ВМФ, Россия сохранила за собой. Некоторые из них переведены в Калининградское Высшее военно-морское училище. Здесь уже созданы новые факультеты.

ДМИТРИЙ ДЕСЯТНИКОВ, курсант IV курса Калининградского Высшего военно-морского училища:

– У нас учатся ребята со всей России. Есть украинцы, казахи, молдаване... Они приняли российскую присягу и заключили контракты на службу в нашем Военно-Морском Флоте.

Но все же примерно половина курсантов – калининградцы. Наш город хоть и отстоит от моря на полсотни километров, но фантически является портом. В Преголю, – реку, на которой он стоит, – заходят морские суда... Неподдалеку – Балтийск – главная база Краснознаменного Балтийского Флота. Еще в Калининграде – пароходство, а по всему побережью области множество рыболовецких хозяйств. И неудивительно, что многие мальчишки бредят морем: любой может по силуэту вдали определить, что там, на горизонте – эсминец или крейсер. И редко кто не знает, что флаг на носу корабля называется гойсом...

Почему я стал не просто моряком – но военным? Наша школа была базовой для подготовки абитуриентов Калининградского военно-морского училища. Военрук – капитан II ранга в отставке Евгений Павлович Батов, офицеры училища вели у нас военно-морские уроки. Словом, «сагитировали» меня.

Я не жалею, что пришел сюда, хотя порядки строже, чем в каком-нибудь вузе. Например, не бывает академических задолженностей. Морской офицер не может получать

двойни! Тех, у кого «неуды», обычно отчисляют и посылают на корабли для прохождения срочной службы... Многие, отслужив, возвращаются, поступают в училище повторно...

Понимаете, здесь интересная жизнь: стажировка на боевых кораблях, морская практика после начального курса, дальние морские походы... Чего стоит учебный переход на «Перекопе» из Новороссийска в Калининград! Он посвящался 300-летию Российского флота. Мы побывали в Севастополе, Варне, Мессине, других европейских портах. На «Перекопе» выстраивались очереди. Мы встречались с зарубежными сверстниками – курсантами военно-морских вузов. А концерты духового оркестра училища под руководством дирижера майора Сергея Арнесова приводили береговую публику в восторг. По итогам этого похода – разрешите уж похвастаться – начальник училища контр-адмирал Ясницкий наградил меня именными часами. Часы, скажу вам, – высший класс! Точность – морская!..

В августе 1948 года Сталин подписал постановление Совета Министров СССР о создании двух высших военно-морских училищ: Первого Балтийского в Ленинграде (впоследствии ставшего училищем подводного плавания) и Второго Балтийского в Калининграде.

Спустя два с лишним месяца из Баку вышли два эшелона с четырьмя сотнями выпускников Военно-Морского подготовительного училища. (Выпускники этого училища обычно продолжали подготовку в вузах, либо отправлялись для службы в младших командных должностях). Весь выпускной бакинский курс командование решило тогда направить в Калининград – к огромной радости самих курсантов.

– Эшелоны шли в литерном режиме, – вспоминает капитан I ранга в отставке Анатолий Семенович Щего-

левых. – Прибыли мы на пустое место: посреди груды развалин стояли только две старые немецкие казармы. Но уже на следующий день начались занятия. А после лекций работали на расчищенных развалинах.

Щеголеватых – один из трех первых выпускников, закончивших училище с красным дипломом. Служил на Краснознаменном Балтийском Флоте, а в конце шестидесятых вернулся в родное училище преподавателем кафедры кораблевождения. Десять лет назад вышел в отставку, но продолжает работать в НВВМУ.

Прослужив немалый срок на боевых кораблях, вернулись в Калининградское училище и другие его выпускники первого набора. Щеголеватых встретился здесь со своими друзьями-однокурсниками Анатолием Передериным, Леонидом Нурандой, Ашотом Даниляном, Николаем Тереховым.

1960 год ветераны училища вспоминают с горечью. Тогда по воле генсека Никиты Хрущева, уповавшего в военном отношении лишь на баллистические ракеты, «ударными темпами» шло сокращение военно-морских сил. «Метла», естественно, прошла и по Калининграду. Первое Балтийское было упразднено...

А в 1967 году – воссоздано.

Вот тогда-то и понадобились его выпускники, имеющие опыт службы на боевых кораблях.

– Мы родились дважды, значит, будем жить долго, – говорит Генрих Николаевич Веприков, капитан I ранга в отставке, начальник музея училища, и его, можно сказать, летописец.

Для музея построили отдельное здание в самом центре училищного городка. Это давняя морская традиция – чтить память о предшественниках. Это почва, питающая тех, кто завтра выйдет в море.

Отдельный зал в музее посвящен знаменитому подводнику Александру Маринеско. Именно здесь возник

один из первых общественных комитетов, добивавшихся увековечения памяти отважного моряка, имя которого стало легендой. Есть уникальные фотографии Александра Ивановича. В том числе сделанные в то время, когда Маринеско отбывал несправедливое заключение в дальневосточном порту Цанано...

С музеем и общественным комитетом связана любопытная история, о которой поведал немецкий писатель и историк Гейнц Шен. (Кстати, он привез в училище только что изданную новую свою работу – объемистую, снабженную большим количеством документов и фотографий книгу «Натастрофа «Вильгельма фон Густова»...)

В январе 1945 года подводная лодка С-13 под командованием А.Маринеско потопила «Вильгельм фон Густов», на котором спасались бегством высокопоставленные гитлеровские чины. Для нацистской Германии затонувший лайнер стал символом национальной трагедии...

Поразительно же то, что Шен, в ту пору девятнадцатилетний, был четвертым помощником капитана «Вильгельма фон Густова». И оказался одним из немногих, кому удалось спастись в холодных балтийских волнах.

– Надо отдать должное немцу, – говорил мне Веприков, – в своей книге, представляющей собой историческое исследование вперемежку с личными воспоминаниями, он беспристрастен и объективен. А приезжая в нашу страну, Шен всякий раз кладет и надгробию могилы Маринеско в Санкт-Петербурге цветы.

Море смывает досаду, горечь и чувство мести...

Был обеденный перерыв. Главный старшина пятикурсник Павел Попов пригласил меня посмотреть, как живут курсанты.

Небольшая комната. Вдоль стен – четыре койки. Одна двухъярусная. Стол. Стулья. Тумбочки. На стенах –

несколько цветных фотографий. Все снимки на фоне Андреевского флага, развевающегося на корме. За ней виден прибрежный город, террасами взбирающийся на склон горы...

— Это снято, когда мы покидали Мессину, — поясняет Попов. — Рядом со мной Олег Глазков. Возле него Ностя Сушков. А это однофамильцы Федоровы, Алексей и Валерий.

Так, вкратце, они и живут в этой комнате. Все — из разных российских городов. И у каждого — тяга к морю едва ли не генетическая. Например, у Попова отец судовой инженер-механик. А Глазков перед училищем успел поработать на судостроительном заводе...

Далеко не все курсанты живут в общении. Можно жить у родителей (разумеется, если ты калининградец) или снять комнату, квартиру (если найдутся средства). Не поназавшему живет почти половина курсантов-выпускников. Подобных вольностей раньше не было. Но морская дисциплина — и сегодня есть. Замеченного в пьянстве отчисляют моментально... И подобные случаи были совсем недавно: тогда резко упал приток абитуриентов и в училище зачислялись едва ли не все желающие.

Теперь сюда — конкурс: трое на место.

Отчего же ребята хотят стать военными моряками? Романтика? Призвание, тяга к морю? Конечно. Но немаловажны и сугубо материальные мотивы. Фундаментальное высшее инженерное образование, что дают в училище, бесплатно — раз. Бесплатное обмундирование, медицинское обслуживание, пищевое довольствие... И еще — четыреста тысяч рублей денежного содержания ежемесячно. Не сравнить со стипендией в гражданском вузе...

Но и проблем, понимают курсанты, у военного моряка немало. Да, для них море — дом. Но пристань на берегу нужна каждому...

Более двухсот офицеров училища нуждается в жилье. А перспективы его получить весьма туманны. Уповать на областные и городские власти сейчас не приходится. Само училище, худо-бедно, но финансировавшее ранее на долевых началах строительство жилых домов, сейчас этого делать не может — нет денег. На территории города зарастает бурьяном нулевой цикл внушительных размеров. Здесь должен был появиться новый училищный клуб. Но он и по сей пору — в старых немецких конюшнях...

На президентском, парламентском, правительственном и министерско-ведомственном уровнях сочинена масса вроде бы хороших документов, направленных на решение жилищной проблемы офицеров и сверхсрочников. Но из всех этих документов пока можно разве что клепать бумажные кораблики.

Многих, например, обнаденил президентский Указ и постановление правительства, касающиеся возмещения расходов по строительству индивидуального жилья. Десять офицеров училища, доверившихся этим документам, купили землю, взяли ссуды и стали строить себе дома... Один из десяти — капитан III ранга Александр Семенов, за плечами которого немало лет службы на подводных лодках, сторожевых кораблях. Однако выяснилось вскоре, что на деле не все гладко. Министерство обороны конкретизировало: тем, кто прослужил 10 лет, компенсируется 75 процентов понесенных расходов. А все остальное — только имеющим выслугу в 25 лет. Но и к этому документальному уложению есть различные сноски и исключения.

Капитан I ранга Владимир Шкультецкий, член жилищной комиссии училища, потыкав карманный калькулятор, выдал мне результат. По нему выходило, что если офицер потратил на строительство своего дома сто

миллионов, то государство вернет ему лишь 50...

Но ни одно электронное устройство не подсказнет, где взять эту сумму простому офицеру флота.

Хотя в Калининграде мичман-контрантин подал в суд на тех, кто отказывался полностью оплачивать его расходы на строительство жилья. И представьте себе, благодаря адвокату выиграл процесс. Но по счетам платил не премьер, не министр обороны. Деньги вычли из бюджета военно-морского училища... Другие офицеры судиться с alma mater не помышляют...

Потому капитан III ранга Александр Семенов уже несколько лет является владельцем лишь хорошего фундамента. Но у него хоть есть однокомнатная квартира... А начальник медслужбы училища подполковник Александр Ващенко с семьей (дочери 15 лет, сыну 13) проживает в садовом домике, к которому рано или поздно – не унывая, уверен он – будет пристроен его дом.

А пока... Намерзшись за зиму, ездит подполковник с женой и детьми отогреваться в отпуск за границу, в родной Житомир.

В кабинете начальника училища контр-адмирала Геннадия Ясницкого бросается в глаза массивная металлическая доска.

В свое время она была отлита на Черноморском заводе в Николаеве для первого отечественного авианесущего крейсера «Киев». Памятная доска долгие годы украшала каюткомпанию этого корабля.

Геннадий Николаевич в 1979 году был назначен старпомом, а спустя два года командиром «Киева». Служба на нем во флоте почиталась особо. А Ясницкий бил все рекорды: командовал крейсером восемь лет, вплоть до его выведения из состава действующих боевых кораблей; при нем «Киев», единственный корабль за послевоенные годы, был награ-

ден орденом Красного Знамени; при нем же, контр-адмирале Ясницком, совершил рекордное число боевых служб...

Признаюсь, когда я увидел памятную доску, у меня дрогнуло сердце. Дело в том, что мне довелось быть на спуске «Киева» со стапелей. Дома хранится именная сувенир, отлитый из того же металла, что и памятная доска. А последний раз видел я «Киев» лет пять назад. Безжизненно, без флагов расцветивания, стоял он в бухте Североморска...

– Что делать, – говорит адмирал, – корабли сейчас стареют быстрее людей.

Он проводит рукой по борту модели, точной копии «Киева», и я догадываюсь, какие чувства владеют бывшим командиром знаменитого корабля. И что заботит его на новом месте флотской службы...

В Калининграде он начал с того, что отчислил из училища всех, кто по успеваемости или поведению не соответствовал высоким требованиям к морскому офицеру, как их понимал Ясницкий. Таких набралось столь много, что даже случилось начальственное раздражение в московских высоких кабинетах. Но Ясницкий был непреклонен, на все претензии отвечал в том смысле, что готовить ненадежных защитников Родины не только безнравственно, но и преступно. И отстаивал свою точку зрения.

Проблему пополнения училища достойными абитуриентами удалось решить, считает Ясницкий, лишь в этом году. Привлекательной стала не только морская форма или высокая стипендия, но и сама жизнь в училище. Возродились курсантские балы. Возродилась и старая, берущая начало в прошлом веке, традиция печатать на них, как и на иные события и торжества, пригласительные билеты. Поощряется увлечение курсантов бальными танцами. Горожан стали приглашать на строевые смотры, плацконцерты... Мелочи? Как сказать...

Десять подростков из трудных семей были приняты в училище на правах своеобразных «сыновей полка». Зачислены на полное матросское довольствие в качестве воспитанников оркестра, которым руководит колоритный, одаренный человек – майор Сергей Арнесов. Он учился в Московском военно-музыкальном училище, в 1983 году закончил консерваторию имени Чайковского. Педагогического образования не имеет, но подходы к ребячьим душам находит как никто другой. И они ему отвечают преданностью и старанием.

Где только не приходилось играть оркестру! Без него не обходится ни одно мероприятие, ни один учебный поход.

О походах – особая забота адмирала Ясницкого. Он, флотоводец, начинавший с курсантской скамьи в Севастопольском училище имени Нахимова, прекрасно знает: походы – лучшая школа морской выучки.

– В Российском флоте, – говорит адмирал, – всегда учебным плаваниям уделяли особое внимание. Да и флот-то наш начинался с учебных судов – «потешной» петровской флотилии. А с 1716 года гардемарины стали проходить регулярную практику на военных кораблях...

История свидетельствует: испытывая нехватку в собственных кораблях, Россия посылала гардемарин за рубеж. В частности, в Англию, на кораблях которой они плавали в Ост-Индии, Америку. Когда директором Морского корпуса стал знаменитый И.Крузенштерн, была создана специальная учебная эскадра. Она существовала до октябрьского переворота. Последний учебный поход ее начался 3 октября 1917 года. В условиях политического и военного хаоса, острейшего дефицита топлива руководству Морского корпуса все же удалось вырвать гардемарин старших классов из бунтующего Петрограда и направить их в плавание – во Владивосток. Эскадра состояла из

крейсера «Орел» и двух миноносцев – «Бойкий» и «Грозный».

Известие о захвате власти большевиками дошло до учебного отряда в Гонконге. Среди корабельных команд началась агитация, подготовлен к захвату кораблей и уничтожению негодных офицеров. Был момент: матросы бросались к оружию – но всюду уже стоял караул из гардемарин.

Много драматических приключений выпало на долю участников этого похода, который затянулся на несколько лет... На Родину они не вернулись...

В советское время военные курсанты вместе с курсантами гражданских морских училищ ходили на парусниках. Был на Балтийском флоте и специальный дивизион учебных кораблей. От пирсов балтийских военно-морских баз отчаливали в дальние плавания с курсантами на борту «Перекоп», «Гангут», «Смольный», «Бородино»...

Сейчас остался лишь один – учебный корабль «Перекоп». Да и тот из-за нехватки средств несколько лет простоял на приколе.

Ясницкому удалось отправить его в плавание...

Капитан I ранга Владимир Рудник, заместитель начальника КВВМУ по воспитательной работе:

– Я смотрю на курсантов не только как начальник, но и как морской офицер – на морских офицеров... С тех пор, как начинали службу я и мои однокашники, переменялось все. Изменилась страна. Даже ее география, государственно-политический строй. Наконец, идеология. Но нынешнее пополнение морского офицерского корпуса несет в себе то лучшее, чем славились русские моряки – патриотизм, мужество, преданность ратному делу.

Может показаться парадоксальным, но это высветили и те трудности, которые ныне переживает Военно-Морской Флот. Их – не перечис-

Перед «Бойким» и «Грозным» в море

лить. И по части постройки и ввода новых кораблей. И в отношении материально-технического обеспечения тех, что находятся в боевом порядке. И в том, что касается бытового обустройства офицерских семей. И даже, что скрывать, в снабжении экипажей продуктами. В любой сфере жизни, в любой стране – говорю доподлинно! – такое положение могло бы привести к полному распаду, краху. Но Российский флот с его вековыми традициями, похоже, обладает каким-то иммунитетом. Способностью к самолечению, что ли. Кризисная ситуация не породила на флоте волны деградации, воровства, мошенничества с корабельным и береговым имуществом, вооружением...

Флот – выжил. Он выплывает с мели.

В этом году в Калининградском Высшем военно-морском училище состоялся 35-й выпуск молодых офицеров. Он стал дважды юбилейным, совпав с 300-летием Российского флота.

На широком парадном плацу училища выстроились учебные роты. Развевался Андреевский флаг. Играл оркестр. В гостевом ряду стояли родственники и друзья виновников торжества... Новоиспеченным лейтенантам вручались золотистые погоны. По традиции первыми их получили те, кто закончил училище с золотой медалью – Андрей Ясников, Дмитрий Варюхин, Павел Попов. Четко печатая шаг, из строя выходили курсанты, возвращались в него – офицерами. Словно переступали невидимую черту, по одну сторону которой оставались: классы, стажировки, практики, наряды на картошку и уборку, строевые занятия под барабанный бой...

По другую сторону этой невидимой черты было для них самое достойное для русского мужчины звание – офицера великой морской державы.

Русская
Муза

ПОДВОДИМ ИТОГИ

Завершен очередной литературный конкурс. Благодарим всех, кто принял в нем участие. Особенно порадовали письма, присланные из самых дальних уголков страны – из маленьких поселков и деревень, где чрезвычайно сложно найти поэтические сборники, где чахнут и умирают сельские, районные, школьные библиотеки. Горько и больно читать такие письма, но тем больше радуешься за тех, кто преодолел эти трудности. Совершенно очевидно, что возможности сельских и городских читателей разные. Среди победителей много петербуржцев, и это закономерно – они пользуются прекрасными библиотечными фондами. Но упрощать задания, как предлагает один участник, значит, снизить общий интерес и интеллектуальный результат. Ведь даже те, кто ответил всего на половину вопросов, сделали для себя немало литературных открытий.

Ное-кто укоряет редакцию за избранное для конкурса время, потому что, мол, третий тур выпадает

как раз на весенние огородно-полевые работы. Но дело-то в том, что при полугодовой подписке сдвинуть сроки невозможно: одни из участников могут «потеряться», другие – включиться в конкурс с большим опозданием. Но в большинстве ваших писем – искренняя радость от встреч с прекрасным миром поэзии.

Итак, победители:

1-е место – 98 очков: Е. Н. АРУТЮНОВ, Москва; Т. И. ДЯДИЧЕНКО, Москва; Г. С. НАТЫХИН, Санкт-Петербург; Н. Л. ПОДМАРЕВА, Москва; В. Л. СТАРЦЕВ, Санкт-Петербург.

2-е место – 97 очков: А. А. НАЧУРА, Санкт-Петербург; Т. В. НЛИМОНТОВИЧ, Санкт-Петербург; В. Я. САЛТЫНОВ, Санкт-Петербург.

3-е место – 96 очков: В. В. НОЗЛОВ, Санкт-Петербург; Б. ХАНУНАЕВ, Германия; Е. А. ШЛЕНСКАЯ, Санкт-Петербург.

4-е место – 94 очка: Ю. С. БОРОДОВСКИЙ, Санкт-Петербург; И. Е. ПЛУШЕННОВ, Санкт-Петербург.

5-е место – 93 очка: А. П. АНДРИАНОВ, Санкт-Петербург.

Все участники, занявшие 1–5-е места, награждаются редчайшими подарочными изданиями, почетными дипломами «Смены» и подпиской на журнал.

Учитывая сложность конкурсных заданий, жюри приняло решение выслать почетные дипломы еще 17 участникам.

Благодарим всех участников конкурса и называем наиболее активных: Т. В. АНИСИМОВА, Смоленск; Л. А. АНДРЕЕВА, Орел; П. Н. и Л. П. АРТАМОНОВЫ, Нижний Новгород; И. И. АСФАГАН, Уфа; Н. Г. БАБУШКИНА, с. Григорьевское Пермской обл.; В. А. БАРИНА, Нижняя Тура Свердловской обл.; Н. Э. БАУМАН, Москва; В. В. БОРИСОВА, Уфа; И. Г. БУТРОВА, п. Новорнино Нижегородской обл.; В. С. БУДИМИРОВА, Нурган; Т. Е. БУЛНИНА, Санкт-Петербург; Т. А. БУРХАНОВА, Воронеж; Г. С. БУХОЛЬЦЕВА, п. Гусиное Озеро, Бурятия; Н. Ю. ВАСИЛЬЕВА, г. Иваново; М. В. ВАСИЛЬЕВА, Воскресенск Московской обл.; И. Ю. ВАСИЛЬЕВА, Верхняя Салда Свердловской обл.; Р. М. ГУНОВА, с. Чистоозерное Новосибирской обл.; А. В. ГУСЕВА, Владимир; В. ДЕНИСЕНКО, Пальмирский свхзавод

Чернассной обл., Украина; Е. ДНЮРБЕНАД-
ЗЕ, п. Мамакан Иркутской обл.; И. ДИНА-
ЛОВА, Ярославль; С. Г. ДУТОВ, Санкт-Петер-
бург; Н. Н. ЕВМЕНЕНКО, с. Тропарево Мос-
ковской обл.; семья ЕМЕЛЬЧЕВЫХ,
ст. Родниковская Краснодарского края;
Н. ЖУРИЛИНА, п. Рамешки Тверской обл.;
Н. С. ЖИТАРЬ, Хмельницкий, Украина;
В. П. ЗАЙЦЕВА, Тула; Э. М. ЗВЯГИНА, х. Глу-
бокое Вологодской обл.; Т. П. ИГНАТЬЕВА,
Пермь; Ю. В. НАНТЕМИРОВА, п. Новобу-
рейский Амурской обл.; Г. И. КОЗЛОВА,
г. Лесной Свердловской обл.; Н. И. КОНО-
ВЕННО, Магнитогорск; Т. Ф. КОННОВА, Че-
лябинск; А. И. КОРОЛЬКОВА, с. Куман
Оренбургской обл.; И. П. КРАСНОВА, Тула;
Ю. КСЕНДЗОВСКАЯ, Волгоград; Л. В. КУЗ-
НЕЦОВА, Харьков; И. Н. КУЗЬМИНЫХ,
с. Григорьевское Пермской обл.; Г. М. КУ-
ЛИШОВА, Москва; С. Х. и Р. М. ПАРИНЫ,
Новосибирск; З. И. ЛЕВАШОВА, г. Лесной
Свердловской обл.; Р. А. ЛЕНСИНА, Мос-
ква; Н. М. МАНИНА, г. Руза Московской
обл.; Л. В. МАРНАСОВА, г. Жиздра Калу-
гской обл.; А. И. МАРТЫНОВА, с. Пудино
Томской обл.; Н. Б. МИРОНОВА, Санкт-Пе-
тербург; Е. Ю. МОРДОВНИНА, Воронеж;
Н. Ф. МОРОЗОВА, Новая Ладога Ленинград-
ской обл.; Н. А. МЫЛИШОВА, Ульяновск;
Р. И. МЫЛЬНИКОВА, Нижняя Салда Свер-
дловской обл.; П. НАМ, Налуга; Т. Ф. НЕ-
ВОЙТ, Кировск Мурманской обл.; Ю. В. НО-
ВОСЕЛОВ, г. Лесной Свердловской обл.;
В. В. ОВСЯНИКОВА, с. Верхний Мамон
Воронежской обл.; С. Д. ОВСЯНИКОВА,
Бердичев, Украина; Л. Г. ОСИПОВА, Сара-
тов; Т. М. ПАВЛОВА, Шатура Московской
обл.; В. И. ПЕРЕВАЛОВ, Нижний Тагил;
Н. П. ПОДОБУЛКИН, с. Тасеево Краснояр-
ского края; В. И. ПОНЯРСКИХ, Нижняя Ту-
ра Свердловской обл.; Л. А. ПОПОВА, Мос-
ква; Н. А. РОЙ, Няндомы Архангельской
обл.; О. А. РУБАН, Ростов-на-Дону; И. А. РУ-
ДЕННО, Новосибирск; И. С. РУДЕНОВА,
Гомель, Беларусь; Т. В. и С. П. РЯБОВЫ,
Москва; Г. А. САБЛИНА, Владивосток;
С. Н. СИНИЦЫНА, п. Волгодонской Волго-
градской обл.; В. П. СМЕРНОВ, Нурган;
Е. В. СМЕРНОВА, Москва; М. С. СМОРО-
ДИНОВА, Москва; В. В. СОПОМАХИНА, Во-
ронез; Р. М. и Т. Г. ТЕРЕХИНЫ, Воронеж;
О. Г. ТОЛОВИНОВА, Череповец; В. И. ТРУ-
ХАЧЕВА, п. Городищи Владимирской обл.;

Н. А. УШАНОВА, с. Месягутово, Башкорт-
остан; Е. Ю. ФЕДОРОВА, Тихвин Ленинград-
ской обл.; Р. Н. ФЕДОРОВА, п. Белоусовна,
Казахстан; О. П. ЧУРИЛОВА, с. Новообинце-
во Алтайского края; Ю. Б. ШУВАЛОВ, Сара-
тов; Н. И. ЗРГАШЕВА, Алатырь, Чувашия;
Е. Н. ЯНЦЕН, г. Лесной Свердловской обл.

Ответы на вопросы конкурса «Русская музыка» ПЕРВЫЙ ТУР

1. В. Жуковский. Плач о Пиндвре.
2. С. Есенин. Русь. Микола.
3. И. Бунин. Листопад.
4. Е. Баратынский. В дни бесконечных увлечений...
5. Н. Некрасов. Современники. Герои времени.
6. Н. Бальмонт. Поздно.
7. Г. Державин. Елагиню. Жизнь Званская.
8. Н. Гумилев. Пьяный дервиш.
9. И. Анненский. Петербург.
10. Ф. Глинна. Повители. Нарелия, или Заточение Марфы Ивановны Романовой.
11. Б. Пастернак. Вариации. Подражательная.
12. А. Апухтин. Минуты счастья.
13. К. Р. (Константин Романов). Н концу зимы.
14. К. Рылев. Святополк.
15. А. Фет. Сияла ночь, луной был полон сад...
16. Н. Клюев. Деревня.
17. Н. Случевский. Пара гнедых, или Ночи безумные.
18. Н. Оцуп. Дневник в стихах.
19. А. Несмелов. Родина.
20. В. Соловьев. Другу молодости.
21. А. Тарновский. Нак сорок лет тому назад...
22. И. Тургенев. Помещик.
23. В. Нарбут. На колокольне.
24. Д. Веневитинов. Последние стихи. Люби питомца вдохновенья.
25. А. Пушкин. Тень Фонвизина.
26. В. Бенедиктов. Буря и тишь.
27. А. Блок. Возмездие.
28. П. Ершов. Зимний вечер.
29. Н. Клюев. Погорельщина.
30. Н. Языков. Элегия.

ВТОРОЙ ТУР**ТРЕТИЙ ТУР**

31. Н. Батюшков. Мой гений.
32. В. Хлебников. Ладомир.
33. Г. Иванов. Дневник. Эмалевый крестик в петлице.
34. В. Пушкин. Опасный сосед.
35. Н. Асеев. Морской шум.
36. Н. Демьянов (Н. Щербина). Напутственное послание.
37. И. Ансанов. 26-е сентября.
38. В. Рождественский. Волна стиха бежит строфе вослед.
39. И. Козлов. Нягиня Наталья Борисовна Долгорукая.
40. И. Суриков. Всю ночь кругом метель шумела.
41. А. Фет. Я видел твой млечный, младенческий волос...
42. А. Григорьев. Искусство и правда.
43. П. Катенин. А. С. Пушкину.
44. С. Надсон. Иуда.
45. Н. Нинитин. Чуть сошлись мы - друг друга узнали.
46. П. Якубович. Ярко небо стран далеких.
47. А. Дельвиг. Романс. Не говори, любовь пройдет...
48. Д. Минаев. Пушкину, после вторичной его смерти.
49. С. Сельский. Не гляди, отойди.
50. Н. Добролюбов. Первая любовь.
51. Е. Баратынский. Бал.
52. С. Есенин. Баллада о двадцати шести.
53. В. Гаршин. Нет, не дана мне власть над вами.
54. Б. Лившиц. Ни в сумеречном свете рая...
55. П. Вяземский. Наним почту вас фирмамом...
56. А. Плещеев. Любовь певца.
57. С. Черный. Вешалка дураков. Ослу образование дали.
58. Э. Гиппиус. Все мое.
59. Н. Бальмонт. Неизбежность.
60. И. Мятлев. Истолкование любви.
61. Я. Попонский. Утрата.
62. Н. Гумилев. Беатриче.
63. М. Цветаева. Править тройной и гитарой.
64. В. Брюсов. На занатном поле.
65. М. Лермонтов. Сашна.

66. А. Пушкин. Гавриладида.
67. И. Анненский. Сестре.
68. Н. Аглицев. Някъз Павел.
69. И. Ансанов. Среди цветов поры осенней...
70. Н. Рубцов. Чудный месяц плывет над рекою...
71. И. Северянин. Роса оранжевого часа.
72. С. Соболевский. А. О. Смирновой.
73. В. Гиляровский. На Севере.
74. Е. Ростопчина. В майское утро.
75. И. Крылов. Отъезд из деревни.
76. М. Лермонтов. Совет.
77. А. Белый. Родина.
78. В. Раевский. Мой милый друг, твой час пробил...
79. А. Заветный (М. А. Бестужев-Рюмин). И Пушкин стал нам скучен... Эпиграмма на «Бориса Годунова».
80. А. Грибоедов. Хищники на Чегеме.
81. Г. Иванов. Опять белила, сагия и сана...
82. В. Бенедиктов. Поэзия.
83. О. Мандельштам. Н немецкой речи.
84. И. Бунин. Крещенская ночь.
85. Ф. Тютчев. Первый лист.
86. Н. Рылеев. Видение. Ода на день тезоименитства...
87. С. Маршак. Все то, чего коснется человек...
88. М. Волошин. Мир.
89. А. Одревский. Звучит вся жизнь, как звонкий смех...
90. А. Вертинский. Все, что осталось.
91. Н. Языков. К В/ульфу/, Т/ютчеву/ и Ш/епелеву/.
92. А. Гангелин. Береза.
93. Р. Иенев. Романс.
94. М. Горький. В Черноморье.
95. Н. Р. (Константин Романов). Когда креста нести нет мочи...
96. М. Цветаева. В подвалах - красные оношки...
97. Ф. Тютчев. Весна.
98. А. Фет. Была пора, и лед потонул...
99. А. Н. Толстой. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева.

ПЕТР ТОДОРОВСКИЙ:

Мои герои

В августе минувшего года Петру Ефимовичу «стукнуло» семьдесят, и он, в отличие от многих сверстников своих, не только продолжает снимать фильмы, но и получать за них награды.

Его «Военно-полевой роман» был представлен на соискание «Оскара» «как лучший фильм не на английском языке» на экранах США.

«Анкор, еще анкор» отмечен отечественной «Никой».

Актеры-актрисы за роли в его фильмах почти автоматически становятся обладателями всяческих наград...

А прокатно-зрительский успех!

В общем, «высокосортное народное кино», как заклеили творчество Тодоровского-старшего критики.

— Конечно, «Наная чудная игра» не всем нравится: люди устали от «русских» печальных финалов, хотят американских «хэппи-эндов», а я, к сожалению, ничего не могу с собой поделывать, и две-три последние картины — как ни кручь, все равно выписывается у меня печальный финал. А я и не рассчитывал, конечно, что фильм всем будет нравиться. Идея? Давно ее вынашивал! Когда жили в общенитии вгиковском, Ноля Рыбников и Вадим

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Захарченко придумали такую игру: узнавали в биографии накого-либо студента темное пятно, приглашали его в комнату. Рыбников сидел в это время в шкафу, у него наушник был, который соединялся с приемником, и они начинали свой розыгрыш... Я, правда, фильм снимал не о розыгрышах, я снимал о страшном том времени, о талантливых ребятах нашего поколения, которые и погибли из-за своего таланта... Если бы они были бездарными, жили бы до сих пор!

А с фестивалем получилось так: сидел я на даче после инфаркта, пытался писать новый сценарий, позвонили из «Интерфеста»: фильм отобран в конкурс... Смотрели картину в Венеции, в Монреаль приглашали, в Тонию... Но в Тонию я уже был с «Интердевочкой», с «Анкором...», получал призы, и показалось, что там «...игра» вряд ли заинтересует жюри. Да и лететь после операции 16 часов... А Московский фестиваль после всяческих стра-

Анна

стей-мордастей стал хилым. Рассчитывал ли я на победу? Я снял фильм, который давно задумал, высказал, что хотел, — для меня это самое главное. А фестивали, жюри... вещи непредсказуемые, абсолютно объективных решений не бывает — я бывал членом жюри, знаю это. В конечном счете, фестиваль — дело суетное. В 85-м «Военно-полевой роман» номинировали на «Оскара», все уверяли, что из представленных мной — лучший, а получил приз швейцарец, снявший фильм о нашем гроссмейстере-диссиденте Норчном «Опасные ходы». И подходит он ко мне на баннете: «Я не видел вашего фильма, но все говорят, что он лучше моего... Я не виноват». «Претензий у меня никаких», — говорю ему. А в случае с «...игрой» я, во-первых, благодарен Жене Евтушенко за хорошие слова: «Что картину Тодоровского не заметили на Московском кинофестивале — ошибка, несправедливость...», а во-вторых, фестиваль надо было реанимировать, и все было сделано для того, чтобы главные призы отдать режиссерам западным. И никаких у меня «обид». Замысел фильма хоть и старый, но ощущение было, что никогда в жизни не смогу я про это рассказать. И я полностью удовлетворен, даже тем, что освободился, наконец, от «беременности», «родил» картину...

Сын Тодоровского Валерий пару лет назад на одной из киностудий уверял: «Отец никогда не участвовал ни в каких играх с властью, системой, не был ни в одной «мафии», никогда не возглавлял никаких общественных организаций... он всегда делал то, что хотел. Может, потому и сохранил в себе душевные силы, чтобы и в семьдесят не только хотеть снимать, но знать, о чем хочет снимать. Он, по большому счету, не зависит ни от успеха, ни от провала, он свободен в своих вкусах и пристрастиях... Думаю, жизнеспособность его в творчестве

во многом определена и тем, что он никогда не присоединялся даже к самым прогрессивным «кругам», будь то «круг» Бондарчука, Климова или Соловьева...»

Действительно, ни имя, ни фильм Тодоровского никогда не фигурировали в злободневно-ажитажных разборках. Но... До того момента, пока не появился на экранах, может, самый знаменитый его фильм — «Интердевочка».

— Это прокол мой капитальный! Это — не мое кино. Я и взялся-то за него... Ну, писал в Матвеевском сценарий «Аннора...», ходил все кругами, заводился. И когда привезли мне со студии сценарий Владимира Нунина с броским названием «Проститутка», мне стало смешно: «Господи, — думаю, — нашли крупного специалиста!». Но черт меня попутал на старости лет! Я же ни материала этого специфического не знал, ни с публикой такой никогда не общался, о которой рассказать предстояло... Потом начал вчитываться, стало интересно: «А чего это у меня, — думаю, — из фильма в фильм все один и тот же лирический мальчик с судьбой не очень?..» Клянусь Богом, ни разу не подумал, что фильм проматным может стать, «нассовым». Просто захотелось сменить тему, попробовать себя на совсем неизвестном материале, в жесткой такой истории. «Неужто не получится, профессионал я, в конце концов?!» Я же шарахаюсь все время, дурачиться люблю, веселым быть люблю и легким. Еду, к примеру, по Ленинскому проспекту зимой, вдруг — отсюда ни возьмись! — у меня негр перед машиной: в штиблетах, худенький такой, в пальто демисезонном. Успел свернуть в самый последний момент, выскочил из машины и... Вместо того, чтоб обложить его, как это у нас принято, говорю сам себе, чуть отдышавшись: «Чуден негр при зимней погоде!» Наверное, таким способом мой организм

стремится сохранить как можно дольше ощущение молодости...

А когда начал работать, сразу понял, нет у меня для такого материала душевного резерва – даже актерам хоть что-то подсказать! Ведь я и на «Верности», и на «Военно-полевом романе» материалом мог вернуть и тан и эдак, у меня «про это» – мешок памяти! И в нужную минуту вдруг такие подробности появлялись! В «Военно-полевом романе», например, в психологически-сложнейшей сцене, когда Саша – Коля Бурляев провожает Любу – Андрейченко, видят они Веру, жену его: и жена тут, и муж, и любовница... Ну застучала она их! А тут еще Люба говорит: «А он меня любит, а не тебя! Саша, скажи, вслух скажи». Ну что же, думаю, Коле подсказать-то?! И тут меня осеняет: «Ну скажи, Саша, скажи!» – он остервенело в яблоко вгрызается! А в «Интердевочке»? Ну ничего из меня подобного не вышло! Хотя, должен сказать, очень добросовестно работал: с пятнадцатилетними нахалками откровенничал, и они мне, некурящему, от дорогих сигарет струйками так в лицо: ф-фь... С кандидатной наукой, которая на клиентах зарабатывала, чтобы за докторскую записаться... Меня в Стокгольме с нашими «благополучными» познакомили, которые из Ленинграда с муньями-шведами, что-то там строившими, выехали – больше половины из них с панели, конечно, бранов процентов семьдесят уже развалилось... И сидим мы вечером, разговариваем: вернуться мечтают, на лето в Россию ездят... «Так чего ж ты мучаешься тут?!» – «Да у меня хоть квартира есть, которую он мне оставил при разводе, машина – быт благоустроен». С мужем восемь лет мне проносила, а детей от него не хочет – сидит все «на чемоданах», в ней внутреннее ощущение третьесортности. Это в Швеции, где люди вообще замкнуто живут, там русским осо-

бенно плохо. Там в центре города их Карл стоит и на Россию показывается... там детей пугают: вот я тебя русскому отдам! Нет. Мне шведа вообще не хотелось плохим делать – он же любил Таньку-то нашу! Но мне физически трудно было картину эту снимать! На одном профессионализме, на упрямстве своем, на замечательных наших актерам вылезал! Попутно, правда, я и про капитализм кое-что понял, про то, как работают они: на съемки большой картины отпустили они нам 22 рабочих дня и обратные билеты вручили. Какие там перекуры, какие репетиции?! В день по три объекта в разных концах города! И если бы не обожаемая мною Лена Яновлева, которая выдавала за это время по две-три блестящие сцены, я бы костей не собрал! Худо-бедно, из истории этой выкрутился, но зарок себе дал – в модные темы, в экзотику всякую больше не лезть. А снимать то, что знаю, что люблю, что сам пережил. Понял, дуть надо в собственную дуду, как бы ни казалась она уже тебе приевшейся, слишком знакомой. Не страшен будет и провал.

Я, например, провалов совершенно не боюсь – в любом фильме своем все-таки «я». Кроме «Интердевочки». Это была полная измена самому себе. Такой же случай произошел у меня еще с «Последней жертвой» – экранизацией Островского, но там хоть ясно, почему мне необходимо было этот фильм сделать: мы перебирались в Москву, и картина стала условием моего вхождения в штат «Мосфильма». А тут...

В 1954-м Петр Тодоровский окончил (с «красным» дипломом) операторский факультет ВГИКа. Учился в мастерской Бориса Волчека, давшей советскому кинематографу просто-таки классиков операторской профессии: Вадима Юсова, Германа Лаврова, Йонаса Грицюса, Левана Пааташвили... Учебно-курсовые свои работы и диплом-

ную (фильм-концерт «Молдавские напевы» в Кишиневе, «Весну на Заречной улице» в Одессе) снимал Тодоровский с однокурсником Радомиром Василевским. Между прочим, позднее тоже сменившим профессию оператора на «потрясающую, трудную, интересную и счастливую» профессию режиссера. Уже самостоятельно Петр Тодоровский снял «Двух Федоров» в постановке Марлена Хуциева и «Жажду» Евгения Ташкова, операторская работа в которой отмечена была премией Всесоюзного кинофестиваля. Поэт Григорий Поженян, автор сценария «Жажды»: «Мы часто говорим: «Искусство – мышление образами...» Петр Тодоровский мыслит кадрами! Он очень музыкален. И пусть в каком-то эпизоде музыка даже не звучит, неслышная ее мелодия в пластике сменяющихся кадров все равно присутствует! И еще: он остро чувствует всякую фальшь и органически не может соврать в кадре, в его руках камера абсолютно правдива!»

На первый взгляд, судьба оператора Петра Тодоровского складывалась вполне даже благополучно.

– Пона я в операторах ходил, был легким, веселым, компанейским. Беззаботный такой холостяк: гитара, песни... И про меня, знаю, думали: ничего серьезного он не сделает! Хуциев даже не предполагал, что я режиссером стану. Был у меня творческий вечер с «Военно-полевым романом» – потрясающая компания собралась: Марлен, Булат Онуджава, Инна Чурикова... И Марлен фразу сказал, которая это подтверждает: «Сколько лет вот Петю знаю, но никогда ведь не поймешь, с чем делом имеешь...»

Мне повезло, что в Одессе замечательное было окружение: Ташков, Эдик Бочаров, Гриша Поженян, Хуциев, Онуджава – такой одесский «интернациональный ренессанс»! До сих пор не могу представить границ

между Украиной и Россией: вчера за одним столом песни пели, а сейчас брат на брата пошел. Страшно! Кому это надо? Люди-то родные, как их разделить?! Мы в общенитии жили, друг другу материал отснятый показывали, теперь вот визу приходится выпрашивать, чтоб на могилки родственников съездить – абсурд какой-то. А тогда мы по первой картине сделали, кому-то премии посыпались, пресса писать стала, другие – неизвестно что... Страсти пошли, разбежаться из Одессы стали. И мне предстояло работать с режиссерами не самыми интересными. А я ведь писал уже потихонечку: «звенело» во мне, что обязательно должен снять фильм о погибшем своем друге по Саратовскому военно-пехотному училищу Юре Никитине, чувствовал, что если мне это удастся, жизнь моя... Ну, оправданней, что ли, станет. Юра – детдомовец, удивительный, прекрасный юноша, погиб в первом же бою.

Я эпизоды из фронтовой своей жизни записывал, но... надо же было как-то «нирлички» складывать, выстраивать сценарий из них... Я, честно говоря, во ВГИК ведь таким «дубовичном» пришел, с интеллектуальным запасом неполной средней школы провинциального украинского городка Бобринец – районный городок тысяч на двенадцать предвоенных жителей. И мне сверстников своих догонять очень сильно пришлось!

Так вот, когда уже разбежаться стал «одесский ренессанс», прочел я «Будь здоров, школяр!» Онуджавы, с которым хорошо знаком был на почве песен, гитары, компаний одесских... И подумал, что герой его очень близок моему, которого я вымучивал. Булат с удовольствием согласился поработать. И мы вместе стали писать сценарий фильма «Верность» – хотели рассказать, с нашим запасом уходит человек в свой первый и последний бой. История, правда, получилась несколько

иной, да и характер Юры... «Я» там, скорей всего, герой Саши Потапова – разбитной такой, с гитарой... Фестивали пошли, премии: Венеция... И меня Гриша Чухрай пригласил в Экспериментальную студию, которую пытался создать на самофинансировании: сегодня все так работают, а тогда наши финты начальству очень не понравились. На той студии я снял «Фокусина», которого никто, практически, не видел, но я имел счастье с Володиным работать, с Гердтом, Аллой Ларионовой, Женей Леоновым... И для меня картина стала школой, на которой я постигал для себя, с одной стороны, мир искусства, с другой – нарабатывал вкус, такт, умение с людьми, с актерами общаться. Я, наверно, вообще везучий человек, у меня всегда было замечательное окружение! Конкретно, может, и не «учился» ни у кого, но рядом с ними начинал, впитывал их отношение к жизни, и не важно, кто из них писатель, кто – режиссер, актер – они личности! С которыми мы всегда оставались друзьями, единомышленниками...

За сорок лет работы в кино назначен Петр Тодоровский в титрах и оператором, и режиссером, автором сценариев, художественным руководителем... Я поинтересовался, не поступал ли фронтовик Тодоровский во ВГИК учиться на артиста? Кто из видевших фильм Худиева «Был месяц май» не помнит обаятельной улыбки и душевной гитары бравого капитана Яковенко?! Может, лишь по случайности не приобрело советское кино пятидесятых актера с ярко выраженным «социальным обаянием», как определили бы критики спустя годы имидж случившейся кинозвезды? Ведь гитара и открытая улыбка стали истинными знаками оттепельного времени, средством идейного самоопределения шестидесятников...

– Приехал я в 69-м из Одессы в Моснву, зашел в павильон к Худие-

ву, а он говорит: «Давай, я тебя на память для Валерки сниму, пока ты окончательно не постарел... Надевай форму!» А я первых два года институтских ходил в военной форме, другого ничего надеть не было. Ну, облачили меня в костюмерной в китель, взял я гитару, чего-то спел перед камерой и уехал в Одессу, домой. А через несколько дней телеграмма: «Вы утверждены на роль в фильме «Был месяц май», приезжайте». Так я и испытал на себе, что значит быть киноартистом. Очень, между прочим, непросто: хотя и пытался играть самого себя, но даже оставаться собой перед камерой – труд невероятный! Только на третий съемочный день начал как-то управлять своими нервами и эмоциями, а ведь уже и оператором поработал, и режиссером... Да и в кадре изобразил-то всего-навсего себя самого, с режиссером, который удивительно умеет двумя-тремя словами успокоить «занятого» перед камерой артиста, помочь ему выполнить необходимую задачу... С тех пор я и не люблю много разговаривающих режиссеров, репетирую только до съемки, а на площадке хорошему артисту достаточно нескольких слов бывает. Тогда понял, как необходимо актеру чувствовать в режиссере взаимопонимание, которое и есть залог истинного творчества.

А поступал только на операторский! Я ведь фотографией еще перед войной занимался, знал даже, что есть такой институт кинематографии. Оператора, правда, первый раз увидел на шеттинском плацдарме у Одера: сбивали мы немцев в Одер недели две, потом из плавней выползли «Фердинанды» с пьяной морской пехотой и... то же пространство, но в обратном порядке, мы пролетели часа за два. Дней шесть-семь головы из окопов поднять нельзя было, потом чуть стихло. И решили мы к Одеру сходить: туман помню, утро раннее. Осмот-

релись, а на обочине – грузовичок, с него военный в плащ-накидке соскочил и на нас намеру наставил. А мы грязные, раненые среди нас. И подумал я: «Ведь он нас на вена снимает! Какая профессия замечательная...» Загадал: жив останусь, буду оператором! В 48-м демобилизовался, собрал фотографии свои, поехал поступать. Нинаних условий и порядков, естественно, не знал, провалился; вернулся в Херсон к родителям, в ФЗУ работал, но фотоаппарат с плеча... или с груди? – не снимал, у художников урони брал: на операторский ведь и по рисованию экзамен, наторморт надо было нарисовать, наброски какие-то с натуры.

В титрах – кроме перечисленных! – к фамилии Тодоровского-старшего в последние годы все чаще добавляется «автор музыки». Не «композитор», а именно «автор музыки». Или «музыка Петра Тодоровского».

– Ну вот, говорят, – все захватил, еще и музыку стал писать! Произошло это на «Военно-полевом романе». Нашел замечательные стихи Гены Шпалинова, и показалось мне, что без этих его слов картина многое теряет. Стал сочинять мелодию – ну, стилизацию танюю под довоенные песни, записал все на магнитофон, актерам перед съемками давал послушать для настроения... И песенка как-то вошла в фильм, стала действующим его лицом, почти частью драматургии: «Городок провинциальный, летняя жара...»

И что же все-таки сформировало столь разностороннего художника в «городке провинциальном» тысяч на двенадцать предвоенных жителей?

– Отец в школе труд преподавал, молчаливый такой был. Брат старший в 41-м погиб. Но главной была в семье, конечно, мать: на гитаре очень хорошо играла, пела. Как я понимаю теперь, у нее слух был идеальный. На школьных вечерах я все

Чаплина изобразил: котелок у меня был, палочка постоянная. Я его и сегодня считаю идеалом антера! Нет-нет, на актерский я правда не поступал! У отца три рубля как-то украл, купил себе на рынке «инструмент» и в оркестре Дома культуры на балалайке наяривал! У меня к музыке с детства тяга, до сих пор, к счастью, не оставляет, хотя ни одной ноты и не знал, и до сих пор не знаю – я абсолютный «слухач». Не то, чтобы сложные какие-то вещи, но... из «Нармен», вальс Гуно на гитаре «беру», на анкордеоне, который на войне уже освоил. Я в «Анноре...» все это изобразил, как в самодеятельности гарнизонной под Костромой «выдавал»... Вот в «Весне на Заречной...» на гитаре Володя Гуляев играет – это ведь я: приехал Монро-усов музыку для фильма записывать: «Нужна партия гитары», – говорит. Стали искать гитариста – был в Одессе знаменитый, оказался в командировке. «А вы послушайте, как у нас Петя играет», – Марлен предложил. Ну, поставили мне ноты на пюпитр, оркестр симфонический «изготовился». А я смотрю на них... Тем не менее «партия гитары» именно в моем исполнении в фильме записана! Меня же командир полка в консерваторию посылал: «Прошу принять лейтенанта Тодоровского на композиторский факультет». А я слово «сольфеджио» услышал-то впервые в канцелярии консерватории, когда мне все это и объяснили: нужна музыкальная грамота, музыкальная школа... Я вот сценарии свои как обычно пишу? Сначала мелодия какая-то возникает, бренькаю ее на гитаре, бренькаю... «По главной улице с оркестром» видели? Там все это есть.

Так что, свое кино режиссер Тодоровский Петр Ефимович, получает, только про себя и снимает?! А вот в фильме Дмитрия Месхиева «Над темной водой» есть титр: «Моему отцу посвящается».

Он что, от режиссера или от автора сценария Валерия Тодоровского там появился?

— Ну гад, Валерна! Жена считает, он все про нас рассказал. А я посмотрел картину и, знаете, не увидел, не почувствовал там этих «шестидесятых», про которые они кино себе делали, атмосферы не почувствовал. Не могло в наше время тако-го, чтоб при третьем человеке, который то ли там посуду моет, то ли режет чего-то, любовью заниматься! И слишком уж современное поведение героев у них: аромат времени ведь какие-то крохотные детальки дают, костюмы, словечки. Конечно, каждый режиссер берет на вооружение собственный опыт, биографию свою, окружение.

«...Героям его свойственны поэтическое начало, глубокий лиризм и тонкий юмор, чувство товарищества, любви, мужества, воинской чести». Почти энциклопедические характеристики творчества режиссера Петра Тодоровского и героев его фильмов. В полном соответствии с постулатами соцреализма, несших в себе некие эмоциональные «плюсы» надежд, скажем, на «светлое будущее». Написано было, правда, о героях его фильмов еще «доперестроечных». До «Анкора...», до «Чудной игры»... А вот как воспринимает его фильмы пресса нынешняя: «Впервые Петр Тодоровский так смешит, ёрничает, так высмеивает, издевается. Он словно подводит черту под армейской темой, после поучений сняв водевиль. А развенчивает он быт и нравы послевоенного, в глуши затерянного военного городка. Сизая тоска гарнизонного быта, наполненная событиями, помноженная на одну шестую часть планеты, это и есть его «страна прекрасная»? Если глядеть на удаляющуюся молодость слезящимися от умиления глазами, поневоле сбивается фокус...»

— Наверное, я человек добрый. Во всяком случае, хотелось бы, что-

бы меня таким воспринимали. И доброту эту в каждом своем фильме стараюсь передать. Ибо это и совесть, и порядочность, и верность. Это меня всегда волновало и продолжает волновать. В фильмах моих нет отрицательных персонажей не потому, что я их не вижу в жизни или с ними не сталкивался, просто не интересны плохие люди и не интересно снимать о них фильмы. Про всех своих героев я знаю совершенно точно: они никогда не предадут, никогда! Что бы ни случилось. Но... Жизнь меняется, отрицательные эмоции накапливаются, с годами мы черствеем. Вот я на всю жизнь запомнил, как на знаменитом идеологическом пленуме просто уничтожали Виктора Платоновича Некрасова: и за «Записки зевани», и за то, что в своем выступлении похвалил Хуциева, а пнул Довженко... Дали ему слово, все ждали, что няяться будет, прощения просить — ему многое грозило! А он встал и очень четко, громко произнес одну фразу: «Писал и писать буду правду и только правду, которую мы завоевали в окопах Сталинграда». С тех пор фраза эта для меня, ну, как путеводная звезда, что ли: голову на плаху положу, что никого я не «развенчивал», я рассказывал о быте, о жизни армии, которые хорошо знал по собственному почти трехлетнему «прозябанию» в гарнизонах под Костромой, Брянском после войны. Многие после «Анкора...» разразились проклятиями, но была в «России» премьера: февраль, ветер ледяной, темнота жуткая. «Кто, — думаю, — придет?» А директриса: «Мы продали 1200 билетов! Для российского кино это небывало!» Перед фильмом мы выступили, пошли к ней в кабинет... Кончается фильм, взрывается полковник: «Кто режиссер?!» «Я», — говорю, а сам думаю: сейчас пристрелит! «Вот тебе моя рецензия: я в таких городках тридцать лет прослужил! Все, что у нас в жизни было, все — у тебя

на зирани!» Никого я не «развенчиваю!» Я героев своих люблю, они – из моей жизни.

«Над темной водой бытия шестидесятников» – называлась одна из рецензий на тот самый, «с посвящением», фильм Тодоровского-младшего и Месхиева. Тоже младшего. Прочитываются там многие. Но главный герой фильма – балагур и выдумщик, заводила и... оператор, правда, «парашютных» съемок, имеет явный прототип. Впрочем, может, в духе сегодняшней «завлекательности» характерный для шестидесятников идеологический мотив заменен в фильме мотивом эротическим. Что не совсем соответствует и прототипам, и историческим реалиям: в кинематографе шестидесятников, будь то фильмы Хуциева-старшего или Петра Тодоровского, иррациональность, чувственность, как таковые, никогда не бывали предметом специального исследования. В их фильмах всегда преобладала лирика.

– Может, я нондовый реалист, но мое кредо – правда. В картине зритель должен узнавать не столько факты из жизни, сколько чувства. Подобные тем, которые пережил и сам. Жизнь – штука жестокая, и надо уметь сохранить свое достоинство. Такое удается не каждому. И такое может случиться не только на войне. Когда все разрешено, теряются ориентиры. Изголодавшись по запретным темам, многие, думаю, потому и кинулись снимать чернуху, появились очень грязные ленты. Даже я кинулся в эту прорву, стал снимать кино более жесткое, «социальное», что ли. Мне кажется, сейчас наступила не столько долгожданная свобода, сколько время без идеалов. Но у него был запас прочности, какие-то идеи, замыслы, которые не мог воплотить во времена запретов, тот смог работать. Чем я и занимаюсь последние годы. Но вот

мы говорим о доброте, а ведь ее не только в кино, ее и в жизни стало гораздо меньше... Даже на войне люди приходили на помощь друг другу, сегодня же... страшнее, чем на войне! После войны восстанавливали дома и заводы, но восстанавливать надо было и души людей. У меня была контузия – на левое ухо ничего не слышу, поэтому, когда меня ругают, поворачиваю левое ухо: там что-то кричат, а я – не слышу. А если серьезно, то кому приятно, когда тебя ругают?! Переживаю, конечно. Отсюда инфаркт и прочие сложности. Чтобы без всего этого прожить, нужно просто спрятаться в холодильнике. Но если ты режиссер, ты должен страдать. И единственное, что с невзгодами собственными можно делать, это, думаю, преодолевать их быстрее, когда насаются вещей тщеславных, суетных... Н соналегию, я стал понимать это, когда стал почти старым. Кто-то сказал, что дурак хотел бы звезды с неба получить, а мудрец ими любуется... Самое важное, думаю, в жизни – заниматься своим делом. Тогда и суетиться не надо будет, не надо будет кому-то что-то доказывать, завидовать... Да и вообще кого-то чему-то учить! И не надо будет по долгу спорить по поводу собственных неприятностей, носиться с ними, как с писаной торбой. Да еще и взваливать на кого-то эту торбу, беды неизбежны, они – часть нашей жизни. Мы часто – в хорошем смысле слова! – не умеем пользоваться жизнью, не думаем, какая это удача – просто жить на земле, видеть ясное небо, синее море, теплую землю... Цветы цветут, женщины улыбаются... И птички, и вода, и небо, солнце, которое нас греет, – это же чудо! Можно просто взять в руни гитару и спеть песню – свою или друга. Хорошо!

ГЕННАДИЙ СУХИН

Читатель- СМЕНА- Читатель

Здравствуй, «Смена»!

Я чуть ли не с шести лет слышу: сейчас в России переходный период. Красное поменяли на белое. Социализм на капитализм, а главное, меняются люди. На первое место вышли деньги. Нет, я против денег ничего не имею, деньги одно из самых великих изобретений человечества, но мне не нравится, что идолом сегодняшнего дня становятся именно они — рубли, доллары.

В погоне за властью, богатством, известностью человек часто, даже не замечая этого, продает совесть, ему не становится стыдно, если он сворует или возьмет взятку. Для него не существует понятия честь. Это уже вошло в норму. А несогласных пускают в «расход». Батушенко про все это написал: «Ярмарка. В России ярмарка! Торгуют совестью, стыдом, людьми».

Ярмарка?.. Нет. Это уж больше похоже на базар — хаотичный, грязный, шумный, грубый.

Маленькие дети попадают в детские дома, на улицы, на панель, подвергаются чаще, чем когда бы то ни было, сексуальным надругательствам. Старички потихонечку умирают с голоду, просят на станциях милостыню. Мне почему-то всегда бывает стыдно, когда я иду мимо них. Большое количество «тинейджеров» — наркоманы. Об этом много пишут в газетах, да я и сам знаю: в одном только нашем подъезде сидят на игле по крайней мере

пятеро пацанов, колются прямо на черной лестнице. Соответственно подскочил рост подростковой преступности. Недавно прочел в газете: по данным Комитета Госдумы РФ, приведенным на парламентских слушаниях в апреле 1996 года, в России насчитывается около 500 тысяч детей-алкоголиков, 15 тысяч детей-наркоманов. Около 2 миллионов преступлений, из которых 23 тысячи убийств, зарегистрировано только в прошлом году. 1 миллион так и не были раскрыты. Тюрьмы забиты до отказа... Совесть, стыд. Ау-у... Не докричишься.

Не знаю, как вам, а мне страшно. Ведь это все вокруг нас. Это — мы. Слава Богу, есть еще люди, которые борются. Борются с несправедливостью, остаются честными и правдивыми. Одним словом, людьми. Их не так уж мало, если задуматься и осмотреться. Собственно, они даже и не ставят так вопрос: дескать, буду бороться со вселенским злом. Просто — живут по совести и делают то, что считают необходимым и для себя, и для других. Полковник милиции Ю. Дубягин, о котором писал ваш журнал в феврале этого года, убежден, что проблема пропадающих без вести детей касается лично его. Я и сам знаю таких людей. Например, семья петербуржцев Левиных, давних знакомых моих родителей. Тетя Марина и дядя Алик — я их так с детства привык называть — кроме

своих собственных троих детей усыновили девять чужих. А недавно познакомился с парнем, он года на три всего меня старше, так он организовал в своем дачном поселке ветлечебницу. К нему (он какой-то колледж с ветеринарным уклоном закончил) несут всякую живность, кто кошку, кто собаку. Когда я был у него, принесли попугайску. Юра ей сделал операцию: удалял опухоль у этой совсем крохотной птицы. Я, побывав в его лечебнице, точно теперь знаю: Юрка не из-за денег ее открыл, не для одного лишь заработка.

Вот так поосматриваешься кругом, припомнишь всех нормальных людей, которых знаешь и которых, выясняется, знаешь не так уж и мало, — и легче становится. Уже та «черная ярмарка» не такой страшной кажется. Раз такие нормальные люди в России есть, она не пропадет ни за что. А, значит, не пропаду и я.

АНДРЕЙ БРЫНЦЕВ,

16 лет

Хотела написать: наша ситуация нетипична. А потом засомневалась: может быть, как раз типична? Ведь даже поговорка такая есть: «Седина — в голову, бес — в ребро».

Человек, которого я очень люблю, буквально боготворю, вдвое старше меня. Он полковник в отставке, москвич. Познакомились мы с ним в подмосковном санатории, поскольку я тоже работаю в организации, связанной с министерством обороны. Случилось это шесть лет назад. Ему было 55, мне — 25. Его лет ему никто не давал, да и сейчас не дает. Он молод, красив, борода, очень умен и остроумен. Я ни разу не встречала таких людей среди моих ровесников и мужчин постарше.

Мы оказались за одним столом в санатории и разговорились. Оказалось, у него очень больна жена, уже два года как она не встает с постели. Он все время посвящал уходу за ней. Из всех своих работ оставил только преподавание в одном из вузов. С какой нежностью он говорил о жене, о своей маме, о детях и внуках, о своих студентах. В общем, несмотря на разницу в возрасте, я просто сошла с ума от любви к нему.

У него есть машина, старенькие «Жигули», и он стал приезжать ко мне в гости, до нас от Москвы всего часа два езды. Мы с мамой жили в своем доме, теперь я там осталась одна. Поразило, что, едва переступив порог, он сразу засучил рукава и взялся за работу, поняв, что в доме нет «мужской руки». Теплицу отремонтировал, крыльцо обновил, садом занялся вплотную. Мне на все это как-то было наплевать, но он и меня своим азартом заразил. И все делает весело, с озорными разговорами и прибаутками. Как будто всю жизнь только хозяйством и занимался. Хотя, я знаю, он по гарнизонам по всей стране с семьей мотался, только лет двадцать назад вернулся в Москву и занял собственную квартиру.

Короче, жизни своей без него я не мыслю. Ни с кем на свете мне не бывает так хорошо, как с ним. Если долго не приезжает, тоскую, душа рвется. Полтора года назад его жена умерла. Он очень тяжело это пережил, как-то весь поник, умолк. А несколько дней назад сделал мне предложение.

И вот я в растерянности. С одной стороны — люблю, верю, знаю, что человек этот никогда не предаст, не оставит. А с другой? Мне тридцать лет. Если свяжу свою жизнь с ним, значит, уже ничего другого у меня не будет. Говню от себя эту мысль, но понимаю: на себе как женщине придется поставить крест. А так хочется еще побыть

молодой и красивой, нравиться мужчинам. В общем, запуталась я и любимого своего озадачила. Наверное, он меня не понимает. Но ведь и я себя сейчас совсем не понимаю.

И кто поможет?

СОФЬЯ М.,

Владимирская обл.

То, о чем я пишу – более, чем трагично, если можно так выразиться. Я – медсестра в ЛТМ – лечебно-трудовых мастерских при психоневрологическом диспансере. Я редко встречала информацию о ЛТМ в прессе. Поэтому поясню, что же это такое.

Для больных людей, получающих пенсию по инвалидности и, как правило, весьма небогатых материально, это – возможность (и всегда так было, не только при нынешнем экономическом кризисе!) как-то удержаться на плаву. Наши пациенты, занятые в мастерских, получали, хоть и очень небольшую, но зарплату; их кормили в столовой диспансера; они получали бесплатные лекарства и медицинскую помощь. Что очень и очень важно – эти люди, об обычном трудоустройстве которых речь не шла, – изготавливая в ЛТМ разнообразные бытовые и хозяйственные мелочи типа упаковочных коробок, конвертов, рабочих рукавиц, избавились от ощущения собственной ненуж-

ности, выброшенности из нормальной жизни. Ведь хоть и немудрящая была продукция мастерских, спрос на нее, тем не менее, имелся. ЛТМ позволяли больным людям не относиться к себе как к «балласту для родных, семьи». И еще – восполняли дефицит социального общения, становясь для пациентов чем-то вроде клуба, где все члены равны и отверженных быть не может.

За последние несколько лет закрылось очень много подобных мастерских при медицинских диспансерах. Не только в Москве, по всей России. Причина слишком очевидна, чтобы долго о ней говорить: у здравоохранения нет денег, продукция же мастерских, работающих на принципах самофинансирования (но все же дотирующихся раньше государством) потеряла заказчиков.

Наша ЛТМ пока еще держится каким-то чудом. Но – это понятно всем, и персоналу, и администрации, и больным – долго мы не протянем. Что будет с работающими у нас пациентами, когда они лишатся своей мастерской – ума не приложу. А о тех, кто живет одиноко, не имеет семьи – просто страшно подумать! Они могут погибнуть. Государство нам вряд ли поможет. Может, пора обращаться к «новым русским», искать спонсоров?

С уважением

АНГЕЛИНА ПЕТРОВНА ОСТЕННИНА,

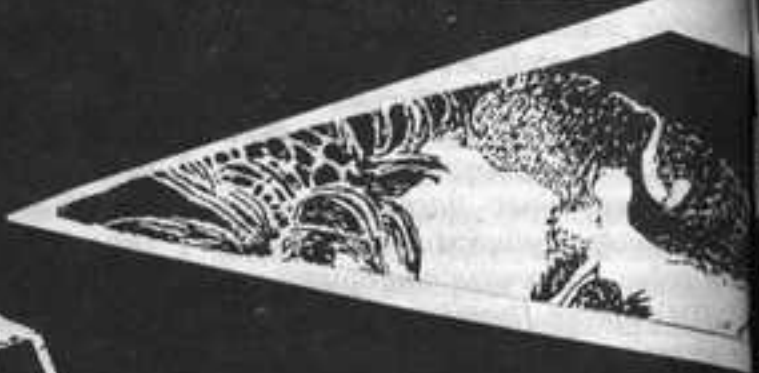
Москва

Уважаемые читатели!

В 7-м номере «Сменить» мы обратились к вам с просьбой высказать пожелания по поводу сегодняшнего и завтрашнего дня журнала. Огромное количество заполненных вами анкет уже поступило в редакцию, но поскольку письма продолжают идти и идти, решено отложить подведение итогов этого важного для нас диалога. Во втором номере за 1997 год мы познакомим вас с результатами социологического исследования, а также розыгрыша анкет. Будут названы имена счастливиц, которые получают призы.

Выражаем самую искреннюю благодарность всем, кто откликнулся на просьбу редакции.

Редколлегия

ДЖЕК ХИГГИНС

BAW

МЕСТА НЕТ

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

Мэтью Брейди, блуждавшему в лабиринте полусна-полуяви, когда сознание полно странных, причудливых образов, показалось, что лицо это выплыло из тумана — однажды увидев его, нелегко забыть — острое, узкое, с высокими скулами и глубоко посаженными пронзительными глазами. Мэтью вздохнул поглубже, а когда открыл глаза, рядом никого не было. Он вздрогнул, потянулся за сигаретой, глубоко затянулся. Биг Бен пробил два; в тумане бой часов звучал как-то странно, приглушенно; затем все стихло. Мэтью ощутил себя ужасно одиноким и полностью отрезанным от всего остального мира. Он прислонился к парапету под фонарем, посмотрел сквозь туман на воду в реке и спросил себя — что же дальше? Ответом ему была лишь гудок парохода, идущего к морю, и это походило на прощание.

Он отвернулся и поднял повыше воротник пиджака. Вдруг из тумана возникла девичья фигура. Налетев на него, девушка испуганно вскрикнула.

— Все в порядке, — успокоил ее Брейди. — Не бойтесь.

На ней было старое, спортивного покроя пальто, туго перехваченное в талии, и шарф, по-деревенски повязанный под подбородком. На вид ей было лет тридцать — круглолицая, с темными и встревоженными глазами...

Она пристально вгляделась в его лицо и неуверенно рассмеялась, облокотившись на парапет.

— За мной шел мужчина. Может, у него на уме и не было ничего дурного, но я очень испугалась.

Она прекрасно говорила по-английски, но слегка на иностранный манер. Брейди достал сигареты и предложил ей одну.

— Набережная — не место для женщины в этот час ночи. Есть немало подозрительных личностей, которые любят устраиваться здесь на ночлег.

— Я живу тут рядом, через дорогу. Была у подруги в Челси, не смогла поймать такси, вот и решила пройти пешком. — Она засмеялась. — А вы сами не похожи на человека, который спит на скамейках на Набережной.

— Такое может случиться с любым, — заметил Мэтью.

— С любым — да, но не с вами, — возразила девушка. — Вы ведь не англичанин, правда?

Он покачал головой.

— Бостон, Массачусетс.

— Ах вот как, американец.

Брейди улыбнулся.

— Там, дома, у меня есть друзья, которые нашлись бы, что вам ответить.

Джек Хиггинс, современный американский писатель, автор многих рассказов и романов, написанных в жанре боевика-детektива, очень популярен не только в Америке, но и далеко за ее пределами. Литературные критики пишут о нем: «Нет равных Хиггинсу по мастерству создания острого и захваченного сюжета... Непревзойденный рассказчик».

— А где вы живете или собираетесь оставаться здесь до утра? — спросила девушка.

— Я даже не помню, как попал сюда. Я снимаю номер в гостинице неподалеку от Рассел-сквер. Вот передохну и вернусь в гостиницу.

Тяжелые капли дождя падали на них сквозь ветви платанов, и Брейди потуже стянул воротник пиджака. Девушка нахмурилась.

— Послушайте, вам нужно надеть пальто, а то получите воспаление легких.

— Что вы предлагаете?

Девушка взяла его под руку.

— Можете проводить меня до дому. Я точно помню, что в кладовке у меня висит старый плащ.

Он не стал спорить. Силы, казалось, окончательно покинули его.

Они перешли через дорогу, зашагали по гулкому мощеному тротуару, потом свернули в проулок. Дом, где жила девушка, был последним на этой улице; сразу за ним тянулось кладбище, и в полумраке смутно виднелась высокая колокольня церкви.

Все казалось непрочным, призрачным, будто готовым в любую минуту сорваться и исчезнуть в тумане. Они поднялись по лестнице, и пока девушка шарила в сумочке в поисках ключа, Брейди ощущал какое-то странное головокружение. Конечно, сказывались два дня, проведенные в кабаках, и все же было во всем этом нечто нереальное.

Наконец девушка достала ключ, открыла дверь и вошла в комнату. Обстановка оказалась на удивление хорошей. Толстый ворсистый ковер лежал на полу, а неяркий свет мягко освещал розоватые стены.

Брейди стоял посреди комнаты и ждал. Девушка сняла пальто и шарф, пригладила темные, коротко стриженные волосы и шагнула вперед. Он слегка покачнулся.

— Что с вами? — спросила она с тревогой. — Вам нехорошо?

— Ничего страшного, чашка кофе и несколько часов крепкого сна — вот и все, что мне нужно.

Девушка подошла к бару с напитками, смешала коктейль и принесла ему.

— Глоточек спиртного. Выпейте! Это должно помочь. А я приготовлю вам кофе и принесу одеяла. Вы можете спать на тахте.

Брейди залпом выпил коктейль и потянулся за сигаретой. Вдруг бокал выпал из его рук, а комната стала уплывать куда-то...

Когда Брейди очнулся, он увидел склонившуюся над ним девушку, казавшуюся невозмутимой, а рядом с ней — лицо мужчины, острое, узкое, с глубоко посаженными, пронзительными глазами — лицо из ночного кошмара, которое возникло из тумана на Набережной.

Он широко раскрыл рот в беззвучном крике, но комната неожиданно закружилась в водовороте цветных огней, затягивая его вниз, в темноту.

Боль, обжигая и накатывая волнами, вынесла его на поверхность из мрака; кто-то хлестал его по щекам. Рядом слышались какие-то голоса, затем кто-то повернул кран.

Голову его с силой пригнула чья-то мощная рука, и он задохнулся под струей ледяной воды, хлынувшей ему в ноздри. Когда его снова вытянули, заставив распрямиться, в ушах шумело, и он едва мог дышать, но пелена, застилавшая его взгляд, рассеялась.

Он был в маленькой, отделанной белым кафелем ванной, и его отражение смотрело на него из большого, по пояс, зеркала. Лицо казалось изможденным, измученным, на щеке виднелись борозды от ногтей, а рубашка была вся в крови.

Рядом с ним стоял плотный мужчина в потертом плаще и мягкой фетровой шляпе; глаза на грубоватом лице смотрели на Брейди сурово и неприязненно.

— Как вы себя чувствуете? — резко спросил мужчина.

— Ужасно! — прохрипел Брейди, и собственный голос показался ему чужим.

— И поделом тебе, мразь, подонок! — Мужчина грубо протолкнул его в дверь.

В гостиной оказалось полно народу. У двери стоял полицейский в форме, а двое сыщиков в штатском ползали по всей комнате, выискивая отпечатки пальцев.

Высокий седовласый худой человек сидел на краю тахты с блокнотом в руках и слушал маленького сгорбленного старичка, который стоял перед ним, беспокойно теребя матерчатую кепку.

Когда Брейди появился в дверях и маленький старичок заметил его, лицо его исказилось от страха.

— Это он и есть, инспектор Мэллори, — пробормотал он. — Тот самый тип.

Мэллори обернулся и спокойно взглянул на Брейди.

— Вы уверены, мистер Блейки?

Маленький человечек твердо кивнул.

— Вряд ли я когда-нибудь забуду его, начальник. Я его хорошо разглядел, когда он стоял в дверях, — она как раз зажгла свет.

Вид у Мэллори был усталый. Он что-то записал к себе в блокнот.

— Очень хорошо, мистер Блейки. Вы можете вернуться к работе. Позднее мы вызовем вас для показаний.

Маленький человечек повернулся и направился к двери.

— Послушайте, что, черт побери, тут вообще происходит? — медленно проговорил Брейди.

Мэллори холодно посмотрел на него.

— Покажите ему, Гауэр.

Полицейский, который вывел Брейди из ванной, подтолкнул его к двери в спальню. Брейди неуверенно остановился в дверях. Сверкнула вспышка, и фотограф, обернувшись, посмотрел на него с любопытством.

В комнате был полный разгром, на полу в беспорядке валялись туалетные принадлежности, а занавеси трепетали на ве-

терке, задувавшим из разбитого окна. Простыни и одеяла свисали на пол, а напротив, на стене, видны были брызги крови.

Еще один сыщик стоял на коленях, заворачивая в полотенце старинную, из китового уса, трость. Она была скользкой от крови; он обернулся, взглянул на дверь, и неожиданно в комнате стало тихо.

Гауэр подтолкнул Брейди вперед, к изголовью кровати. Что-то лежало там, прикрытое одеялом, в узком пространстве между кроватью и стеной.

— Смотрите! — сказал он, сдергивая одеяло. — Смотрите хорошенько!

Одежда девушки была разодрана и сползала клочьями. Она лежала, распростертая на полу, ноги выше колен забрызганы кровью, а вместо лица — сплошное кровавое месиво.

Брейди отвернулся, тошнота подступила к горлу. Гауэр выругался и толкнул его к двери.

— Ты — гнусный, отвратительный выродок! — бросил он злобно. — Я с удовольствием бы вздернул тебя своими руками.

Мэллори по-прежнему сидел на тахте, внимательно изучая паспорт Брейди. Он повернулся к Гауэру.

— Постереги его пока в другой спальне. Я там буду через минуту.

Брейди попробовал что-то сказать, но слова застряли в горле, и Гауэр, подталкивая, вывел его в соседнюю спальню, где оставил под присмотром молодого констебля.

— Не найдется ли у вас сигареты? — спросил Брейди, когда полицейский вышел.

Констебль поколебался, расстегнул свою форменную куртку и вынул оттуда помятый серебряный портсигар. Ни слова не говоря, он протянул сигарету Брейди и дал ему прикурить, потом вернулся на свой пост у двери.

Через несколько минут в спальню вошли Гауэр и Мэллори.

— Кто, черт побери, посмел дать тебе это? — рявкнул Гауэр, вырывая сигарету у Брейди, при этом зацепил ногой кресло и дернул его так, что Мэтью растянулся на полу. Гнев закипел в нем, и он с силой ударил Гауэра под ложечку, а когда сыщик скрючился пополам, нанес ему в лицо удар правой, так что тот отлетел к противоположной стене.

Гауэр поднялся, его лицо исказилось от бешенства. Брейди обеими руками схватил кресло и, выставив его перед собой, попятился в угол.

Мэллори быстро встал между ними.

— Приведите себя в порядок, Джордж, — сказал он Гауэру. — Идите на кухню, выпейте чаю или займитесь там чем-нибудь. Я вас вызову, когда вы мне понадобится.

Гауэр злобно посмотрел на Брейди, потом быстро повернулся и вышел из комнаты. Брейди опустил кресло, и Мэллори кивнул головой констеблю:

— Подождите за дверью.

Дверь за констеблем закрылась.

— Может быть, перейдем к фактам? — Мэллори тяжело опустился в кресло.

— Вы хотите сказать, к допросу?

— Давайте для начала поговорим неофициально.

— Согласен, — ответил Брейди. — Начнем с того, что я не убивал. Я даже не знаю ее имени.

Мэллори достал из кармана фотографию и протянул ее Брейди.

— Мари Дюкло, родилась в Париже, прожила здесь около шести лет. Известная проститутка. После принятия Постановления, когда ее прогнали с панели, она поступила так, как, к сожалению, поступили многие ей подобные — сняла себе квартиру с телефоном, или же кто-нибудь снял ее для Дюкло.

Фотография была старая, выцветшая, и Брейди, нахмурившись, покачал головой.

— Не очень-то похоже на Дюкло.

— Это неудивительно. Фотография сделана десять лет назад, когда девушке было восемнадцать. Расскажите-ка лучше, как вы с ней познакомились.

Брейди рассказал обо всем, начиная с первого знакомства на набережной и кончая своим обмороком в квартире у девушки.

Мэллори некоторое время молчал, сосредоточенно нахмурившись.

— Итак, все сводится к следующему. Вы утверждаете, что видели лицо мужчины на набережной в тумане, а позднее увидели его снова, здесь, в этой квартире, за спиной у Мари Дюкло.

— Вот именно.

— Другими словами, вы предполагаете, что этот человек совершил убийство.

— По логике вещей, так и есть.

— Но почему, Брейди? — негромко спросил Мэллори. — И почему он выбрал именно вас?

— Потому что я был здесь. Мне кажется, это какой-нибудь несчастный молокосос, с которым она иногда проводила время.

— Но если он действительно БЫЛ здесь, куда он подевался потом? Вы с девушкой единственные, кто в эту ночь входил с улицы через парадную дверь. По крайней мере, так уверяет сторож.

— А как вы узнали, что здесь что-то произошло? — спросил Брейди.

Мэллори пожал плечами.

— Сторож услышал ее крик, потом в окно швырнули подсвечник. Он постучал в дверь к соседям и попросил их позвонить нам по телефону. Он ни на минуту не отводил глаз от двери. Никто не выходил.

— Там, наверное, есть черный ход.

— Нет. За домом лишь запущенный сад с шестифутовой оградой из металлических прутьев, которая отделяет его от кладбища.

Брейди сидел, беспомощно глядя на Мэллори. Весь мир, казалось, обрушился на него, и он ничего не мог с этим поделать.

Дверь открылась, и вошел молодой констебль, он протянул Мэллори листок бумаги.

— Сержант Гауэр подумал, что вам это, может быть, покажется интересным, сэр.

Дверь за ним затворилась, и Мэллори быстро пробежал глазами листок. Немного погодя он сказал:

— Похоже на то, что вы весьма горячий и несдержанный человек, когда на вас накатывает.

Брейди нахмурился.

— Что вы там еще откопали?

— Мы просто провели небольшую проверку, чтобы узнать, нет ли чего-нибудь на вас. Вы приехали из Кувейта три дня назад и, похоже, провели эти дни, пытаясь упиться до смерти. Во вторник вечером вас вышвырнули из пивной на Кингз-Роуд, после того как вы избили хозяина, отказавшегося вас обслужить. Позднее в тот же вечер вы ввязались в потасовку в ночном кабачке в Сохо. Когда вышибала попытался вас выкинуть вон, вы сломали ему руку, но владелец заведения не стал посылать за полицией. В конце концов вас подобрали полицейские на Хеймаркет в четыре часа утра, пьяного до бесчувствия. Здесь еще сказано, что вас оштрафовали на два фунта вчера на Боу-стрит. Настоящий рекорд!

Брейди встал и взволнованно заходил по комнате.

— Ладно, я расскажу вам, как было дело. Я инженер-строитель. Работал на строительстве мостов, плотин и тому подобного. В прошлом году я встретил в Лондоне девушку, ее звали Кэти Хольдт. Она была немкой и работала няней в одной семье. Я совсем потерял голову, хотел жениться на ней, но денег не хватало. В Кувейте как раз открывалась вакансия — на строительстве новой плотины. Деньги там платили хорошие, поскольку желающих на это место не находилось. Условия работы были ужасные, главным образом из-за жары. Я согласился, жил за счет компании десять месяцев, а все свое жалованье переводил Кэти в Лондон.

— А дальше, наверное, все произошло как обычно?

Брейди кивнул.

— Я прилетел сюда после десяти месяцев ада и узнал от ее хозяина, что месяц назад она вернулась в Германию и вышла там замуж.

— И тогда вы решили напиться, — заметил Мэллори. — Так напиться, что даже не помните, что вы делали большую часть времени.

— Вы правы, инспектор. Я напился, даже ввязался в пару уличных потасовок, но я не убивал эту девушку.

Мэллори встал, подошел к небольшому туалетному столику, взял зеркало и протянул его Брейди.

— Взгляните! — потребовал он.

Кровь из царапин засохла. Брейди осторожно дотронулся до них кончиками пальцев.

— Вы хотите сказать, что это сделала она? — выдохнул он.

— Врач взял на анализ кровь и частички кожи из-под ногтей. Он проверит и вас, когда мы приедем в участок.

Брейди сжал кулаки, стараясь унять дрожь в руках.

— Я американский гражданин. Можно позвонить в посольство?

— Об этом уже позаботились.

Брейди сделал еще одну попытку.

— Давайте спокойно все обдумаем, Мэллори. Где-то должен скрываться ответ.

— Есть только одно, что может вам помочь, Брейди, — адвокат. Я попросил ваше посольство найти хорошего адвоката. Самого лучшего, какой только есть. Не то ваше дело дрянь.

Начальник тюрьмы «Мэннингем» вздохнул. У тех, кто сидел в камере смертников, всегда такой вид — точно весь мир ополчился против них. Хотя он, со своей стороны, считал довольно бесчеловечным заставлять человека мучиться в ожидании казни, прежде чем сообщить ему об изменении приговора.

Он аккуратно сложил все доклады в стопку, убрал их в папку и откинулся в кресле.

— Это тюрьма повышенной надежности, Брейди. Из нее нет выхода, разве что через главные ворота. Потому-то людей и присылают сюда. Вы увидите, что большинство из тех, кто вас будет окружать, приговорены к длительным срокам тюремного заключения или пожизненно, вроде вас. У вас есть вопросы?

— Нет, сэр! — отчеканил Брейди.

— Вы были инженером-строителем. Мы можем дать вам работу по специальности. Приступите завтра утром, вместе с другими.

— Благодарю вас, сэр!

— Думаю, мне не надо вам говорить, что это привилегия, и вы будете немедленно ее лишены в случае каких-либо нарушений. Я достаточно ясно выразился?

— Да, сэр!

Начальник слегка улыбнулся.

— Если вам когда-либо понадобится совет, Брейди, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне. — Он поднялся, показывая, что беседа окончена, и старший надзиратель вывел Брейди из кабинета.

Тюрьма «Мэннингем» была третьей, в которой Брейди побывал за последние три месяца, и он с интересом оглядывался вокруг, пока его вели в бельевую — выдать одежду, потом на кухню — кормить, и наконец в камеру.

Камера оказалась просторнее, чем он ожидал. Здесь было небольшое зарешеченное окошко, умывальник и нужник, вделанный в пол в углу. Вдоль стены шли две койки — одна над другой, а напротив — одна кровать. На ней растянулся мужчина, читавший журнал. На вид лет шестидесяти, седые волосы коротко, под машинку, острижены, а на морщинистом веселом лице выделялись пронзительно-голубые глаза.

— Новый жилец к тебе, Эванс, — сказал надзиратель. — С завтрашнего дня он начинает работать в бригаде строителей. Расскажи ему, что к чему, — он повернулся к Брейди: — Помни, что сказал тебе начальник, и веди себя смирно. Будешь играть по правилам — и я с тобой буду так же.

Дверь с легким щелчком захлопнулась, и со скрежетом ключа, поворачиваемого в замке, все остальное в мире перестало существовать.

— Будешь играть по правилам — и я с тобой буду так же! — мужчина на кровати с возмущением фыркнул. — Что за чушь! — Он сел и вытаскил пачку сигарет из-под подушки. — Угощайся, сынок. Меня зовут Джо Эванс. А ты, полагаю, Брейди?

— Он самый. Как ты догадался?

— Дошли слухи из Вондсворта. Я слышал, ты там по-свойски расправился с вертухаем?

Брейди прилег на нижнюю койку и с удовольствием затаился.

— Он приставал ко мне с того дня, как меня перевели туда на допросование. Я не мог больше этого выносить.

— Хорошо, сынок. Главное — не позволяй этим гадам уложить тебя на обе лопатки. Если почувствуешь, что они тебя совсем доконали, плюнь прямо в глаз кому-нибудь из тюремщиков. Это всегда поднимает настроение.

— Ну еще бы, — ответил Брейди. — А как тут вообще?

— Совсем неплохо. Скоро они поделят к тебе наверх еще какого-нибудь парня, но пока можешь жить спокойно. Я попал сюда три года назад, когда здесь сделали тюрьму повышенной надежности для таких вот нехороших парней. С тех пор никто отсюда не дернулся.

— И сколько тебе еще осталось?

Старик улыбнулся.

— Скоро конец. Я оттрубил шесть лет из семи. Был бы сейчас на воле, если бы вел себя поаккуратнее. Да ладно, теперь-то уж все, завязано! Моя старушка держит отличную маленькую гостиницу в Корнуолле. Так что им меня больше здесь не видать.

— Сдается, я слышал уже нечто подобное, — заметил Брейди.

— Но я и в самом деле так решил, — заверил его Эванс. — Знаешь, что меня погубило? Слишком уж я поднаторел в моей чертовой работенке. Когда вскрываю сейф, то шума при этом не больше, чем при отрыжке. Беда лишь в том, что я делаю это настолько искусно, что фараоны всегда знают, кого им искать.

— Ты, похоже, неплохо здесь устроился.

— Что ж, я не жалею. Держись за меня, и ты всегда будешь мягко приземляться, сынок.

— А что это за стройка, о которой говорил начальник?

— Им не сладить с волной преступлений — вот мы и строим еще один корпус в центральном дворе. Совсем неплохая работенка. Получше, чем шить мешки для почтовой корреспонденции или протирать задницу, сидя тут целыми днями, пока не рехнешься окончательно. Если особо не нажимать, нам хватит месяцев на десять.

— Я не намерен задерживаться здесь так долго.

— Послушай, сынок. Не бейся головой о каменную стену. Верный способ угодить в местечко похуже. Никому не удастся взломать эту жестянку. Я пробыл здесь три года и испробовал все возможности. Отсюда нет выхода.

— Но я должен отсюда выбраться. Меня подставили, Эванс. Кто-то уколошил девчонку, а я должен расплачиваться. Я хочу знать, кто это сделал и почему. И найду способ, дай только время.

Дни, следовавшие за этим, слились в один ряд. Каждое утро после завтрака пятьдесят человек строились перед старшим надзирателем в главном дворе и получали задание на день. Сам корпус был, в основном, почти достроен, но оставалось еще порядочно недоделок на металлических конструкциях на уровне четвертого этажа.

Эванс работал сварщиком и клепальщиком, и Брейди отдал ему под начало. Видя, с каким искусством американец обращается с паяльной лампой, старик предоставил тому работать самостоятельно.

В четверг, перед самым полуднем, дежурный надзиратель позвал Брейди вниз и сообщил, что к нему пришли. Стоя в очереди перед дверью комнаты для посетителей, Брейди гадал, кто бы это мог быть. У него не было друзей в Англии, а родители давно умерли. Оставалась сестра в Бостоне, но она уже приезжала во время судебного процесса.

Когда подошла его очередь, дежурный офицер пропустил Мэтью внутрь и усадил в кабину. Наконец дверь распахнулась, и в комнату вошла молодая девушка.

Ей было на вид лет двадцать, темные волосы коротко острижены, как у мальчика, смуглая кожа обтягивала высокие скулы, глаза темно-карие. Не красавица, и все-таки в толпе ее нельзя было не заметить.

— Мистер Брейди, вы меня не знаете. Меня зовут Энни Даннинг.

Брейди нахмурился.

— Боюсь, не совсем понимаю.

— Вы были знакомы с моим отцом, Гарри Даннингом, — объяснила девушка. — Вы работали вместе на строительстве плотины Зембе в Бразилии.

— Так вы дочь Гарри Даннинга! Как он? Я ничего о нем не слышал с тех пор, как мы расстались в Нью-Йорке, когда закончили эту плотину в Зембе. Он, кажется, собирался поехать в Гватемалу?

— Он умер, мистер Брейди, полтора месяца назад в Кобане — упал с большой высоты и разбился.

— Мне очень жаль, — произнес Мэтью. — Ваш отец был моим близким другом.

— То же самое и он говорил мне о вас. Я вылетела, как только мне сообщили о несчастье, и пробыла с ним два дня до его смерти. Он слышал о том, что вы попали в беду, но говорил, что вы никогда не могли бы такого сделать, однажды вы спасли ему жизнь.

Она открыла сумочку и достала старомодные серебряные часы с цепочкой.

— Он хотел передать вам это.

Брейди слегка покачал головой.

— Здесь они мне не нужны. Лучше сохраните их для меня.

— Вы правда этого хотите? — спросила девушка.

— Я могу отсюда выйти раньше, чем вы думаете, и тогда отдадите мне лично.

Она снова положила часы в сумочку.

— Но ведь вашу апелляцию, кажется, отклонили?

— О, у меня еще есть кое-какие надежды. Расскажите лучше о себе. Как вы узнали, где найти меня?

— Кое-что промелькнуло в газетах, — объяснила девушка. — Я здесь с шоу-группой, мы выступаем в театре «Ипподром» на этой неделе. Вот я и подумала, как удачно все складывается. Сегодня утром позвонила начальнику, и он разрешил встретиться с вами.

— Я отдал бы все на свете, чтобы сидеть в самом центре первого ряда сегодня вечером, когда вы будете выступать, — сказал Брейди.

Уголки ее глаз чуть-чуть приподнялись, и она ласково улыбнулась.

— И я тоже отдала бы все на свете, чтобы вы были там, мистер Брейди. Как, по-вашему, мне разрешат еще раз прийти, повидаться с вами до того, как я уеду из Мэннингема?

Брейди покачал головой.

— Боюсь, что нет, но вы можете написать мне.

— С удовольствием. Я пришлю вам мой лондонский адрес.

На следующее утро, незадолго до полудня, Брейди работал на узком помосте на уровне третьего этажа, сваривал треснувшую трубу. У него за спиной втягивали на четвертый этаж груженное кирпичами брезентовое ведро.

Его спас только случай. Он сдвинул на лоб защитные очки, чтобы немного передохнуть, и краем глаза уловил, как что-то стремительно несется на него сверху. Он упал плашмя, нагруженное ведро медленно качнулось за край помоста и снова скользнуло вверх.

Брейди поднял голову — ведро на помост втягивал смуглый, высокий парень со сломанным носом и темными курчавыми волосами.

Брейди буквально взлетел по лесам на четвертый этаж, где нашел Эванса, тот сваривал угловые железные балки.

Старик сдвинул очки на лоб и улыбнулся.

— Ну что, перекур?

— Кто-то только что пытался заставить меня спикировать с третьего этажа, — сказал ему Брейди.

Эванс медленно поднялся.

— Ты уверен?

— Пойдем, я тебе покажу.

Мужчина со сломанным носом нагружал кирпичами тачку в другом конце помоста.

Эванс нахмурился.

— Это Джанго Саттон. Мнит себя таким крутым парнем. Ему припаяли семь лет за грабеж и насилие. Он долбанул ночного сторожа, семидесятилетнего старика, железной болванкой по голове. Что и говорить — удалец каких мало, — добавил

Эванс язвительно. — Бродяга-цыган. Живет здесь, в Мэннингеме, женат на местной девице.

— Мне бы хотелось знать, кто его надоумил.

Эванс угрюмо кивнул.

— Это нетрудно сделать. Ты только замани его сюда, а остальное предоставь мне.

Саттон катил свою тележку по помосту. Когда он поравнялся с дверным проемом, Брейди высунул руку, схватил его за шиворот и втащил внутрь с такой силой, что Саттон пролетел через комнату и ударился о стену напротив.

— Эй, что за шутки? — завопил он, поднимаясь.

— Ты пытался спихнуть меня в пропасть, — сказал Брейди. — Я хочу знать, почему.

— Да пошел ты! — ответил Саттон и бросился к двери.

Эванс выдвинул ногу, и цыган растянулся на полу. Он дернулся и попытался подняться, но Эванс пнул его ногой, прижимая к полу, и присел рядом с ним на корточки с горелкой в руке. Он подкручивал пламя, пока стальной наконечник не раскалился добела.

— Мы только хотим, чтобы ты вел себя разумно, Джанго. Лучше говори, парень! Кто подослал тебя, чтобы спихнуть моего приятеля с верхотуры?

Саттон замотал головой и попробовал отползти назад. Эванс схватил его за шиворот свободной рукой и поднес пламя ближе.

Саттон отчаянно вырывался, лицо его исказилось от страха.

— Я скажу вам, — закричал он визгливо. — Это Вильма, моя жена. Она пришла повидаться со мной вчера утром. Сказала, что мне отвалят пять сотенных, если я постараюсь, и Брейди свернет себе шею. И двести пятьдесят сверху, если это случится до воскресенья.

— А ее кто надоумил? — жестко спросил Брейди.

— Не знаю, — ответил Саттон. — Она мне не говорила.

Эванс взглянул на Брейди.

— Ну как, ты доволен?

Тот кивнул, и Эванс поднял Саттона, притянув его вплотную к себе.

— Смотри, не попадайся мне больше, парень, не то к Рождеству от тебя тут и следа не останется.

Цыган, точно угорь, проскользнул под рукой Брейди и исчез за дверь.

— Что же ты собираешься предпринять? — спросил Эванс.

Брейди повернулся к нему и усмехнулся.

— У тебя нос, как у ищейки.

Он подошел к штабелю кирпичей, сложенному в углу, и, сунув туда руку, вытащил моток хорошей, крепкой веревки.

— Здесь сорок футов, — сказал он. — И еще шестифутовая обвязка, которая крепится с помощью пружинных колец. Я прячу их здесь уже неделю, есть еще пара кусачек для проволоки, у меня в тюфяке. Это все, что мне нужно.

— Все что тебе нужно — для чего? — Эванс нахмурился.

— Я намерен рвануть отсюда, — ответил Брейди. — Теперь у меня есть зацепка — Вильма Саттон. Я выясню, кто подослал ее, даже если мне придется выбивать из нее это силой.

— Тебе понадобится моя помощь. Предположим, ты выберешься за стену в город. Где ты собираешься раздобыть одежду и деньги?

Брейди пожал плечами.

— Залезу в какую-нибудь лавчонку. Что мне еще остается?

— У меня есть ключ — я выточил его для себя в механической мастерской и прячу его в камере. Открывает любой из известных человеку дверных замков. Если тебе удастся отсюда выбраться, перейди через железную дорогу и иди к кладбищу. На той стороне ты наткнешься на маленькую запертую лавчонку, из тех, где торгуют подержанными вещами. Ты найдешь там все необходимое. Если повезет, обнаружишь даже что-нибудь в кассе.

— Ты уверен? — спросил Брейди.

Эванс кивнул.

— Парень, который сидел со мной в камере, рассказал мне об этой лавчонке. Тогда-то я и сделал ключ. Все было готово, вот только я не придумал, как можно отсюда выбраться. Теперь уже слишком поздно...

Дождь хлестал по оконному стеклу, когда Брейди выглянул, всматриваясь в темноту. Он повернулся и натянуто улыбнулся.

— Ну и ночка — прямо как по заказу!

Эванс стоял у двери, прислушиваясь.

— Да, сынок, если уходить, то сейчас.

Брейди приподнял матрас, вынул оттуда моток веревки и перекинул его через плечо. Страховку он обвязал вокруг пояса, кусачки сунул в карман: на этом приготовления закончились.

Эванс уже стоял на коленях у двери. Через мгновение раздался щелчок, и дверь тихонько приотворилась. Старик осторожно выглянул, потом повернулся и кивнул головой.

— Ты все взял?

Брейди похлопал его по плечу.

— Я только об одном беспокоюсь. Что будет с тобой?

Эванс ухмыльнулся.

— Давай, отправляйся, сынок! Выбирайся поскорее отсюда, черт бы тебя побрал, и удачи тебе!

Площадка была слабо освещена, и во всем корпусе стояла мертвая тишина. Брейди с минуту постоял, затем, когда дверь за ним закрылась, двинулся быстро и бесшумно к лестнице в дальнем конце.

Одна-единственная лампочка освещала вестибюль внизу, а сам купол был погружен в темноту. Брейди встал на перила и полез по металлической сетке вверх, пока не добрался до крыши корпуса. Он быстро закрепил зажимы от страховки на проволоке; вынул кусачки и принялся за работу.

Он выиграл время, разрезая сетку сначала по прямой, через крышу, а затем вниз, вдоль стены, звено за звеном. Это заняло всего пять минут, закончив, он сунул кусачки в карман и сдвинул в сторону вырезанный кусок.

Первая стальная перекладина поднималась от выступа в стене вестибюля футах в трех справа от него. Он отстегнул зажимы страховки, осторожно пролез сквозь отверстие, поглубже вздохнул и, оттолкнувшись, качнулся вперед. Какое-то мгновение проволочная сетка держала его, а когда она начала прогибаться, Брейди крепко ухватился за край перекладины и в следующую минуту уже стоял на выступе между перекладиной и стеной. Закрепив страховку на перекладине и у себя вокруг пояса, он откинулся далеко назад и, держась на одной лишь страховке, полез наверх. Несколько раз ему приходилось отстегивать жесткую страховку, но только поднявшись к основанию купола, он впервые столкнулся с настоящими трудностями.

Балки здесь выгибались, почти вплотную прилегая к стене, так что за ними оставался совсем крохотный зазор, куда он мог бы просунуть конец страховки. Дюйм за дюймом Брейди мучительно продвигался наверх, один раз его нога соскользнула, и страховка угрожающе скрипнула. Он с силой уперся ногами в балку, рывком поднялся еще на шесть дюймов и оказался наконец наверху, у самого выступа, ухватившись за железную кромку. Держась за нее одной рукой, он повис, а другой аккуратно отстегнул страховку и закрепил ее на поясе. Теперь он мог схватиться за кромку обеими руками и, подтянувшись, выбрался на уступ. Вентиляционный люк был на другой стороне, и Брейди осторожно пополз к нему, выдвинул раму и выбрался на наружный уступ.

Вид отсюда открывался великолепный, огни Мэннингема мерцали, переливаясь, сквозь сетку дождя.

Брейди, не раздумывая, перелез через водосточную трубу и начал спускаться; пальцы его свободно скользили в пространстве между трубой и стеной.

Ему потребовалось чуть больше минуты, чтобы спуститься на крышу корпуса Д. Присев у стены на корточки, он быстро размотал веревку. Это, пожалуй, была самая трудная часть операции. Он закрутил один конец вокруг трубы и шагнул через край. Ноги его заскользили по мокрому кирпичу, и он с размаху ударился о стену, обдирая костяшки пальцев, мгновение повисел, раскачиваясь, уцепившись за веревку, прежде чем съехать по ней, упав прямо в мокрую траву на железнодорожную насыпь. Брейди поднялся и вскарабкался на насыпь с другой стороны. Прошло двадцать минут с тех пор, как он вышел из камеры — только-то и всего. Если не случится ничего непредвиденного, у него было в запасе двенадцать часов, прежде чем начнется утренняя проверка.

Он перелез через низкую ограду на кладбище, осторожно обходя могилы, прошел до ворот и незаметно выскользнул на улицу, держа ключ в руке. Неожиданно он почувствовал

странную пустоту, и ему в первый раз стало страшно. А что если Эванс ошибся? Вдруг ключ не подойдет к замку?

Он приблизился к неосвещенному входу в магазинчик, поколебался какую-нибудь долю секунды, затем наклонился. Его пальцы нащупали замочную скважину, ключ легко повернулся. Еще мгновение — и он внутри. Комната была завалена товарами от пола до потолка. Брейди отыскал себе вполне приличный твидовый костюм и выбрал пару туфель из кучи в углу. Все остальное, что было нужно, он нашел на полках. В кассе оказались наличные. Три фунта в банкнотах по десять шиллингов и два серебром. Брейди сунул деньги в задний карман брюк, выбрал себе дешевое теплое пальто из висевших на вешалке и подыскал себе шляпу на одном из прилавков. Она оказалась немного великовата, но, сдвинутая на бок, смотрелась вполне прилично.

Вокруг стояла полная тишина. Открыв дверь, Брейди осторожно повернул ключ в замке и решительно зашагал по улице...

Он шел по пустынным улицам в направлении реки и на удивление легко отыскал «Клуб Двадцать одно». Над входом красовалась дешевая неоновая вывеска: только для членов клуба. Брейди толкнул дверь и вошел.

Коридор был длинный и темный, с каким-то неприятным запахом. Седой старичок в поношенной синей униформе сидел в стеклянной кабинке под лестницей и читал газету.

Он равнодушно взглянул на Брейди и произнес бесцветным голосом:

— Только для членов клуба, сэр!

Брейди наклонился к окошку и улыбнулся.

— Я здесь только на одну ночь. Приятель сказал мне, что «Двадцать одно» — отличное местечко, чтобы немного поразвлечься.

— У вас должен быть поручитель, сэр, — ответил старик. — Таковы правила.

Брейди вынул банкноту в десять шиллингов и пальцами разгладил ее.

— Как жаль, ведь утром я уезжаю из Мэннингема.

Старичок кашлянул, отложил газету, придвинул к Брейди толстую книгу для записей и протянул ему ручку.

— Ну, раз такое дело, думаю, большого вреда не будет, сэр. Вам только придется заплатить членский взнос в один фунт.

— С удовольствием. — Брейди записался в журнале под именем Джонсон и дал старичку три бумажки по десять шиллингов.

— Куда мне теперь идти?

— По лестнице наверх, сэр. Прямо на звуки музыки.

Брейди быстро поднялся на первый этаж. Главное — он здесь. Дальше ему придется действовать по наитию.

В конце коридора был небольшой гардероб; молоденькая, неумело накрашенная девица лет шестнадцати, со скучающим видом полировала свои ногти.

Она взяла у Брейди пальто и шляпу и дала ему номерок.

— А что, Вильма сегодня здесь? — спросил он словно бы невзначай.

Девушка кивнула.

Брейди направился к стойке бара и заказал двойной бренди, чтобы сразу произвести впечатление. Он задумчиво скользнул взглядом по женщине, сидевшей на другом конце стойки.

— Спросите у дамы, не согласится ли она выпить со мной?

— Эй, Вильма, ты выпьешь? — окликнул ее бармен.

Она подняла глаза, окинула Брейди оценивающим взглядом и улыбнулась.

— Почему бы и нет? Сделай мне «Пиммз», Дино. А мы знакомы?

— Нет, я первый раз в Мэннингеме.

— Странно, я могла бы поклясться, что где-то уже вас видела. Вы ведь американец, правда? У нас тут полно американцев.

— Я приехал сюда из Лондона по делам, — ответил он. — Утром уезжаю, вот и подумал — почему бы немного не поразвлечься напоследок.

Женщина допила свой бокал и встала.

— Потанцуем?

Вильма таяла в объятиях Брейди, ее гибкое, податливое тело будто плавилось, сливаясь с ним. Брейди погладил ее по спине и нетерпеливо шепнул:

— Бога ради, Вильма, нельзя ли нам куда-нибудь пойти?

— Конечно, можно, но это недешево.

— Ну так пойдем же.

Брейди поднялся следом за ней на второй этаж, и они вошли в роскошную спальню.

— Давай покурим, — предложила Вильма. — У нас еще уйма времени.

Он дал ей сигарету, и она растянулась на кровати, откинувшись на подушку.

— Чем больше я смотрю на тебя, тем больше убеждаюсь, что уже видела где-то твое лицо.

— Ничего удивительного. Оно достаточно долго мелькало во всех газетах. Я — Мэтью Брейди.

На какое-то мгновение воцарилась мертвая тишина.

— Брейди! — выдохнула она. — Но это же невозможно.

— Мне жаль огорчать тебя, голубка, — ответил он. — Но это так. Я драпанул из тюрьмы «Мэннингем» чуть больше часа тому назад.

Она села, спустив ноги на пол, и загасила окурок в пепельнице.

— Что тебе нужно, Брейди?

— Мне некогда ходить вокруг да около, так что перейду прямо к делу. Вчера Джанго попытался переправить меня в лучший мир. Под некоторым нажимом он признался, что это ты его надоумила. Я хочу знать, почему.

— Черта с два что-нибудь скажу, — ответила она. — Убирайся отсюда, пока я не вызвала полицию.

Брейди наотмашь ударил ее по лицу, отбросив обратно на кровать и сдавив ей рукою горло.

— Послушай-ка лучше меня, ты, потаскушка паршивая! Если только посмеешь навести на меня фараонов — сейчас или когда угодно, — я позабочусь, чтобы Джанго расплатился за это. У меня там остались надежные друзья. Стоит намекнуть — и они превратят его морду в рубленую котлету.

— Что ты хочешь знать? — спросила она угрюмо.

— Вот так-то лучше. Кто приказал натравить на меня Джанго?

— Его зовут Дас, — ответила Вильма. — Он индеец — возглавляет какое-то дутое религиозное общество под названием «Храм Тишины»; оно примерно в миле отсюда, рядом с театром «Ипподром».

Брейди нахмурился.

— Я никогда раньше не слышал о нем.

Женщина пожала плечами.

— Но это правда. Он замешан во всех сомнительных предприятиях — от наркотиков до девочек. Он пришел ко мне в среду. Сказал, что у него есть клиент, которому охота, чтобы ты там гробанулся в тюрьге. Сказал, что мы получим пять сотен...

— И двести пятьдесят сверх того, в случае, если Джанго управится к сегодняшнему дню, — добавил Брейди.

— Верно. Если хочешь узнать побольше, повидайся с Дасом.

— Именно это я и сделаю.

Брейди дошел до двери и обернулся.

— Не забудь, что я сказал, Вильма. Если ты меня выдашь, Джанго заплатит по счету.

Брейди подошел к воротам «Храма Тишины» и, нахмурившись, оглядел внушительное строение. Вид у него был такой, будто раньше здесь находилась молеельня сектантов — мрачная, почерневшая викторианская постройка с ложно дорическими колоннами и портиком над входом. Брейди поднялся по широким ступеням к портику, открыл одну из дверей, и в нос ему ударил удушающий запах ладана.

Холл был устлан дорогим индийским ковром и освещен электрическими свечами. Откуда-то из глубины помещения доносился тихий гул голосов; Брейди пошел на звук и оказался перед широкими двойными дверьми.

Он постоял за ними, прислушиваясь, потом поднялся по узкой каменной лестнице и попал на галерею, откуда был виден зал внизу.

В зале не было стульев, и собравшиеся, в основном женщины, сидели, скрестив ноги, прямо на полу. Перед ступей Будды, припав лицом к полу, молился мужчина.

Брейди подумал, что это, должно быть, Дас. Он выглядел весьма импозантно в желтом просторном одеянии, оставлявшем одно плечо открытым, голова была гладко выбрита.

Через некоторое время он встал, повернулся к собравшимся и произнес мелодичным голосом:

— Братья мои, даю вам текст, над которым вы поразмышляете до нашей следующей встречи. У выхода, как обычно, будет произведен сбор пожертвований. Пусть каждый даст, сколько может, для общего блага. — Он поднял руки в благословляющем жесте, затем повернулся и скрылся за ширмой.

Брейди спустился по лестнице и в коридоре увидел женщину в таком же желтом широком одеянии, что было на Дасе, в руках — большой мешок для пожертвований.

— Чем могу служить? — спросила она, слегка сдвинув брови.

— Я хотел бы поговорить с мистером Дасом, — ответил Брейди.

— Учитель очень устает после службы. Он не принимает по воскресеньям.

— Это очень срочно, — настаивал Брейди.

— Хорошо, пойду узнаю, не сможет ли Учитель уделить вам немного времени. Пожалуйста, подождите здесь.

Женщина прикрыла дверь своего кабинета, но Брейди слышал, как она сняла трубку. До него донеслось приглушенное бормотание, потом она вернулась.

— Учитель очень устал, но он сможет вам уделить пять минут. Прошу вас, пройдите сюда.

Длинный крытый переход соединял помещение храма с тем, что некогда было жилищем священника. Они дошли до его конца, и женщина открыла дверь.

Брейди остановился у порога со шляпой в руке.

В углу комнаты перед маленькой фигуркой Будды, склонив голову, стоял на коленях Дас.

— Подождите здесь, пока он не сможет принять вас, — шепнула женщина и вышла, тихонько прикрыв за собою дверь.

Брейди подошел к стеллажам, на которых была расставлена китайская керамика, и стал рассматривать изящную фарфоровую вазу. За спиной у него послышался легкий шорох.

— Я вижу, вам нравится моя маленькая коллекция. Вы, случайно, не художник?

Брейди покачал головой.

— Ничего общего. Я инженер, но меня восхищает все, что хорошо сконструировано.

— Даже мост может быть произведением искусства, — согласился с ним Дас. — Ваза, которой вы восхищаетесь, принадлежит к династии Минь и стоит более тысячи фунтов. Это жемчужина моей коллекции.

Он любовно коснулся ее тонкой рукой, потом прошел к письменному столу и сел, указав на кресло напротив себя.

— Махрун сказала, что у вас есть какие-то проблемы, мой друг. Что вы нуждаетесь в наставлении.

— Что ж, можно и так выразиться, — согласился Брейди, сел в кресло и швырнул шляпу на пол. — Меня зовут Мэтью Брейди. Это что-нибудь говорит вам?

Дас казался слегка удивленным.

— А что, разве должно?

— Думаю, да. Судя по тому, что вы предлагали весьма неплохую цену за то, чтобы я сыграл в ящик на этой неделе.

Глубокое сожаление отразилось в прекрасных и влажных глазах индийца.

— Боюсь, я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите, мистер Брейди. Мы здесь думаем только о подавлении себялюбия, жаждем обрести истину, и каждый ищет ее в своей душе. Уничтожение любого человеческого существа достойно, на наш взгляд, величайшего осуждения и кары.

— Оставьте свои нравоучения для щедрых клиентов с набитыми кошельками, — заметил Брейди.

Дас вздохнул и надавил на кнопку звонка на столе.

— Боюсь, мне придется попросить Махун вывести вас отсюда или принять кое-какие меры.

За спиной у Брейди послышался легкий шорох; мускулистая рука обвила его шею, вздернув ему подбородок, и одним сильным рывком поставила на ноги.

Он был зажат, как в тисках, не имея даже возможности повернуться, чтобы увидеть того, кто напал на него. Дас откинулся в кресле и улыбнулся.

— Я думаю — река подойдет, мистер Брейди. Да, это будет весьма убедительно. Вы поскользнулись и упали с причала, ваше тело унесло половодьем. Я просто сослужу службу обществу.

— Вы не сделаете этого.

— Что вы, напротив, — заверил его Дас. — Жаль, что мне не удастся услышать, как вы улизнули из «Мэннингема», но у нас не так много времени.

Брейди поволокли к двери. Он попытался сопротивляться, но почувствовал, что совершенно беспомощен против этой железной хватки. В отчаянии он поднял правую ногу и изо всех сил ударил ею по голени противника, так что та хрустнула.

Мужчина, державший его, вскрикнул от боли и разжал руки. Брейди мгновенно повернулся и увидел лицо нападавшего. Это был громадный мужчина, крохотные свиные глазки злобно сверкали на плоском лице идиота. Кулак мелькнул в воздухе, попав Брейди в плечо, так что тот отлетел на другой конец комнаты.

— Прикончи его, Шон! Прикончи его! — крикнул Дас, и Шон двинулся на Брейди. Тот схватил маленький лакированный столик, оказавшийся у него под рукой, и швырнул под ноги громиле. Шон споткнулся и растянулся на полу.

Дас выбрался из-за письменного стола и бросился к двери. Брейди схватил его за желтое одеяние, круто развернул и толкнул обратно в кресло.

— Ничего у вас не выйдет, Брейди, — яростно произнес Дас.

— Я все думал, какой вы на самом деле. Теперь знаю.

— А я снова упрячу вас за решетку, даже если это будет стоить мне жизни.

— Как бы не так, — возразил Брейди. — Если я снова попаду в лапы правосудия, то и вас потяну за собой. Я им скажу, что это вы мне устроили побег, а потом обозлились, потому что я

не смог вам заплатить, как обещал. Так что говорите, и побыстрее. У меня не так много времени.

— На прошлой неделе ко мне пришел один человек, — торопливо начал Дас. — Венгр по имени Энтон Харас. Он сказал, что вас нужно во что бы то ни стало отправить на тот свет, и он хорошо заплатит, если я смогу это устроить.

— Кто послал его к вам? — спросил Брейди.

— Знакомый в Лондоне. Время от времени мы с ним вместе проворачиваем какое-нибудь дельце.

— Как его имя?

— Сомс, профессор Сомс. Он натуропат. У него дом на Делл-стрит, рядом с Риджент-Парком. Я никогда не встречался с ним лично. Это просто деловое знакомство, которое я использую, когда мне нужно повернуть какую-нибудь торговую сделку.

Брейди прошел через комнату к двери, мимо Шона, который уже сидел, негромко поскуливая, точно раненое животное; лицо его было синевато-багровым.

Когда Брейди открывал дверь, Дас злобно пробормотал:

— Кто-то желает вашей смерти. Я не знаю, почему, даже не знаю, кто. Но надеюсь, что они доберутся до вас прежде, чем вас схватит полиция.

Брейди вышел из храма. На улице не было ни души, только машина с включенными фарами, которая медленно двигалась в его сторону. Неожиданно взревел мотор, и «мерседес» вылетел на тротуар с явным намерением вдавить Брейди в стену, как муху.

Он подпрыгнул, ухватившись за поручни ограждения, и поднял ноги. «Мерседес» снова выехал на дорогу и притормозил. Из машины вышел мужчина, свет от газовой лампы, освещавшей начало дорожки, блеснул на толстых стеклах очков под фетровой шляпой.

— Давайте посмотрим на вещи разумно, Брейди, — проговорил мужчина, слегка шепелявящим голосом.

— Я готов. Кто вы, черт побери? Энтон Харас?

Мужчина хохотнул и вскинул правую руку. Брейди пригнулся, яркая вспышка пронзила ночь, раздался приглушенный щелчок, и пуля рикошетом отлетела от стены у него за спиной.

Брейди схватил большой камень и запустил его в газовую лампу. Вся дорожка погрузилась во тьму, и он побежал, пока не оказался у служебного входа в театр. Внезапно дверь открылась, и на пороге появилась какая-то женщина. В руке у нее был небольшой саквояж, она повернулась, собираясь запереть дверь на ключ. Брейди налетел на переполненный мусорный бак, крышка с грохотом упала на землю. Девушка тотчас же обернулась, и он увидел перед собой белое испуганное лицо Энни Данинг.

— Не бойтесь, — выдохнул он.

Крик замер у нее в горле; она смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Но я не понимаю, мистер Брейди. Они что, выпустили вас?

«Маузер» опять кашлянул, и лампочка над дверью разбилась вдребезги. Брейди мельком заметил Хараса, тот стоял в начале прохода.

Он ногой открыл дверь и втокнул Энни Даннинг в коридор.

— Некогда объяснять. Там, на улице, мужчина, он вооружен и из кожи вон лезет, чтобы убить меня.

Они как раз завернули за угол в конце коридора, когда дверь распахнулась, и Харас устремился за ними.

Брейди потащил девушку по лестнице наверх, и вскоре они оказались за кулисами сбоку от сцены. Харас не отставал от них; он бежал удивительно быстро для человека его комплекции. Единственная лампочка освещала сцену, и Брейди с девушкой перебежали на другую сторону, найдя себе временное укрытие в полумраке.

Брейди хотел было спуститься по маленькой лесенке, но Энни потянула его назад.

— Туда не стоит, там запертая дверь. Сюда!

Девушка распахнула дверь, втощила его в каморку и быстро задвинула засов.

Харас вбежал за кулисы и остановился. Через мгновение он спустился по лесенке и попытался открыть дверь, затем вернулся на сцену.

— Я бы многое отдал, чтобы иметь сейчас в руках пистолет, — тихо прошептал Брейди.

Девушка зажгла свет. Помещение было завалено старыми костюмами и театральными декорациями. Она открыла шкаф и вытащила оттуда револьвер 38-го калибра.

— Такой подойдет? Правда, это всего лишь театральная пу- гач. Мы его используем в спектаклях. Зато здесь есть коробка с холостыми патронами.

Брейди открыл барабан и заглянул в него.

— Во всяком случае я до смерти смогу напугать этого подонка.

Девушка открыла коробку с патронами, и Брейди быстро зарядил револьвер; потом подошел к двери, отодвинул засов и выглянул.

Харас стоял посреди сцены, вглядываясь в зрительный зал.

— Бежать бессмысленно, Брейди, — крикнул он. — Вам все равно не уйти.

— Харас! — тихо окликнул его Брейди.

Венгр обернулся; Брейди поднял револьвер и выстрелил; раздался оглушительный грохот. Харас с поразительной быстротой исчез в полумраке.

— Где тут рубильник, которым выключается свет на сцене? — тихо прошептал Брейди.

— Прямо за нами. Хотите, чтобы я его повернула?

Он кивнул, и мгновение спустя весь театр погрузился во тьму.

— Сейчас я доберусь до тебя, Харас! — крикнул Брейди.

Вспышка пламени была ему ответом из темноты. Он, в свою очередь, дважды выстрелил и, крадучись, пошел через сцену. Харас спустился по лесенке и побежал по коридору. Когда Брейди завернул за угол, дверь служебного входа хлопнула. И через мгновение заработал мотор.

— Эта старая хлопушка сыграла отличную шутку, — произнесла Энни Даннинг, голос ее прерывался от волнения.

Вдруг странный, душераздирающий вой прокатился во тьме, постепенно замирая в ночи.

— Что это? — вскрикнула Энни.

— Общая тревога в «Мэннингем Гоул». Значит, с этой минуты они начали погоню за мной.

Квартира Энни была на третьем этаже старого серого каменного здания, выходившего на тихую площадь рядом с Кенсингтон-Гарденз.

— Нужно как следует проветрить, — заметила она, открывая дверь. — Тут никто не живет уже три или четыре недели.

— По-моему, тут прекрасно, — сказал Брейди, снимая пальто.

— Вы не очень проголодались?

Брейди усмехнулся.

— Хотите верьте, хотите нет, но в последний раз я ел, будучи гостем Ее Величества.

— Вы, наверное, умираете от голода. Но ничего, рядом, за углом, небольшой магазинчик. Я сейчас сбегаяю, а вы пока располагайтесь. Я скоро.

Когда она ушла, Брейди осмотрел небольшую квартирку. Просторная гостиная, кухня, спальня с двумя узкими кроватями и ванная. Он открыл оба крана и с наслаждением погрузился в горячую воду. В ванной было полно пара, когда дверь приотворилась, в щелку просунулась рука с небольшим пакетом и положила его на одну из стеклянных полочек.

— Завтрак будет через пятнадцать минут, — произнес голос Энни, и дверь снова закрылась.

В пакете оказались дешевая бритва, пачка лезвий и тюбик крема для бритья. Брейди улыбнулся и быстро намылил щеки. Когда он вышел из ванной — свежевыбритый, причесанный, в твидовом костюме, — то впервые за последние месяцы почувствовал себя цивилизованным человеком.

К сахарнице, стоявшей на сервированном на двоих столе, была прислонена газета. Он сел и с жадностью развернул ее.

Его фотография — на первой странице, в нижнем правом углу. Тюремные власти не вдавались в детали побега. Лишь краткое сообщение об обстоятельствах дела, предупреждение, что он опасен, и интервью с начальником полиции Мэннингема, уверенного, что преступник все еще в городе и предрекавшего его скорый арест.

Энни поставила перед ним яичницу с ветчиной и тарелку с целой горой гренок.

— Я не очень-то искусная повариха, — призналась она, усаживаясь напротив. — Надеюсь, это все же удовлетворит ваши заокеанские вкусы.

Брейди широко улыбнулся.

— Лучше и быть не может.

— Я подумала, что вы не сможете бродить по Лондону и надеяться, что вас не заметят. Рано или поздно вы угодите прямохонько в объятия какого-нибудь молодого констебля, обходящего свой участок и жаждущего скорейшего продвижения по службе.

— И что же вы предлагаете?

— Я найму машину на сутки. Это обойдется недорого, а для вас гораздо безопаснее ездить по Лондону, чем ходить пешком.

Он взял ее за руку.

— Я просто не знаю, что со мной было бы без вас.

Девушка покраснела и встала.

— Лесть вам не поможет. Если хотите отработать свой завтрак, уберите-ка лучше со стола, пока я договорюсь насчет машины.

Брейди как раз закончил мыть посуду, когда Энни вернулась.

— Быстро вы, — сказал он.

— О, они знают меня. Я уже несколько раз это делала, с тех пор как поселилась здесь. Кстати, я заехала на Делл-стрит. Это недалеко от Риджентс-Парка. При всех возможных заторах в движении нам понадобится не более двадцати минут, чтобы доехать туда.

Брейди нахмурился и крепко сжал ее руки повыше локтя.

— Вам совершенно не нужно туда ехать. Я даже не представляю, что меня может там ожидать.

— Машина оформлена на мое имя, — спокойно ответила девушка. — И, согласно страховке, никто, кроме меня, не имеет права садиться за руль. Я и так уже увязла в этом по уши, Мэт.

Брейди вздохнул.

— Ладно, Энни. Ты победила. Поехали.

Машина оказалась маленьким «моррисом» — самое подходящее для запруженных транспортом лондонских улиц. Девушка вела ее мастерски, выбирая дорогу среди широкого потока несущихся автомобилей.

Они без труда отыскали Делл-стрит — тихий островок неподалеку от парка, высокие особняки викторианской эпохи с собственными участками.

Громадные ворота дома, принадлежавшего профессору Сомсу, были распахнуты; Энни проехала мимо них и поставила машину в маленьком закоулке.

Брейди посмотрел через заднее окно на позолоченную доску, висевшую на стене рядом с воротами. Надпись на ней гласила: «Христианская Частная Лечебница» и ниже — «Профессор Х. Сомс — натуропат».

— Полный набор, — заметил он.

Энни кивнула и выключила зажигание.

— Что теперь?

Брейди пожал плечами.

— Я просто войду и спрошу, можно ли поговорить. Сделаю вид, будто я его будущий пациент. Это единственный способ попасть к нему.

Девушка решительно покачала головой.

— Так не пойдет. Его может не оказаться на месте. Он мог вообще уехать из Лондона.

— Тогда что ты предлагаешь?

Энни пожалала плечами.

— Я зайду первая и попрошу записать меня на прием. Если он там, ничего страшного не случится. Если нет, мы можем вернуться позднее. Чем меньше людей тебя увидят, тем лучше.

Она вышла из машины и захлопнула дверцу.

Прошел час, а Энни все не было. Брейди забеспокоился, дал ей еще двадцать минут, потом вышел из машины, запер дверцу и сунул ключи в карман брюк.

Улица была тиха и пустыня; Брейди прошел по широкой аллее и поднялся по ступеням к парадной двери.

Она открылась от его толчка, и он вошел в уютную, застланную ковром приемную. В одном ее углу стоял низкий современный письменный стол; сидевшая за ним молодая женщина целиком была поглощена разбором картотеки. В высшей степени привлекательная — с рыжевато-золотистыми волосами, спускавшимися на плечи; в белом медицинском халатике, распахнутом на шее и открывавшем глубокую ложбинку между грудями.

Она подняла на него глаза и заученно улыбнулась.

— Да, сэр?

— Могу ли я видеть профессора Сомса? — спросил Брейди.

— К сожалению, профессор принимает только тех, кто заранее записан к нему на прием.

— Я понимаю, — ответил Брейди. — Но друг посоветовал мне обратиться к нему. У меня давно уже неладно с позвоночником, приступы острой боли мучают уже несколько лет, после старой травмы.

— Боюсь, на сегодня у профессора все расписано, — сказала девушка. — Впрочем, у нас есть еще несколько прекрасных специалистов-натуропатов.

— Нет, я хотел бы посоветоваться именно с профессором, — твердо произнес Брейди. — Только он может мне помочь.

Девушка вздохнула и что-то записала в блокноте.

— Скажите мне ваше имя, сэр. Я посмотрю, что можно сделать.

— Харлоу, — сказал Брейди. — Джордж Харлоу.

— Пожалуйста, садитесь, мистер Харлоу. Я сию минуту вернусь.

На столе рядом с ящичком с картотекой лежал раскрытый журнал записи посетителей, Брейди быстро повернул его к себе и пробежал глазами по странице. Он нигде не нашел имени Энни и нахмурился.

— Будьте так добры, пройдите сюда, мистер Харлоу! Думаю, доктор сможет принять вас.

Девушка подошла беззвучно, мягкий ковер заглушил шаги. Она не подала виду, что заметила, как он изучал журнал, хотя наверняка это видела.

Брейди улыбнулся.

— Вы очень добры — столько хлопот из-за меня!

Она прошла впереди него по узкому коридору, ведущему в помещения в глубине здания, и открыла дверь. Брейди очутился в маленькой, удобно обставленной гардеробной.

— Подождите минутку, сейчас кто-нибудь вами займется, мистер Харлоу. Пока можете раздеться. Банный халат найдете за дверью.

— Раздеться? — переспросил Брейди.

— Профессор Сомс любит, чтобы пациенты чувствовали себя совершенно свободно, прежде чем начнет их осматривать, — объяснила она. — Несколько минут вы проведете в парилке, и вам сделают релаксирующий массаж. После этого вас примет профессор.

Дверь за нею закрылась, Брейди пожал плечами и снял пиджак. Если это единственная возможность увидеть Сомса, тогда у него нет выбора.

Он обвязал полотенце вокруг бедер, надел халат и стал ждать. Через несколько минут дверь открылась, вошла еще одна девушка в белом халате, туго перетянutom на талии. Она откинула прядку темных волос со лба и улыбнулась.

— Мистер Харлоу, не будете ли вы так любезны пройти сюда?

Идя за нею по коридору, Брейди раздумывал, насколько же свободно, по мнению профессора, должны себя чувствовать его пациенты.

В конце коридора была дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Девушка открыла ее, и Брейди вошел вслед за ней.

Стены комнаты были облицованы белыми плитками, в углу — душевая кабина, а посередине — большой, с мягким верхом, стол.

На мужчине, стоявшем у стола, не было ничего, кроме плавок. Костистое, крупное и жесткое лицо, глаза холодные, волосы коротко, под «ежик», острижены.

— Это мистер Харлоу, Карл, — сказала девушка. — Ты подготовишь его? Профессор будет через десять минут.

Карл говорил по-английски свободно, но с немецким акцентом.

— Будьте так любезны, снимите халат, — учтиво попросил он.

Брейди подчинился, немец провел его в душевую кабинку и подтолкнул внутрь. Тяжелая стеклянная дверь захлопнулась, и тысячи игольчатых струек ожили, с силой разбиваясь о тело Брейди.

Когда дверь наконец открылась, он повалился на пол. Немец поднял его, широко ухмыляясь, выставляя напоказ свои гнилые зубы.

— Как вы себя теперь чувствуете, мистер Харлоу?

— Не знаю, жив я или умер, — выдохнул Брейди. — Неужели это может принести мне какую-то пользу?

Немец опять ухмыльнулся.

— Нет, что вы, мистер Брейди. Зато это может сделать вас более покладистым.

Брейди даже не почувствовал удара — просто что-то взорвалось у него под ложечкой, и белые кафельные плитки вдруг поплыли ему навстречу.

— Ну, ну, спокойно, красавчик! Ты у меня будешь, как новенький!

Брейди открыл глаза. Перед ним стояла женщина — но такая, каких он в жизни своей не видывал. Длинные черные волосы обрамляли мужское лицо — грубое, массивное, с широким мясистым ртом, рукава белого халата были закатаны, выставляя на обозрение бицепсы, которым мог позавидовать любой борец.

— Кто вы такая, черт побери? — спросил Брейди.

— Сомс, — произнесла она спокойно. — Вы, должно быть, ошиблись, перепутав мой пол, красавчик.

Брейди сел, растирая живот.

— Дас, вероятно, позвонил вам из Мэннингема?

Она кивнула.

— Не думала, что вам удастся сюда добраться, прорваться через сети, расставленные фараонами. Вы, должно быть, настоящий мужчина, красавчик.

Брейди с минуту поколебался.

— Здесь была девушка. Она пыталась увидеться с вами. Что с ней?

Сомс усмехнулась.

— Я так и думала, что здесь есть какая-то связь. Она тоже ошиблась, перепутав мой пол. Сказала, что ей посоветовала обратиться ко мне какая-то пациентка, которой я помогла. Естественно, это не прошло. Я работаю только с мужчинами.

— Ну еще бы, — заметил Брейди. — С девушкой все в порядке?

Женщина кивнула.

— Пока что.

В словах ее прозвучала скрытая угроза, но в эту минуту он мало что мог предпринять, только покрепче затянул полотенце на поясе и встал.

— И что же теперь?

Она открыла дверь, и в комнату вошел немец.

— Когда вы оденетесь, Карл проводит вас в мой кабинет, и мы побеседуем. Не вздумайте бежать, красавчик. Мне бы не хотелось еще раз применять эти жестокие меры. Не так уж часто доводится поболтать с соотечественником.

Когда она вышла, Брейди повернулся к немцу и угрожающе поднял кулак.

— Если ты снова надумаешь, тебе стоит лишь сказать словечко.

Карл бросил Брейди банный халат.

— Давай, напяливай его, да поживее!

Сомс ждала Брейди в своем кабинете.

— Ты выглядишь прекрасно, красавчик. Просто прекрасно. Карл, выйди в коридор.

Немец беспрекословно подчинился, и женщина усмехнулась.

— Хороший парень, этот Карл. Немножко несдержанный временами, но клиенты души в нем не чают.

— Ну и местечко у вас здесь, — сказал Брейди.

Женщина пожала плечами.

— Я даю людям то, что они хотят. Мои девушки искусные массажистки, у них у всех есть дипломы. Так что никто не подкапается.

На столике у стены уже был приготовлен кофе. Она разлила его в чашки.

— Сливки, сахар?

— И то, и другое, — кивнул Брейди, отпил кофе и осторожно поставил изящную чашечку. — Давайте-ка перейдем к делу. Почему вы хотите отправить меня на тот свет?

— Но я вовсе не хочу.

— Тогда как насчет Хараса? — спросил Брейди. — Это ведь вы свели его с Дасом, не так ли?

— Я даже не слыхала о Харасе, пока Дас не позвонил мне по телефону. Некто другой поинтересовался, есть ли у меня надежные контакты в Мэннингеме. Один старый знакомый.

— В таком случае, Харас, по-видимому, связан с этим человеком?

— Вот именно, красавчик.

— И вы не собираетесь назвать мне его имя?

— Пока нет. Я позвонила ей, и она попросила, чтобы я тебя подержала у себя некоторое время. Так что не рыпайся и жди, что будет дальше.

— Значит, это тоже женщина?

— Вот именно, красавчик. А что, это тебя удивляет?

— Меня больше ничего не удивляет. А что с Энни?

— С твоей подружкой? Тебе нечего о ней беспокоиться. У меня есть дружок в Порт-Саиде — он знает, как следует обращаться с юными дарованиями.

Холодная дрожь прокатила по телу Брейди.

— Вы не посмеете...

Женщина, казалось, была искренне удивлена.

— Ну что ты, почему бы и нет?! Это просто удивительно, до чего быстро даже самые упрямые из девчонок становятся шелковыми — особенно, если знаешь, как с ними обращаться.

— Ах ты, грязная тварь! — крикнул Брейди, и собственный голос показался ему чужим. Он попробовал встать, но не мог шевельнуть даже пальцем.

Женщина улыбнулась.

— Плыви себе по течению, красавчик. Приятного тебе сна!

Ее голос, казалось, доносился откуда-то издалека. Брейди упал головой на стол.

Он медленно поднимался на поверхность из бездонного темного колодца.

— Ну, как он? — раздался голос Сомс.

Карл хрипло засмеялся.

— Часа на два еще хватит, не меньше.

— К тому времени я уже буду знать, что они собираются с ним делать, — заметила Сомс.

Голоса их умолкли, и дверь закрылась. Брейди приоткрыла глаза. Вся комната была в паутине — гигантские серые сети протянулись от стены к стене и тихо покачивались.

Он закрыл глаза и поглубже вздохнул, стараясь побороть охвативший его ужас.

Он лежал на узкой кушетке, стоявшей у стены в маленькой комнатке. Свет лампы, затененной абажуром, падал на него сверху; занавески на окне были задернуты.

Брейди спустил ноги на пол и немного посидел на краю постели, прежде чем попробовать встать. Что бы там ни было в этом кофе, действовал он отменно. Он, пошатываясь, подошел к двери и стал колотить в нее кулаками.

Через некоторое время в коридоре раздались торопливые шаги и разъяренный голос Карла:

— Кончай балаган, Брейди, не то я войду и разделаюсь с тобой!

Брейди опять забарабанил по двери, и немец сквозь зубы выругался.

— Ну, хорошо же, ты сам напросился.

Когда ключ щелкнул в замке и ручка повернулась, Брейди всей своей тяжестью навалился на дверь. Карл выругался и толкнул сильнее. Брейди еще с минуту подержал его так, потом отскочил назад.

Дверь с грохотом распахнулась, Карл влетел в комнату и плашмя повалился на пол; его револьвер отлетел в сторону. Брейди схватил револьвер и вышел из комнаты, заперев за собою дверь.

Он спустился по лестнице на нижнюю площадку и сразу понял, где находится. Кабинет был напротив; он с минуту постоял за дверью, прислушиваясь, потом осторожно повернул ручку.

Она что-то читала; круг света от лампы падал на письменный стол. Брейди тихонько подошел ближе и остановился, наблюдая за ней из полумрака.

Должно быть, у нее сработала интуиция — женщина неожиданно подняла глаза; она выглядела удивительно строгой и чопорной в очках в роговой оправе.

— Сюрприз, сюрприз! — сказал Брейди тихо.

Она положила ручку и спокойно спросила:

— Что вы сделали с Карлом?

— Он вдруг почувствовал, что устал, — объяснил Брейди. — Вот я и оставил его, чтобы он как следует выспался.

Она как бы ненароком потянулась к ящику в столе, и Брейди предупреждающе поднял револьвер.

— Только попробуйте, и я прострелю вам руку.

Когда она снова заговорила, голос ее был по-прежнему спокойный, но пара глубоких морщин пролегла между глазами.

— Что вы хотите?

— Для начала — девушку.

— Вы опоздали, красавчик. Она уже на судне «Конторо» в лондонской гавани, и через час они отчаливают.

— Что за игру вы ведете?

Женщина пожала плечами.

— Тут нет никакой игры. Я ведь сказала, что мне надо избавиться от нее. Слишком много она знала.

— И вы решили заодно получить кое-что взамен?

— Вот именно, и вы тут ничего не можете поделать — равным счетом ничего.

— Вот как? — Брейди пригнулся, почти упираясь револьвером ей в грудь. — Если корабль выйдет раньше, чем мы сумеем спасти ее, я пушу вам пулю в живот — обещаю. Вы крупная женщина, так что перед смертью придется помучиться.

Она медленно встала.

— Сомневаюсь, что мне удастся забрать ее. Я уже получила свою долю от капитана Скироса, и он надеется кое-что заработать на этой сделке, когда судно прибудет в Порт-Саид.

— Сколько он дал вам?

— Пять сотен.

— Берите-ка их лучше, да поживее, — сказал ей Брейди. — Время не ждет.

Женщина сняла со стены картину и открыла маленький сейф. Спустя мгновение она вернулась к столу с пачкой пятифунтовых банкнот, перетянутых резинкой.

Брейди взял у нее деньги и сунул к себе в карман.

— А теперь мы немного прокатимся. У меня машина на улице. Вы сядете за руль.

— А что будет, когда мы приедем в гавань?

Брейди пожал плечами.

— Не знаю, посмотрим.

— Скирос — крепкий орешек, красавчик, — заметила Сомс. — Он не очень-то благоволит к людям, которые пытаются нажать на него.

— Ваша забота — доставить нас на борт судна, — ответил Брейди. — Остальным я займусь сам.

В доме было тихо, когда они спускались по лестнице. Она взяла из гардероба пальто, Брейди надел свой плащ, и они вышли через заднюю дверь. Машина стояла на месте. Брейди быстро отпер дверцу, и женщина всем своим массивным телом втиснулась в нее и села за руль.

Сомс затормозила в узком переулке, недалеко от ворот.

— Отсюда нам придется идти пешком, — сказала она.

«Конторо» сиял огнями; из трюма доносилось равномерное гудение машин. Вахтенный, перегнувшись через поручни, угрюмо всматривался в потоки дождя и курил трубку.

Сомс поднялась по скользким сходням, Брейди за ней.

— Кто вы такие, черт побери? — неприветливо буркнул матрос.

— Я знакома с капитаном, — ответила Сомс. — Мне нужно с ним повидаться, прежде чем вы отчалите. Это очень срочно.

— Да мне-то какое дело! — матрос передернул плечами. — Он у себя в каюте. Поторопитесь, мы снимаемся через двадцать минут.

На палубе царил суета, матросы деловито сновали, задравывая люки, готовясь к отплытию. Сомс пробиралась сквозь

толчею, не обращая внимания на сальные шутки и грубый смех.

У двери в капитанскую каюту она задержалась и повернулась к Брейди.

— И что теперь?

— Скажите ему, что передумали, — ответил Брейди. — Дальше я сам разберусь.

Когда она открыла дверь, Скирос сидел в углу, за письменным столом. Это был крупный и тучный мужчина, громадный, отвислый живот выпирал из-под его поношенной формы так, что пуговицы трещали. Лицо с многочисленными подбородками выглядело бы веселым и добродушным, если бы не хитрый, пронзительный взгляд маленьких глазок.

— Мой дорогой профессор, что привело вас сюда? — спросил он на хорошем английском с чуть заметным акцентом.

— Кое-что изменилось, Скирос, — объяснила Сомс. — Кое-что важное. Боюсь, нам придется расторгнуть нашу маленькую сделку.

Толстяк продолжал улыбаться, но глаза его сделались холодными.

— Это невозможно, мой друг. Мы ведь договорились. Вы получили деньги, я получил девчонку, так что, вроде бы, все должны быть довольны.

— Не совсем так, — спокойно прервал его Брейди. — Профессор ошиблась. Товар не ее, и она не могла им распоряжаться.

Он вытащил пачку банкнот из кармана и бросил ее на стол.

Скирос так расхохотался, что его маленькие глазки совсем утонули в жирных, мясистых складках.

— Ваш друг, вижу, большой шутник, — обратился он к Сомс. — Неужели он надеется, что я верну девчонку за ту же сумму, что уплатил за нее? А как же прибыль? В моей стране так не делается.

— А мы в моей стране вообще не привыкли к подобным сделкам, так что вы уж простите мне плохие манеры. — Брейди вынул из кармана плаща револьвер и взвел курок. — У этой штуки спуск очень мягкий, понял, толстяк? Мой палец запросто может соскользнуть. И так оно и будет, если ты не приведешь сюда девушку ровно через десять секунд.

Глаза грека превратились в кусочки льда.

— Вы на моем судне, вокруг мои люди, — заметил он. — Они всегда выполняют мои команды.

— А я вряд ли промахнусь, — спокойно ответил Брейди.

Скирос вздохнул, отложил перо и вытащил связку ключей из ящика письменного стола.

— Условия нашей сделки потребуют кое-каких дополнительных изменений — хотя бы для того, чтобы возместить ущерб и те неприятности, которые я потерпел в этом деле. — Он подошел к двери, ведущей в соседнюю каюту, отпер ее и рывкнул, отойдя в сторону:

— Выходите!

Энни Даннинг появилась в дверях и остановилась, понуро опустив плечи. Черты лица обострились, глаза глубоко запами,

рука, откинувшая со лба темную прядку волос, немного дрожала.

Она увидела Брейди; прерывисто вздохнула и упала в его объятия.

— Ну, ну, ничего, держись, Энни. Все прошло, все уже позади. Я увезу тебя отсюда, — шептал он, успокаивая девушку, затем жестко взглянул на Скироса. — Что вы с ней сделали?

— Совершенно ничего, уверяю вас, мой друг. Никто ее и пальцем не тронул.

— Правда, Энни? Этот боров не обидел тебя?

Она коротко кивнула, и Брейди, успокоившись, повернулся к Сомс.

— Прекрасно. Вот что мы сделаем. Вы выйдете первая, с девушкой. Скирос и я — за вами. Если кто-либо из вас шевельнется — получит свое. Вам ясно?

Скирос пожал плечами и потянулся за фуражкой.

— И далеко нам идти?

— До главных ворот, — ответил Брейди. — У нас там машина.

— Вы предусмотрительный человек, — Скирос невольно усмехнулся.

Сомс вышла первая, слегка поддерживая Энни под локоть своей громадной ручищей, Скирос — за ней. Брейди замыкал шествие. Револьвер был в кармане его плаща, палец — на спусковом крючке, но это оказалось излишним. Когда они спустились по трапу и проходили мимо матросов, те с любопытством подняли головы, но Скирос даже глазом не моргнул. У сходней он похлопал вахтенного матроса по плечу и широко улыбнулся.

— Не беспокойся, я только провожу своих друзей до ворот. Приготовься к отплытию. Мы снимемся с якоря, как только я вернусь.

До ворот они шли в полном молчании. Брейди дал Сомс ключи от машины; она открыла дверцу, усадила Энни на заднее сиденье, сама села за руль.

— Ну что, могу я идти? — спросил грек.

Брейди кивнул.

— Конечно, почему бы и нет.

— Жизнь — это замкнутый круг, мой друг. Она бесконечно идет по кругу. Мы встретимся снова и тогда...

— Вряд ли, — возразил Брейди, — мы с вами живем в разных мирах.

Сомс затормозила у входа в метро.

— Послушайте, красавчик, вы хотели получить свою подружку обратно и получили ее. Если вы не против, я выйду здесь, и будем считать, что мы в расчете.

— Не совсем. А как вопрос насчет имени?

Она взглянула на него вызывающе, потом плечи ее опустились.

— Будь проклята та минута, когда я увидела тебя, сукин сын! Женщину, которую ты ищешь, зовут Джейн Гордон, живет в Карли-Мэншенз, на Бейкер-стрит. Она позвонила мне несколько дней назад, сказала, что один ее приятель хотел бы найти надежного человека в Мэннингеме. Кого-нибудь, кто умеет держать язык за зубами. Мне нужно было с ней расплатиться за давнее одолжение и я свела ее с Дасом.

— Но это ведь Харас приехал в Мэннингем и дал указания Дасу, — заметил Брейди.

— Значит, Джейн решила обделать дело именно так, — ответила Сомс. — Меня это совершенно не касается. Когда вы сунулись ко мне сегодня утром, я позвонила Джейн. Сказала ей, что вы у меня под замком. Она попросила, чтобы я подержала вас пока у себя. Сказала, что ей надо еще с кем-то поговорить. С каким-то важным лицом. Обещала опять позвонить вечером, в шесть часов, но сейчас уже поздно.

— Карли-Мэншенз, Бейкер-стрит, — повторил Брейди и открыл дверцу машины. — Если вы мне солгали, мы с вами еще увидимся.

— Все чистейшая правда, красавчик, — заверила его Сомс. — Я сыта вашим обществом до конца моей жизни. — Она выбралась из машины на тротуар и, не оглядываясь, зашагала к метро.

Брейди отвез Энни домой и отправился на Бейкер-стрит. Что-то подсказало ему оставить машину неподалеку от станции метро, и остаток пути он прошел пешком.

Карли-Мэншенз оказался внушительным домом. В чопорной, позолоченной рамке у входа был вывешен список жильцов. Мисс Джейн Гордон значилась в квартире под номером восемь на четвертом этаже.

Брейди быстро поднялся по лестнице. Квартира восемь была последней по коридору. Он легонько постучал в дверь и подождал. Никто не отозвался. Он снова постучал и дернул за ручку. Дверь бесшумно отворилась. Несколько широких ступеней вели вниз, в изысканно обставленную комнату...

Она лежала плашмя на краю кровати, платье было измято, одна рука свисала вниз, на ковер. Судя по ранам на спине, кто-то выстрелил в нее дважды из парабеллума с близкого расстояния. Она только что умерла — в воздухе еще чувствовался едва заметный кислородный запах пороха. Брейди тяжело вздохнул, присел на корточки и перевернул ее на спину. При виде ее лица ему почудилось, будто его с силой ударили под ложечку так, что ему вдруг нечем стало дышать. Это была не Джейн Гордон. Это была девушка, которую он знал как Мари Дюкло. Девушка, чье избитое, искалеченное тело он в последний раз видел в ее спальне в Челси. Девушка, за убийство которой он был приговорен к смертной казни.

На какое-то короткое, пугающее мгновение Брейди подумал, что сходит с ума; потом внезапно истина забрезжила перед ним — во всяком случае, ее часть.

За спиной послышался легкий шорох, и кто-то с силой ударил его. Вскрикнув от боли, Брейди повалился на пол, лицом вниз.

Когда Брейди снова открыл глаза, оказалось, что он рядом с трупом. В мизансцене появился один новый штрих. В руке у него был зажат автоматический пистолет типа «Маузер» с круглым глушителем на стволе, пистолет, из которого Энтон Харас пытался убить его в Мэннингеме.

Брейди присел на край кровати, растирая затылок. Безмозглый, слепой идиот! Запах пороха, еще не растаявший в возду-

хе, тепло ее тела. Быть может, роковые выстрелы прозвучали как раз в то время, когда он поднимался по лестнице — надо же, сунуться прямо сюда, как баран на убой!

Одно несомненно. Если полиция поймает его здесь, он погиб — этого-то, разумеется, Харас и добивался. Впереди — камера смертников со всеми ее прелестями — вплоть до бесславного конца одним серым, промозглым утром.

В комнате все было перевернуто вверх дном, ящики выдвинуты, повсюду разбросана одежда. Похоже, венгр ничего не упустил.

Брейди быстро прошел в соседнюю комнату. Поднимаясь к выходу по ступенькам, он на минутку остановился. На кресле был брошен легкий плащ девушки, под ним лежала ее сумочка. Очевидно, она собиралась уходить, и появление Хараса помешало ей.

Брейди поспешно высыпал из сумочки все содержимое: пара бумажных купюр, немного мелочи, губная помада, пудреница с компактной пудрой в украшенном драгоценностями футляре и ключи от машины. А также письмо, недавно вскрытое, на штампе стояло сегодняшнее число. Конверт надписан изящным, угловатым почерком и предназначался мисс Джейн Гордон, Карли-Мэншенз, Бейкер-стрит. Брейди выхватил из конверта листок и пробежал его глазами.

«Милая Джейн, мне бы очень хотелось увидеть тебя сегодня вечером. С девяти я свободна. Твоя любящая мама».

Но что более всего заинтересовало его в этом письме — это адрес, отпечатанный в верхней части листка: 2 Эгбастон-сквер, Челси. Мари Дюкло жила на Эгбастон Гарденз. На миг ему припомнилась улица с небольшими викторианскими домиками, с кладбищем и церковью в конце, и сердце его тревожно заняло. Он должен пойти туда. Выбора не было...

Брейди легко нашел Эгбастон-сквер и поднялся по ступеням дома номер два. Он нажал на кнопку звонка и стал ждать.

В доме по коридору зашаркали шаги, и сквозь матовое стекло он разглядел неясный силуэт. Замок щелкнул, и в открытую дверь выглянула старуха. Волосы ее были стянуты в тугую старомодный пучок, лицо старое и морщинистое, длинные, словно сосульки, серьги свисали по сторонам.

Брейди старался держаться в тени.

— Мадам Роз? — спросил он.

— Да, это я.

— Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Вы хотите получить предсказание судьбы по звездам?

— Да. Мне говорили, что вы можете помочь.

— Я принимаю посетителей только по записи, молодой человек. Мне приходится вести себя очень осторожно. Полиция чрезвычайно бдительна в подобных делах.

— Я в Лондоне ненадолго. Утром улетаю.

— Ну что ж, хорошо, — старуха вздохнула. — Но я могу вам уделить не больше чем полчаса. Я жду гостей.

В комнате, куда они вошли, царил полумрак и тишина. Брейди расстегнул плащ и присел к столу. Старуха уселась на-

против, рядом с ней на столе лежало несколько книг и чистый блокнот. Она взяла карандаш.

— Скажите, когда вы родились, место и точное время. Время особенно важно, так что, пожалуйста, не перепутайте.

Брейди ответил, раздумывая при этом, говорить дальше, но решил подождать, пока она сама не начнет.

Старуха полистала книги, что-то быстро пометая в блокноте, и наконец пробурчала:

— Вы верите в астрологию, молодой человек?

— Я не был бы здесь, если бы не верил, — ответил он.

Она кивнула.

— Вы свободно владеете как правой, так и левой рукой?

Немного удивившись, Брейди ответил:

— Да, это правда. Как вы узнали?

— Это свойственно многим из тех, кто родился под знаком Скорпиона, — ответила она и заглянула в свои записи. — Жизнь для вас часто бывает подобна полю сражения.

— Что верно, то верно, — согласился Брейди.

— Марс, Солнце и Нептун, сблизившись посреди небосвода, дают определенную несдержанность языка и характера. Ваша карта показывает знаки опасной, почти необузданной склонности к вспышкам ярости. Вы склонны на каждого, кто встречается на вашем пути, смотреть с недоверием. Вы сами себе — злейший враг.

Брейди откинулся в кресле, из горла вырвался хриплый смешок:

— По-моему, чертовски верно.

— Вы, кажется, находите что-то смешное в том, что я сказала, молодой человек.

— Легкомыслие возраста, — ответил Брейди.

Старуха сложила книги в аккуратную стопку и собрала листки.

— Кто, вы сказали, посоветовал вам обратиться ко мне?

— Я не говорил, но, вообще-то, это была ваша дочь, Джейн Гордон.

— Вот как? — Старуха нахмурилась. — Посмотрим. Я жду ее с минуты на минуту.

— Вам долго придется ждать, миссис Гордон. Она умерла.

Ее лицо сморщилось прямо у него на глазах, превратившись в пожелтевший листок пергамента. Она поднесла руку к губам, судорожно кашлянула, потом вдруг начала задыхаться.

Брейди быстро подошел к ней, заметив, что она дергает ручку ящика, открыл его рывком и увидел там флакончик с белыми таблетками. Старушка сунула в рот две таблетки и запила их водой.

— Сердце, — сказала она. — Внезапные потрясения могут оказаться опасными.

— Простите, но это не то известие, которое можно преподнести в фольге, перевязанным розовой ленточкой.

— Кто убил ее?

— Мужчина по имени Харас. Энтон Харас. Вы знаете его?

— Знаю, — кивнула старуха, ее черные глаза ненавидяще уставились в темноту. — А кто вы, молодой человек?

— Мэтью Брейди.

— Ах, вот как, — произнесла она тихо. — Мне кажется, я давно уже знала, что вы придете.

— Кто был с вашей дочерью в ту ночь?

— Миклос Давос.

Брейди нахмурился.

— Вы хотите сказать, нефтяной магнат?

— Некоторые считают, что он самый богатый человек в мире, мистер Брейди. Я знаю только одно — что он самый злой и порочный. Моя дочь занималась позорным ремеслом. Она была хозяйкой борделя и имела много собственности, записанной на ее имя; большая часть в действительности принадлежала Давосу.

— Она была влюблена в него?

— Влюблена? — Старуха хрипло расхохоталась. — Да он ею вертел, как хотел. Она приводила к нему целые вереницы молоденьких девушек, и все ради того, чтобы он мог удовлетворить свои противоестественные желания и мучить их. Он был жестокий извращенец, садист, непрерывно гонящийся за новыми ощущениями.

— А как сюда попала Мари Дюкло?

Старуха пожала плечами.

— Француженка, которая прилась ему особенно по вкусу, не знаю уж почему. Она поселилась в квартире наверху, а другой жилец выехал. Два месяца он ходил к ней.

— Почему он убил девушку?

— Она пыталась его шантажировать. Глупее ничего нельзя было выдумать — он был подвержен самым необузданным приступам бешенства. Когда он в ту ночь пришел к моей дочери, я прошла вслед за ними через кладбище и подслушала, как он рассказывает ей, что сделал. Потом добавил, что есть только один выход — козел отпущения, чтобы утихомирить полицию. Им не пришлось далеко ходить — ведь набережная здесь, в конце улицы. Первый пьянчуга на первой же скамейке сгодился бы.

— И им оказался я, — с горечью произнес Брейди.

Легкое дуновение коснулось его затылка, дверь скрипнула. Он медленно повернулся, рука его скользнула в карман плаща. Знакомый голос произнес:

— Прошу вас, не двигайтесь, мистер Брейди. — В руке у него был револьвер, а на губах — самодовольная усмешка. — Простите, что задержался, но на Оксфорд-стрит была пробка, я застрял и упустил вас из виду. Но почему-то подумал, что вы можете появиться здесь. А знаете, у вас неплохо получается, Брейди.

— Для первого пьянчуги на первой скамейке.

— Ага, старая ведьма распустила язык? Придется принять меры.

— Ты — грязная свинья, — старуха посмотрела на венгра в упор и поднялась.

— Оставайтесь на месте! — рявкнул Харас.

Брейди воспользовался моментом, схватил настольную лампу и выдернул шнур из розетки, комната погрузилась во тьму.

Харас дважды выстрелил, старуха вскрикнула и, неловко нагнувшись, упала на пол. Из зияющей на лбу раны по лицу стекала кровь. Брейди, пригибаясь за старомодным диваном, стал пробираться к двери.

Харас по-прежнему стоял у стола, и Брейди видел темный силуэт его тучной фигуры в неярком свете электрического камина.

— Тебе не выйти отсюда, Брейди, — произнес венгр. — У тебя нет ни малейшей надежды. Оба пистолета у меня.

Брейди помнил, что в револьвере у Хараса было четыре патрона, и он уже истратил два из них. Он присел между креслом и стеной в паре ярдов от двери и осторожно взял с журнального столика маленькую фигурку фарфоровой кошечки.

— Мое терпение кончается, Брейди, — предупредил Харас, и в голосе его послышалось раздражение.

Брейди швырнул статуэтку в угол напротив. Она ударилась о стену, венгр тут же повернулся и дважды выстрелил. Брейди подскочил к двери, рванул ее и бросился по коридору.

За спиной у него раздался яростный рев. Он вбежал в просторную кухню и метнулся прямо к дверям в ее дальнем конце. Они оказались закрыты. Брейди возился с ключом, когда услышал знакомый приглушенный кашель «Маузера», пуля отколола щепки у него над головой.

Он наконец открыл дверь и по лестнице, перескакивая через ступеньки, сбежал в сад. Прямо перед ним высилась стена, за которой располагалось кладбище.

Когда он подбежал к деревянной калитке, Харас уже был на середине дорожки. Брейди дважды ударил ногой в калитку, раскалывая хлипкое дерево около замка. «Маузер» опять кашлянул, но Мэтью был уже на той стороне и бежал, пригибаясь, между могилами.

Свет все еще струился из больших окон церкви, расцветивая сгущающийся туман яркими красками. Брейди присел за высоким надгробием и прислушался. Ничего не слышно, минуты через две он снова, пригнувшись, двинулся между могилами, пока не достиг колокольной башни. Он начал взбираться по переплетению стальных лесов, ловко перебираясь с балки на балку. Вот и узкий помост наверху, дальше идти было некуда.

Он стоял там, насторожившись, прислушиваясь к каждому звуку.

Неожиданно доски скрипнули, и Брейди услышал тихий голос Хараса:

— Я знаю, что вы здесь, Брейди.

«Маузер» кашлянул, и пуля просвистела в ночи. Брейди осторожно отклонился и нащупал ногой железную трубу, шедшую через помост и исчезающую где-то за краем.

Харас быстро шагнул к нему, вытянув руку, и выстрелил. Пуля ударилась о стальную опору, а Брейди, не теряя ни минуты, кинул свой плащ прямо в лицо Харасу. Венгр вскрикнул, отшатнулся и, оступившись, полетел вниз с помоста. На какую-то леденящую долю секунды он словно бы повис в воздухе, потом туман поглотил его.

Руки у Брейди дрожали, рубашка была мокрой от пота. Он перелез через край помоста и начал спускаться.

Харас лежал на спине на дорожке, довольно далеко от колокольни; над ним склонился старик священник.

— Он мертв? — спросил подошедший Брейди.

Старик кивнул.

— Боюсь, что да.

— Несколько минут тому назад он убил женщину, — сказал Брейди. — Там, в бывшем доме церковного сторожа.

Старый священник медленно поднялся.

— Вы хотите сказать — миссис Гордон? Но почему?

Он подошел поближе, всматриваясь в лицо Брейди, в глазах его что-то мелькнуло.

— Вы — Мэтью Брейди, не так ли? Человек, которого ищет полиция. Я видел ваш снимок в газете сегодня вечером.

Брейди повернулся и быстро зашагал прочь...

Миклос Давос жил в Мейфере — Брейди узнал это из справочника в первой же телефонной кабине, попавшейся на пути. Когда он шел к машине, руки у него дрожали, и он закурил, прежде чем двинуться в путь.

Священник, видимо, уже связался с полицией, и они уже знают, что он на свободе, в Лондоне. Как только станет известно о смерти Джейн Гордон, ее матери и Хараса, погоня возобновится с новой силой. Выход был только один. Найти Давоса, выжать из него правду — поскольку он был единственным на земле человеком, который знал, как все обстояло на самом деле.

Лавируя в плотном потоке машин, Брейди пытался вспомнить, что он знает о Давосе. Не очень-то много.

По происхождению венгр, что объясняло его связи с Харасом. Странная, загадочная фигура, бежал от известности, как от чумы. Говорили, что он в полном смысле слова держит в своих руках нефтяные поставки во всем Западном полушарии. Безжалостный человек, создавший свою империю, беспощадно давя конкурентов.

Брейди свернул на тихую улочку в стороне от Парк-Лейн. Быть может, пора уже кому-нибудь поставить на место мистера Давоса.

Давос жил в доме номер двадцать. Брейди нашел, куда втиснуть машину, поднялся по ступеням к парадной двери и нажал на кнопку звонка.

В глубине дома раздавались смех и музыка. Вскоре за дверью кто-то яростно выругался, и дверь отлетела, с грохотом ударившись о стену.

Стоявший на пороге мужчина был очень пьян. В вельветовом пиджаке, с редкой, точно оципанной, бородачкой, глаза — две мокрые, расплывшиеся кляксы на бледном лице.

— Слушай, старик, если ты намерен стоять здесь всю ночь, давай, продолжай! — бросил Брейди с усмешкой, проходя мимо него.

В коридоре тускло горели свечи. Чудовищный гвалт в дальнем конце указывал на то, что веселье в самом разгаре.

Представшая перед Брейди компания в целом представляла собой сборище сомнительных личностей. Кто-то пробовал, стоя на руках, опорожнить кружку пива. Зрители довольно

взрели, когда он потерял равновесие. Брейди хотел отойти, но тут его сильно толкнули, и он налетел на молоденькую девушку, выбив бокал у нее из рук.

— Простите, — сказал он. — Я возьму вам другой. Что у вас было?

— Да ладно, ничего. Я бы лучше покурила, если у вас есть сигареты, — ответила она. На вид — не больше семнадцати, личико круглое, с еще не определившимися чертами, побледневшее от возбуждения.

Он дал ей сигарету, и девушка неумело прикурила.

— Чудесно тут, правда?

— Потрясающе, — согласился с ней Брейди. — А кстати, кто устроил вечеринку?

Глаза ее округлились от удивления.

— То есть как, вы не знаете?

Брейди широко улыбнулся.

— Я недавно приехал в Лондон. Моих друзей пригласили, вот они и взяли меня с собой. Все произошло слишком быстро.

— А, ну тогда понятно, — ответила девушка. — Вечеринку устраивает Лусия. Лусия Давос. Вы с ней знакомы?

Брейди покачал головой.

— Да нет. Я только что приехал из Штатов.

— А, так вы американец? Ей это понравится. Если хотите познакомиться — она тут рядом, в соседней комнате, поет с ансамблем.

Откуда-то неожиданно высунулась рука, подхватила под локоть девушку, и толпа поглотила ее. Брейди протиснулся к двери и прошел по коридору в соседнюю комнату. Он как раз остановился в дверях, когда молоденькая служанка, одетая в черно-белую униформу, прошла мимо с подносом, доверху нагруженным пустыми бокалами. Под глазами у нее были темные круги от усталости, мгновенная жалость кольнула Брейди, когда какой-то пьяный юнец налетел на нее и несколько бокалов упало на пол.

Брейди быстро поднял их и поставил обратно на поднос.

— У вас усталый вид, — заметил он. — Как, справитесь?

Девушка с благодарностью улыбнулась ему.

— Со мной все в порядке, не беспокойтесь. Они уже накачались. Так что смогу посидеть, задрав ноги, на кухне, выкурить сигаретку и выпить чашечку чая.

Она ушла, а Брейди вошел в комнату. Трио играло негромко, но ритмично, девушка, скрестив ноги, сидела на рояле и низким, хриловатым голосом пела блюзы. Голос у нее несильный, но что-то в нем было такое — отзвук ночи, быть может. Умиряющей осени. Маленькая девочка, которая родилась, чтобы иметь все на свете, и вдруг обнаружила, что у нее нет ничего. С короткой стрижкой, без макияжа — ее тонкая мальчишеская фигурка в вязаном платьице выглядела странно бесполой. Когда она закончила, раздались беспорядочные хлопки и кто-то крикнул:

— Еще, Лусия!

Девушка покачала головой.

— Может быть, позже. Я хочу выпить.

Она соскользнула на пол, и трио заиграло с такой силой, что звуки, вибрируя, отдавались от стен. На столике стоял поднос с мартини, Брейди взял один бокал и стал пробираться к девушке.

Она облокотилась на рояль, отбивая рукою такт. Мэтью протянул ей бокал, и она повернулась, чтобы поблагодарить его, лоб ее прорезала тонкая морщинка.

— Я вас не знаю.

— Я пришел с друзьями, — объяснил Брейди. — Мне понравилось ваше пение. Кажется, в вас действительно что-то есть.

Глаза ее слегка затуманились, и Брейди понял, что она выпила слишком много.

— Вы американец?

Он кивнул.

— Я только сегодня приехал.

Она все еще хмурилась, внимательно оглядывая его, немного погодя сказала:

— Я догадалась, что в вас не так. Вы здесь единственный среди мужчин в костюме.

Брейди быстро огляделся вокруг. Самое удивительное, что она оказалась права. Он выделялся на общем фоне, точно заноза в пальце.

— Так с кем, говорите, вы пришли? — настойчиво переспросила девушка.

— Ладно, мисс Давос. — Брейди пожал плечами, словно сдаваясь. — Придется выложить все начистоту. Я надеялся получить интервью у вашего отца.

— Газетчик! — Она залпом проглотила мартини. — Так я и думала. Вы напрасно теряете время. Мой отец никогда не дает интервью. Да и вообще его нет сейчас в городе.

— Может, все-таки скажете, где он, — настаивал Брейди. — Возможно, он сделал бы исключение. Вот была бы сенсация!

Она взглянула на него в упор и произнесла своим ломким, чуть глуховатым голосом:

— Послушайте, вы начинаете надоедать мне. Будь я на вашем месте, я бы допила свой бокал и убралась восвояси.

Она отвернулась, музыка загремела крещендо, и Брейди растворился в безликой толпе. Он выскользнул незаметно, вернувшись туда, где был раньше; мысль его отчаянно заработала. Нужно было как-нибудь узнать, куда уехал Давос. Но как? Неожиданно он вспомнил о горничной. Стоило попытаться. Брейди свернул в коридорчик, уводивший в глубь дома, открыл дверь и оказался в просторной, хорошо освещенной кухне.

Девушка сидела у плиты, вытянув ноги, с сигаретой в руке. Она удивленно обернулась, и легкая улыбка тронула ее губы.

— А, это вы? Хотите чашечку чая?

— Не отказался бы. На мой взгляд, там немного шумно.

Она налила еще одну чашку, добавила молока и сахара и протянула ему.

— Сказать по правде, я не заметила, чтобы вы там особенно веселились.

— Дело в том, что я здесь не для того, чтобы веселиться. Я журналист. Мой издатель поручил взять интервью у Миклоса Давоса — не больше не меньше. Потому-то я и вторгся сюда.

— Мистер Давос на вечеринке своей дочери? — хмыкнула девушка. — Это стоило бы где-нибудь записать. Впрочем, он никогда не дает интервью.

— А вы не знаете, где он сейчас может быть?

— Уехал на остров сегодня утром. Вдруг взял, да и надумал.

— На остров? — переспросил Брейди.

— На Шейлинг-Айленд, — объяснила горничная. — Это примерно в двух милях от побережья Эссекса, рядом с рыбацким поселком Харт. У него там дом. Но вы напрасно теряете время. Он вас не примет, даже если вы и приедете туда.

— О, никогда нельзя знать заранее, — беспечно воскликнул Брейди. — Вдруг у него будет хорошее настроение.

— У него не бывает хорошего настроения, — загадочно заметила девушка.

— Ну что же, спасибо за чай и за информацию. Вы, может быть, спасли мою карьеру, — усмехнулся Брейди и прикрыл за собой дверь.

Веселье, похоже, разгорелось вовсю — дом просто ходуном ходил. Брейди отчетливо слышал, как звуки его разносятся в ночном воздухе, спускаясь по ступеням к машине и отъезжая от дома.

Ему понадобилось полчаса, чтобы доехать до тихой площади в Кенсингтоне.

Брейди поставил машину и быстро поднялся по лестнице. Когда он открыл дверь, в квартире было темно. Он постоял минуту за дверью Энни, прислушиваясь к ее ровному дыханию, потом прошел в кухню.

Брейди и сам удивился, насколько он голоден. Он стал жарить яичницу с ветчиной. Перекладывая ее со сковороды на тарелку, он услышал за спиной легкий шорох и, обернувшись, увидел, что Энни стоит в дверях. Она завязывала пояс халата; волосы падали ей на лицо, глаза были припухшие, совсем еще сонные.

— Хочешь поесть? — спросил Брейди.

Она покачала головой.

— Только кофе. У тебя усталый вид.

— Ночка выдалась не из легких, — ответил он.

— Тебе удалось разыскать Джейн Гордон, про которую говорила Сомс, когда мы ехали в машине?

— Боюсь, я немного опоздал, однако узнал, что хотел.

Он закурил и наскоро рассказал ей обо всем, что случилось за последние несколько часов. Энни не произнесла ни слова, только невесело смотрела куда-то в пространство.

— О чем ты думаешь? — спросил Брейди.

— Думаю, что тебе нужно пойти в полицию, — ответила Энни. — Все зашло слишком далеко.

— Но ведь Давос — единственный человек на земле, который знает правду, — возразил Брейди. — Неужели ты думаешь, что он признается просто так?

Она нахмурилась, взволнованно стискивая пальцы.

— А как же с другими? Дас, например, и профессор Сомс. Должны же полицейские из них что-нибудь выудить.

Брейди покачал головой.

— Ничего не получится. Даже Сомс не знала, на кого работала Джейн Гордон. Моя единственная надежда — добраться до Давоса и заставить его признаться, прежде чем полиция упадет на мой след.

— А если он откажется? Что ты тогда будешь делать? Убьешь его?

— Почему бы и нет? — с горечью ответил Брейди. — Если и есть человек, который заслуживает смерти, так это он.

— А тот человек, что раньше вел твоё дело, — сказала она. — Инспектор Мэллори. Он не мог бы что-нибудь сделать?

— Он и так уже сделал все возможное, — буркнул Брейди.

— Но ты ведь пойдешь в полицию, правда, Мэтт?

— Конечно, пойдю.

Последнее, что он запомнил, была ее улыбка — теплая и чудесная. Брейди выключил свет и осторожно прикрыл за собою дверь.

Он вернулся на кухню, налил себе еще чашку кофе и подождал, пока Энни уснет. Ждать пришлось недолго. Он постоял за ее дверью, прислушиваясь, потом накинул пиджак и снова вернулся в кухню.

Было почти два часа ночи, когда Брейди закрыл за собой дверь квартиры и тихонько спустился вниз.

Он отпер дверцу машины, достал карту дорог из ящичка для перчаток, положил на место ключи и торопливо зашагал по тротуару. Вполне могло случиться, что ему вообще не удастся выехать из Лондона, и, если его схватят, ему не хотелось, чтобы это случилось в машине Энни. Он и так уже втянул ее в свои дела по уши.

Через полчаса он остановился в переулке неподалеку от Элберт-Хола. В тупике стоял маленький потрепанный фургончик. Замок на его дверце был уже сломан, однако владелец прихватил ключ с собой. Брейди уселся в кабину, сунул руку за приборный щиток, вытащил проводки зажигания и соединил их. Через несколько минут он осторожно отъехал.

Немного погодя Брейди остановился на маленькой тихой улочке и стал внимательно рассматривать карту. Графство Эссекс он знал довольно неплохо. Всего три года назад он был главным инженером на строительстве моста недалеко от Челмсфорда.

Рыбачья деревушка Харт находилась почти на острие мыса, там, где река Блэкуотер впадает в Северное море. Судя по всему, малонаселенная провинция, и шоссейных дорог тут было немного. Как и сказала горничная, Шейлинг-Айленд лежал милях в двух от берега.

Брейди сунул карту в карман и поехал дальше. Судя по индикатору горючего, в баке оставалось пара галлонов, не больше, но Брейди не думал об этом, сосредоточившись на дороге. Мелкие проблемы могли подождать.

На шоссе было еще на удивление много машин. Наверное, люди, задержавшиеся в дороге из-за тумана, решил Брейди. Выехав из центра, он придерживался боковых улочек, двигаясь в направлении Ромфорда, и в конце концов выехал на Челмсфордское шоссе.

Проехав Ромфорд, он немного успокоился, закурил и полностью сосредоточился на дороге. Туман здесь был не такой густой, как в Лондоне, но все еще достаточно плотный; прошло не меньше часа, прежде чем Брейди свернул с автострады, затерявшись в лабиринте проселочных дорог.

Он несколько раз останавливался, чтобы взглянуть на карту, проехал через несколько деревушек, пока наконец не свернул в нужную сторону. Когда первые холодные лучи рассвета скользнули, пробиваясь сквозь туман, он ехал по Саутминстеру. Неожиданно мотор астматически кашлянул и заглох.

Стрелка указателя горючего по-прежнему держалась на двух галлонах, что, очевидно, ничего не значило. Брейди вышел из машины и быстро зашагал по сырому песку...

Вскоре он оказался на берегу моря, сквозь пелену тумана разглядел какой-то сарай, видимо, для лодок, а вдали — очертания Шейлинг-Айланда. Деревянная дверь сарая была не заперта. Рыбачьи поселки везде одинаковы. Лодки никогда не запирают на ключ, они всегда должны быть под рукой.

Брейди широко раскрыл дверь и вошел. Тут был тяжелый рыбачий баркас — понадобилось бы по крайней мере трое мужчин, чтобы с ним справиться, но рядом он увидел небольшой ялик.

Ветер крепчал, вздымая белые гребни волн, пока он стаскивал ялик на воду и ставил мачту. Парус наполнился ветром, стоило ему распустить его; шляпка немного накренилась, так что вода перехлестнула через борт. Брейди выровнял ялик и через минуту уже выходил из бухты в Северное море. Вот и остров. Громадные скалы вздымались из моря, а у подножия их перекачивались волны, разбиваясь об острые, зазубренные утесы.

Не было ни одной отмели, куда можно было бы высадиться. Брейди попытался установить парус так, чтобы следовать вдоль линии берега, но ветер был слишком силен; неожиданно отвесные скалы оказались всего лишь в какой-нибудь сотне ярдов от него.

Он второпях бросил парус и кинулся к веслам — но поздно. Гигантская рука подхватила его и закружила, неотвратимо увлекая в водоворот.

Ялик вильнул, вошел в прибрежные буруны, взлетел высоко на гребень и ударился о громадный зеленый валун. Брейди перелетел через корму и упал прямо в бездну кипящей воды.

Он попробовал встать. Повсюду вокруг него валуны то появлялись, то исчезали в белой пене волн, могучая, непреодолимая сила подхватила его и перенесла через рифы к подножию скал. Брейди вцепился пальцами в гравий, с усилием встал на колени и, пошатываясь, побрел вперед, из последних сил перебираясь через подводные валуны. Внезапно вода снова забурлила, поднимаясь до пояса, хватая его за ноги гигантскими

цепкими пальцами, пытаюсь снова унести в открытое море. Он зацепился за трещину в валуне и повис.

Когда вода отступила, он, напрягая все силы, перебрался через последнюю линию рифов. Через мгновение он был уже в безопасности, на узкой полоске берега у подножия скал, и рухнул на песок, теряя последние силы...

Немного погодя он открыл глаза и перевернулся на спину. Низкое угрожающее рычание, словно гром, прокатилось недалеко от него. Брейди увидел Миклоса Давоса в длинной охотничьей куртке с меховым воротником и зеленой тирольской шапочке, косо надвинутой на острое, узкое лицо. Под мышкой у него была зажата двустволка.

Рычание исходило от великолепного рыжевато-черного добермана, он угрожающе двинулся вперед, глаза его сверкали, как раскаленные угли.

— Лежать, Курт! Лежать! — крикнул Давос. — По-моему, нам не стоит беспокоиться из-за мистера Брейди. Хотя у него не слишком здоровый вид.

Он опустился на корточки, положив дробовик на колени, и вытащил большую плоскую флягу.

— Вот уже полчаса я наблюдаю, как вы продвигаетесь. Что и говорить, путешествие было нелегким. Немного бренди вам не повредит.

Брейди не стал возражать. Взял фляжку, глотнул и закашлялся, крепкая жидкость обожгла ему горло и грудь. Сделав еще один большой глоток, он почувствовал себя немного лучше.

Давос тем временем раскуривал турецкую папиросу.

— Надеюсь, это вернуло вас к жизни, мой друг.

— Вы — гнусный негодяй! — прохрипел Брейди.

Легкая саркастическая усмешка мелькнула на угрюмом порочном лице.

— А, так значит, еще тлеет искра жизни? Это обнадеживает. Кстати, поскольку я ничего не слышал о Харасе со вчерашнего дня, полагаю, уже и не услышу, — заметил Давос.

— К сожалению, вчера вечером с ним произошел несчастный случай, — сказал Брейди. — Нужно было смотреть себе под ноги.

— Вы и правда преуспели за последние пару дней. Когда Харас доложил мне, что вам каким-то чудом удалось выбраться из Мэннингемской тюрьмы и ускользнуть от него, у меня появилось предчувствие, что мы с вами еще раз увидимся.

— Я бы последовал за вами и в ад, если бы понадобилось.

— В аду места нет, он и так переполнен, друг мой.

Брейди устал. Так устал, что ему трудно было сосредоточиться.

— Ну и что же теперь?

— Любопытная ситуация, не правда ли? Только мы двое — и Курт, разумеется. Я отослал моего сторожа с женой обратно на берег, когда приехал вчера.

Брейди с трудом поднялся и посмотрел на венгра в упор, слегка покачиваясь.

— Что это будет? Пуля в спину?

— Ну что вы, дорогой мой, ничего бесчестного.

Давос похлопал собаку по спине, и она нетерпеливо заскулила.

— Изумительные животные эти доберманы, Брейди. Натасканные как следует, они могут убить человека менее чем за минуту, — он отошел подальше и вскинул ружье. — Думаю, та изгородь на вершине холма даст вам хорошую фору для старта. До нее ярдов семьдесят пять, не меньше.

— Я бы хотел поговорить с вами пару минут, — отчаянно произнес Брейди. — Это все, что мне нужно.

— Я предлагаю вам приступить, — ответил Давос. — Мое терпение начинает иссякать.

Брейди не стал терять времени и принялся взбираться на холм. У него совсем не осталось сил. Один раз он остановился и оглянулся назад. Давос стоял, поджидая, удерживая собаку за ошейник.

— Вам лучше поторопиться, Брейди, — окликнул он.

Как говорила о нем старуха? Жестокий извращенец, садист, непрерывно гонящийся за новыми ощущениями. Немыслимая ярость захлестнула Брейди, растекаясь по его изнемогшим членам новой энергией. В несколько прыжков он одолел склон и перелез через изгородь.

Доберман взвизгнул, когда Давос отпустил его, и Брейди помчался вниз по пологому склону в поросшую лесом долину. У него было в запасе три или четыре минуты. Брейди бежал, спотыкаясь, прикрывая лицо рукой, неожиданно он покачнулся и упал, скатившись через заросли мокрого папоротника прямо в небольшую речушку. Перейдя на другой берег, Брейди вскарабкался по крутому откосу, покрытому булыжниками и валунами.

Где-то поблизости взвыл доберман, Брейди слышал, как он ломится сквозь заросли кустарника, и стащила с себя промокший пиджак. Собака вынырнула из зарослей на той стороне речки, бросилась в воду и быстро поплыла к нему.

Брейди подождал, пока она не оказалась футах в трех от него, и набросил пиджак ей на голову. Доберман отскочил, рыча и пытаясь высвободиться, Брейди схватил камень, вошел в воду и ударил им изо всех сил. Раздался ужасный хруст. Доберман завизжал и неистово забился. Брейди ударил еще раз — пес больше не шевелился.

Мэтью отвернулся, хватая ртом воздух, и пополз по скользким камням. Теперь ему нужно было только одно — опередить Давоса и добраться до дома раньше его. Там непременно должно быть еще оружие.

Вдруг он услышал яростный вопль, и в ярдах сорока от него показался Давос.

Венгр двигался с удивительной быстротой, на бегу стреляя из одного ствола. Брейди был уже почти у ограды. Он пригнулся, когда пуля прожужжала над его головой, потом перелез через ограду и бросился бежать, кидаясь из стороны в сторону.

Венгр добрался до изгороди и выстрелил из второго ствола. Брейди вскрикнул от боли, споткнулся и упал с большого края обрыва. Лицо его посерело от боли, кровь сочилась через рукав.

Давос остановился футах в пяти или шести от него. Мускулы на щеке судорожно подергивались.

— Я мог бы простить тебе многое, Брейди, — сказал он, — но только не собаку.

Вертолет появился над морем, примерно в четверти мили от берега — фюзеляж его ярким пятном прорезал серое небо. Давос не обратил никакого внимания на шум мотора. Переломив стволы, он достал из нагрудного кармана два новых патрона, не сводя глаз с Брейди.

Камень, попавший Брейди под спину, был размером с теннисный мяч. Брейди сжал его в правой руке и, размахнувшись, запустил венгру в лицо.

Он попал в правый глаз. Давос вскрикнул и бросил ружье. Брейди метнулся к нему. Разъяренный венгр развернулся и двинул Брейди кулаком в подбородок.

Брейди не обратил никакого внимания на боль — он забыл про свою раненую левую руку, забыл обо всем, кроме одного неистового желания — вбить Давоса в землю.

Давос ударил его в шею прикладом, но Брейди удалось правым коленом нанести удар Давосу в пах, потом в лицо. Венгр скорчился и покатился с обрыва, скользя на спине по каменистому склону.

Вертолет на мгновение повис над вершиной, затем приземлился. Когда дверца открылась, первым из кабины вышел констебль; за ним шел инспектор Мэллори; он придерживал рукой свою фетровую шляпу, проходя под вращающимися лопастями винта.

Давос брел, пошатываясь, вдоль берега к скалистой гряде, выдававшейся в море. Брейди не стал дожидаться инспектора, поднялся и пошел вслед за ним.

Венгр услышал его шаги, обернулся, взглянул на Мэтью, потом тяжело вошел в воду и побрел по ней, огибая каменистую косу.

Когда Брейди догнал его, они уже были по пояс в воде. Давос издал приглушенный крик и отчаянно забил по воде, а Брейди обеими руками схватил его за горло.

— Ты все расскажешь им, ты, подонок! Ты все им расскажешь!

Избитая физиономия венгра исчезла под водой, и тут сильные руки оттащили Мэтью. Мэллори закричал ему прямо в ухо:

— Все хорошо, успокойтесь, Брейди. Нам все известно.

Инспектор стоял рядом с ним, полы его плаща как-то нелепо пузырились на воде. Двое констеблей держали Давоса.

Мэллори взял Брейди за локоть и повел к берегу. Они прошли через узкую полоску песка, и Брейди тяжело опустился, привалившись к громадному валуну. Он был измотан до предела, но голова его работала ясно.

Мэллори присел рядом с ним на корточки и осмотрел его руку.

— М-да, выглядит довольно паршиво. Судя по всему, вам грозит проваляться пару недель в больнице.

— Это ерунда, — сказал Брейди. — Расскажите лучше, как вы узнали про Давоса.

— Ваша подруга, мисс Данинг, позвонила мне сегодня часов в пять утра, когда обнаружила, что вы исчезли.

— И вы ей поверили?

Мэллори покачал головой.

— Она дала мне только пищу для размышлений. Потом мне позвонили из клиники Гая. Я посадил одного из моих людей у постели миссис Роз Гордон, чтобы тот дожидался, пока она не придет в себя.

— Но ведь Харас выстрелил ей в голову, — тупо произнес Брейди. — Я же был там.

— Он только задел ее. Она дала необычайно интересные показания. Я тут же связался с королевскими ВВС.

— Здорово вы придумали с вертолетом.

Мэллори усмехнулся.

— Они подобрали нас на пристани в Саут-Бэнк. Мне хотелось добраться сюда поскорее. Единственное, чего я боялся, — что вы разделаетесь с Давосом прежде, чем мы подоспеем.

Камешки градом посыпались вниз, это Энни Данинг съезжала последние несколько футов к морю. Она была в плаще, перетянутом ремешком, на голове косынка, лицо бледное и осунувшееся.

Мэллори встал.

— Пойду, помогу им переправить Давоса наверх. Через несколько минут мы вернемся за вами.

Он ушел, а девушка присела на корточки рядом с Брейди, сняла с головы платок и принялась перевязывать его руку выше локтя.

— Ты не должен был уходить, ничего не сказав мне, — заметила она.

— Больше ничего не оставалось, — ответил он. — Не забывай — ведь я думал, что миссис Гордон мертва. Да и вообще, я не хотел впутывать тебя еще больше. Дело казалось довольно-таки безнадежным.

Энни провела рукой по его волосам.

— Сразу видно, что тебе пришлось нелегко.

— Теперь уже все позади. И это главное. У тебя не найдется сигареты?

Она вытащила смятую пачку, раскурила для него сигарету и, протягивая ее, неуверенно спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Вернусь в Бостон и возьмусь за работу, которую предлагал мне мой шурин. С меня пока достаточно Англии. Ты поедешь со мной?

Она резко обернулась, глаза ее были полны слез.

— Черт бы тебя побрал, Мэтт Брейди. Я думала, ты никогда уже этого не скажешь.

Он притянул ее к себе и обнял. Где-то высоко в небе пронзительно крикнула чайка; она пронеслась совсем низко, над самыми их головами, потом взмыла, исчезнув в морской дали.

ГОВОРЯЩИЙ СЛОВАРЬ-

КАРМАННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК!

Не секрет, что в современных условиях знание английского – необходимое условие сколько-нибудь успешной карьеры делового человека или специалиста. Не является тайной и то, с каким трудом дается изучение чужого языка. Как утомительно иной раз зубрить новые слова, которые ну никак не хотят оставаться в памяти! А научиться понимать речь на слух – и подавно труднее. А кто научит идиоматике и сленгу?

Американские специалисты совместно с российскими филологами разработали электронную версию словаря с возможностью перевода с русского на английский и обратно. Это не единственная в своем роде продукция, однако по богатству возможностей Language Teacher ER 2200T – чемпион. Достаточно сказать, что его словарный запас насчитывает 450 тысяч слов. Среди них 325 тысяч общих слов и идиом, 35 тысяч медицинских терминов, 33 тысячи технических терминов, 29 тысяч бизнес-терминов, 28 тысяч юридических терминов. Такому позавидует даже переводчик-профессионал.

Создатели словаря позаботились о том, чтобы максимально повысить эффективность запоминания слов. Ведь переводчик не только отображает слова и перевод на экране, он еще произносит их как на английском, так и на русском языках. Это устраняет необходимость в разгадке транскрипций и усиливает интерес к работе со словарем, особенно у детей. Естественно, что вероятность запоминания слов при этом существенно повышается.

Если Вы работаете с узкоспециализированной лексикой и часто не можете отыскать необходимые слова ни в одном словаре, Language Teacher предоставит Вам возможность добавить профессиональные термины в основную память и в дальнейшем легко переводить их.

Если Вы не уверены в написании того или иного английского слова, не теряйтесь и набирайте его как слы-

шите, орфографический корректор поправит Вас и подсказывает правильное написание слова.

Language Teacher ER2200T содержит дополнительно 400 фраз и 400 ключевых слов, необходимых во многих жизненных ситуациях, что придаст Вам уверенность в заграничных поездках и общении с иностранными партнерами.

Справочник по английской грамматике, компактно представленный в памяти переводчика, дает возможность быстро найти интересующую тему в грамматическом разделе электронного устройства.

Деловому человеку пригодится удобная записная книжка с ежедневником объемом 64 килобайта, в которую можно вносить информацию как на русском, так и на английском языках.

Лингвистическая игра Hangman также помогает в обучении английскому языку. Она тренирует слуховую и зрительную память, позволяет быстрее запоминать слова и их правописание. Эта игра увлекательна как для взрослого, так и для ребенка.

Множество дополнительных функций, таких, как: ускоренный ввод слов, справочник неправильных глаголов и американских идиом, калькулятор, перевод систем мер и весов, конвертация валют, а также говорящие часы с будильником и поясным временем сделают Language Teacher Вашим незаменимым помощником.

Габариты: 14,5x9,5x1,5 см.

Итак, если Вы или Ваш ребенок изучаете английский язык, хотите отправиться путешествовать или Вам предстоит переговоры с иностранными партнерами, то карманный словарь-переводчик – это то, что Вам нужно.

Приобрести новинку можно в Объединении «Прогресс-Т».

Тел. (095)239-95-34,
тел./факс 239-97-55

Под куполом... школы

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ
Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

*Маленьких героев
этого репортажа родители
вряд ли водили в цирк.
В неблагополучных семьях
детям снятся не жонглеры
и фокусники.*

*И мечтают они
не о красочном представлении
с дрессированными тиграми
и веселыми клоунами,
а о том, как бы вдоволь поесть...*

Слово «интернат» коробит слух: сразу видишь серый дом, одинаково одетых мальчишек и девочек; слышишь обывательские реплики: «Гляди, инкубаторские идут»...

В доме на Волгоградском проспекте столицы все не так: белоснежное здание с зеленым внутренним двориком, цветы на газонах, ребята в ярких футболках, пестрых юбочках, фирменных джинсах.

Здесь живут и учатся будущие профессиональные циркачи.

...В спортивном зале полным ходом шла репетиция. Пацаны прыгали через «ноя», делали сальто, фляк (прыжок назад на руни и обратно), стойку на голове, гоняли на моноциклах (это такой цирковой велосипед об одном колесе), жонглировали булавами, удерживая равновесие на двух чрезвычайно неустойчивых катушках.

Рядом девочки демонстрировали чудеса гимнастики – гнулись и крутились так, что мы поневоле усомнились в существовании у них позвоночника... И тут я заметил вроде бы знакомое лицо. Пригляделся к девчужке, которая рядом вращала хула-хуп. Где-то я ее раньше видел?..

Вспомнил: в детском приемнике-распределителе, куда несовершеннолетних обычно доставляют с улиц и вокзалов. С рассказа вот этой самой Оксаны я начал материал о беспризорных детях, который вы могли прочитать в недавнем номере «Смены».

Оксана со своей сестренкой прожили на вонзале полтора года. Их родители развелись, мать пропала квартиру... Девочек заставляли побираться – нужны были деньги на водку; били, морили голодом. В свои одиннадцать Оксана выглядела едва ли на восемь.

Неудивительно, что сейчас я ее не сразу узнал – из маленького, зажатого, растерянного существа Ок-

сана превратилась в открытую улыбку девочку.

– Как тебе здесь?

– Круто! Даже не думала, что так бывает. Моя младшая сестренка тоже тут – вон, видите, мостик делает. Нам повезло, что мы сюда попали. Сначала из приемника хотели в другой интернат направить, но потом почему-то решили сюда. Может, потому, что мы раньше в этом районе жили...

Эта случайная встреча со «старой знакомой» меня обрадовала. «Слава Богу, – повторял про себя, – что нашлись люди, которым не безразлична судьба Оксаны и таких, как она, детей».

Не нашлись бы – жизнь ребят оставалась бы адом...

Мы заглянули в актовую залу, где тоже полным ходом шла цирковая работа. На сцене репетировали воздушные акробаты – на нитке, на рамке. Наблюдать за подготовкой, за «кухней» оказалось даже интереснее, чем за выступлением на манеже. Следишь напряженно за трюком – получится ли, успеет ли маленький артист подхватить свою хрупкую партнершу? И облегченно вздыхаешь – получилось.

– Большинство ребят занимаются здесь первый год, – рассказывает директор интерната Игорь Анопьянц. – Со знакомыми преподавателями циркового училища поначалу в одном из обычных детских домов создали цирковой кружок. Дети были в восторге... Потом решили: а почему бы не открыть специализированный цирковой интернат? Нас поддержали в московском правительстве; тепло отнесся к этой идее и «главный циркач страны» Юрий Никулин... В прошлом году перебрались сюда, в бывший интернат номер пятнадцать, от которого сохранился только номер. Поставили тренажеры, купили ренвизит. Взяли сюда ребята-

шен, которые уже успешно занимались в кружке, оставили здешних. Сейчас у нас 87 человек... Им уже довелось увидеть столько плохого, такого хлебнуть!.. А цирк – это своего рода реабилитация...

– А не велика ли нагрузка?

– Базовыми навыками – акробатика, хореография, жонглирование – должен владеть любой цирковой артист, и у нас эти дисциплины обязательны для всех. А дальше то, к чему лежит душа, – фокусы или гимнастика, эквилибристика или клоунада...

– Преподаватели – профессиональные артисты цирка?

– Конечно. Они ведут классы в цирковом училище, имеют огромный опыт собственных выступлений на мэнеже. Дети учатся легко. Поэтому многие наши первоклассники умеют делать то, что не под силу первокурсынкам училища. В цирке, как и в спорте, – чем раньше начнешь заниматься, тем лучше.

– Это искусство не из дешевых: спортивное снаряжение, репертуар, костюмы...

– Намеряете на спонсоров? Кто может – помогает. Экспериментальная трикотажная фабрика дает материалы, шьет костюмы. Но большинство из того, что у нас сегодня есть, – заслуга московского департамента образования. Хотя с бюджетом, сами знаете, какое нынче положение, столичное правительство нас без своего покровительства не оставляет...

Я в этом убедился в первый день лета. День защиты детей. В интернат тогда приехали московский мэр Юрий Лужков и мэтр циркового искусства Юрий Никулин. Ребята подготовили по такому случаю целую программу, и гости смотрели на них с восторгом. Особенно хлопали, когда на сцене работали юные воздушные гимнасты Настя Свешнинова и Андрей Зуев. По-моему, это был вы-

сокий класс. Не зря после представления мэр признался: «Я восхищен вашим искусством».

А Юрий Владимирович не скрывал широкой, такой знакомой улыбки:

– Я даже немного горжусь, что принимал участие в создании этого интерната – писал по инстанциям письма, пробивал в разных кабинетах. Сейчас, когда в нашей стране столько брошенных, никому не нужных детей, государство просто обязано взять их под свое крыло... Этот интернат, по-моему, яркий пример, как нужно работать с детьми. Здешние ребята, прежде лишенные всего, обрели не только крышу над головой, но и, что важнее, – цель в жизни. Они уже освоили концертный зал «Россия», Кремлевский дворец, Колонный зал Дома союзов, Дом кино. Недавно прекрасно выступили на детском фестивале в нашем цирке на Цветном бульваре. Артисты говорят – растет достойная смена. И это, поверьте, не просто комплимент, а профессиональная оценка. Может быть, не все станут Нарандашами (или Никулиными – **А.П.**), но все равно – зятя благородная. Я с ужасом думаю, что ожидало этих ребятшек, если бы они не попали сюда... Ведь уже видно, сколько здесь одаренных детей, которые наверняка смогут стать большими артистами. К себе в цирк мы их возьмем без разговоров...

Я И ЛОШАДЬ, И БЫК, И БАБА, И МУЖИК!

ОЛЬГА АРНОЛЬД,
кандидат психологических наук

Наверное, не так много отыщется в нашем Отечестве женщины, которые хоть раз не произнесли бы в сердцах эту, скорее, горькую, чем смешную присказку.

Слишком уж часто слабый пол по жизни вынужден брать на себя не свойственные ему мужские функции – и в общественной жизни, и в семье, и на производстве.

Результат? Неимоверная, годами копящаяся физическая и психологическая усталость, нервные срывы, утрата женственности, преждевременная старость...

Однако есть женщины, которым «мужская доля» – со всеми вытекающими из нее социальными обязанностями (и правами!) – отнюдь не кажется чуждой.

И с ДОБРОВОЛЬНО взятыми на себя мужскими обязанностями они справляются легко и, что самое удивительное, абсолютно естественно.

Про таких говорят:

«У нее мужской ум, мужской характер.
Ей бы мужчиной родиться!..»

Но они – так природа захотела – родились женщинами.

«...И ПОТЕРЯЛА ВСЮ ПРЕЛЕСТЬ ЖЕНСКОГО ПОЛА»

Героиней одного из телевизионных ток-шоу Юлии Меньшовой «Я сама» была суперженщина – так она сама себя называла. Офицер милиции, мать четверых(!) детей, мастерица на все руки, спортсменка. Вот только женского счастья нет. Никан не может найти себе спутника жизни после того, как рассталась с мужем (нак она утверждала, по собственной инициативе). Неужели мужчинам не нужны такие суперженщины?..

Нужны. Только мужчины любят именно суперженщин, а не мужиков в юбке. Я смотрела на энергичную даму, которая солировала в той телепередаче, и меня охватило знакомое чувство: сколько я их видела таких – капитанов дальнего плавания и курсантов военных училищ, профессиональных феминисток и со-

временных бизнеследи. В них во всех есть общее: они обладают бешеной энергией, они компетентны и профессиональны, за что бы ни брались (в их нередки привлекают сферы деятельности, издавна считающиеся чисто мужскими) – их ждет успех!

Но, увы, объединяет их тоже одно: неудавшаяся личная жизнь.

Вообще-то, в сугубо психологическом плане термин «суперженщина» к такой энергичной особе не подходит. Суперженщина в истинном смысле – это женщина, у которой утрированно выражены все типично женские черты, она отличается чрезмерной, бросающейся в глаза женственностью; это эфемерное, слабое создание, которое мужчинам так и хочется носить на руках. Ей не нужна не только мужская работа, но и работа вообще: она согласна сидеть дома, быть за мужем, как за каменной стеной. В общем, это комнатный цветок, что

может расти лишь в тепличных условиях. У «сверхженственной женщины» много недостатков, которые больше всего мешают жить ей самой – открой дверь оранжереи, и цветок поникнет от малейшего ветра. Но одно ее достоинство несомненно: мужчина рядом с ней всегда чувствует себя Мужчиной – с большой буквы.

Думаю, в терминологических деталях мы разобрались. Итак, женщина, которая все знает, все умеет, все успевает и успешно конкурирует с мужчиной во всех областях, кроме секса, это не сверхженщина, а, наоборот, женщина с ярко выраженными мужскими чертами характера. Хорошо это или плохо? Не стоит давать однозначные оценки – в природе всегда действует замечательное правило: у каждой медали есть две стороны. Вот и любое наше достоинство в других условиях может обернуться недостатком. Так, человек упорный, всегда достигающий своей цели, иногда ведет себя, как упрямый осел, доводя до отчаяния окружающих. Методичность – прекрасное свойство характера, особенно ценное для некоторых профессий, легко переходит в излишнюю педантичность и даже навязчивость, когда даже целесообразное нарушение раз и навсегда заведенного порядка кажется преступлением.

Такие примеры можно приводить до бесконечности. Энергичность, компетентность, решительность – очень полезные качества в этой жизни, хоть и мужские. Вряд ли без них можно достичь успеха на любом общественном поприще, в бизнесе или в спорте. Но вот личная жизнь – совсем другая сфера. И энергично-волевой, напористой даме очень трудно научиться правильно себя вести не с мужчинами вообще – среди них она в родной стихии, – а с одним-единственным мужчиной.

Как правило, в крови женщин с таким характером всегда много андрогенов – мужских половых гормонов. Иногда это объясняется хромосомными aberrациями (изменениями в наследственном аппарате). Например, у некоторых женщин набор половых хромосом, как у мужчины – XY, но по какому-то напризу природы, внутриутробно развиваясь, плод становится девочкой. Почти во всех отношениях нормальной, хотя женщина, которой потом становится эта девочка, остается бесплодной. Такие дамы обладают типично женской наружностью, они часто бывают внешне привлекательными, но при этом высоки, стройны, мускулисты. Это достаточно редкая аномалия, клиническое ее название – синдром Морриса. Когда в семидесятых годах в широкую практику вошли генетические анализы, некоторые известные спортсменки были исключены из соревнований: генетически они оказались мужчинами и, естественно, имели несомненное преимущество перед обычными женщинами. Среди выдающихся спортсменов синдром Морриса, или псевдогермафродитизм (по данным классика нашей генетики В.П.Эфроимсона) встречается примерно в 600 раз чаще, чем среди женской половины населения вообще.

Но такие случаи – все-таки исключение. Гораздо чаще у женщин с выраженными мужскими чертами просто высокий (но не настолько, чтобы говорить о патологии) уровень андрогенов в крови. Это отличительная черта их организма, определяемая наследственными факторами, конституцией (строением) и особенностями работы желез внутренней секреции. Может это быть и следствием того, что во время беременности матери на плод воздействовали в большом количестве мужские половые гормоны.

Многие выдающиеся женщины, вписавшие свое имя в историю, обладали ярко выраженным мужским характером – воительницы, предводительницы, вдохновительницы: Жанна д'Арк, Елизавета I Английская, Жюль Санд... Все они были неординарными личностями, но женского счастья так и не узнали.

Пристрастие к мужскому гардеробу типично для такого рода женщин. Недаром муж Авроры Дюдеван – писательницы Жюль Санд – одну из своих главных претензий к супруге сформулировал следующим образом: «Госпожа Дюдеван стала держаться как мужчина, стала курить, ругаться, одеваться в мужское платье и потеряла всю прелесть женского пола...» А вот что о ней писал Оноре де Бальзак: «Ей трудно найти подходящего мужчину... Она мальчишка, она художник, она большой человек, великодушный, преданный, это мужской характер: следовательно, она не женщина». После Жюль Санд осталось множество литературных романов, но и она сама осталась в истории как героиня громких любовных романов: она и Альфред Мюссе... она и Фредерик Шопен... и множество других, менее знаменитых мужчин. Но ни с кем ей не удалось построить длительные прочные отношения, никто не принес ей полного удовлетворения – слишком властная у нее была натура, слишком подавляла она возлюбленных своим мужским началом.

А Елизавета Английская... Говорили, что у нее был некий телесный недостаток, который мешал ей в полной мере ощутить себя женщиной, и потому она так и осталась королевой-девственницей. Но не будем повторять старые сплетни, обратимся лучше к фактам: в первую очередь эта женщина была властительницей, главным для нее всегда было благо государства. Все остальное, в

том числе и фавориты, – на втором. И тогда, когда послала своего милого друга Эссенса на плаху, она действовала так, как на ее месте поступил бы мужчина.

Я ЖЕНИЮСЬ НА ТЕБЕ, ДОРОГАЯ, Я ТАК РЕШИЛА!

Понятно, что в те давние времена, когда женщине, чтобы «выбиться в люди», требовалось везение и максимальное напряжение всех сил, лишь немногие из них могли встать в один ряд с мужчинами. Теперь – иное дело. Эмансипация слабой половины рода человеческого в общем-то свершилась, множество женщин вышло на сцену общественной жизни. И, как вы уже понимаете, в их первых рядах – женщины сильные, целеустремленные, решительные. То есть ярко выраженного мужского типа.

Кстати говоря, сама эмансипация произошла при более чем активном участии именно таких дам. Это объяснимо: женщина может быть неудовлетворена своей ролью служанки или, в лучшем случае, хранительницы очага, но чтобы решительно взбунтоваться, как ибсеновская Нора, ей надо обладать мужскими свойствами характера – хотя бы отчасти. Воинственные дамы, что становятся во главе всевозможных движений за женское равноправие, в высшей степени отличаются мужским характером. Забавно бывает слушать, как наши современные феминистки – как правило, не знающие, с какой стороны подойти к плите, не ведающие, как поставить ребенку клизму или в какой руне держать нитку, когда вдевают ее в иголку, – ратуют за права «обиженных и униженных мужским беспределом»

женщин. Им незнакомы и неинтересны традиционные женские занятия (в этом одна из причин того, что их браки, как правило, разваливаются). И они, исходя из собственного опыта, считают, что все их товарки только и мечтают о том, как бы избавиться от «мужского ига».

Синклер Льюис написал в свое время прекрасный роман, посвященный суфражисткам – борцам за предоставление женщинам избирательных прав – «Энн Виннерс». Совершенно не случайно карьера его главной героини завершается на столь необычном для женщины – даже сейчас, сто лет спустя – посту, как начальница тюрьмы. Среди персонажей – и доктор Белла Геррингдин, любившая костюмы мужского покроя и... молодых красивых женщин.

Надо сказать, что феминизм и Лесбос всегда были довольно тесно связаны, раньше – негласно, а теперь об этом уже не стесняются говорить вслух, особенно на Западе. Презрение и ненависть к мужчинам в этой среде доходят до того, что они, кажется, были бы рады размножаться партеногенезом – без вмешательства сперматозоидов и всего, что с этими сперматозоидами связано. «Не понимаю, как можно даже целоваться с мужчинами – они такие грубые и грязные, а уж ложиться с ними в постель – брр!» – поведала мне как-то представительница этого племени.

То, что среди женщин-лидеров нередко встречаются гомосексуалы, – вполне объяснимо: при определенных наследственных задатках, соответствующем строении тела и повышенном уровне мужских половых гормонов в крови их сексуальное влечение к представительницам одного с ними пола выглядит почти закономерно.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ – НАЧАЛО НАЧАЛ

Но такая, самой природой задаваемая, гомосексуальная направленность вовсе не фатальна: если девочки с выраженными мужскими чертами воспитываются правильно, то в будущем их привлекают к себе мужчины – то есть они относятся к сексуальному большинству. Влюбляются в молодых людей и стремятся к семейной жизни (правда, это у них не всегда получается). Все девочки с выраженными мужскими чертами характера предпочитают в детстве мальчишескую компанию, любят играть «в войну», лазить по заборам, часто бывают предводительницами малолетних хулиганов. Такая девчонка-сорванец, вырастая, чувствует себя свободно и раскованно в любой мужской компании, а мужчины, соответственно, считают ее «своим парнем», приятелем, но никак не объектом сексуального интереса. Если же такая девочка в детстве была изолирована от мальчишек-сверстников, то возрастает вероятность того, что она вырастет лесбиянкой.

Вообще же, святой долг родителей – воспитывать детей соответственно их полу. В большинстве случаев девочки сами выбирают тихие игры и куклы, а мальчики – более воинственные забавы или сложные игрушки. Однако в некоторых пограничных случаях, когда биологические задатки пола выражены нечетко, очень многое зависит от того, какое поведение ребенка подкрепляют родители. Слабые женственные мужчины получаются из красивых мальчиков с кудряшками, которых умиленные мамы одевают в платьица. Если же супруги хотели мальчика, а родилась девочка, если обманутые в своих ожиданиях родители с раннего детства поощряют ее вести себя, как мальчишка, радуясь, что

дочка напоминает маленького сорванца, — не надо удивляться тому, что вырастет она сильной, решительной женщиной. А если к тому же «мужские задатки» даны такой девочке еще и самой природой, — сексуальные проблемы в отношениях с мужчинами, трудности в образовании крепкой, прочной семьи в будущем ей гарантированы.

Насилению, так исналечить ребенка в раннем детстве, как это может мама, не сумеет никто другой. Часто мужские черты характера проявляются у девочки, выросшей в семье, где властная, доминирующая жена и мать полностью подчиняет себе супруга. У холодной неласковой матери, пренебрегающей дочерью или всячески старающейся ее себе подчинить, дочка тоже часто вырастает не менее сильной натурой, с решительным, агрессивным — мужским характером.

Нстати, «бесполое», уравнительное воспитание — это мечта истинных, правоверных феминисток, которые упорно не хотят признавать, что две половинки человеческого рода не равны уже по рождению — у нас разные наборы хромосом, разная анатомия и физиология, разные функции в жизни, predeterminedенные природой. Мечта феминисток — абсолютно одинаковые условия для подрастающих детей, абсолютно одинаковые требования к ним. Почему, например, считается, что неженское это дело — менять колесо у автомобиля? Надо с детства приучать девочек возиться с техникой, а мальчиков — заниматься домашним хозяйством!..

Как говорится, нам бы их проблемы!

Увы, наши женщины в большинстве своем вынуждены заниматься мужскими делами не от избытка равноправия, а оттого, что рядом нет мужчины...

МАКИЯЖ И ЮБКА — СТРАШНАЯ СИЛА!

Но вот энергичная, решительная, агрессивная девочка вырастает и превращается в энергичную, решительную, агрессивную женщину. Все горит у нее в руках, все удается, но это не делает ее счастливой... Впрочем, послушаем Марину, яркую представительницу этого рода-племени, которую я консультировала как психолог.

— Я всю жизнь хотела только одного: любить и быть любимой. Вместо этого у меня есть все остальное: свое дело, карьера, деньги, машина и квартира... А любимого, мужа, семьи — нет и не было!

Марине 33 года, она высокая, стройная, спортивная. В институте вместе с ребятами играла в футбол(!). Закончив престижный технический вуз, где девушек-студенток почти не было, она быстро разобралась в новой экономической ситуации, бросила научную карьеру, аспирантуру и занялась бизнесом. Вместе с двумя приятелями-однокурсниками буквально из воздуха создала свою фирму, которая теперь процветает. Ее партнеры-мужчины добровольно уступили ей пост генерального директора. С обоими отношения дружеские. Один из них очень Марине нравился, но он о том даже не догадывался — иначе не стал бы советоваться с ней перед тем, как жениться.

У Марины не было ни одного мало-мальски серьезного романа — так, «пересып» с преподавателем на преддипломной практике, случайные связи в командировках... Она не понимает, в чем тут дело, но после первой же встречи мужчины, на которых она обращает свое благосклонное внимание, бегут от нее, как от огня. После очередной неудачи, когда от Марины ушел мужчина, проживший две не-

дели в ее квартире, она решила обратиться за советом к специалисту.

...Я окидываю Марину критическим, профессиональным взглядом. Она по-своему привлекательна. Ее лицо могло бы принадлежать и женщине, и очень красивому юноше – такое впечатление создается еще и потому, что его обрамляют коротко стриженные нудрявые волосы. Прямо как на античных портретах юных спартацев. Одета в дорогой строгий брючный костюм, вполне соответствующий облику деловой женщины.

– Марина, вы всегда носите брюки?

Она удивляется: мороз ведь на дворе, в тонких колготках превратишься в сосульку. Но потом, подумав, отвечает: да, предпочитает ходить в брюках, в них чувствует себя легко и свободно.

Вы, читатель, наверное, скажете: «Ну что она прицепилась к мужской одежде? Да сейчас в гардеробе абсолютно каждой современной женщины с дюжину брюк имеется!..» Но обращали ли вы, читатель, внимание, как меняет брючный костюм не только облик, но манеру поведения, движений абсолютно каждой женщины? Походка становится более уверенной, спортивно-размашистой, решительной – мужской. Манера общения с людьми – более раскованной, свободной... Как ни странно, один из вернейших способов вернуться к своим женским истокам – это снова научиться носить одежду, традиционную для слабой половины человечества. И если существо «неявного пола» (выражение Александра Набакова) всерьез хочет стать женщиной, то вместе с платьем, юбкой и высокими каблуками к ней может прийти милое женское кокетство, изящество движений – словом, та сумма почти неуловимых моментов, которая и называется женственностью.

Труднее всего с походкой: очень сложно с широкого мужского шага перейти на женский, чуть семенящий. (Истати, при операциях по изменению пола бывшей женщине гораздо легче усвоить мужские повадки, чем вчерашнему мужчине научиться двигаться изящно, как настоящая женщина.)

Вольному – воля, и если Марина захочет сделать первый шаг к тому, чтобы изменить себя и свои отношения с мужчинами, я подсказала ей, с чего начать. Кановы бы ни были недостатки у женщин ее типа, одно несомненное достоинство у них имеется: они отнюдь не дуры, а целеустремленности у них хоть отбавляй. Уверена, что очень скоро увижу Марину в платье, с новой прической и манияжем... Что дальше?

В характере Марины есть черты, которые помогают ей зарабатывать деньги, но очень мешают, когда речь идет о мужчинах: бешеный напор и упорство в достижении цели. Если мужчина ей нравится, она показывает ему это сразу, без всяких экивоков. Мужчина оказывает ей небольшой знак внимания – она немедленно ждет от него следующего шага и нетерпеливо подталкивает его к нему. В общем, она такой же лидер в этих отношениях, как и в бизнесе.

Но мужчины не любят, когда ими командует женщина. Они еще могут смириться с этим на работе, но быть подчиненными и в личных отношениях – это уже слишком. Даже самый слабхарактерный мужчина (а он особенно!) «возьмет ноги в руки» при такой явной угрозе порабощения. Особенно боятся женщин, которые нарушают правила сенсуальной игры: активно бросаются в атаку, прямо и недвусмысленно декларируют свои намерения, диктуют свои условия – то есть берут на себя чисто мужскую функцию. От такого «неженского» напора и агрессивности хочется бежать на край света!

И, в самом деле, мужчинам есть чего бояться! Вспомним хотя бы ту даму – офицера милиции из тон-шоу «Я сама». Сназавшую: пусть только достойный мужчина попадет к ней в руки, а уж воспитать себе подходящего по всем статьям мунна она из него сумеет. С какой гордостью она рассказывала, как разгромила потенциального поклонника на теннисном корте... Даже в мыслях у нее не было, что по-женски правильнее было бы чуть-чуть поддаться – дать мужчине почувствовать себя на коне, победителем. Показать ему, что вот и она, сильная женщина, в чем-то его слабее. Нет – никаких женских уловок, никакой милой игры, никаких неожиданных ходов, пробуждающих интерес у потенциального сексуального партнера! Все – с точностью до наоборот: а у меня четверо детей... я капитан милиции... ну, уж на корте-то ты никак за мной не угонишься... Впрочем, и не только на корте...

Уровень понимания отношений между мужчиной и женщиной у «матери четверых детей, спортсменки, капитанши» примерно тот же, что и у девчонки-подростка. Которая в ответ на неловкие знаки внимания одноклассника от полноты чувств просто-напросто бьет его портфелем по голове.

...Но вернемся к Марине. Чтобы добиться исполнения своей заветной мечты, ей мало сменить брюки на юбку: она должна научиться вести себя, как женщина. Такое разделение – на работе мужчина, а дома женщина – дается с большим трудом. Для этого ей надо стать немного антрисой, научиться не путать свои роли – «производительную» и «сексуальную». Не устраивать истерик на работе и не отдавать командирским тоном приказы своему навалеру во время интимного ужина при свечах.

Идеальный образец женщины, четко разделившей две свои ипостаси, – Маргарет Тэтчер. Многие

отмечают абсолютно мужской стиль ее руководства, решительность и целеустремленность. Недаром ее прозвали «железная леди», и многие мужчины-политики называют ее своим идеалом государственного деятеля (в том числе Ельцин). Но, с другой стороны, как ни мало времени у нее оставалось на личную жизнь, она никогда не пренебрегала обязанностями жены и матери; уже будучи премьер-министром, каждое утро собственноручно готовила мужу завтрак. А ее знаменитые шляпки – предмет всеобщей зависти и восхищения?! Феминистки Тэтчер не любят: она всегда считала чушью всю эту борьбу за равные права мужчин и женщин. Сама не однажды подчеркивала в своих публичных выступлениях, что смогла сделать свою политическую карьеру благодаря финансовой и моральной поддержке мунна.

...А ОН ЕЕ ИСПУГАЛСЯ И УБЕЖАЛ

Другую мою пациентку зовут Фаина. Как и Марина – она «бизнеследи», добившаяся больших успехов в предпринимательстве и неудачливая в личной жизни. Это очень красивая женщина с мягкими – «кошачьими» – движениями, одинаково привлекательная и в юбке, и в брюках. Она умеет «подать себя», и ее sex-аренал, случается, даже мешает ей в делах: с первого взгляда потенциальные деловые партнеры видят в ней не предпринимателя, а женщину.

Но это ошибка: дела Фаина ведет по-мужски, и еще как! Она представительница «романтического» периода нашего нарождающегося частного бизнеса, когда больше ценилось не умение методично и прогнозированно вести де-

ла, а отвага, напор, натиск, умение рисковать, чтобы выигрывать. Такой бизнес всегда привлекает к себе внимание криминальных структур, но и здесь Фаина оказалась на ноне: не родился еще тот бандит, которого бы она испугалась! Несколько раз на нее пытались «наехать» рэнетиры. Потом зауважали: распознали, что перед ними «крутой мужик» в женской шкуре – по крайней мере, в деловых вопросах. Ей не слишком важны деньги сами по себе, для нее бизнес – это захватывающая игра, которая дает ей острые ощущения и придает жизни вкус.

А вот в личной жизни Фаине неизменно не везет. Вечно окруженная поклонниками, она все время выбирает не тех. С мужчинами ведет себя, как кошка, на которую так похожа: шипит на них и горбит спинку, показывает ногти. Считает, что ей нужен настоящий, энергичный – сильный мужчина. Который бы ее действительно любил и с которым ей было бы интересно. Но в реальности отношения с возлюбленными, что хоть немного похожи на ее идеал, кончаются очень быстро – когда в воздухе начинают летать сновородни. Вообще любовь для нее – это вечное выяснение отношений (она это не осознает, но на самом деле вопрос стоит так: кто тут главный?). Если мужчина хочет сам диктовать условия, он скоро уходит – не сошлись характерами. Дольше задерживаются те, кто позволяет вытирать о себя ноги, – но зачем ей такой слабый возлюбленный?

Какие же мужчины привлекают сильную женщину? Безусловно, сильные! В этом-то и состоит вся парадоксальность ситуации: две сильные, мужественные натуры не могут униться вместе. В одной паре не может быть два ярко выраженных лидера, которые не любят идти на компромиссы. В то же время мужчины

мягкие, нерешительные – словом, женственные – отбрасываются этими дамами как «слабаны». А ведь сочетание: женщина с мужским характером и мягкий женственный мужчина – идеальный вариант. Практически единственный, при котором сильная женщина может достичь счастья в браке. Противоположности в таком семейном союзе дополняют друг друга. Особенно если жена научится дома смирять свой характер и давать мужу хотя бы иллюзию свободы выбора и равноправия. И разделение обязанностей в таких парах обычно весьма далеко от традиционного: мужчина много занимается домашним хозяйством, а женщина «вкалывает» и зарабатывает деньги. И это устраивает обоих.

Очаровательная, сенсационная Фаина сталкивается в своей жизни с теми же проблемами, что и лишенная женского обаяния Марина. Разница в том, что от Марины потенциальные поклонники бегут сразу, а Фаина окружена мужчинами. Но среди них не находится никого, с кем она могла бы построить прочные длительные отношения. И коль скоро обе эти «бизнеследи» желают стать счастливыми, как обычные женщины, им обеим надо очень много в себе менять.

С Мариной дело обстоит проще. Можно научить ее одеваться и вести себя по-женски. И если она очень сильно захочет, то сможет смирить свой напористый нрав и вести себя помягче с избранником. Если она действительно стремится к созданию семьи, то смирится и с тем, что ей нужен не сильный мужчина, а, наоборот, более мягкий. И так как выбор у нее невелик, то долго колебаться Марина не станет – быстро применит полученные навыки на практике.

А вот Фаине помочь трудно: как объяснить женственной, изящной красоте, пользующейся бе-

шенным успехом, что мужчин отпугивает ее чересчур сильный мужской характер? Ведь их вокруг нее столько... Да и потом, что бы ни говорила Фаина, на самом деле спокойное семейное существование ее не устроит. Без бурных сцен, новых впечатлений и ошеломительной жизни ей кажется пресной. Она смогла бы наконец найти себе единственного, «своего» мужчину лишь в том случае, если бы ей удалось проанализировать и отбросить из детства полученные комплексы «самооборонительной власти» и перестать самоутверждаться в собственных глазах. Но это – огромная работа над собой... Что ж, и без того жизнь у нее бурная и интересная – может быть, ей другой и не надо?..

Вообще-то, я далеко не уверена, что все решительные, энергичные, умные женщины, нашедшие себя на профессиональном поприще, и в самом деле, хотят выйти замуж и завести семью. Часто они просто заблуждаются на сей собственный счет под влиянием общепринятых мнений. А в действительности им этого и не нужно – им достаточно иметь не мужа, а просто отдушину, спорадических возлюбленных, и жить своей наполненной жизнью, не испытывая иллюзорного чувства одиночества.

Потому что, если человек действительно хочет чего-то в глубине души, то он и соответствующим образом себя ведет. Одно дело, если женщина, такая, как Марина, отпугивает мужчин, не зная, как их привлечь к себе, и совсем другое – если она, как Фаина, прекрасно все сознавая, продолжает вести себя по-прежнему.

Каждому – свое, и за все надо платить. В том числе и за такие прекрасные качества, как воля, решительность, энергия...

Дорогой читатель!

Все мы вышли из гоголевской «Шинели»... Но многие из нас вышли еще и из коммуналок, где «обобществлены» не только кухонная плита, но и сама жизнь. Соседи...

Они становились порой ближе, чем родственники. Их любили и ненавидели, жалели и проклинали. С ними делили слезы и радость, на них писали анонимки и отдавали им последний кусок хлеба...

Мы одалживали у них не только «трояк» до полочки, но и душевное тепло, что согревало в стылые минуты жизни. Дяди Паши и тети Шуры, где вы сейчас?

Коммуналки, вроде бы, канули в Лету. (Впрочем, далеко не везде...) А соседи, память о них – остались. И появились соседи новые – по лестничной площадке, даче, гаражам...

И уже трудно представить, как жить без них. Праздник и будни окрашены их словам, поступкам, взглядом...

Мы не живем в одиночестве. Россия – «страна соседей». Вот мы и предлагаем вам – расскажите о своих соседях – бывших, нынешних. Что они значили и значат в вашей судьбе? Напишите о плохих и о хороших, о тех «мелочах быта», из которых и складывается жизнь наша – бок о бок друг с другом. Ваши письма с пометкой:

«На конкурс «Сосед» будут опубликованы в журнале. Авторы лучших писем ждут весьма серьезные призы.

Итак, конкурс на лучшее письмо «Сосед» стартует с начала будущего года. Будет ли он успешным – зависит от вас.

АДЕЛЬ АЛЕНСЕЕВА

ПОЛЕНОВ

124

Есть такие люди – жемчужины общества, которые действуют подобно магниту, объединяя всех вокруг себя, спланивая не силой и волей, не диктатом, а мягкостью и доброжелательством. Именно таким был Василий Дмитриевич Поленов. Высокого роста, с выразительными черными бровями и окладистой бородкой, подвижный, красивый, непрестанно деятельный и к тому же спокойно рассудительный, вокруг которого всегда царила атмосфера увлекательных застолий и бесед.

К этому надо добавить, что художник, кроме того что неустанно занимался живописью, экспериментировал, колдовал с красками, еще делал мебель, столярничал, музицировал, играл в театре и даже сам сочинял пьесы, музыку. Это был универсал, впитавший в себя дворянскую культуру не одного поколения. Прадед его по материнской линии – Н.А. Львов, архитектор, поэт, собиратель народных песен, настоящий энциклопедист XVIII века. Мать обожала музыку, живопись, отец занимался археологией, и дети росли в обстановке восторженного почитания всего прекрасного, что есть в природе и в искусстве.

Закончив Академию художеств в Петербурге, Поленов отправился в поездку по Европе. Изучал там живопись старинных и современных мастеров, учился, работал. Его захватили исторические темы, средневековые. Появились картины «Арест гугенотки», «Заговор гезов», «Право господина». В последней самодовольный сеньор, окруженный собаками, в упор рассматривает девушек для первой брачной ночи. Тут чувствуется чисто лите-

Жизнь в XX веке

ратурный рассказ – прием передвижников, к которому в дальнейшем художник более не прибегал.

В работах этого европейского периода, как писал Репин, «затевались драмы внутри дворцов и замков; красивые залы, дивно освещенные, великолепные троны, колонны, – картины грандиозные и совсем готовые, оставались только люди... И тут художник охладевал и бросал все чары средневековья». Впрочем, был привезен чудный женский портрет – «Стрекоза» («Лето красное пропела»), который автор до конца жизни держал у себя дома.

В Париже он познакомился с Тургеневым. Встречались они в доме Полины Виардо. Однажды художник даже решился показать Тургеневу свои работы. Тот пришел в восторг от этюда «У мельницы», написанного в серебристо-оливковой гамме. Молодой Поленов писал родным: «Кстати, о Тургеневе. Он почему-то эту зиму ко мне благоволит и мил со мной необычайно. Может быть, оттого, что я все с ним спорю, даже бранюсь... Он даже сказал мне, что у меня есть талант, и крупный...»

Полина Виардо сперва показалась Поленову «кривлякой», но потом он изменил свое мнение, оценив не только ее голос, но и ее саму как личность: «Я понимаю, – писал художник, – платоническую любовь к ней Тургенева. Да и он-то какой хороший господин – сердечный, теплый».

Чем больше читаешь воспоминаний о Поленове и Тургеневе, тем больше обнаруживаешь между ними общего. Обоих отличала интеллигентность, мягкость, душевная красота и... нерешительность в личных делах. Тургенев рыцарски служил Виардо до конца жизни, а Поленов, влюбленный в Марию Оболенскую, после ее смерти не женился до 40 лет. В творчестве же своем, вернувшись в Москву, забыл средневековые сюжеты и обратился к тургеневским мотивам. Появились пейзажи, портреты мальчиков, как бы сошедших со страниц «Бежина луга», – «Ванька с Окуловой горы», «Вахромей».

И все же Париж есть Париж, это Мекка художников, каждый там получает что-то для себя. Французы-барбизонцы поэтизировали незаметные уголки земли, молодые импрессионисты смело общались с мазком, торопясь запечатлеть мгновение, – и русский художник тоже приобрел новый опыт в технике живописи. Подводя итоги, он писал: «...все, что до сих пор я делал, все это надо бросить и начать снова-здорово. Тут я пробовал и перепробовал все рода живописи: историческую, жанр, пейзаж, марину, портрет головы, образа, животных, *naturmort* (натюрморт), и так далее, и пришел к заключению, что мой талант ближе всего к пейзажному бытовому жанру, которым я и займусь».

В этот период Поленов обнаружил красоту в тихих уголках Москвы. В 70-е годы он создал две картины, ставшие теперь всем известными – «Московский дворик» и «Бабушкин сад». Первая из них появилась почти случайно, как сценка, открывшаяся из окна мастерской на Арбате, но стала она символом милой, провинциальной, уходящей Москвы. Глядя на «Бабушкин сад», мы опять вспоминаем тургеневские дворянские гнезда. Увы! – они умира-

ли в конце прошлого века, и эта картина – как бы восторженная дань усадебной культуре, ее людям.

70–80-е годы прошлого века – время особенное, переходное. Народники двинулись в деревни, чтобы лечить и обучать крестьян. А художники-передвижники продолжали в своих работах проповедовать справедливость. Но в те же годы пишет последние свои стихи Фет и первые стихи Бунин – творцы «чистого» искусства. В живописи тоже единоборствуют эти два течения.

Помните, как в гениальном рассказе Чехова героиня Лидия возмущается художниками-пейзажистами? Она принимает больных, раздаёт книжки и терпеть не может художников, которые не думают о пользе народа и рисуют пейзажи. Художник же (прототип его – ученик Поленова Левитан) пытается убедить Лиду, что не следует искать чудес только около больных и старух: «Разве здоровье не чудо? А сама жизнь? Что непонятно, то и есть чудо!»

Ученица Поленова и его сестра (а еще душа сплотившихся вокруг них художников) Елена Васильевна, мучаясь поисками новых путей в искусстве, писала: «Сбились мы с проторенной дороги, притворяться, что мы верим в тот путь, на который указали наши предшественники, совесть не позволяет, а новый не найден, и на искание его требуется много сил». Молодые художники поняли, что на их плечи легла особенная задача: дать почувствовать чудо жизни, при этом никого не уча.

Естественно, старые передвижники не признавали новшества молодых и не хотели их пускать на свои выставки, и тут сказал свое слово Поленов. Ведь ученики-то у него были какие! Веселый, открытый Костя Коровин с его пейзажами, вечно печальный Левитан, Головин с тонким письмом. Разнообразнейшие дарования, и как же не хлопотать о том, чтобы они «выставлялись»?

Начав писать декорации для театра Мамонтова, он стал привлекать и учеников. Художник Киселев вспоминает, как за пустяжную помощь учителю он получил половину гонорара: «Я отказался, говоря, что я не помогал, а больше портил, но он улыбнулся и сказал: «Иногда и за порчу деньги платят». В другой раз Коровин помогал Поленову доделывать «Принцессу Грез» Врубеля, и тот все деньги, выплаченные Мамонтовым, отдал Косте.

Человек мягкий, деликатный, Поленов был тверд, когда речь шла о правде, о главном. Известно, как реагировал он на подавление восстания 1905 года, когда президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович разрешил войскам войти во двор Академии и оттуда стрелять по восставшим. Вместе с Серовым Поленов подал заявление о выходе из Академии.

Так же тверд оставался он, когда речь шла об искусстве. Критику Стасову, с которым во многом не соглашался, выплескивал все в лицо. Писал о нем сестре: «Что за взбалмошная личность, что за ералаш в голове... все основано только на том, что, мол, мне ни капельки не нравится, что и Рафаэль – дрянь, а «Фауст»

Гуно – мерзятина. Разумеется, я не молчу, я грызусь с ним чуть не насмерть».

Некоторые художники создают свой собственный идеал красоты, как, например, Кустодиев, но Поленов скорее открывал свое сердце различным ее проявлениям. Это – простота раннего Возрождения, это – Веронезе, древние мастера. Во время путешествий на Восток не уставал восхищаться красотой, которая на протяжении столетий оставалась непревзойденной.

Дальние путешествия стали для Поленова откровением. Киев с его Софией, Болгария с византийскими соборами, Константинополь, Босфор, древние пути и – наконец – Греция... «Мы – в классических водах, вышли из пролива. Облака тают, солнышко греет... Место древней Трои, большие курганы, по преданию могилы героев Илиады... Пароход весело несется по волнам... Я в Египте! В стране, в которой, говорят, не темнеют неба своды, не проходит тишина», – пишет он.

В дороге главное успеть запечатлеть все в памяти и в то же время, не очень полагаясь на память, уследить за переходами освещения, игрой красок, характерных лишь для этих мест. Поленов не выпускает из рук палитры – фиксирует свет, зной, южные тени, жемчужно-серый воздух, тающие в мареве морские дали...

На выставке, посвященной 150-летию художника, в 1994 году впервые была выставлена его картина «Призраки Эллады», которая не воспроизводилась ни в одном альбоме. Знойная синева, полоска моря, тающий небосвод и на первом плане – своеобразно собранные художником греческие символы: статуя Афродиты, часть храма, стела.

В России «греческая тема» имела несколько неожиданное продолжение. Поленов был знаком и дружен с Саввой Мамонтовым, входил в его кружок. Писатели, артисты, художники собирались у Мамонтова и ставили пьесы, музыкальные спектакли. Всех покорили декорации, которые писал Поленов, – в них он внес ту самую лучезарность, что открылась ему в путешествии. Более того, в пьесе «Атриум» он играл главную роль, сочинил музыку и писал декорации. А для живой картины «Афродита», видимо, использовал «Призраки Эллады». К сожалению, после спектакля декорации исчезли, и Мамонтов сообщил другу: «А ведь ты знаешь, что «Афродита» твоя – тютю...»

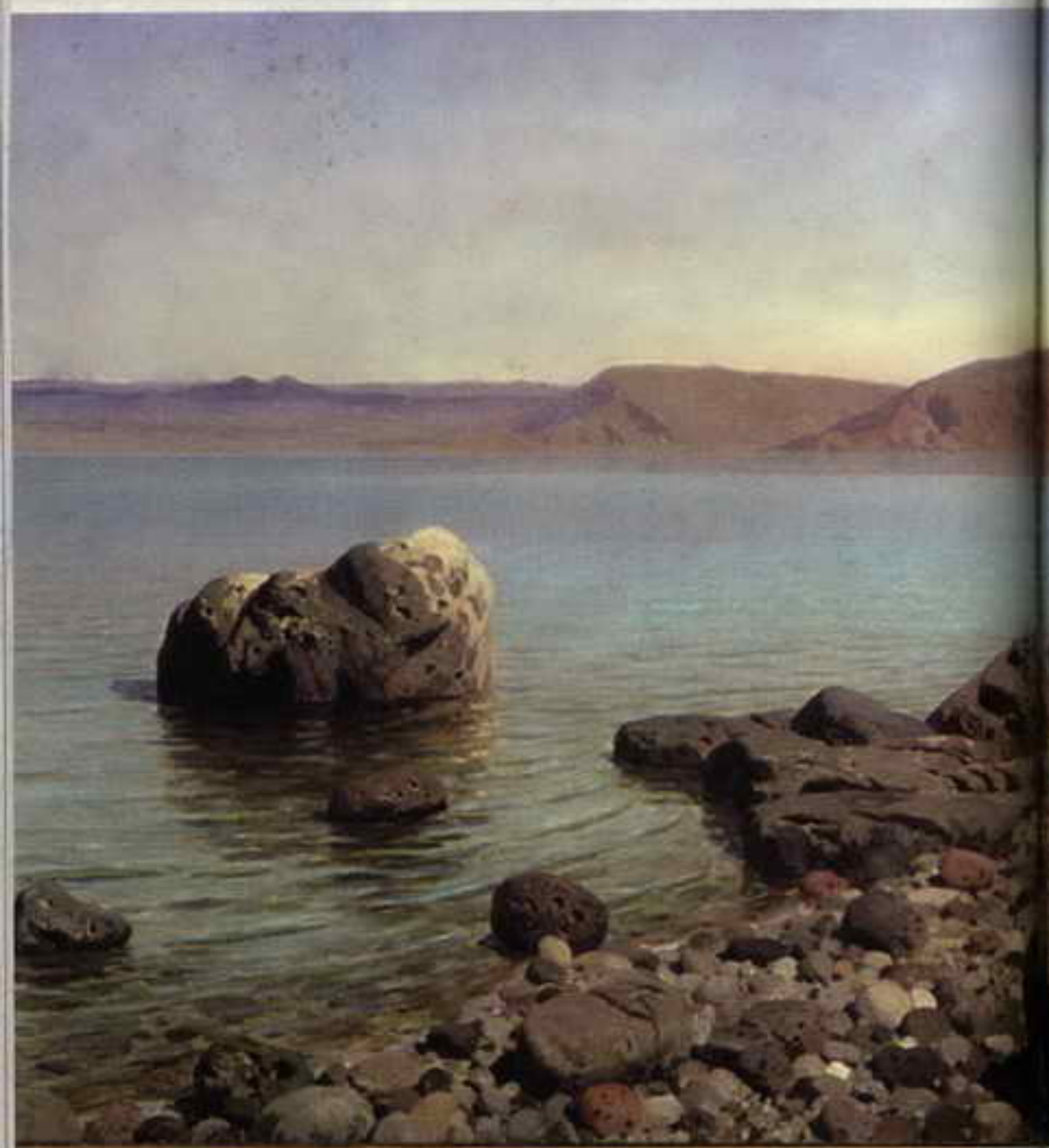
Есть красота идеальная, классическая, вечная, но есть и непонятная, загадочная и даже грешная. Знаменитые слова Достоевского о том, что красота спасет мир, дошли до нас в пересказе В.Соловьева. Сам же великий писатель-психолог писал: «Красоту трудно судить... Красота – загадка».

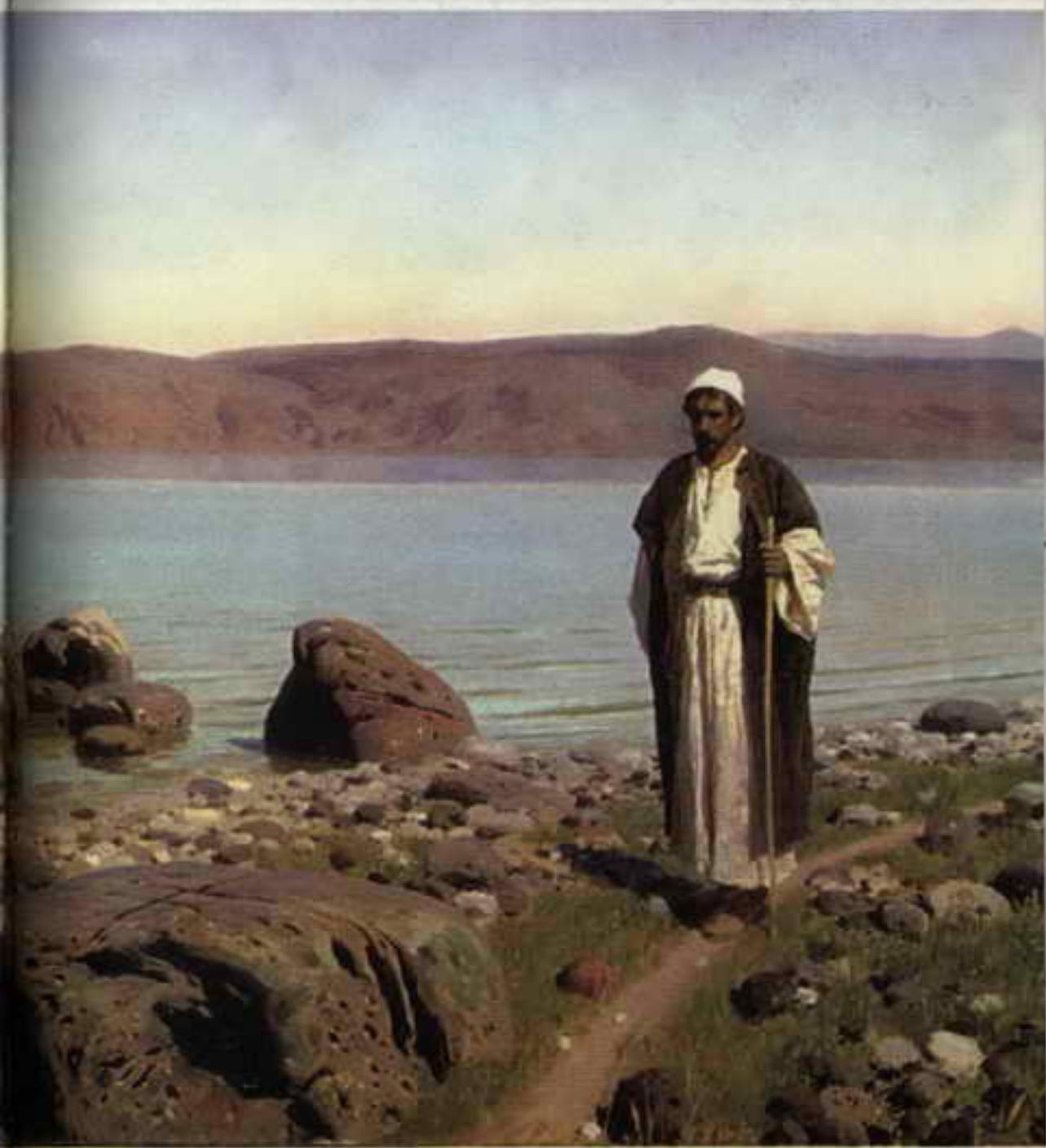
Бабочки. 1870-е гг.

На Тивериадском (Генисаретском) озере. 1888 г.

Голова натурщицы Бланш Ормье. 1875 г.

Что делать с грешной красотой, которая годы и годы не дает о себе забыть? У Достоевского это Грушенька, Настасья Филипповна, у Поленова – «Стрекоза», написанная когда-то в молодые годы в Париже и висевшая у него дома до конца жизни. Как ни странно, образ ее связывается с образом грешницы в картине «Христос и грешница», ее Поленов писал чуть не двадцать лет.

Тут мы вновь должны вернуться к поездке художника на Восток (1878-82 гг.). Его поразили пейзажи древней земли, он побывал в Сирии, Палестине, Иерусалиме, увлекся историей, по камням и развалинам читал ее книгу и восхищался тем, что осталось неизменным за тысячелетия – пейзажами. Он был захвачен серыми камнями, нежными оливами и непостижимой прозрачностью воздуха и воды. Восприятие художника всегда конкретно, чувственно, он не писал по воображению, ему необходимо собственное сердечное впечатление, чистая живописность. Даже посещая православные места в Палестине, более всего он восхищался живописностью места. «Но что за живописная вещь этот лабиринт церквей, алтарей, подвалов, переходов, лестниц, балконов, и все там живет! Какая разнородная толпа старушек, богомольцев движется перед нами: начиная от наших русских старушек всех губерний (их тут огромное количество) и кончая черными нубийцами и абиссинцами-христианами...»

Первый эскиз будущей картины «Христос и грешница», сделанный в 1876 году, – всего лишь примерное соотношение светлых и темных мест, слева угадываемая фигура грешницы, справа – Христа, на фоне белой стены с яркими тенями.

Сюжет – известен, рассказан в Евангелии. Разъяренная толпа схватила грешницу Марию Магдалину и ведет на суд к Христу, чтобы наказать ее. Толпа бежит в неистовстве и злобе – Христос же сидит спокойно, с достоинством. Вместо того, чтобы наказать виновницу, он говорит: «Кто из вас без греха – брось в нее камень», – и толпа останавливается, озадаченная таким ответом.

Художник как бы решает проблему, которой жило все общество, вся Россия, и отвечает определенно: Бог прощает, и мы должны прощать, быть милосердными, жить в добре.

Судьба картины, как и заданный ею вопрос, оказалась тоже непростой. Ее обсуждали, о ней говорили, весь Петербург хотел ее смотреть, однако... цензор запретил полотно к показу на выставке. Что напугало цензора? Конечно же, новое прочтение образа Христа. Поленовский Христос не похож на того, которого видели на иконах, в произведениях религиозной живописи. Это – живой человек, почти современник, размышляющий над судьбой человечества. Картину хотели приобрести и государь, и П.М.Третьяков. К счастью, нашелся священник, сумевший объяснить цензуре, что здесь нет нарушения догм.

И все же интересно мнение тех, кто отверг картину «Христос и грешница», и тут характерно письмо, которое написал художнику Абамелек-Лазарев (с ним Поленов путешествовал по Востоку): «...Ваш тип Христа я мало понимаю и глубоко сожалею, что

Вы, умышленно удалившись от традиционного типа, с одной стороны сильно изменили реальность и придали ей полемический характер, ничем не объяснимый (так как в выбранном Вами эпизоде ничего нет сверхъестественного) и непростительный, так как без всякой нужды им Вы оскорбляете религиозное чувство большинства людей».

Нет человека внутренне более прекрасного, чем Христос, — недаром уже не одну тысячу лет люди именно в нем ищут ответы на вечные вопросы, недаром Достоевский так очарован был этим образом. Причина тут и в том, что внутренняя красота неотделима от... страдания. Да, только человек, перестрадавший или живущий в предчувствии страдания, станет мудрым, понимающим, прекрасным.

К такому Христу Поленов тоже пришел ценой страдания. Случилось так, что он пережил несколько смертей близких людей. В Риме в молодые годы скончалась Мария Оболенская, потом умерла любимая сестра Вера, не стало сына-первенца. Одно из самых впечатляющих полотен «Большая» поражает истинным страданием, неизбежностью смерти, этого вечного спутника человека. Удивляют и чисто технические приемы: художник добился удивительной иллюзии света, что так и струится из-под зеленой лампы.

Испив чашу страданий, в конце 80-х годов Поленов принимается за цикл «Жизнь Христа», погружаясь в работу на многие годы. Живописать он будет не сверхъестественные чудеса Христа, не отвлеченный образ, а — живого, думающего и мучающегося сына человеческого.

Но прежде несколько слов об отношениях художника с товарищами по живописному цеху. Очень редко обращался Поленов к портретному жанру, но великого Репина не мог не запечатлеть. Глядя на этот портрет, так и видишь скорого на слово, быстрого и легкого человека, легкого в походке, поступках, в слове. Он словно на минуту присел на край стула и сейчас встанет и заговорит шумно, эмоционально или напишет что-нибудь со множеством восклицательных знаков, вроде: «Дорогой Василий Дмитриевич! Разумеется! Жду тебя! Без церемоний. Если меня не будет... то валяй ко мне в кабинет со своими чемоданами и устраивайся, как у себя дома».

Отношения с Виктором Васнецовым были самые теплые. Принимаясь за гигантскую работу — роспись Владимирского собора в Киеве, — Васнецов предлагает присоединиться и Поленову, пишет ему: «Православная русская церковь достойна того, чтобы в ней работали настоящие художники». Но... Поленов чувствует, что эта работа не по его сердцу. И в самом деле, русская церковь переживала тогда кризис. Философ В. Соловьев упрекал ее «в государственном формализме», в том, что она стала «колоссальной канцелярией... с неизбежной, увы, канцелярской ложью». Василий Дмитриевич отвечает Васнецову прямо, без обиняков: «Что касается работы в соборе, то я решительно не в состоянии взять ее на себя... Мне бы пришлось делать вещи, в которые я не только не верю, но к которым душа не лежит, а в деле искусства притворяться не следует, да и ни в каком деле не умею я притво-

ряться... Для меня Христос и его проповедь одно, а современное православие и его учение – другое; одно есть любовь и прощение, а другое... далеко от него».

Берясь за священную историю, жизнь Христа, Поленов писал: «Трудная задача передо мной, непосильная, но я не в состоянии от нее отказаться, слишком охвачен величием этого человека и красотой повествования о нем... Христос есть настоящий живой человек, или сын человеческий, как он постоянно себя называл, а по величию духа Сын Божий, как его называли другие...»

Конец XIX – начало XX века Поленов посвящает работе над циклом «Жизнь Христа». В эскизах, которые он набрасывал в путешествии, оживают картины древней земли, ее природа, и самое верное, что сохранилось, ощущение световоздушной Среды. В такой идеальной природе, посреди столь чистой воды зло должно меркнуть и гармоничным казаться добро. Из-под пера его и кисти выходят рисунки, эскизы, этюды, – множество! Возникают пейзажи с умиротворенным морем и тихими закатами...

Рядом с Василием Дмитриевичем – его верная жена, художница Наталья Васильевна (Якунчикова). Шьет ему костюмы в евангельском духе, она первый его зритель и судья. Они вместе читают вслух книгу Ренана «Жизнь Христа», которую можно обвинить в чем угодно, но только не в сухости, и эта эмоциональность заражает художника.

На юбилейной выставке в 1994 году зрители увидели картины «Исполнялся премудрости», «Иаков и Иоанн», «Мечты» – Иисус сидит на камнях и смотрит вдаль, размышляя о будущем человечества, кстати, так мог сидеть и мечтать любой философ, гуманист. Но больше всего зрителей толпилось возле «Иисуса на Геннисаретском озере». Сын человеческий идет по берегу озера, меж изъеденных временем камней, – воздух прозрачен, вода чиста так, что видны камушки на дне. И прозрачна и чиста душа человека, в задумчивости бредущего с посохом в руке... Полная иллюзия воскресшего времени...

А мир между тем чуть не сходил с ума, когда Поленов заканчивал свою работу над этим циклом. Началась мировая война, одна революция, затем другая, земной шар трещал и переворачивался. В живопись ворвались всяческие «измы», некоторые художники стали подлаживаться под новую моду, ломать себя, но Поленов остался верен себе. Более того, верный рыцарь красоты, он пытался приобщить к этой красоте народ: создает что-то вроде театра для рабочих, учит их делать упрощенные декорации, ставить пьесы.

Работу эту продолжил он в своем имении Борок, что на берегу Оки. Деятельное, хлопотливое семейство Поленовых и там устраивало и театр, и музей, и мастерские, словом, организовался культурный центр, как бы мы сказали теперь. Здесь и скончался Василий Дмитриевич Поленов в 1927 году. В своем художественном завещании он написал: «Смерть человека, которому удалось исполнить кое-что из своих замыслов, есть событие естественное и не только не печальное, а скорей радостное – это его отдых, покой небытия, а бытие его остается и переходит в то, что он сотворил».

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

"ИДОЛ"

и

"НИМФА"

Вольтер и мадам дю Шатле

М

Начало романа

адам дю Шатле – замечательный пример того, как женщина может обрести бессмертие благодаря своим любовным связям. Правда, при условии, что ее страстным обожателем станет великий человек. У мадам таким человеком оказался гениальный писатель, философ и поэт Мари Франсуа Аруэ, известный всему миру под именем Вольтер.

Впервые Вольтер встретился с мадемуазель Ле Тоннелье де Бретеи (имя дю Шатле в девичестве) в доме ее отца, барона, важного сановника, в обязанности которого входило представление иностранных послов при дворе Людовика XIV. Они познакомились, когда барону пришлось устраивать дела опального поэта после его выхода из Бастилии. Этот зрелый, много испытавший и повидавший человек не мог даже предположить, что через пятнадцать лет он воспладет к симпатичной девчужке страстью, которая, словно затянувшаяся гроза, не утихнет до конца его жизни.

Когда они встретились во второй раз, ей было двадцать семь, ему тридцать девять. «Как оклеветана эта прекрасная женщина!» – запись, сделанная им 3 июля 1733 года, ознаменовала собой появление маркизы дю Шатле в его судьбе. Тем самым он признавал, что их незаконная любовная страсть не убереглась от злобной клеветы непрощенных и чопорных хранителей нравственности.

Эмилия (так всегда называл ее Вольтер) уже в детстве испытала свою первую страсть, страсть к учебе. К латинскому, который по сути дела стал ее вторым родным языком, прибавила

итальянский и английский. Ребенком она перевела на французский «Энеиду» Вергилия, после чего начала изучать астрономию, старательно штудировать физику, алгебру и геометрию. Ее интересовали ничтожно малые величины в математике, над которыми в то время бились знаменитые ученые Клеро и Монтерпю.

Она любила театр, принимала участие в разыгрывании домашних комедий и водевилей, прекрасно пела, изучала музыкальную теорию знаменитого французского композитора Жана Филиппа Рамо. Любовь к математике позволила ей познать все тонкости карточной игры, которой она увлекалась до конца жизни; однажды даже проигралась в пух и прах, за должав мадам де Помпадур громадную по тем временам сумму — 60 000 франков, кстати, часть долга заплатил за нее сердобольный Вольтер.

Флорону Клоду, маркизу дю Шатле, уже исполнилось тридцать, а Эмили девятнадцать, когда они решили связать свои судьбы брачными узами. Он был офицером, полковником по чину, выходцем из семьи, своими корнями уходившей к клану Карла Великого. Маркиз постоянно пребывал в армии — то на войне, то в гарнизоне, а его молодая жена скучала тем временем либо в Париже, либо в его родовом замке Сирей. Ее муж, отважный и храбрый воин, довольно быстро понял, что ему не сравниться со своей высокоученой супругой, и даже не стал предпринимать никаких попыток стать с ней вровень. Он отошел в сторону, предоставив супруге полную свободу действий — пусть устраивает свое счастье, как умеет.

Такая жизнь была характерна для многих супружеских пар из высшего света. Вскоре после свадьбы у них родилась девочка, а год спустя — мальчик. Родители, по сложившейся в высшем обществе традиции, не занимались воспитанием своих детей. В результате молодая мама упорно продолжала изучать физику, математику, не забывая, однако, и про ломберный столик. Свободная, ничем не стесненная жизнь, как и следовало ожидать, привела ее к первому несчастью.

Многие женщины в ту раскрепощенную эпоху имели любовников, и в этом никто не видел ничего предосудительного. Тем самым они выражали своеобразный протест против внешне пуританских нравов общества, которые, по выражению Монтескье, «делали их рабынями».

Юная мадам дю Шатле не стала исключением. Она без памяти влюбилась в маркиза де Гебриана, и в тот день, когда охладевший к ней любовник покинул ее, приняла смертельную дозу опиума. Ее, однако, удалось спасти.

«Несмотря на такое самоотверженное доказательство любви с ее стороны, она довольно быстро утешилась другим», — съязвил впоследствии граф Морепа, который не питал особого расположения к подружке своего извечного врага Вольтера.

Кто же были эти другие? Пока назовем одного: герцога де Ришелье, внучатого племянника «серого кардинала». Тридцатилетний герцог, будучи ужасно любвеобильным человеком,

знавал самых красивых женщин своего времени. Выбор щепетильного в этом отношении герцога напрочь опровергает портрет Эмили, нарисованный знаменитой придворной интриганкой мадам де Деффан: «Представьте себе высохшую женщину высокого роста, без ягодиц и бедер, с хилой грудью с далеко выпирающими сосками, с большими руками, ногами, громадными ступнями, с маленькой головкой, острым носом, с плоскими губами, с редкими, испорченными зубами, – вот перед вами фигура прекрасной Эмили, которой она так довольна и ради украшения которой не щадит никаких средств...»

Но сохранилось еще и свидетельство племянницы Вольтера (ее связывали с дядюшкой не только родственные узы), страшной ревнивицы и соперницы Эмили мадам де Дени. Она, скорее всего, скрепя сердце, считала Эмилию «очень красивой женщиной».

Авантюра Эмили с герцогом оказалась довольно краткосрочной и носила, так сказать, чисто терапевтический характер.

До встречи с Вольтером было еще далеко...

Уже в двадцать один год (а мадемуазель дю Шатле тогда было всего девять) Вольтер стал идиолом общества, самым великим забавником эпохи. Блестящий ум, невероятное, неисчерпаемое остроумие, тонкая ирония на грани язвительности – качества, столь высоко ценимые французами, – очень скоро создали ему громадную популярность в Париже. Худощавый элегантный сноб, с отлично подвешенным языком, он с изумительной легкос-

тью владел пером, обладал особым умением подмечать самые незаметные проявления абсурда в жизни общества.

Такие черты взрывчатого характера вполне могли стоить ему и жизни, но именно они, как ни странно, в конечном итоге помогли Вольтеру утвердить непререкаемое реноме главного нелицеприятного критика своего времени.

В двадцать два года его заключили в Бастилию за написанный по-латински пасквиль на регентство. Правда, в самой страшной тюрьме Франции он находился в числе привилегированных заключенных – ему разрешили привезти в камеру библиотеку, роскошное белье и даже... мебель. В камере он завершил пьесу «Эдип», которую начал писать чуть ли не в восемнадцатилетнем возрасте и под которой поставил обессмертивший его имя псевдоним – Вольтер. Только по одному названию нового произведения стало ясно, что он обвиняет в кровосмешении регента Филиппа Орлеанского. Пьесу, однако, поставили в «Комеди Франсез», и ее премьера имела шумный успех. Опасаясь громкого общественного скандала, регент проявил невероятное снисхождение к автору и даже велел выдать вознаграждение в 1200 ливров.

У Вольтера было несколько любовных, более или менее серьезных, связей. Одна из них с маркизой де Берньер, женой председателя парламента в Руане, другая – со знаменитой актрисой Адриен Лекуврёр. Из-за нее темпераментный кавалер вызвал на дуэль официального любовника актрисы – графа Роани-Шабо. Но граф, чтобы предотвратить поединок, использовал все свое влияние и упрятал страстного соперника в уже знакомую тому Бастилию. Оттуда Вольтера вскоре выпустили, заставив дать властям твердое обещание немедленно покинуть страну и уехать в Англию.

Более трех лет провел он по ту сторону Ла-Манша. Там он изучил физику Ньютона, в честь которого даст прозвище своей возлюбленной Эмилии. Он даже присутствовал на похоронах великого английского ученого, так как по странному стечению обстоятельств приехал на Альбион в день его кончины.

Он привез в Лондон свою знаменитую историческую поэму «Генриада», в которой прославлял всевозможные добродетели столь почитаемого французами Генриха IV. Поэма сразу поставила его в первый ряд писателей современности. Но, не получив официального одобрения властей и церкви, «Генриаду» тайно отпечатали в Руане, а очень скоро ее перевели на семь европейских языков (1). Английское издание «Генриады» принесло Вольтеру громадный гонорар в 150 000 франков, что помогло упрочить финансовое положение, и он до самой смерти оставался весьма состоятельным литератором. Вольтер, однако, был твердо убежден, что писатель не должен писать ради денег.

Слава его на континенте росла. И как следствие этого, появились не только завистники, но и могущественные враги, особенно среди клира. Его сочинения по-прежнему раздражали церковь. Последней каплей, переполнившей чашу терпения высшей церковной иерархии, стали знаменитые, написанные в Лондоне

«Философические письма», в которых он не оставил камня на камне от учения французского религиозного философа, писателя Блеза Паскаля, что многими было расценено как вызывающее святотатство.

Когда Вольтер вернулся во Францию, то сразу почувствовал, что вокруг него сгущается предгрозовая атмосфера. Все сильнее пахло сыростью и крысами мрачной Бастилии. Пришлось укрыться в заброшенной деревеньке в Нормандии. Там он получил известие, что «Философические письма», опять тайно напечатанные в Руане, публично сожжены, а начальнику полицейского управления Дижона отдан приказ найти беглеца и бросить в темницу Оксон, крепость пострашнее Бастилии.

Он понимал, что сейчас шутки с церковью особенно плохи и пора подыскивать надежное постоянное пристанище.

Узнав о катастрофическом положении Вольтера, мадам дю Шатле предложила ему, приятелю своего отца, временно спрятаться от властей в ее замке Сирей в Шамони, расположенном на самой границе с Лотарингией. Там, в густых вековых дубравах, его никто не смог бы найти.

До этих печальных событий Вольтер уже встречался с мадам в зале Парижской оперы весной 1733 года. Тогда маркиза пустилась в такие заумные рассуждения о Ньюtone и Локке (их труды он только недавно старательно штудировал в Лондоне), о бесконечно малых числах в математике, о прелестях и совершенстве латинской поэзии, что ошарашенный ее широкими познаниями Вольтер тут же решил, что влюбился. «Какой счастливый случай, — воскликнул он, — любоваться той, которая вызывает восхищение!»

Вскоре среди обожавших сплетни придворных пронесся слух, что между маркизой и Вольтером возникла любовная связь. «Подумать только! — возмущались они, — эта бесстыдница мадам дю Шатле у всех на глазах бросилась в опере навстречу Вольтеру сломя голову и вцепилась ему при всех страстный «bise» прямо в губы!»

Он принял приглашение маркизы. И в ее замке прожил целых пятнадцать лет, поддерживая до самой смерти мадам интимные с ней отношения. Хотя Вольтер не проявлял сокрушительной страсти, в отличие от Эмилии, многочисленные болезни сильно гасили его любовный пыл.

Скорее всего они стали любовниками в июле, так как уже в августе 1733 года Вольтер в письме к аббату Жаку Франсуа де Саду (дяде будущего маркиза-развратника и содомиста, затмившего своей порочной славой близкого родственника) жаловался, что мадам дю Шатле слишком много философствует в постели!

Хотя оба утверждали, что не могут жить друг без друга, они любили каждый по-своему, стараясь сохранить при этом максимум свободы. Но однажды разрыв чуть не произошел, когда добродушный и доверчивый Вольтер лично познакомил свою возлюбленную в опере (все самое важное, как видим, происходит в опере!) со знаменитым математиком Пьером

Луи де Монтерпюйем, весьма соблазнительным на вид джентльменом.

В ту зиму, когда Вольтер занимался своими недомоганиями, репетициями пьесы и отделкой новой трагедии, мадам дю Шатле усердно брала уроки алгебры у смазливового ученого. Вольтер начал замечать, что они все чаще подожду закрываются в ее кабинете. Монтерпюй, отвлекаясь от скучных уроков, всячески поощрял откровенные пассы способной ученицы, но стоило ему добиться ее безумной любви, поспешно отошел от мадам подальше. Для чего рисковать высокой и безупречной репутацией?

Страстные письма Эмилии к Монтерпюю сохранились, а к Вольтеру нет, хотя, конечно, она писала и тому, и другому. Может, она любила обоих одновременно? Трудно сказать. Но она никогда не считала себя до конца связанной вообще ни с кем.

В апреле 1734 года Эмилия с Вольтером отправились в Бургонь на бракосочетание ее бывшего любовника герцога де Ришелье и близкого друга любовника нынешнего. Вольтер приложил руку к заключению этого брака и даже посоветовал молодоженам не сильно любить друг друга – только так, по его мнению, можно продолжать любить все время, до бесконечности. «Лучше быть друзьями все время, – поучал он, – чем любовниками на несколько дней».

Вскоре герцог вместе с супругом Эмилии отправились на очередную войну, и любовники стали проводить вместе долгие, безмятежные весенние дни. Эмилия хотя и не переборола свою страсть к Монтерпюю, но старалась избавиться от постоянных воспоминаний о нем. Потому ее интерес к Вольтеру постоянно рос. В послании к аббату де Саду от 12 мая 1734 года она сообщила: «Кажется, он еще сильнее привязал меня к себе. Я и не представляла, что дружба может вызывать такую чувственную, такую острую боль... Я испытываю такое счастье от обладания им... Кокетство, досада, презрение, ненависть – все это излечивает нас от утраты любовника, но время, которое лечит раны, сейчас из-за него еще больше растравляет мою. Другие мужчины становятся мне просто невыносимы, – они настолько приторны, так несправедливы, такие тираны, исполненные предрассудков. Нет, лучше жить в полном одиночестве, или же с таким человеком, который думает, как ты».

Жизнь в Сирейе

Однако мадам дю Шатле скучала по светской парижской жизни. Оставив Вольтера в Сирейе, она уехала в столицу, а он предпринял героические усилия, чтобы превратить старую развалину-замок в приемлемое пристанище для такого гениального отшельника, как он. Его возлюбленная тем временем вернулась к обычному ритму жизни высшего света. Ее часто видели за картами, она по-прежнему брала уроки у неверного любовника Монтерпюйа и даже влюбилась в своего нового учителя математики Клода Кларо, все чаще проводя с ним время за закрытыми на ключ дверьми кабинета.

Лишь в начале октября, после отъезда Монтерпюйа в Базель, Эмилия, наконец, вернулась в Сирей. Здесь, под угрозой

ареста и заключения в Бастилию, Вольтер работал над «Альзирой», занимался обустройством своих покоев и кабинета, писал пространную поэму о Жанне д'Арк «Орлеанская девственница», навлекшую на его голову еще большие проклятия со стороны церкви. Однако понимая, что его конфликт с церковными властями затягивается на долгое время и ему не выдержать продолжительной изоляции, он принимает смелое решение, ставшее, по сути дела, отступничеством. Вольтер отказывается от «Философических писем» и, прежде всего, от нападок на обожяемого церковью Паскаля. Нужно поступить чем-то одним, чтобы не утратить другого, куда более важного, здраво размышлял философ.

В конце марта 1735 года он, наконец, получил от властей разрешение вернуться в Париж. Но там его ожидало новое разочарование. Ежедневные развлечения, выезды в свет отвлекали его от работы, а мадам дю Шатле слишком надоедала восторженными щебетаниями о Монтерпюйе, к тому времени ставшему главной достопримечательностью столицы. Ко всему прочему, весь Париж зачитывался «Орлеанской девственницей», страстным обличением католической веры, и над головой только что обретшего свободу опального поэта вновь замаячила тень мрачной Бастилии.

Куда бежать снова? Чтобы сбить полицейских со следа, любовники решили сразу не ехать в Сирей, а погостить в Люневиле, в Лотарингском герцогстве, где всего в две езды от их замка расположился двор бывшего короля Польши и зятя Людовика XV Станислава Лещиньского. Беглецов приняли с радостью. Эта великолепная пара блистала при дворе, и здесь божественную Эмилию называли «Нимфой», а ее великого обожателя «Идолем».

В конце июля они вновь обосновались в Сирейе. Этот период стал для них важным этапом в жизни. Вольтер приступил к написанию своих «Мемуаров», работал над историческим сочинением «Век Людовика XIV». Эмилия делала все более заметные успехи в расчетах бесконечно малых величин в геометрии и физике. Она была не только его любовницей, обожяемой женщиной, но и литературным помощником, беспристрастным критиком. Иногда он всю ночь напролет читал мадам дю Шатле все, что написал накануне. Всегда очень высоко ценил ее крепкий, мужской ум, ее высокую ученость, особенно, когда забредал в глухие дебри критического деизма, истории всемирной культуры и философии, а также ньютоновской физики.

Почти каждый вечер Вольтер с Эмилией прочитывали главу из Библии с комментариями и историческим анализом, — в результате таких занятий появилась составленная им работа о генезисе и Новом Завете. Весь первый год их пребывания в Сирейе Эмилия с удовольствием уделяла все свободное время новому, полному переводу «Басни о пчелах» Мандевилля и писала к ней комментарий. (Бернар Мандевиль — английский писатель. В своей сатирической «Басне о пчелах» в аллегорической форме критиковал буржуазные отношения.) Они по-

стоянно обсуждали вместе ее работу над книгой, и в результате такого сотрудничества все рассуждения и комментарии Эмилии почти дословно появились в его просторном сочинении «Трактат о метафизике».

Их жизнь в Сирейе отличалась необычайным разнообразием. Во всех беседах Эмилия неизменно демонстрировала свое преимущество в вопросах науки – всегда указывала Вольтеру, на что в первую очередь нужно обращать внимание при изучении Ньютона и Лейбница. Только благодаря ей Вольтер подошел к своему своеобразному пониманию физики, нашедшему отражение в его сочинении «Элементы философии Ньютона». Эта работа на основе научных доказательств опровергала множество весьма распространенных в ту пору картезианских идей.

За пятнадцать лет пребывания в Сирейе – это время вольтеристы окрестили «годами мадам дю Шатле» – все творчество великого человека приобрело особую плотность, глубину, стало отличаться невиданной прежде философской остротой, смелостью, новизной и громадным расширением масштаба его интеллектуальной деятельности.

Все шло хорошо. Но у этого язвительного мудреца, казалось, чесались руки от желания еще раз подколоть своих извечных врагов – церковников. В Париже по рукам начала ходить его новая поэма «Рассуждения в стихах о светском человеке». Среди мыслей о приемлемой для человека роскоши, о необходимости покровительства изящным искусствам промелькнула и одна кощунственная – о том, что «Эдемский сад скорее всего был не столь эстетическим и райским местом, как представлено в Библии». Одной фразы оказалось достаточно, чтобы вызвать негодование со стороны церкви. Вновь в сторону автора полетели отравленные стрелы.

«Боже, в каком веке мы живем! – воскликнул Вольтер. – Обвинить человека в тягчайшем преступлении только за то, что у Адама, по его мнению, были непомерно длинные ноги!»

Снова мадам дю Шатле со своими высокопоставленными друзьями пришлось вызволять «дерзкого библииста» из беды. Но в середине августа 1736 года произошло одно событие, повлекшее ощутимую угрозу для влюбленных, правда, с совершенно неожиданной стороны.

Угроза из-за рубежа

Такая угроза излагалась на скверном французском языке в письме, которое Вольтеру впервые направил его двадцатитрехлетний немецкий поклонник. Автором послания оказался не простой почитатель, а августейшая персона, наследный принц Пруссии Фридрих, которого пресмыкающиеся подданные впоследствии нарекут «Великим».

Первые просторные страницы с восхвалениями до небес яркого таланта – Вольтер их прочитал не без удовольствия, польщенный вниманием царственной особы – оказались лишь камуфляжем, пилюлей, предназначенной подсластить горечь главного. Фридрих поставил перед ним неразрешимую ди-

лемму, которая будет стоять перед влюбленными целых десять лет! Прусский наследник престола приглашал в свою страну Вольтера, предлагая ему самые роскошные условия жизни, полную свободу творчества, гарантируя уверенность в обеспеченном будущем, восхищение и уважение к нему всего королевского двора. И при этом вопрошал: не перевешивает ли все его заманчивые предложения привязанность к мадам дю Шатле?

«Если моей судьбе угодно быть ко мне столь благосклонной, чтобы я мог полностью располагать вами, могу ли я в таком случае хотя бы питать скромную надежду лицезреть в один прекрасный день того, которым вот уже долгие годы я восхищаюсь издалека?» – писал наследный принц.

Вольтер написал ответ в том же льстивом духе. Принц прислал новое письмо. Так началась переписка, насчитывающая более тысячи писем и продолжавшаяся на протяжении всей оставшейся жизни писателя. Готовясь сесть на королевский трон, Фридрих превосходно познал все премудрости тайной политики и сыска. Он наводнил Сирей и все окружающие его территории своими шпиками и агентами, которые держали принца в курсе всех дел и событий в Сирее: о взаимоотношениях между Вольтером и мадам дю Шатле, об их повседневной жизни, о том, кто к ним приезжает, с кем поддерживают дружеские отношения. Будущий коварный монарх с присущей ему бесцеремонностью пользовался тайными донесениями.

Все дело в том, что ему нужен был только один Вольтер, без мадам дю Шатле. Но он до конца никогда не открывал своей тайной игры, стараясь усыпить бдительность мудреца самой откровенной лестью, на которую, как он знал, Вольтер так падок: «Заметьте, только мадам дю Шатле, – писал он Вольтеру, – и только она может решить вопрос о предоставлении вас, господин Вольтер, в мое распоряжение, так как во всем мире нет более достойной женщины, чем она, которая вправе целиком владеть таким великим человеком, как вы».

Его лесть и коварство поистине не знали границ. Когда он посылал в Сирей свои щедрые дары, то неизменно обращался с отдельным письмом и к самой Эмилии, стараясь заручиться ее расположением.

Однако церковная угроза расправы над вольнодумцем и заключения его в тюрьму по-прежнему маячила на горизонте. Близкие к ним люди сообщили о скором аресте. Несмотря на снегопад и жгучий холод, Вольтер с мадам дю Шатле сразу же выехали из Сирейя. Она проводила его до Весси, откуда Вольтеру предстояло одному проделать путь в Голландию, а затем в Пруссию. До четырех утра в местной корчме он писал письма всем друзьям в Париже, которых надолго покидал.

Эмилия чувствовала, что ее любимый человек готов сделать все на свете, чтобы быть снова рядом с ней. Сомнения в искренности «прусской сирены», зовущей Вольтера в «страну свободы», не покидали ее, портили настроение. Всем в Европе было хорошо известно, что его папаша, выживший из ума король, вполне спо-

собен навредить «опасному» другу сына, как он уже напакостил многим другим. «Только не в Пруссию, умоляю вас!» – заклинала она его.

По сути дела у Вольтера не было необходимости ехать дальше Амстердама. Фридрих еще не стал королем, и Вольтер особенно не торопился. Занимался литературными делами с издателями, продолжал писать и на досуге поддерживал переписку с прусским завлекателем. Тем временем очередной скандал улегся, и французские власти в конце зимы 1737 года разрешили ему вернуться в Сирей.

У влюбленных возобновилась прежняя возвышенная увлекательная жизнь. Они оборудовали в замке физическую и химическую лаборатории, где проводили опыты по выяснению природы огня. Академия наук присудила им поощрительные награды за исследования в этой области.

Летом Вольтер уделял очень много внимания двум племянницам, дочерям своей умершей, горячо любимой сестры. К тому же, девушки недавно потеряли и отца. Нас здесь интересует только старшая – Мария Луиза (она родилась в 1712 году). Вольтер организовал для нее брак с нотариусом Никола-Шарлем Дени, – она и станет той знаменитой мадам Дени, которой судьбой будет предназначено сыграть такую важную роль в жизни ее великого дядюшки.

Тем временем в Сирее все шло своим чередом. Вольтеру ничто больше не угрожало, и он наслаждался своей странной «семейной жизнью». Вполне естественно, любовная страсть не могла не приводить к мелким ссорам. Эмилия любила командовать в доме, а Вольтеру, напротив, не нравилось, когда кто-то, по своему мелочному произволу, лишает его привычного удовольствия. Его раздражало, когда обожаемая им женщина из-за какого-нибудь пустяка резко обрывала беседу и торопливо выходила из комнаты. Ссорились из-за камзола, она настаивала, чтобы он его надел, а он из упрямства отказывался ей подчиниться. Сердился, если его лишали лишнего стаканчика любимого «рейнского», по ее мнению, это могло повредить его здоровью. Или скандалили из-за пальто, которое он забыл дома в холодную погоду. Все это становилось причиной недолгой размолвки. Причем, чтобы скрыть от гостей причину словесных перепалок, они в таких ситуациях обычно переходили на английский язык, который французы, кстати, очень не любят и не желают знать.

Повседневная и однообразная атмосфера в замке, неприветливый пейзаж, окружающий Сирей, их стычки, напряженная, до изнеможения, работа – не могли не отражаться на настроении и самочувствии Вольтера.

«Ему нужна смена обстановки», – решила Эмилия, рассчитывая, вероятно, и сама на отдых.

Хотя Вольтер особенно никогда не отличался привязанностью к одному географическому месту, инициатива передвижений по Европе неизменно исходила от Эмилии. Ехали ли они в Брюссель, где у семьи дю Шатле тянулась долгая судебная тяжба, или в Голландию, куда Эмилия возила проте-

же своего бывшего любовника Монтерпюйя, — все поездки они неизменно совершали вместе. Повсюду, где появлялся их экипаж, запряженный четверкой холеных лошадей, местные жители в их честь устраивали грандиозные веселые празднества.

Однако даже в поездках, как всегда, они работали. Вольтер над пьесой «Фанатизм, или пророк Магомет», а Эмилия над новым трудом «Основы физики» — первой во Франции вразумительной трактовкой учения Лейбница.

Приблизительно в это время Вольтер пишет по-английски письмо своему старому другу британскому послу в Турции сэру Эверарду Фокенеру: «Я с удовольствием провел бы несколько дней в Константинополе в вашей компании, если бы только умел жить без этой дамы, которую я считаю великим человеком и чрезвычайно надежной, внушающей уважение близкой подругой. Она понимает Ньютона, презирает суеверие, короче говоря, делает меня счастливым».

Именно в таких словах Вольтер чуть ли не ежедневно выражает свое отношение к мадам дю Шатле на протяжении всех тех пятнадцати лет, которые они прожили вместе, — в письмах, поэмах, посланиях и посвящениях.

Дипломатические визиты в Берлин

Наконец случилось то, чего ожидали все с большим нетерпением. Фридрих Вильгельм, этот «фельдфебель на троне», умер 31 мая 1740 года, и наследный принц стал правящим монархом.

Вступив на трон, Фридрих II вновь берется за старое. Уже 6 июня он пишет Вольтеру письмо и вновь настойчиво убеждает принять его предложение, но просит прибыть только в «единственном числе». Через месяц монарх прислал Вольтеру свои беспомощные стихи, в которых чувствуется странная для мужчины по отношению к особи того же пола страсть: «Когда вы, наконец, приедете ко мне, — писал Фридрих II, — я смогу полюбоваться вашими ясными и пронзительными глазами, от которых природа не в силах уберечь свои тайны, и покрою тысячу поцелуев ваши красноречивые уста, которые всегда так очаровательны и так прекрасны(!)»

Но Вольтер все тянул с окончательным ответом. «Мадам дю Шатле, как и царица Савская, — отвечал он королю, — тоже хотела бы повидать мудрого Соломона в его столице». «Увы, это невозможно, — возражал неумолимый король, — два божества при моем дворе будут сиять слишком ярко».

Наконец Эмилия решила смириться и «одолжить» своего возлюбленного прусскому королю на несколько дней. Черт с ней, с его блажью!

Фридрих II, которого Вольтер посетил в сентябре 1740 года, оказался болен, — его трясло в жестокой лихорадке. Все же он нашел в себе достаточно сил, чтобы встать с постели и сесть, как был, в длинной ночной рубашке, за стол вместе с гостями. Вольтер прочитал ему отрывки из своего «Магомета» и вручил новую книгу Эмилии. Полистав ее, монарх очень высоко

оценил труд маркизы. Что, однако, не помешало ему потом среди своих друзей высмеивать труд ученой, не под стать ему, женщины.

Теперь он был куда более решительно настроен завладеть Вольтером. «Каждая капля чернил, спадающая с его пера, одна из граней его могучего интеллекта, приводящего всех нас в восторг!» – говорил он. Вольтер, как и все великие люди, имел слабость к лести, тем более монаршей, и в результате первый тур открытой борьбы за его персону оказался за хитрецом Фридрихом.

Но мадам дю Шатле не собиралась сдаваться – она еще не исчерпала всех своих возможностей. Она делала все, что могла, чтобы Вольтер вновь заручился доверием Людовика XV, чтобы тот разрешил поэту, как прежде, постоянно бывать при дворе, который, несомненно, не шел ни в какое сравнение со своей бледной прусской имитацией. С этой целью она обратилась к премьер-министру Флери и с присущей ей энергией и настойчивостью потребовала от него оказать ей поддержку. Сам Вольтер с большим удовольствием принимал самое активное участие во всей этой закулисной возне. Он тоже обратился с письмом к Флери, сообщив премьеру, что собирается вновь посетить прусского короля, и осведомлялся, не нужно ли по такому случаю направить ему личное послание от имени премьер-министра. Неизвестно, какое решение принял бы по этому поводу Флери, но вдруг, словно по соизволению Божьему, произошел ряд знаменательных событий для всех заинтересованных сторон.

144

По всей Европе воцарился страшный переполох, когда один за другим, после смерти Фридриха I, скончались императрица России и король Австрии. Для устойчивого положения на континенте это было чревато большими опасностями. Главное, что же собирается предпринять в такой сложной, чрезвычайной ситуации новый король Пруссии?

«Франции очень хотелось бы выяснить намерения прусского короля, какие планы он строит на ближайшее будущее, – вскоре ответил Вольтеру Флери. – Не могли бы вы разузнать обо всем поподробнее у вашего друга, прусского короля».

Взволнованный таким важным поручением, Вольтер немедленно уехал в Берлин, даже не повидавшись с Эмилией.

В столице Пруссии Фридрих II, эта хитрая лиса, быстро сообразил, в чем состоит цель столь поспешного и неожиданного визита Вольтера. Он, словно кошка с мышкой, играл с новоявленным политиком и эмиссаром французского короля. За все время пребывания Вольтера в Берлине, он не сообщил ему ничего нового по сравнению с тем, что уже говорил послу Франции и самому Флери.

Тем временем они постоянно наносили друг другу визиты вежливости, болтали о пустяках, обменивались вздорными, не имеющими никакой литературной ценности виршами, называя друг друга то «кокеткой», то «возлюбленной». Фридрих II не скрывал своего гомосексуализма от окружающих, и Вольтер в этом ему подыгрывал.

Великого француза, пацифиста до мозга костей, постоянно раздражало коварство прусского короля, который под миролюбивой маской уже приступал к захвату новых территорий в Европе. 13 декабря его войска вторглись в Силезию, о чем объявили на костюмированном балу в королевском дворце. Вольтер, наконец, понял, что король-завоеватель, по существу своему, никогда не был принцем-философом, роль которого так старательно разыгрывал перед ним. Перед отъездом из Берлина Вольтер в записке к Монтерпюю, занимавшему по его протекции пост президента Берлинской академии наук, написал: «Как мне хотелось бы обнять тебя перед расставанием с этой респектабельной, любезной, беспримечной по коварству шлюхой, которой на самом деле оказался Фридрих».

Но одновременно он писал Фридриху, что его сердце разрывается на части от предстоящей разлуки. «Вот уже четыре года, как вы – моя возлюбленная. Отдавая вам предпочтение перед своей десятилетней любовью, я только исполняю свой священный долг...»

Король Пруссии все продолжал делать реверансы в его сторону, стараясь привлечь к себе соблазнами высшей власти. Вольтер вяло отвечал – прежние очарование исчезло.

Тем временем ничего не изменилось в любви, которая объединяла пару в Сирейе. Хотя они и позволяли себе легкие отступления от строгих нравственных правил любви. В то время, как Вольтер изящно флиртовал в Берлине и Потсдаме с придворными дамами, не требуя от них особой платы за свое остроумие и легкую ученую назидательность, Эмилия старательно отдавалась старому любовнику герцогу де Ришелье, жена которого этим летом завершила свой бранный жизненный путь. Их взаимные чувства вновь вспыхнули ярким пламенем. В герцоге Эмилию привлекали молодость, любовный задор, неиссякаемая мужская энергия. Их давняя дружба, замешанная на слепой страсти, отодвигала на второй план любовь к Вольтеру, но отнюдь не уничтожила ее.

Какая беда в любви проходящей, мимолетной, возникшей ненароком? Разве она может привести к измене, как по отношению к себе самой, так и другому возлюбленному? – так рассуждала женщина, оказавшись меж двух огней.

Наконец, в холодный, обдуваемый колким январским ветром Брюссель приехал из Берлина Вольтер. Эмилия примчалась к нему ужасно взволнованная, она так радовалась встрече после краткой разлуки. Что там еще приготовил для нее гнусный немец? Намерен ли по-прежнему угрожать ее любви? Но на сей раз все обошлось. «Еще никогда, – воскликнула растроганная Эмилия, – мадам дю Шатле не была выше самого короля!»

На следующий день, 7 января 1741 года, она, испытывая прилив нежности к своему возлюбленному, писала д'Арженталию: «Я бросаю отважный вызов прусскому королю – пусть он теперь ненавидит меня так сильно, как никогда... Он может захватить сколько угодно чужеземных земель, но только

пусть оставит мне того, кто является очарованием всей моей жизни!»

Но она заметила, что в Вольтере произошла все же легкая перемена. Неожиданно он заявил, что теперь, в его «пожилом» возрасте (ему исполнилось сорок шесть) не может заниматься любовью! Какой удар по темпераменту Эмили!

Можно ли считать такое сообщение свидетельством поворота в его чувствах к Эмили? Вряд ли. Он никогда, по сути дела, и не был пылким любовником, никогда не позволяя страсти ослепить, подчинить себя, превратить в безумца. Нет, у него есть надежный тормоз – его холодный, расчетливый интеллект, этот неуступчивый строгий контролер всех эмоций.

Тем временем Фридрих II не оставлял усилий любыми способами затащить к себе Вольтера, в свою холодную и чопорную Пруссию. Его неустанные происки привели к успеху – летом Вольтер вновь уезжает в Берлин с «тайной миссией». Но и эта «командировка» незадачливого дипломата с треском провалилась. Опытный интриган Фридрих II опять перехитрил философа по всем статьям. Пришлось возвратиться домой несолоно хлебавши, в очередной раз убедившись, что природа, щедро наградив множеством талантов, утаила от него один – дипломатический. Расстроенный Вольтер решил утешиться ласками двух сестер короля, довольно смазливых немочек. Он не спешил в объятия Эмили, и ей, несчастной, пришлось ждать его возвращения во Францию целых пять месяцев.

Они вернулись в Сирей только летом 1744 года. Это время, по их общему признанию, стало самым счастливым в их жизни. Он занимался стихами, а она – геометрическими фигурами. К тому же Вольтер увлеченно работал над либретто к новой опере Жака Рамо, и в этом новом для него деле большую помощь оказывала Эмили – ведь у нее было солидное практическое и теоретическое музыкальное образование. Сколько же ему пришлось повозиться с модным и привередливым композитором! Когда Вольтер прочитал ему отрывки из своего либретто, тот только кисло скривился. Выхватив из рук мэтра перо, принялся безбожно перечеркивать его стихи и вписывать сверху свои собственные. У Вольтера глаза полезли на лоб от такого нахальства!

Осенью Вольтер с мадам дю Шатле отправились в Париж, куда переехала из Лилля его пышногрудая племянница мадам Дени. Начиная с этого момента, не оставалось никаких сомнений в существовании греховной любовной связи между смазливой молодой племянницей и пожилым любящим дядюшкой.

Их любовная переписка, обнаруженная два века спустя, дает нам неопровержимые доказательства – обычные родственные чувства пары уступили место страстной любви. Инцест, таким образом, не прошел мимо великого Вольтера. Самые тонкие, самые эротические из всех его писем, написанные по-итальянски мадам Дени, – шедевр разгульной, бес-

стыдной плотской любви, брызжущий фонтан самых низменных, почти животных эмоций. «Я целую вас в прекрасный, пышный зад, я проникаю языком во все щели вашего обожаемого мною тела». По состоянию своего здоровья и из-за почтенного возраста, он, конечно, не мог быть полноценным любовником для такой крепкой и сексуальной женщины, как мадам Дени. Но дядя был знаменит, богат, щедр не только на ласки, и ее, по-видимому, все это вполне устраивало. Она, тем не менее, не забывала и о других любовниках, которых как послушная племянница брала, в основном, по протекции доброхота-дядюшки. После смерти мужа она больше не захотела выходить замуж и предпочитала семейной свободную жизнь.

Но, как ни странно, молодости не удалось победить старость. Несмотря на всю страстность, любовная связь Вольтера с племянницей оставалась на втором плане, на первом же, как всегда, царил союз с мадам дю Шатле, союз нерушимый, священный. Он всегда держал в тайне свою связь с племянницей, и об их встречах почти никто не знал. Одна из них произошла в небольшой комнатке N 14 в Версальском дворце, которую он получил от короля в награду за небывалый успех их с Рамо оперы. Перед встречей он предупредил мадам Дени, чтобы она не огорчалась и была готова вынести «неприятный дух», — так как, несмотря на все заслуги перед двором и Францией, он получил «площадь» рядом с «самым зловонным отхожим местом во дворце». Поэтому он часто признавался ей, что «отдает предпочтение ее будуару перед всеми королевскими дворцами»!

Это была его тайная страсть. А явной, открытой для взора всех, оставалась связь с мадам дю Шатле, с которой он никогда не расставался. Они вместе появлялись повсюду, где их принимали как «мужа с женой», — так иронически, но вполне справедливо заметил ненавистный Фридрих II. Как ни странно, мадам дю Шатле находилась среди тех, кто ничего не знал о его подпольной связи с племянницей. Они продолжали, как и прежде, вместе работать, и она по его осторожному поведению ни о чем не догадывалась. Неужели ее чуткое женское сердце ничего не подсказывало? Скорее всего, нет, иначе она не приступила бы к новой книге «Размышления о счастье», где попыталась проанализировать всю свою прежнюю жизнь, выстроить ее логически обоснованную конструкцию, чтобы все увидеть зримо, якобы со стороны, взглядом постороннего человека. Много места в ней уделено любви к Вольтеру.

«Я была счастлива целых десять лет, счастлива любовью того, кто рабски подчинил себе мою душу. Все эти десять лет я провела наедине с ним, не испытывая при этом ни на минуту ни неудовольствия, ни усталости, ни разочарования. Когда же его почтенный возраст, частые болезни, а также, вероятно, другие, легко доступные для него утехи привели к меньшему расположению ко мне, я продолжала любить за двоих, хотя и не отдавала себе в этом отчета».

Она была так счастлива. Наступили перемены, и она тихо, по-женски поплакала. Теперь, когда Вольтер не мог в полной мере отвечать на ее пылкую любовь, не мог насытить обуревавшую страсть, он предлагал ей дружбу. И она не протестовала, не отчаивалась, не отказывалась от предложения – даже его дружба делала ее счастливой. Что делать, страсть с возрастом затухает. «Страсть, когда нам за тридцать, – пишет она, – уже не донимает нас с такой неотвратимой яростью... но если она и возникает, то может принести только большое несчастье». Нельзя все время оглядываться назад. Какой прок в том, чтобы постоянно укорять себя допущенными в прошлом ошибками, сожалеть о том, что жизнь коротка и за ней грядет неизбежная смерть? Что же еще делать в этом мире, как не быть счастливым? – делает она вывод. Она счастлива с Вольтером, с таким, какой он есть, ей даже не мерещится близкая разлука.

Пророческая развязка

У маркизы дю Шатле была горничная, которую ей рекомендовали в «малом» дворе в Люневиле. Узнав, что в замке в Сирейе освободилось место управляющего, девушка предложила госпоже взять на это место своего брата Лоншам, последние тринадцать лет служившего в доме губернатора Брюсселя.

Лоншам, кроме умения хорошо прислуживать господам, обладал еще одним замечательным и редким талантом. Он был превосходным каллиграфом (а потом, как выяснилось, еще и неплохим литератором) и любил аккуратнейшим образом переписывать различные бумаги, что побудило Вольтера в конце концов предложить ему исполнять должность своего секретаря, что он прилежно и делал в течение семи лет – с 1746 по 1753 год. Лоншам постоянно находился с возлюбленной парой, и его личность нас интересует только потому, что он оставил после себя обширные мемуары, считающиеся до сих пор важнейшим источником этого периода биографии великого французского писателя. В них он рассказал и о последних годах жизни своей госпожи мадам дю Шатле.

Время от времени мадам дю Шатле с Вольтером приглашал к себе в гости бывший польский король Станислав Лещинский – до его двора в Лотарингии от Сирейя было рукой подать.

Там, на одном из музыкальных вечеров ей представили блестящего молодого офицера маркиза де Сент-Ламбера. Он знал толк в стихах, вине, любви, и его снедали только две амбиции – пробиться побыстрее в армейскую знатную верхушку и отдать весь свой незаурядный талант поэзии. (Впоследствии он стал членом Французской академии.)

Маркизу уже исполнилось тридцать два года, а мадам дю Шатле – сорок, она уже была бабушкой. Вся фатальность любви зачастую коренится в разнице возраста, хотя, по нашим понятиям, восемь лет – не так уж много. Во всяком случае, она влюбилась в маркиза.

Сент-Ламберу принадлежали обширные поместья, приносившие большой доход, и он, в основном, как и многие офицеры того времени, делил свое время поровну между любовными интрижками и выездами на поля сражений. Нужно признать, что он, как по своему уму, так и воспитанию, был на голову выше всех придворных хлыщей, слыл человеком интеллигентным, старался держаться в стороне от других, что делало его еще более привлекательным для окружающих. В то фатальное для мадам дю Шатле время он поддерживал любовную связь с мадам де Буффле, фавориткой короля Станислава и довольно близкой подругой самой Эмилии.

Все началось с легкого флирта Сент-Ламбера с мадам дю Шатле, только чтобы вызвать приступ ревности у мадам де Буффле. Но вскоре их первоначально робкая любовная авантюра вылилась во всепоглощающую страсть. Они постоянно занимались любовью в маленькой потайной комнатке, расположенной в самом дальнем углу левого флигеля королевского дворца. Как ни странно, ключ от нее им дала сама мадам де Буффле — редкой, видать, щедрости на своих любовников женщина.

Свидетельства их неумолимой страсти дошли до наших дней. Это маленькие записочки, украшенные тонкой линией кружевных рисунков по краям с шелковой ниткой голубого или розового цвета. Эмилия по несколько раз на день опускала их в деку большой арфы, стоявшей в углу салона мадам де Буффле, откуда их трепетной рукой извлекал пребывавший в постоянном любовном томлении ее бравый кавалер. Но шила в мешке не утаишь. Вольтеру стало известно, каким баталиям предается с его возлюбленной лихой офицер всего в каких-то десятках метров от него. Под влиянием таких ошарашивающих событий он написал мадам Дени несколько самых удачных эротических писем. Но даже в такой скабрёзной ситуации ни он, ни Эмилия не подвергали сомнению прочность давно установленного союза.

Из Сирейя мадам дю Шатле написала Сент-Ламберу пламенное письмо, приглашая его посетить их с Вольтером. Но маркиз не приехал. Эмилия не находила себе места, ее письма становятся все более назойливыми, все более нудными. Охладевший к ней любовник все реже и все неохотнее отвечает на них.

Тем не менее Эмилия продолжала упрямо преследовать Сент-Ламбера. Наконец он сдался и начал с прежней теплотой оказывать ей усиленные знаки внимания. И эта безумная страсть продолжалась еще шестнадцать месяцев, до самой смерти мадам.

«Я сделаю все, чтобы постоянно вас видеть, чтобы жить с вами, — пишет она ему, — я вас просто обожаю». Навязчивый рефрен «я вас обожаю» постоянно звучит во всех ее письмах и удивляет своей назойливостью. Когда мужчина ухаживает за женщиной — это в порядке вещей, но когда женщина начинает повсюду преследовать мужчину, донимать его письмами — это называется унижением. Она все чаще говорит о сво-

ем желаний провести остаток своей жизни с Сент-Ламбером либо в Люневиле, либо у нее, в Сирейе, чтобы «там с ним позабыть обо всем остальном мире». Ирония судьбы, но Вольтер писал точно такие слова мадам Дени в октябре 1748 года из Парижа, где он тосковал в полном одиночестве. «Я сейчас живу, обдумывая возможность проведения с вами остатка своей жизни», — писал Вольтер Дени.

Биограф Вольтера и его секретарь Лоншам рассказывает об одном забавном случае, произошедшем в Коммерси, куда Лотарингский двор выехал из Люневилля на лето. Однажды Вольтер засиделся за работой допоздна в отведенном для него кабинете. Ему показалось, что все уже давно поужинали, а его забыли позвать. Он спустился в покои мадам дю Шатле. Слуг в прихожей не оказалось, и он, ни о чем не думая, толкнул дверь в ее будуар. Боже, какую же картину он увидел! Лежа на софе, его Эмилия с Сент-Ламбером занимались тем, что даже «отдаленно не напоминало ученую беседу о стихосложении или о принципах философии». Гневу его не было предела. Он осыпал любовников грязными оскорблениями. В ответ Сент-Ламбер, не теряя обычного хладнокровия, попросил господина Вольтера немедленно удалиться и встретиться с ним снова в другом месте, но уже с оружием в руках по его выбору. Вне себя от ярости, Вольтер стремглав выбежал из будуара.

Он тут же отдал распоряжение Лоншаму подогнать к крыльцу экипаж, чтобы немедленно уехать в Париж. Секретарь бросился исполнять его приказ, но, увы, как на грех, поблизости не оказалось ни одной свободной кареты.

Пристыженная мадам дю Шатле тем временем рыскала по всему дворцу в поисках своего старого, оскорбленного в лучших чувствах любовника. Наконец нашла его в одном из дальних салонов в глубине длинного коридора. Мучительное объяснение длилось целых полчаса. Лоншам утверждает, что он слышал все до последнего слова через тонкую перегородку.

На седеющую голову Вольтера обрушился бурный поток оправданий, она страстно утверждала, что ни в чем не виновна, хотя он видел все собственными глазами. Вероятно, ее красноречие настолько поразило мудреца, что он вдруг начал прислушиваться к ее аргументации:

«Я вас люблю по-прежнему, — повела она наступление, — но с некоторых пор вы мне постоянно жалуетесь, что прежние силы покидают вас, что вы уже больше не можете. Боже, как я огорчена всем этим! Я совсем не желаю вашей смерти, и ваше здоровье для меня — превыше всего на свете. Ведь и вы всегда так трогательно заботились о моем. Так как вы постоянно твердите, что больше не можете, что это связано с риском для вашего здоровья, то для чего сердиться, если один из ваших друзей пришел вам на смену, чтобы помочь?» «Ах, мадам, — воскликнул восхищенный ее наглостью Вольтер, — вы, как всегда, правы, но если вы этого так хотите, то нельзя ли позаботиться, чтобы все не происходило у меня прямо на глазах?»

Они еще немного дружески поболтали, потом Эмилия, поцеловав его на ночь, вернулась к себе утешать второго, ос-

корбленного первым любовника. Неизвестно, к каким ухищрениям она прибегла, но утром Сент-Ламбер появился перед дверью покоев Вольтера, чтобы принести ему свои извинения.

Выслушав сбивчивую речь, Вольтер, отечески обняв его за плечи, сказал: «Дитя мое, я все уже забыл, я был неправ. Вы пребываете в том счастливом возрасте, когда можете любить и нравиться женщинам. Так наслаждайтесь же этими мгновениями, жизнь так коротка. Такой больной старик, как я, увы, к таким наслаждениям уже не годен!»

На следующий день вся троица, как ни в чем не бывало, обедала у мадам де Буффле. За столом царил непринужденная обстановка. Вольтер обменивался с Сент-Ламбером комплиментами, шуточками и стихами, а мадам дю Шатле зачитывала им отрывки из своего нового перевода труда Ньютона.

Старые, испытанные годами любовники, примирившись, уехали в Сирей. В начале января 1749 года они засобирались в Париж. Мадам дю Шатле, всегда такая жизнерадостная и бодрая, вдруг почувствовала легкое недомогание. Вольтер уже не раз замечал, как она изменилась за последнее время — стала какой-то странной, рассеянной, озабоченной и раздраженной. Увы, она забеременела, забеременела в сорок четыре года! Отцом будущего ребенка, несомненно, был отважный офицер Сент-Ламбер. Он, конечно, и не думал ни о каких контрацептивных средствах. Хотя, если бы заглянул в составленный его старшим соперником список самых важных изобретений своего века, то увидел бы там под определенным номером резиновое изделие кавалера де Кондома, врача по образованию, известное теперь во всем мире под названием «презерватив».

Будущей матери пришла в голову вполне естественная мысль поставить в известность обо всем случившемся своего дорогого друга Вольтера. Он посоветовал ей немедленно вызвать в Сирей Сент-Ламбера, чтобы на общем совете решить, что делать с ребенком, как убедить месье дю Шатле, что он, якобы, его отец.

Встревожившись не на шутку, Сент-Ламбер уже через несколько часов галопом примчался к ним. Все, что происходило потом, смахивало на низкопробную бульварную комедию. Закрывшись в одной большой комнате за обильным столом с выпивкой, троица весело и непринужденно обсуждала создавшееся положение, вырабатывая стратегию совместных действий. Из-за закрытой двери то и дело раздавались взрывы хохота — это заговорщики решали, как им половчее окопачить простофилю маркиза дю Шатле. Но как все сделать на практике? Супруги не спали в одной постели уже много лет.

Однако смелость города берет. Добавим еще и наглость.

Под предлогом какого-то семейного судебного разбираательства они срочно вызвали в Сирей супруга. Свое письмо хитроумная Эмилия украсила такими нежными и изысканными выражениями, что, прочитав их и наверняка разомлев, скорый на подъем вояка сразу же прискакал к ней. Его угостили тонким вином, вкусными деликатесами. За столом все

внимательно смотрели ему в рот, словно боялись пропустить какое-нибудь его слово. Вечером за ужином Эмилия сидела рядом со своим дражайшим супругом в соблазнительном голубом шелковом платье с глубоким декольте, поблескивая драгоценностями. Вольтер смешил компанию, рассказывая остроумные эротические байки, и все за столом много смеялись и много пили. В ту ночь маркиз с маркизой легли спать вместе, и в течение трех недель после той «брачной пьяной ночи» вели себя словно молодожены. На четвертую она с тревожным видом сообщила супругу, что она, по-видимому, беременна, и он скоро вновь станет отцом. Маркиз дю Шатле чуть не рехнулся от радости. Он бросился к ней в объятия, а оторвавшись, наконец, принялся рассказывать всем, что он — счастливый отец! Эмилия усилиями трех заговорщиков была спасена!

Вольтер с Эмилией вернулись в Париж. Там он часто виделся со своей крутобедрой племянницей, а мадам дю Шатле, как всегда, трудилась над составлением очередного научного трактата. Но время рождения ребенка неумолимо приближалось, а вместе с этим росли и дурные предчувствия. Ей почему-то казалось, что она умрет при родах, все-таки рожать в таком возрасте — занятие весьма опасное. Она приняла решение ехать рожать в Люневиль, поближе к своему дорогому Сент-Ламберу. Мадам де Буффле удалось добиться у короля Станислава разрешения на ее приезд, а королева даже выделила небольшую комнатку во дворце, где у нее могли принять роды.

152 Само собой, в поездке ее сопровождал верный Вольтер. Там обещал их ждать будущий истинный папаша, но, будучи не в силах глядеть на ее мучения, он решил уехать на несколько дней в близлежащий Аруз. «Мне так плохо, — писала она ему, — живот провалился, поясница ноет, мне так грустно, просто не по себе. Ах, если бы только вы были рядом со мной!»

На следующий день мадам дю Шатле отослала заявку в Королевскую библиотеку (ныне Национальная библиотека Франции) для регистрации своей объемистой рукописи. Это был том ее «Комментариев к книге математических принципов Ньютона», — своеобразный апофеоз всей проделанной ею громадной научной работы. Это отправленное в библиотеку прошение стало последним письмом, написанным ее рукой...

Два дня спустя она родила девочку. Ко всеобщему удивлению роды прошли на редкость легко. Сент-Ламбер вернулся в Люневиль, и теперь все складывалось хорошо, ничто не предвещало никакой трагедии. Вдруг у Эмилии резко поднялась температура. Она потребовала принести ей прохладительный напиток. Выпила довольно много. В комнате вместе с ней находились Сент-Ламбер, мадемуазель дю Тиль и верный Лоншам. Обменявшись с ней несколькими словами на ночь, Сент-Ламбер пошел к себе спать. Через десять минут после его ухода она умерла.

Все плакали, и эти печальные всхлипывания перемежались с продолжительными периодами зловещей, гнетущей тишины. Маркиза дю Шатле срочно вызвали в полк, а остальные

потихоньку разбрелись по углам дворца. В комнате усопшей осталось трое: Вольтер, его слуга и Сент-Ламбер. Вольтер, подавленный свалившимся на него горем, вышел из комнаты. Пошатываясь из стороны в сторону, он пошел по длинному коридору к выходу. На последней ступени лестницы, ведущей во двор, он рухнул как подкошенный. Бросившиеся на помощь слуги пытались его поднять, но он сопротивлялся, отбрыкиваясь ногами. На помощь лакеям прибежал Сент-Ламбер. Увидев своего соперника, Вольтер закричал: «Ах, друг мой! Это вы ее убили! Вы ее отняли у меня!», — и потерял сознание. Очнувшись, он в приступе злобной ярости заорал: «Ах, Господи! Месье, кого вы поставили в известность, что собираетесь сделать ей ребенка?»

Повернувшись, Сент-Ламбер пошел прочь, не промолвив в ответ ни единого слова. Каждый по-своему переживал потрясение.

23 сентября 1749 года Вольтер написал из Сирейя своему другу д'Арженталю: «Я потерял не любовницу, я утратил половину самого себя, душу, для которой сотворена моя собственная, друга двадцатилетней давности, которого я видел еще ребенком. Даже самый нежный отец не в силах так любить свою единственную дочь».

Прусский король Фридрих II прислал Вольтеру холодные лицемерные соболезнования, но он ему даже не ответил.

Вся жизнь его теперь рухнула. В течение пятнадцати лет она занималась для него всем на свете — его жильем, столом, поездками, осуществлением его планов, его работой. Все свои мысли, все свои вкусы, пристрастия, весь стиль своей жизни он неизменно сверял с ней, со своей возлюбленной мадам дю Шатле, которая всегда была рядом. Что же теперь делать?

Сирейя больше не существовало, по крайней мере, для него. Он собрал свои вещи и отправил их в Париж. Перед отъездом написал письмо мадам Дени, теперь единственной привязанности, пока еще не тронутой ледяным дыханием смерти: «Мое дорогое дитя, я только что потерял друга двадцатилетней давности. Я давно уже не отношусь к мадам дю Шатле как к женщине, и вы это отлично знаете, но я льщу себя надеждой, что вы разделите со мной это жестокое обрушившееся на меня горе. Боже, видеть, как она умирает, и при каких обстоятельствах это происходит! Все просто ужасно. Из Сирейя я уезжаю в Париж, чтобы обнять вас и найти в вас свое единственное утешение и единственную надежду на всю оставшуюся жизнь...»

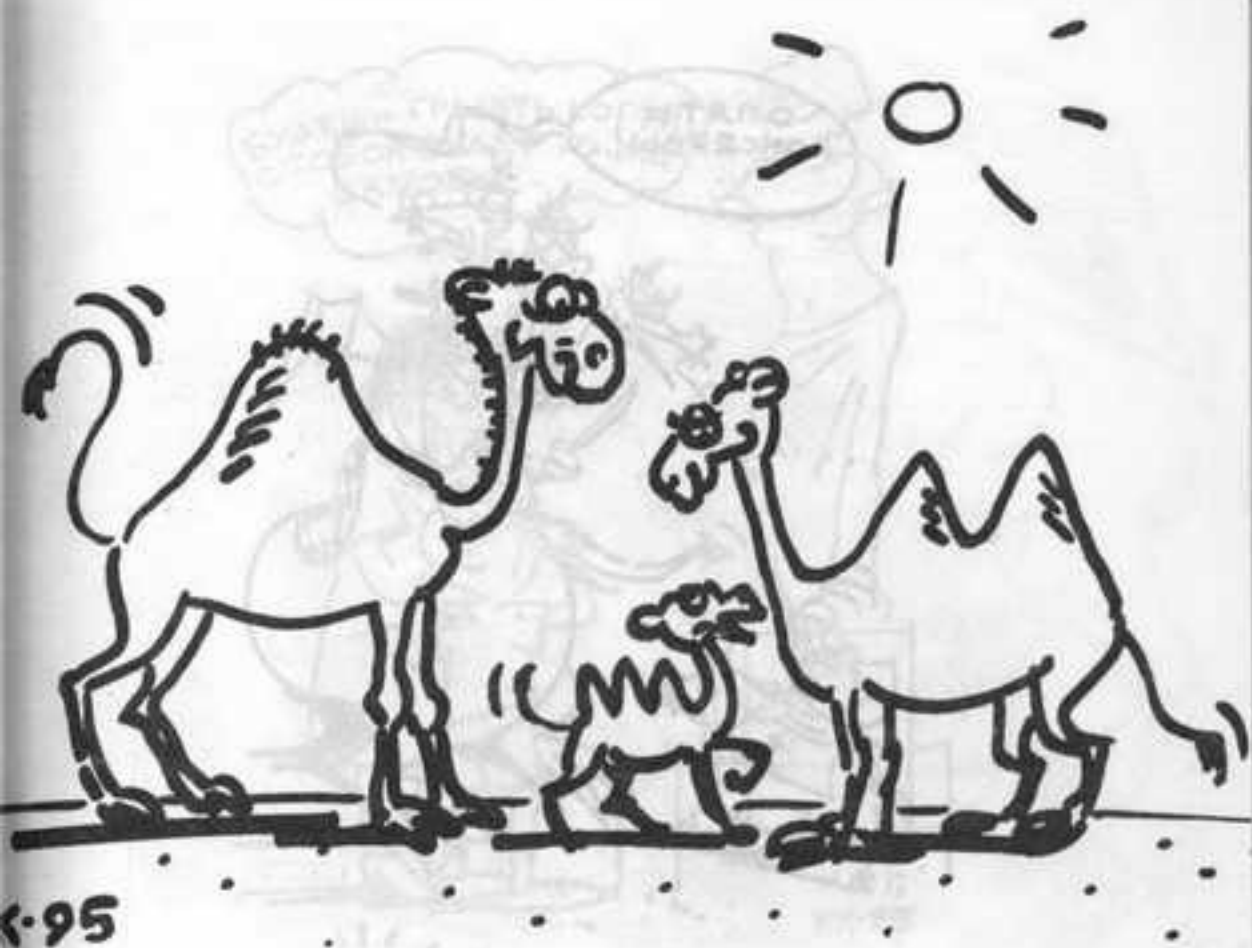
Но он не спешил в Париж. Убитый горем, целый месяц провёл в тоске в Сирейе, в полном одиночестве. Он не хотел никого видеть. Не выходил из дома. Что могло его теперь утешить, если рядом не было его дорогой мадам дю Шатле?

Ночами часто просыпался в страшном волнении. Ему казалось, что он видит перед собой в темноте любимую женщину. Звал ее, но она не отвечала. Тогда он вставал и, тяжело шаркая неуверенными старческими ногами, тащился из одной комнаты в другую, пытаясь там ее найти.

Но ее нигде не было...

ОТВЕТИМ
МАТОМ
НА ПРОИСКИ
КОРОЛЯ !!!

СМОТРИ —
ИМПОРТНАЯ
БИЖУТЕРИЯ !!

БУДЕШЬ ГРЫЗТЬ НОГТИ,
СТОБОЙ БУДЕТ ТО ЖЕ
САМОЕ...

КК-95

НЕТ, НИКИТИШНА,
ЧТО НИ ГОВОРИ,
А ЛОРЕАЛЬ ЛУЧШЕ!

ВИЖУ - ПРОБЛЕМЫ
С ЭНЕРГОНОСИТЕЛЯМИ
У НИХ НЕТ...

Стансы к Офелии

1. Весенние

Словно древний малюск у иссохшей излучины века,
Я бегу пустоты, вызывающей тягостный слыш.
В скорлупе тишины умер день, и набухшие веки
Темноты закрывают слепые глазницы витрин.

Смятым фантиком

съеденной в спешке дареной конфеты
Время содуло любовь, и осталась лишь память о ней.
И Офелия, с грацией нимфы из кордебалета,
Подметает дорогу в обитель беспечных теней.

Пално, милая, брось, для тебя ли подобное дело.
Здесь не Дания, детка, размыли дожди колею.
Здесь в почете шуты, ну а принцы всегда не у дела,
Твой subtilный герой
слишком чужд в этом диком краю...

...Брызнет ключьями день и повиснет дешевой вуалью,
Сотни Гамлетов стоит в России счастливый дурак.
Здесь ошибка в сюжете. Трагизм подменен пасторалью.
Так от века – в столице разгул, а в провинциях мрак...

2. Летние

Пусть все будет как прежде – наивные сны
И бессонные летние ночи.
Под китайским фонариком бледной Луны
Твоих пальцев стремительный почерк.

Ничего не желать, ни о чем не жалеть
В неосознанном беге распада,
Потирая ногами несмелую твердь,
А иной – нам и даром не надо.

Пей до дна, моя девочка, литовый сок
От душевных недугов и хвори.
Надо пальцем слегка надавить на висок,
И отступит ненужное горе.

Надо все позабыть, просто жить и терпеть,
Никогда не надеясь на чудо.
Говорят, проще жизни бывает лишь смерть,
Только смерть – это выход Иуды.

Ну а нам, позабытым в пространствах Земли,
Остается любить безответно.
Я, наверно, сама бы ушла в монастырь,
Только слишком уж суетно это.

Ни один, так другой, вечный плачущий принц
Обвинит нас в своей неудаче.
Что ж – безумье мужское не знает границ,
Это, верно, закон, не иначе.

Это, верно, расплата за древнюю страсть,
Непрощеное женское бремя..
Ну а нам остается, Офелия, прятать,
Пропуская меж пальцами время.

3. Осенние

Вот и осень. Офелия, желтые листья на темной воде.
Потускневшие лица в пределе стремятся к безумью,
И, наверно, можно уже и не ждать полнолуния,
Чтобы в жертву себя принести их жестокой звезде.

И, наверно, можно на время покинуть свой дом,
И однажды простить все бывшие слова и ошибки,
Этой осенью мысли ползут, как слепые улитки,
Бесконечным, безумным, тревожным, больным косяком.

Этой осенью время частенько шагает не в такт,
Ошибаясь, сбиваясь, ломаясь в немам иступленьи,
И я вижу тебя, в белоснежном венке, на коленях,
Послезавтра, сегодня, вчера и столетия назад.

И я вижу себя, с потемневшим от горя лицом,
И гримасы шутов, и мужские голодные взгляды,
И уже не пытаюсь понять, для чего это надо,
И воздастся ли нам, если что-то грядет за концом..

...Властелин всех Небес эту осень дает нам как знак,
Нас укроют вериги дождя в золотой глубине.
Помнишь принца? Он больше не болен. Он спит. И во сне
Видит, как, исчезая в пространстве, струится река..

ТАМАРА НИРВАЛИДЗЕ

Вокзал

Я придумала добрый вокзал,
Где встречаются, не провожая,
Кто-то взрослый и мудрый сказал,
Что затея такая пустая.

Перестук торопливых колес,
Перекрестки путей, семафоры,
Неожиданный, горький вопрос
Стал причиной вдруг вспыхнувшей ссоры.

За немтым окошком купе
Полустанок, заброшенный Богом,
Из дорог от себя и к себе,
От вокзала к вокзалу дорога.

В тишине рождаются тревоги
И пустые, жалкие слова.
Говорят, что жизнью правят боги,
Только в это верится едва.

Облака и знойный сумрак лета,
Купала сверкают при луне.
Говорят, хорошая примета —
Видеть Богородицу во сне.

Там, где ветер
бьется в двери лета
И редееет
старый календарь,
На краю придуманного света
Схоронила я
свою печаль.
И совсем забыла
к ней дорогу,
И не помню,
почему теперь
По ночам
молось неслышно Богу:
«Помоги! Помилуй и Поверь!»
Было лучше раньше,
было проще,
На краю загубленной мечты,
Там,
где море паруса полощет,
Выросли
калючие цветы.
Лишь лохматый пес,
дружище старый,
Не перечит
гулкой тишине.
Знает,
что сегодня я устала,
И скушит
тихонько обо мне.

Ты спросил,
 почему не пишу?
Потому что
 уже не спешу,
Что-то помню,
 о чем-то забыла,
В прошлый сон
 тихо дверь затворила.
Почему
 я уже не пишу?
Мне сложнее
 теперь, между прочим,
Нет измученных
 рвущихся строчек,
Что потеряно,
 не повторится,
Но опять к югу
 тянутся птицы.
Почему
 я уже не пишу?
Подрастает
 девчонка другая,
Натали – это
 значит родная,
Для нее
 все сегодня впервые,
Стелет осень
 ковры золотые,
Гаснут звезды
 холодных рассветов,
Впереди
 миллионы ответов,
Я теперь для нее напишу.

Сумрак светло-розовой зари,
Привкус приподнявшегося лета.
Только ты мне больше не дари
В прошлое обратного билета.

Мне еще не просто уезжать,
Я уже не помню и не верю,
Что могла когда-то долго ждать
У чужой, закрытой, старой двери.

Я уже не в силах возвращать
Тех, кто никогда не возвращался.
Я давно не пробую прощать
Всех, кто до тебя со мной прощался.

ПРАЖА

ЛЮДМИЛА ТРЕТЬЯКОВА
Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

НОЧНАЯ

История красавицы Авдотьи лишний раз доказывает, в какой отчаянной близости скользит порой возле человека счастье и, едва коснувшись, безнадежно и навсегда удаляется...

Ей посвятил Александр Пушкин мадригал в четырнадцать строк, обессмертивший имя княгини:

...Отечество почти я ненавидел –
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с Отечеством моим...

А у живописца Алексея Егорова есть портрет, глядя на который не веришь, что это земная женщина, а не плод художнической фантазии.

Между тем...

Авдотья Ивановна Голицына, урожденная Измайлова, появилась на свет в 1780 году. Дуня, Дуняша... Вяземский скажет: «Совестно называть ее таким прозаическим именем». Но имя это «прозаическое», протонародное – пришлось ей вполне впору, эффектно оттеняя красоту, схожую с красотой мадонн на полотнах великих итальянцев.

Прелестная москвичка приходилась родней чуть ли не всему столбовому дворянству первопрестольной. «Татарский князь» Ю.Б.Юсупов был ее дядей с материнской стороны. Дядя же по линии отца – Михаил Михайлович Измайлов, московский главнокомандующий, сенатор, меценат, любитель искусств – сыграл в жизни маленькой Дуни особую роль.

Мало того, что он, взяв ее на воспитание, дал рано осиротевшей девушке невиданное по тем временам образование: математика, физика, химия, философия, история, география. Дядюшка буквально влюбил племянницу в страну, где она родилась. Все началось с московских древностей: его вдохновенные рассказы о седых монастырях, церквях, палатах, о русском прошлом и славных предках не шли ни в какое сравнение с теми сентиментальными романами, коими зачитывались сверстницы Авдотьи. О более благодарной слушательнице дядюшка не мог и мечтать.

Замечая богатые задатки девушки, Измайлов поспешил ввести ее в особый круг людей, не задетых ни светской пустотой, ни чопорностью. Это был салон Вяземских, куда вечерами собирались все «умные головы» Москвы и где вели «разговор дельный, просвещенный, приятный». Но, может быть, главной приметой известного всей Москве дома у Колымажного двора было то, что здесь «женский элемент господствовал наравне с мужским». «Тут, – как вспоминал пушкинский друг М.А.Вяземский, – в сфере умственного соревнования проглядывало между двумя полами истинное равноправие...» Молоденькой Измайловой «сфера умственного соревнования» пришлась впору. Она оттачивала мысли, столь не свойственные барышням ее возраста и положения, в общении с людьми куда более опытными и искусными.

Первые шаги оказались удачными. Почувствовав, что принята в круг «умных голов» на равных, Авдотья обрела веру в себя. Она мечтала устроить нечто подобное и в своем доме, когда выйдет замуж и станет хозяйкой. Что такая красавица не засидится в девицах, не было никакого сомнения.

С упоением юности кружит Авдотья в бальных залах, не зная, какую западню готовит ей судьба...

Отец нашей героини, Иван Михайлович Измайлов, будучи шефом полка, в момент переворота в пользу Екатерины II остался верен ее мужу, свергнутому, а потом и убитому Петру III. Он смирился с тем, что карьера сломана, вышел в отставку, вскоре умер, так и не узнав, как печально обернется его верность однажды данной присяге для выросшей дочери.

Павел I, сменивший на престоле ненавистную мать, не забыл верного Измайлова и в его память решил облагодетельствовать дочь. Каким образом? Разумеется, удачно выдать замуж. И подыскал ей в женихи князя Сергея Михайловича Голицына.

Императорский выбор вынудил московское общество погрузиться об участии юной красавицы – князь Сергей не только дурен собой, но и умом не богат. Чего, правда, нельзя было сказать о княжеских сундуках. Однако против монаршей воли не пойдешь. Так прекрасная Авдотья пополнила список жертв неумеренной императорской страсти сватать.

По слухам, прямо после венчания молодая заявила об отказе ехать в дом мужа и вернулась к дядюшке. И хотя на деле все было иначе, подобные слухи лишний раз подтверждают, какой пышный шлейф легенд и досужих разговоров тянулся за Авдотьей Ивановной, теперь уже Голицыной, которая все-таки осмелилась бросить вызов судьбе...

После свадьбы Голицын увозит молодую жену за границу. И здесь ее пленительная красота не остается незамеченной... (Как и в России, где совсем юную Авдотью французская художница Винес-Лебрэн изобразила в виде цветущей богини Флоры).

Чувствуется, какой восторг перед очаровательной моделью водил кистью знаменитого портретиста Йозефа Грасси, что писал в Дрездене молодую супругу русского вельможи. Голицына не просто прекрасна на этом портрете. Как блестят, свободно падая на плечи, завитки ее волос цвета вороньего крыла – только подобная красавица может проявлять безразличие к прическе! Как безукоризненны формы обнаженных плеч и шеи – Грасси эффектно подчеркивает это красной шалью. Природа, несомненно, наградила Голицыну обаянием женственности – мягкий ласковый взгляд, уста, готовые к улыбке... Столь же очаровательна молодая княгиня и на миниатюре французского художника Сен-Даниэля.

Сергею Голицыну пришлось убедиться, однако, что он вовсе не хозяин всем этим сокровищам: прелестная, чуть меланхоличная красавица с портретов все же несколько отличалась от того, что представляла собою живая Авдотья Ивановна.

Она, едва получив известие о смерти Павла I, заявила Голицыну, что считает себя свободной от навязанных уз, и твердость, проявленная ею, не оставила князю никаких шансов. Ему пришлось, скрепя сердце, вернуться в Россию одному.

Но у Авдотьи Ивановны и в мыслях не было, вырвавшись на свободу, пожинать среди заморских витязей лавры своей редкостной красоты и обаяния. И вот уже упакованы баулы, и карета княгини несет ее к границам Российской империи. Но если Голицын устремился в родимую Москву, то Авдотья Ивановна взяла курс несколько севернее.

...Голицына появляется в Петербурге не растерянной полуженой, а человеком, уверенно и безбоязненно решившим распорядиться

своей независимостью. От московской молодости у княгини более всего остался в памяти салон Вяземских. И вот теперь гостиная их необычного дома как бы материализовалась под небом Петербурга.

Для этого Авдотья Ивановна приложила немало усилий. Она купила особняк на Большой Миллионной и принялась переделывать его на свой лад. «Тут не было ничего из роскошных принадлежностей и причотей своенравной и скоропеременчивой моды, — вспоминает один из посетителей дома на Миллионной. — Во всем отражалось что-то изысканное и строгое». Добавим: «таинственное и необычное».

Когда петербуржцы ложились спать и квартальные из своих будок сонно поглядывали на редких прохожих, огромные окна в доме Голицыной вспыхивали сотнями свечей, а к подъезду одна за другой подъезжали кареты. В два часа ночи здесь садились за стол...

Говорили, что когда княгиня была еще девочкой, цыганка нагадала ей, что та умрет ночью. «Незванная гостя не застанет меня спящей», — решила Голицына и превратила ночь в день, ложась спать, когда на улицы Петербурга уже вползали белесые рассветные краски.

Возможно, это был всего лишь повод отличиться. Если так, то Авдотья Ивановна в том преуспела: среди современников (и потом — в истории) за ней прочно закрепилось загадочное и волнующее прозвище: «Princesse nocturne» — «ночная принцесса».

...Безусловно, главной достопримечательностью и душой собраний дома на Миллионной была сама хозяйка.

П.А.Вяземский так описывает Авдотью Ивановну: «Вообще красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние. В ней ничего не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской изворотливости и суетности. Напротив, в ней было что-то ясное, спокойное...»

Легко понять, почему на Миллионную тянуло, как магнитом. Впрочем, едва ли здесь можно было встретить светских вертопрахов и модных красавиц. Им пришлось бы скучать. У Голицыной, как когда-то у Вяземских, собирались «умные головы», народ, любящий потолковать об искусстве, обсудить литературную новинку или театральную премьеру. Сама хозяйка задавала тон, подбрасывала хвосту в огонь своеобразным взглядом на события и явления, суждениями порой резкими, но всегда оригинальными. Голицына и банальность — понятия несовместимые. Как много в Петербурге красавиц, но с кем сравнить Голицыну?

На Миллионную спешили люди, имена которых вот уже полтора столетия на слуху: В.А.Жуковский, П.А.Вяземский, Александр и Николай Ивановичи Тургеневы, К.Н.Батюшков, безответно влюбленный в «ночную княгиню» герой-генерал М.Ф.Орлов, будущие декабристы.

Забегая вперед, скажем, что сила притяжения красоты и обаяния Голицыной не ослабевала с годами. Подумать только — более трех десятилетий властвовала она над умами и сердцами! И не пустели стены ее жилища. Многое теряло остроту и интересно не она!

Все надоедало, кроме нее. Всех потихоньку оставляла молодость, и проклятую обузу прожитых лет некуда было спрятать. Но и время, кажется, отступилось от Голицыной. Во всяком случае Пушкин,

лишь закрывший двери Лицея и попавший в дом на Миллионной, не заметил девятнадцати лет разницы в годах с прекрасной хозяйкой. Если она нашла его «малым предобрим и преумным», то он, зачистивший к ней каждый вечер, влюбился, по словам Карамзина, «смертельно». Тогда-то и родился на свет так скромно именуемый мадригалом, а по существу гимн во славу женщины-богини, женщины-ладычицы, украшения и гордости земли.

Братья Петр и Михаил Долгорукие были завсегдатаями дома на Миллионной. Первый из них, один из близких друзей нового царя, сменившего на престоле княгинино «свата», был человеком, причастным к тем реформаторским замыслам, которые Пушкин окрестил как «дней Александровых прекрасное начало». Современники восторгались его деловыми и душевными качествами. Прямодушный, смелый, не боящийся нажать врагов, Петр Долгорукий мог, например, заявить личному другу императора Адаму Чарторыжскому, занимавшемуся тогда внешней политикой: «Вы рассуждаете, милостивый государь, как польский князь, а я рассуждаю, как русский».

Александр I часто поручал Петру Долгорукому ответственные дипломатические миссии, и удача тому не изменяла. Несомненно, кроме всего прочего, огромное значение имело здесь и необычайное обаяние князя. Как писали, его любезность, остроумие, широкая образованность очаровывали «королей, королев, эрц-герцогов и министров дворов...»

Был лишь один человек в Европе, недовольный молодым дипломатом, – Наполеон. Долгорукий в качестве посланника Александра I вел с ним переговоры и жаловался своему окружению, что тот говорил с ним как с боярином, которого собираются сослать в Сибирь. Естественно предположить, какой горячий отклик и заинтересованность находило все, что привозил с собой из парижских вояжей Петр Долгорукий в гостиную Голицыной – страстной патриотки и, как и он, ярой ненавистницы Наполеона.

Наполеон не обманывался, чувствуя к себе острую неприязнь любимца русского царя. «Несмотря на свою молодость, Долгорукий был, так сказать, представителем или предтечей того, что после начали называть ультрарусскою партией, – писал П.А.Вяземский. – Ненавидя властолюбие французов и особенно Наполеона, он был, скажут, одним из сильнейших побудителей войны, которая несчастно запечатлена была Аустерлицким сражением».

Возможно, излишний пыл вредил Петру Долгорукому. Но за честь Отечества он готов был платить собственной кровью и жизнью. И знал, что у него есть единомышленники. В первую очередь – родной брат Михаил.

Интересно, что император французов в одну из встреч с Долгоруким спросил, не родственник ли ему другой Долгорукий, адъютант Александра I, который во дни его консульства жил в Париже и удивлял всех своим умом, способностями, жаждою познаний и водил дружбу с первейшими мужами науки.

«Да, Ваше Императорское Величество. Это мой младший брат Михаил. Он находится здесь, в армии, и в случае битвы готов снискать уважение французов и на бранном поле».

Если Наполеон выделил Михаила Долгорукого из толпы – на прощание он подарил ему пару пистолетов, – то и соотечественники, обычно не склонные к комплиентам, с нескрываемым восхищением говорили о нем как о человеке «глубоко сведущем в истории, науках математических... ума быстрого, характера решительного и прямого, наружности мужественной и прекрасной, сердца добрейшего и души благороднейшей».

Из двух красавцев-братьев сердце Голицыной выбрало Михаила. Теперь она могла возблагодарить небо. Наконец-то оно послало ей человека, заставившего все позабыть и увидеть завтрашний день прекрасным. Ни ослепительная внешность, ни богатство, ни независимость, ни поклонение замечательных людей не могли ей заменить того, кого она, скрывая от себя, ждала – на двадцать шестом году жизни полюбила глубоко, безоглядно, яростно, как любят уже отчаявшиеся.

А Михаил? Пыль Марсовых полей, мимо которых катил его экипаж, казалась сладкой. Долгорукий был влюблен в эту женщину не первой страстью юнца, а всем существом опытного, рано повзрослевшего человека.

Голицына – его судьба. Он задумал жениться...

Но 1806 год принес влюбленным несчастье. Внезапно умер Петр Долгорукий. Ему было 29 лет, он был полон сил. Официальная версия смерти – лихорадка. А по Петербургу поползли слухи, что дело не обошлось без яда. Кому-то путали карты «слишком русские настроения» князя, имевшего сильное влияние на царя. Траур по брату отодвинул личные планы. Потом начались военные кампании, которые принесли ему славу одного из лучших генералов русской армии. Один из современников писал о Михаиле Долгоруком: «Если бы он был жив, то стал бы героем России».

Если бы...

Голицына с радостью готова была отказаться от титула «ночной княгини». Она мечтала об обыкновенной женской доле. Брак с Долгоруким сулил ей счастье и, не подозревая о близкой беде, она отправилась в Москву, дабы попросить у Сергея Михайловича о разводе.

Но тот был неумолим, категорически отказавшись дать Авдотье Ивановне свободу. Это повергло влюбленных в отчаяние. Перед Богом и людьми они хотели быть мужем и женой. А не тайными любовниками.

Современники утверждали: на шведскую кампанию Долгорукий ушел, «ища смерти». В конце лета 1808 года, как только начались военные действия, он был назначен начальником Сердобольского отряда.

Перед одной из операций Долгорукий с товарищами обедал за походным столом. «До вечера, господа!» – сказал он, вставая...

Вечером на этом же столе князь Михаил лежал мертвым, укрытый артиллерийской парусиной.

День, когда страшное известие полетело в Петербург, стоял не по-осеннему теплый, и в синей бездне не было ни облачка. (На полотне Алексея Егорова, прозванного «русским Рафаэлем», прекрас-

ное лицо Голицыной безмерно печально, а глаза, полные слез, устремлены прочь от земли...)

После гибели Долгорукого радостное оживление оставило дом на Миллионной, хотя здесь по-прежнему собирались те, кому была дорога Авдотья Ивановна и кто был дорог ей. Время, однако, диктовало свое, и темы для общения в дружеском кругу менялись. Пожалуй, салон Голицыной теперь правильнее было назвать якобинским клубом. И действительно, круг единомышленников «ночной княгини» объединял тех, кто все больше и больше чувствовал недовольство положением дел в России.

А таких среди друзей княгини было немало. Почти все из них прошли сквозь горнило наполеоновских войн, став свидетелями беспредельного самоотвержения простых людей. Каждый из них, вслед Тургеневу, готов был воскликнуть: «Можно ли без сердечной горести видеть то, что я всего более люблю и уважаю, русский народ в рабстве и унижении?»

Что предпринять? Какие методы воздействия на правительство выбрать? Каким путем идти России дальше и кто поведет ее?

Нам неизвестна ни одна из женщин той поры, которая бы больше погружалась в водоворот страстей, расплаемых этими трудными вопросами, нежели Авдотья Голицына. Здесь, как, впрочем, и во многом, у нее не было ни подруг, ни конкуренток. «Конституциональная» княгиня с полным основанием могла пожать лавры вдохновительницы политического салона, сыгравшего свою роль в развитии общественных воззрений первой трети XIX столетия.

Каковы были политические взгляды Голицыной? Она сама их сформулировала в сочинении, ставшем итогом ее раздумий на самые злободневные темы эпохи. Называется оно так: «Мнение, представляемое... княгинею Авдотьей Голицыной, урожденной Измайловой».

«Любовь к Отечеству, основанная на правилах веры, — писала княгиня, — ...распространяет просвещение и открывает в государстве источники силы и истины». «Беспредельное самовластье», по ее мнению, губительно для общества. Конституция, неукоснительное соблюдение законов всеми и каждым — вот в чем она видит залог гражданского спокойствия и процветания страны.

Забегая вперед, скажем, что увлечения Голицыной либеральными идеями скоро прошли. Революция казалась ей слишком непомерной расплатой за социальные обновления. Подобно Пушкину, она боялась русского бунта, «бессмысленного и беспощадного». Недаром Сергей Тургенев посвятил ей стихотворение с эпиграфом: «Княгине Голицыной, которая старалась убедить, что революцию развязывают злодеи, добрые же ее прекращают»...

В 1835 году Александр Сергеевич Пушкин для своей библиотеки приобрел книгу, только что изданную во Франции. Называлась она «Анализ силы». Автором была Авдотья Голицына. Этим трудом княгиня увенчала свои многолетние занятия математикой под руководством знаменитого академика Михаила Васильевича Остроградского.

Основной вывод, к которому приходит автор, формулируется так: «Все в природе жизнь и сила, ничтожества нет».

Сочинение Голицыной не прошло незамеченным. Одни называли книгу «замечательным подвигом мышления». Другие отмечали оригинальность высказанных идей, глубину философской мысли. Но именно философичность изложенного вызвала недовольство ученого В.Я.Бунак, отдавшего должное уму Голицыной, но подвергнувшего критике ее работу с точки зрения математики как точной науки.

Как бы то ни было, Авдотья Ивановна Голицына стала первой русской женщиной, опубликовавшей сочинение на тему, считавшуюся прерогативой мужчин.

Говоря о ней, неоднократно употребляешь слово «первая»... Мало кому известно, что в 1814 году княгиня Голицына – опять первая! – предложила создать мемориал в Москве в честь победы над Наполеоном. По мысли Голицыной, кремлевские стены – олицетворение и силы и неприступности – должны принять на себя священную ношу: бронзовые доски с именами тех, «которые прославились воинскими подвигами или высокою добродетелью».

Все высказанное в сопроводительной записке убеждает, как свободно, отмечая вековые предрассудки, умела мыслить эта женщина. Она, например, предлагала увековечить память всех, принимавших участие в изгнании неприятеля, без различия сословий.

«Здесь все... должны быть равны, никакие происки и богатства не должны давать право быть первым среди героев... И потому последний из крестьян может этим правом воспользоваться...»

Причем, по мысли Голицыной, часть мемориальных досок должна быть незаполненной – «для имен тех, которые окажутся достойными... которые будут всегда поддерживать силу, законы, благоустройство государства и возвеличивать славу России».

Голицына верила, что ее идея найдет понимание и будет воплощена в жизнь. Специально для своего проекта она сшила русский стяг и предлагала водрузить его там, где во время оккупации французами Москвы развевалось трехцветное полотнище.

...Сколь давним ощущается все это на подходе двадцать первого столетия: французы в Кремле, Наполеон, победа, брожение умов. Каким оно будет, завтра России? Сколько воды утекло. Но как сегодня без горького чувства прочитать написанные Голицыной такую бездну лет назад строки: «Да сохранит нас Бог от внутренних неустройств, и тогда никакая иноземная власть не сможет поколебать нашего могущества?»..

На рубеже 1829–1830 годов разыгрался роман, о котором много говорили как в Петербурге, так и в Москве. Впрочем о романе в возвышенном значении этого слова говорить не приходилось, во всяком случае с «дамской» стороны. Александра Осиповна Россет, «черноокая Россети», хоть имела много поклонников, но как-то незаметно исчерпала тот небольшой запас лет, который отпущен девушке, чтобы обзавестись мужем. И вот тут-то к ней посватался князь Голицын. Тридцать лет, истекшие со дня его венчания с Авдотьей Измайловой, заставили многое забыть. Он считался хорошим женихом, и родственники подзасидевшейся в невестах Сашеньки говорили ей: «Иди, матушка! Другой старик лучше голопятых шелкоперых офицеров».

И вправду, этот брак принес бы ей титул и богатство. Подталкивая девушку скорее сказать «да», князь Сергей не жалел ничего, чтобы завоевать ее сердце: на правах жениха дал четверем ее братьям по 100 тысяч рублей каждому, а ей самой подарил бриллиантов на несколько сот тысяч рублей.

Рассказывали, что свадьба была совсем слажена, когда Голицын вспомнил, что неплохо бы получить «разводную». И вот тут-то его ждало настоящее потрясение. Авдотья Ивановна напомнила мужу, что долг платежом красен...

Невольной пострадавшей в этой ситуации оказалась Сашенька Россет. Узнав, что жена Голицына не согласилась на развод и брак невозможен, она сочла необходимым вернуть князю его бриллианты и деньги. Но один из ее братьев успел растратить семнадцать тысяч. Как вспоминали современники знаменитой Россет, воспетой Пушкиным и Лермонтовым, пришлось «поневоле» принять предложение богатого Смирнова, который внес за ее брата недостающую сумму.

...Есть немало свидетельств того, что Авдотья Голицына сочувствовала сосланным декабристам. Они не были для нее «извергами», «негодяями», «государственными преступниками». Ее возвышенная душа и независимый характер не поступились бы и йотой в угоду официозу – пропасть между Зимним дворцом и домом на Миллионной делалась все шире. И Голицына, подобно многим, сочла за лучшее уехать из Петербурга.

В Париже было все к ее услугам. Те академики, с которыми она вела обширную переписку по научным вопросам, встретили просвещенную россиянку с глубоким уважением. Знаменитый писатель и критик Сент-Бев прислушивался к ее мнению. Как и в Петербурге, будуар ее был скорее похож на кабинет ученого. Книжки, книжки, книжки: по математике, философии, истории. Она по-прежнему продолжает свои занятия, увлекается литературой. Ее труды выходят на французском языке, но с русским эпиграфом.

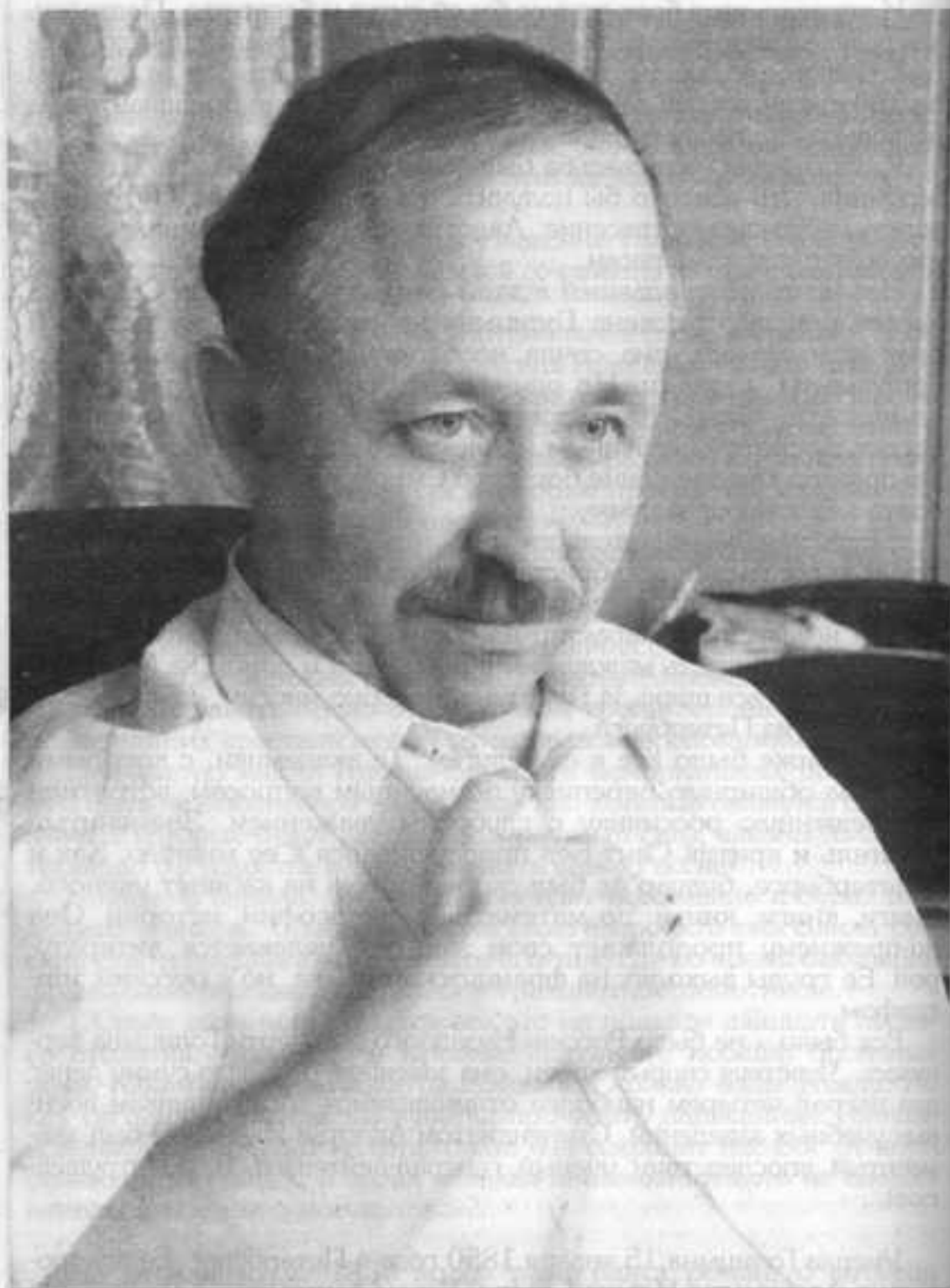
Все было – не было России. Незадолго до смерти Голицына вернулась. Чувствуя скорый конец, она завещала большую сумму денег для наград четверем наиболее отличившимся воспитанникам военных учебных заведений. Стипендиатом Авдотьи Ивановны был знаменитый впоследствии ученый генерал-лейтенант В.Ф.Петрушевский...

Умерла Голицына 15 января 1850 года в Петербурге. Ее похоронили в Александро-Невской лавре. Рядом почерневшая от времени бронзовая плита, прикрывающая прах Михаила Долгорукова.

На надгробии красавицы Голицыной могли быть выбиты торжественные эпитафии, коих она, конечно же, была достойна. Но, умирая, Авдотья Ивановна успела распорядиться, чтобы там сделали надпись, выражавшую чувство, которое всю ее долгую жизнь оставалось в ней горячим и неизменным.

«Прошу православных русских и приходящих здесь помолиться за рабу Божию, дабы услышал Господь мои теплые молитвы у престола Всевышнего для сохранения духа Русского».

Будете у могилы Голицыной – выполните ее волю...

МАРИЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ЧЕЛОВЕК-РЕНТГЕН

**Одни считают его фанатом
и сумасшедшим.
Другие – подвижником.
Я видела, как женщины
становятся перед ним
на колени,
мужчины молятся на него.
Он – психолог, и...
председатель колхоза
«Зареченский».
А еще – маг.
Да не простой
(хотя могут ли быть
простые маги?!),
а президент Фонда
народного целительства.
Владимир Миронов
буквально видит насквозь.
Его так и величают –
«человек-рентген».**

Я жил в деревне Семенихино. Славное место – речка рядом, лес... Я там, можно сказать, каждую травинку наощупь знал. Зверей всяких любил; и никто не удивился, что после восьмилетки поступил я в ветеринарный техникум. И вот однажды сосед попросил меня корову его осмотреть: мол, мается животное, а отчего – непонятно... Я в сарай захожу и первое, что вижу – глаза коровы, они прямо-таки горят болью... Осматриваю и вдруг ясно так увидел, как внутренности ее шевелятся. У меня аж дыхание перехватило – прямо как в телевизоре, «картинка» только размыта. А «настроить» не получается. Но я успел заметить, точнее, почувствовать – но не пальцами, а умом, что ли: вот тут покраснение, значит, тут воспаление, тут боль...

Много лет минуло с той поры, когда он обнаружил в себе непонятную и поначалу пугающую

способность – видеть сквозь плоть. Но уже тогда Володя Миронов понял: дар свыше – это еще не все... Как развить его, как пользоваться этим во благо – зависит уже от него. Увидеть – первая ступень; осознать – вторая; найти взаимосвязь, сложить разрозненные звенья в цепочку – третья... А лестница, ох, как длинна! И крута...

И Миронов засел за книги. Труды Дарвина, Луномского, Виноградова не давали готовых ответов-рецептов, но заставляли думать, сомневаться, искать самому эти самые ответы. Он чувствовал: человек связан с природой не только как со «средой обитания», но и с духом ее. Законы природы можно описать, научиться применять их и во благо и во зло. Но «душу природы», ее божественность вызубрить невозможно. Или она воспримет тебя, или ты останешься «слеп и глух». Ясновидение сродни поэзии – уловить не что, выкристаллизовать это не что, обратить дух в материю – это дано не многим.

– Владимир Андреевич, вы умеете без ультразвука, других приборов распознать артрозы, заболевания крови, неполадки с желудком, кишечником. Даже крошечную опухоль можете увидеть, когда она еще «не развернулась»...

– Передо мной человек открыт. Без анализов вижу, что у него болит. Могу поставить диагноз по фотографии. И голос по телефону мне тоже о незнакомце многое поведаст. Видите письмо? Стоит подержать над ним руку – и не читая, будто «нальну» с судьбы снял. Было бы странным не использовать свои способности во благо. Можешь помочь? Помогай! Но без эдакого циркового шоу, что нынче устраивают иные «целители»...

– И чем же лечите?

– В основном фитотерапией, урилотерапией, мануальной тера-

пией. Но и лекарств не отрицаю. Увы, из-за «химизации» природы травы не всегда могут помочь. И все же стараюсь, по возможности, заменить антибиотики, сульфаниламиды своими, вернее, народными средствами. Рецепты несложные. Но они выверены тысячелетиями. Каждая трава несет огромный потенциал милосердия. Тысячелистник, например, великолепно останавливает внутренние и наружные кровотечения. Эта же трава – оружие при инфарктах, инсультах. А в сочетании с донником – отличное средство при сепсисе. Но травы, болтушки, отвары – далеко не весь арсенал. Если вижу дисбаланс энергии, непременно нормализую биоэнергетическое поле – снимаю сглаз, порчу. И всегда говорю страждущему правду. Пусть даже самую страшную. Если у человека рак, он обязан об этом знать. Тогда организм «соберется», мобилизует силы на борьбу с болезнью. Смогу ли помочь? Как правило, вижу это при первой же встрече. Даже если онкология очень запущена, берусь отодвинуть больного от страшного «края»...

...На «скорой» он работал в небольшом городке Кольчугино. На многие километры был здесь и единственным ностоправом, и повивальной бабкой, и хирургом, и терапевтом. В тяжелейшие ситуации попадал, когда жизнь больного только от его усилий и знаний зависела. И... спасал.

А «шестое чувство» росло, набирало силу. Бывало, вроде бы на легний случай предстояло выехать. Коллеги подшучивали, мол, там обыкновенный насморк. Но он, «включив» свой дар, понимал: задержится на секунду, случится беда. И наоборот: бригада «на сердце» торопится. А он сидит, чаек попивает: – Ничего серьезного! И оназывался прав. «Нюх» голубогла-

зого фельдшера коллеги быстро раскусили. И уже (не шутя!) справлялись поутру.

– Как, Андреич, тяжких случаев нынче много будет?

А уж когда он однажды поздравил местную медсестру с рождением внука, о чем она и не подозревала, все окончательно уверились в его удивительных способностях...

– *И все-таки, почему вы не просто целитель, а целитель-маг?*

– Да потому что понятие «народный целитель» для меня многогранно. Уверен: настоящий целитель от Бога должен очень многое уметь и знать. Ведь ты и лекарь, разбирающийся в хитросплетениях болезней, но и обязательно маг, посвященный в тайны заговоров, молитв. А еще лекарь должен быть ясновидцем. Тогда помочь больному легче. Подобрать необходимое лечение тоже...

Понимаю настороженность читающих этот материал. Наше смутное время рождает «смутных» врачей-целителей. Знахари, колдуны, экстрасенсы, вещуны и вещуньи – их «откровениями» забиты страницы газет. Нас призывают: поверьте, и мы «выведем» вас не только из запоя, но и из клинической смерти. Под нашим взглядом рассосутся рубцы и опухоли; лысый станет курчавым, а слепой прозреет...

Да, толпятся в столичных и провинциальных домах культуры сотни жаждущих исцеления. Но винить ли их в том, что хотят быть здоровыми, верят в чудо?

Бессовестность и мошенничество, увы, сегодня стали «болезнью» не только народного целительства. А лечить эти пороки – иные нужны рецепты, иные доктора.

Но как отделить зерна от плевел?.. Знаю одно: Миронов помогает, что доказано сотнями признаний его пациентов. Сотнями

случаев, когда тяжная болезнь отступала.

Он имеет дипломы по альтернативной медицине и свой запатентованный метод лечения. С Мироновым и научные эксперименты проводили. Привели больного. Ни истории болезни. Ни диагноза. Долго целитель смотрел на истощенного парня лет двадцати пяти. Специалисты, переглянувшись, усмехнулись: дескать, все ясно... Но Миронов так долго молчал не потому, что попал впросак, не рисовки ради – он подсчитывал количество язв в желудке пациента. Все, что «увидел», потом точно совпало с показаниями рентгена и гастроскопии.

А вот и другая грань необычайного дара Владимира Андреевича.

Человек с охапкой цветов бунально ворвался в кабинет к Миронову... Посоветовал ему маг-целитель: не следует в ближайшее воскресенье садиться за руль – может случиться непоправимая беда. В тот день машину взорвали. Хорошо, что поверил предсказанию...

А семье дипломатов, собиравшихся в одну из стран Африки, Миронов не рекомендовал торопиться туда. Представьте себе, что значит такой совет для людей, уже сидящих на чемоданах. Но... все же решили прислушаться к словам ясновидца. И верно поступили – там, куда они собирались, началась война...

Таких случаев «угадывания» можно привести десятки... Чем это объяснить? Только ли «божественным даром»? Да и «необъяснимое – не значит несуществующее», заметил еще Вильгельм Конрад Рентген, изобретатель всевидящего луча.

Думаю, «внутреннее зрение» Миронова неразрывно с его человеческой сущностью – любовью, работой души, накалом чувств,

которое не измеришь в амперах. О биополях, энергетике, магнетизме пусть рассуждают специалисты. Я об ином...

– А пропавшего человека найти можете, Владимир Андреевич?

– С этим в последнее время обращаются часто. Не могу не помочь. (Замечу в скобках: делает это Миронов бесплатно – **М.Р.**) Страшно, когда винку: мертв человек. Как родным-то сказать? Зато сколько радости у людей, если по моей угадке отыщут родственника...

– Как же такое возможно? Да еще и без современной криминалистики – по фото?

– Но ведь фотография, как и любая вещь, связана с владельцем незримыми магическими нитями. Едва происходят какие-то изменения в его здоровье или даже в местонахождении – все это незримыми чертами отражается и на фото. Надо лишь обладать умением считывать информацию. Как? Словами не объяснишь... Главное – нельзя понимать магию узно. На уровне заговоров и заклятий. Магия незримо присутствует в каждом слове, поступке. Даже в невысказанных мыслях... Есть магия цвета, любви, семьи. Одним словом, магия – это та ниточка, которой человек связан с природой. Маги же получают высший дар – через эти незримые каналы воздействовать на человека. Случается во зло, как это делают маги черные.

– И как же нам, простым смертным, обратившись за помощью к целителю, не нарваться на черного мага?

– Ритуалы черной и белой магии похожи. И распознать их влияние на человека можно разве только по конечному результату. Белая магия – это добро, исцеление, вера в будущее.

Черная – предполагает заведомо зло: кому-то хотят причинить ущерб, вызвать болезнь или даже «приговорить» к смерти.

Белый маг, кстати, никогда не нарушит заповедь: не расскажет, кто навел на вас порчу. Его задача снять ее. Освободить вас от заклятия.

У черных же магов даже добро оборачивается злом. Снажем, заболел кто-то из родных и вы обратились к черному магу (нынче они и не скрывают своего «направления»). Путем магического ритуала сильный маг, наверняка, поможет. Большой выздоровеет. Но... через некоторое время на вашу голову посыпятся несчастья. Почему? Да попросту, чтобы вернуть здоровье вашему родственнику, «черный» призвал его у кого-то из ваших близких. А может, и у вас...

Если верить личной статистике Миронова, почти все мы «сглажены». Чуть не каждый третий болен «порчей». Прежде чем лечить «порченного», нужно порчу убрать. Иначе никакое лечение не поможет. В этом целитель убежден. И объясняет все просто: любой из нас обладает биоэнергетическим полем. У здорового человека оно равномерно. Без «ямоч» и «дыр». Любая же деформация, уплотнение, разрывы непременно отразятся на физическом состоянии человека. Лечи – не лечи, но если не выправить энергетическое поле, не снять этой самой «порчи», навешенной кем-то, здоровье не вернется.

«Порча» – дело страшное. В отличие от «сглаза», который можно получить даже во время обычной семейной перебранки, «порча» направляется на человека умышленно, заведомо обречая его на беды. Во всяком случае, сам Миронов считает ее во сто крат опаснее «сглаза». «Сглаз» к смерти не приведет, хоть нервы под-

портит постоянной «невезухой», скандалами, неудачами. «Порча» – и гибель сулит...

Все эти, на первый взгляд, непонятные хитросплетения Миронов умело «раскручивает»: легко определяет, почему процветающая фирма вдруг едва не обанкротилась. Почему красавица да умница сидит и сидит себе в девках. Оказывает-ся, мы и сами себя сглазить можем. Если живем не по христианским заповедям. И... грешим. А значит – себя же и разрушаем.

– Вы и любовной магией занимаетесь? Семейный климат налаживать умеете?

– Было время, из Нольчугино каждый день натался в Москву в один из загсов. На общественных началах работал... консультантом. «Просматривал» пары, приходящие подавать заявление. Кое-кому настоятельно в брак вступать не советовал. И что же? По статистике сотрудников загса те, кому я говорил, что они не подходят друг другу, через несколько месяцев пришли подавать заявление о разводе. Те же, кому предрек счастье, живут в согласии и по сей день.

– А от чего зависит, выправится ли в лучшую сторону ситуация в семье? Поможет только вмешательство мага-целителя?

– Многое зависит и от супругов. Очень важно, чтобы они точно выполняли мои рекомендации. От этого же, кстати, во многом зависит и исход заболевания: если больной будет точно следовать указаниям, проявлять упорство в борьбе с недугом, несчастье отступит...

Миронов уверен: когда в семье нелады, скоро начнется и нездоровье. Если в браке живут, но не венчались в церкви – тоже жди неприятностей. Такую семью нудаче «сглазить», а то и порчу на нее наслать.

Молодым, которые решились на венчание, Владимир Андреевич советует в церкви не отходить друг от друга. Худая примета, если невесте подойдет благообразная старушка, да еще за фату подержится.

Если жена просит вернуть мужа – никакие приворотные зелья Миронов «сочинять» не станет. С помощью ясновидения постарается «рассмотреть» семейную ситуацию. Ведь не просто так муж загулял? Может, в самой женщине причина? И пьют мужчины, оказывается, тоже не с кондачна. На это их толкает какое-то жизненное обстоятельство. Какое? Вот его-то он и постарается выявить. А потом уж, потянув за «ниточку», раскрутит всю проблему. И лечение алкоголику тоже назначит. Но главное, отыщет и ликвидирует причину запоев.

Миронов становится колючим, если убежден: его помощь в определенных ситуациях не нужна.

– И такие ситуации случались?

– Не раз. Снажем, женщина в слезах: муж бросил. А я... уговариваю ее смириться. Почему? Да просто, заглянув в будущее, слышу, как они... ругаются. Зачем же такой семье помогать. Она все равно развалится. Как и развалится семья, замешанная на злобе, корысти. Только любовь спасает. Только женщина умеет создавать очаг, душевный уют. И это ее жизненное предназначение. Да-да! Не бизнес, не работа. А муж, дети, дом...

Вот еще «домостроевец» – вспыхнула я. Но тут же себя одернула. Жизнь деревенская, откуда норнями Миронов, много проще и мудрей городской. Я имею в виду быт, отношения, строящиеся на взаимонеобходимости. Ведь тут и впрямь «нельзя друг без друга...» Крестьянская душа ближе к Богу,

как говаривали в старину. Я бы добавила – и в душе ближнего. Недаром «любить» и «жалеть» в народном понимании одно и то же.

– А как же вы, Владимир Андреевич, в председатели колхоза угодили? Вы что ж, нынче президент-председатель?

– Выходит так... «Зареченский» совсем нинудышним хозяйством в последние годы стал. Все эти «рыночные» пертурбации, «перестройки» колхоз вконец доконали. А людям нуда податься? В город? Там там своих бедолаг не сосчитать!.. Я Нирнэчский район знал и до этого, до моего «председательства». Там можно хозяйствовать и жить как надо – с достатком... Ну люди ко мне обратились: помоги, Андреевич.

Я ведь, не забывайте, сам деревенский. Работу крестьянскую знаю. А целитель – понятие широкое. Вот и взялся исцелить «Зареченский».

Миронову и это исцеление удалось. За полтора года он поднял хозяйство на ноги. Сумел разглядеть все колхозные болячки. Отремонтировали фермы, вовремя норма заготовили, технику наладили... Но главное, думаю, тут вот в чем: люди поверили ему. И вправду, может, сработала мироновская магия – убедать человека в его силе, в его возможности преодолеть собственные болезни, самому снять с себя «порчу».

– Владимир Андреевич, вы работаете по 14–15 часов. Устаете, наверное, зверски?

– Наоборот. Чем больше дел переделаю за день, чем больше людям успею помочь, тем сам быстрее...

– В таком случае, дайте хоть общие советы «мироновского» образа жизни. Как здоровье сохранить? Как в семье ладить?

И Владимир Андреевич посоветовал всем нам...

Следуйте Библейским заповедям – они несут в себе мощнейшую энергетическую защиту.

Живите по совести. Не нарушайте законов природы, не обижайте друг друга. Непременно окрестите родившегося ребенка. Крещеные лучше защищены от всяческих бед и напастей.

Хотите сохранить здоровье – будьте с природой на «ты». Сажайте, поливайте, выращивайте; разведите цветы на дачном участке, чтобы можно было «отвести душу». Пусть в вашей семье живут собаки, кошки, рыбы. Они помогут выжить, сохранить душевное равновесие.

Питайтесь так, как подсказывает вам ваш организм. Главное – умеренность в еде. Даже если какая-то пища противопоказана, а организм требует, она не навредит. Все лишнее организм выбросит. Зато чем разнообразнее будет ваш стол, тем больше вы получите необходимых витаминов и микроэлементов – без них ведь нет здоровья.

На обряд венчания или свадьбу обязательно приглашайте белого мага. Ведь во время образования семьи важно исключить воздействие черной магии. Увы, почти у каждой пары есть свои завистники.

При супружестве имеет значение и ваш зодиакальный знак. Снажем, если «тигр» и «обезьяна» в природе никогда не жили вместе, то и на 60 процентов среди людей брак их будет временным. «Тигр» никогда не станет подчиняться «обезьяне».

Никогда не укладывайте маленького ребенка рядом со взрослыми. Его кроватка должна стоять отдельно. Ведь взрослые «забирают» энергию малыша. Дети начинают часто плакать, болеть.

Если молодой человек «запутался» в невестах, есть смысл ... погадать. Возьмите нитку в объем головы. Завяжите три узелка и произнесите «Из трех приди одна!» Сномкайте нитку. Проглотите. И запейте водой из стакана. Станок надо поставить вверх дном на окно. В течение трех суток произойдет решающая встреча или раздается важный телефонный звонок.

Помните: «приворот» проявляет себя внезапным охлаждением к вам близкого человека. Изменяется его вкус. Привычки. Раздражают даже собственные дети.

Любая грубость бесследно не проходит. Может привести даже к депрессии. Бывает, грубое слово «пробивает» биополе человека и приводит к болезни. Это случается чаще, если человек, нанесший оскорбление, нам не безразличен...

И вот еще что: не стоит обращаться к целителю, если он проводит массовые сеансы «оздоровления» – лишь зря потратите время и деньги на цирковое шоу. Целительство – дело глубоко индивидуальное.

Что ж, запомним эти советы. Кому-то они обязательно помогут. Ведь дает их человек, в доброй силе и мудром зрении которого не стоит сомневаться...

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

ЗВЕЗДЫ МИРА

Дэвида Боуи

Дэвид Боуи – урожденный Дэвид Роберт Джонс родился 8 января 1947 года в доме номер 40 по Стенсфилд-Роуд, что в районе Бринстон славного города Лондона. Такие подробности необходимы потому, что если вас спросят, где отмечено первое появление инопланетянина-рок-н-ролла, вы смогли бы ответить не задумываясь. В выборе дальнейшей судьбы персонажа решающую роль сыграла старшая сестрица, которая любила потанцевать

Музыкальная анимация

рок-н-ролл, врубив звук старенького проигрывателя на всю катушку. «Она танцевала под «Ищейку» Элвиса Пресли, я никогда не видел, чтобы ее что-нибудь так трогало. Музыкальное впечатление было огромным, – рассказывал Боуи. – Я начал покупать пластинки. Мама подарила мне «Голубичный холм» Фэтса Домино. Когда стал постарше, я узнал Чакка Берри, и это привело меня к джазу, блюзам... Я старался открыться всем стилям». С тех пор он это и делает, и всегда успешно.

А тогда, в начале 60-х, Дэвид начинает играть на тенор-саксофоне в школьных составах, и в середине 60-х выходят синглы, запечатлевшие первые музыкальные опусы будущей звезды. К тому же времени относится печальное приобретение Боуи – глазного протеза, ставшего, впрочем, одной из его визитных карточек; разные глаза у Боуи воспринимались публикой как признак гениальности и потусторонности. Боуи выделялся и выделяется во всем, и однажды, узнав, что лидер популярной в шестидесятые годы группы «The Monkees» носит имя Дэвид Джонс, наш герой моментально сменил его на короткое, но звучное имя, под которым его узнал мир. На музыкальной сцене воцарился маэстро Дэвид Боуи, но произошло это чуть позже.

Первые сольные записи (лирические баллады под акустическую гитару) успеха не принесли, и раздосадованный, пока непризнанный гений, вчерашний выпускник Бронлейской школы искусств, обращается к жанру пантомимы, а в 1968 году уходит в Шотландский монастырь, где полгода изучает дзен-буддизм. До этого, правда, успев записать материал альбома, названного без претензий – просто «Дэвид Боуи». (Более известен он под названием, которое получил при переиздании – «Мир Дэвида Боуи»). Сразу после возвращения из добровольного за-

творничества Боуи организывает артистическую лабораторию искусств для пропаганды идеалов и помощи творческому процессу независимого и некоммерческого музыкального искусства «The Beckenham Art Lab», где живо воплощает свою любовь к театру (известен случай, когда уже изрядно поднаторевший в искусстве пантомимы Боуи демонстрировал публике сольный номер о вторжении китайцев в Тибет).

Вторая пластинка «Странное космическое путешествие» – история о немом майоре Томе, решившем не возвращаться из космоса на землю, стала слепком времени (американцы только запустили «Аполлон-9», и заглавная песня с альбома сопровождала все репортажи об этом), и наш герой получает пятое место в британских хит-парадах. Главное же в том, что именно с этой пластинки начинает вырисовываться образ Боуи-пришельца, Боуи-гуманоида, посланца далеких миров. На одном из ранних концертов Боуи попытался сымитировать голосом старт космического корабля. Получилось: «Ууууууууууууууууу ххххххххххххх ж б ж б ж п ш ш ш ш ш ш ш ш ш... Бррррррррррыюююююю». Страшное воспоминание для услышавших. Образ человека из космоса будет еще долго сопутствовать ему, независимо от концептуальных идей, частично наполнявших его альбомы. О его пластинке «Человек, который продал мир» писали: «Тот, кто хоть раз удосужился вытащить пластинку из ее трансвеститского конверта, услышал... гитары! аккомпанемент! удар судьбы! научную фантастику! Ницше! массовые убийства! возможные хиты! замечательные песни! «Человек, который продал мир» был унесен, как только могут быть унесены монстры, прячущиеся в человеческом мозгу». Интересно, что через много лет заглавная композиция с этого альбома была гениально воспроизведена «рок-н-ролльным самоубий-

цей» (тоже один из образов Боуи), лидером группы «Nirvana» Куртом Кобейном. На этом альбоме Боуи наконец формирует костяк из постоянных музыкантов, позднее получивший название «Пауки с Марса».

Существует немало версий о совместных творческих проектах тех лет Боуи и короля глэма и буги Марка Болана. Действительно, звездные пути музыкантов пересекались неоднократно. Чего стоит история о том, как Марк и Дэвид были приглашены к рок-издателю Дину Джеймсу, прославившемуся тем, что когда-то отказал самим The Beatles. «Уберите эти патлатые рожи из моего офиса и найдите мне новых Битлз!» – завопил Дин и прославился дважды. Сами же будущие звезды, чья конкуренция была развита не меньше, чем у Леннона с Маккартни, заключили джентльменское соглашение – не давать друг о друге никаких комментариев. Это не только помогло им остаться друзьями, но и озадачивать коллегционеров периодически всплывающими на музыкальном рынке ранее неопубликованными записями совместных проектов. Так, недавно увидели свет уникальные записи группы «Did Cochran And The Earwigs» (Болан, Боуи, Финн, Уэнман, Висконти, Кембридж) и премьеры суперхита Боуи «Герои», где нашему герою помогает весь возглавляемый Марком Боланом T-Rex.

Ничто человеческое не чуждо и звездам. В марте 1970-го Боуи женился на американской манененнице Анджели Барнетт, той самой Энджи, которой посвящена прочувствованная баллада Rolling Stones. Первая супруга Боуи впоследствии родила ему сына, названного папой-экспериментатором мистическим именем Зауи (впоследствии замененном на Джойс), и выпустила книгу «Свободный дух», конечно же, о совместной жизни с САМИМ. Женитьба выпала на период увлечения Боуи различными половыми видоизменения-

ми. Как-то он явился на интервью в женском платье, утверждая, что это чисто мужское одеяние. Было ли это осознанным эпатажем, страстью к чрезмерному гротеску, или просто милой шалостью, сказать трудно, поскольку и того и другого у Боуи хоть отбавляй. Именно в то время он распускает слухи о своей бисексуальности и начинает откровенно издеваться над чопорностью и занудством.

Альбом 71 года «Hunky Dory» (что-то типа «Ништяк Ништяк») – яркий слепок с Боуи того периода. В ставшей рок-классикой песне «Changes» Боуи ерничает: «Оглянитесь вокруг, вы, рок-н-роллышники... Очень скоро вы все постареете», а на одном из концертов Боуи основное шоу делал ученый слон по кличке «Changes».

Основной этапный альбом мастера «Взлет и падение Зигги Стардаста и Паунов с Марса» появился в 72 году, но это и по сей день самая раскупаемая пластинка. Все началось с того, что Боуи, вооружившись, как храбрый портняжка, ниткой и иголкой, собственноручно сшил для своих музыкантов сценические костюмы. В запечатленных бесценных надрах того времени Боуи предстает перед зрителями в образах: марсианского пришельца, леди Звездная пыль, Рок-н-ролльный самоубийца. «Взлет и падение...» – синтез самых различных пристрастий и чаяний Боуи. В альбоме переплелись апокалипсические видения и космическая фантастика, проблемы энологии и человеческих взаимоотношений, замешанные на нежных мелодиях, разорванных убойными гитарными рифами, переходящими в джазовые ходы, разбавленные синтезаторами. Все это материализует перед слушателем духовные терзания главного героя рок-певца Зигги Стардаста и соответственно его взлет и падение. Сам Боуи говорил: «Образ Зигги оказался настолько си-

лен, что я перестал ощущать разницу между ним и мной». Альбом явился несомненным шоком для музыкального мира. Следствием стал вяловатый прием публикой нескольких его следующих работ. Впрочем, продолжалось это недолго. Каждая новая пластинка, очередное супер-шоу моментально попадают в поле зрения критики и всегда долгонжданно для публики.

Боуи как губка впитывает все новое и самое интересное, происходящее в современном мире. В самые острые моменты он находит в себе силы уйти с проторенной дорожки и онунуться в неведомое. Для творческой подпитки маэстро любит путешествовать. В 1973 году он посетил Бирму и СССР, его впечатления вылились в один из самых мрачных альбомов «Diamond Dogs». За более чем двадцатипятилетнюю карьеру не осталось музыкального направления, в котором бы ни поработал музыкант. Рок-н-ролл, блюз, соул, панк... Один и с группой. Менялись музыканты. Персона Боуи то эгоцентрично выделялась на переднем плане, то вливалась на равных правах в состав группы (так было проделано с проектом «Tin Machine»). Как продюсер, певец и композитор Боуи работал с Игги Попом, Лу Ридом, Шер, Мерньюри, Мином Джексоном и многими другими. После знакомства в 1975 году с Джоном Ленноном он сделал диную, пьяную версию мелодичной баллады Битлз «Across the Universe», а после гибели Леннона исполнил на сцене «Imagine».

Сегодня в арсенале Боуи тридцать восемь альбомов и сборников, персональные художественные выставки в Европе и Америке, работа в кино и театре.

Первое его появление на экране датируется 1967 годом, в фильме «Солдаты ненависти», где Боуи отведена роль без слов – предводителя компании гомосексуалистов. Более сильный эффект вызвало его появле-

ние в картинах «Голод», «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс!», чуть позже Боуи играет роль короля гоблинов в фильме «Лабиринт» и Понтия Пилата в «Последнем искушении Христа» Мартина Скорсезе. Принято считать, что Боуи не очень везет с кино, но публика воспринимает его появление на экране достаточно живо, да и сам маэстро, похоже, не собирается завязывать с карьерой киноактера. Ожидается выход фильма «Basquiat» с подзаголовком «Построить форт, поджечь его», где Боуи играет легендарного художника-контркультурщика Энди Уорхола. Кроме того, Боуи – несомненный пионер музыкального видео. С его роликов на песни «Ashes to Ashes» и «Fashion» берет начало эпоха видеоклипов, а самому Боуи это принесло победу на Каннском фестивале.

В личной жизни Боуи произошли изменения. В 1993 году он вступает в законный брак с топ-моделью Иман. Их роман продолжался два года, и однажды, зафрахтовав морское судно и пригласив ничего не подозревавшую Иман на прогулку по вечернему Парижу, Боуи преклонил колени в предложении стать его женой. Шафером на свадьбе был Джо Боуи-младший. В самом начале супружеской жизни выяснилось, что расходятся во взглядах на жизнь молодожены только в одном – Иман желает троих, а Боуи настаивает на тринадцати детях.

Новой работой, которой суждено потрясти мир, стал альбом «Outside» – первый из серии «Дневники Натана Адлера». В первую очередь эта работа интересна тем, что через много лет Боуи вновь начал сотрудничать с Королем Всех Возможных Звучков Брайаном Ино. Первые 14 песен из полного цикла, окончание которого намечено на 1999 год, – рассказ Боуи об общественном и личном эмоциональном смятении на пороге следующего тысячелетия. Главный герой повествования Натан Адлер – детектив, расследующий серию ритуальных убийств, концептуальных хулиган-

ских нападений и других загадочных преступлений. Место действия – городок Оксфорд-таун в штате Нью-Джерси, населенный товарищами, находящимися в неважном психическом состоянии. Боуи поет множественным голосом, стремительно перевоплощаясь в любого из семи персонажей своего альбома.

Для работы над диском (которая началась в 1989 году) Боуи пригласил ряд профессионалов экстракласса и, тщательно подготовив студию, украсив ее цветными лоскутками, древесным углем, ножницами, бумагой и холстами, разбросанными в хаотичном порядке, взялся за дело. Брайан Ино снабдил музыкантов карточками. На каждой давалось краткое описание персонажа: «Ты – последний выживший после катастрофы и пытаешься играть так, как будто хочешь избавиться от развивающегося в тебе чувства одиночества», или «Ты – бывший участник южноафриканской рок-команды, пребывающий в плохом настроении. Играй такую музыку, которая запрещена». В таком духе и двигалась работа над альбомом. «Outside» – быть в стороне, извне и за пределами. Что ж, Боуи своего добился. Очередная порция того, что преподносит маэстро, будет нравиться, отрицаться, тщательно прорабатываться, но, как всегда, останется непонятой до конца никем, кроме него. Так же, как и те миры, куда он периодически прихватывает своего слушателя.

Итак, Дэвид Боуи на новом витке популярности. Готовится новый материал, переиздаются старые пластинки, на чью поверхность вряд ли когда-нибудь ляжет пыль эпох. Впереди гигантские туры и новые съемки в кино и все новые и новые загадки от человека, который когда-то упал со звезд.

АЛЕКСЕЙ ПЕВЧЕВ

Фотографии предоставлены компанией BMG.

КОНЦЕРТ В ГОСПИТАЛЕ

Помогать людям – традиция «Смены».

Подписчики со стажем помнят «сменовскую» акцию

«Детский дом – теплый дом».

Тогда с помощью читателей журнал собирал тысячи книг и передавал в дар обездоленным детям. Мы стараемся не изменять добрым принципам...

Нынче сотрудники «Смены» собрали (из своих личных библиотек) свыше тысячи томов и передали, вместе с двумя десятками годовых комплектов журнала, госпиталю, где проходят лечение и реабилитацию солдаты и офицеры российской армии.

А друзья журнала – артисты – дали для воинов концерт.

Понимаем,

милосердие не афишируется.

Но в данном случае мы просто хотим поблагодарить тех, кто подарил свой сценический труд раненым бойцам: театр «Модерн» под управлением Светланы Враговой,

ансамбль «Балаганчик»

под руководством Влада Сташинского, музыкально-драматический театр

«Тритон», руководителя группы

«Леди в черном» Юрия Друганова,

пародиста Дмитрия Ермолина,

актера, автора-исполнителя

Игоря Карташова,

барда Андрея Красовского,

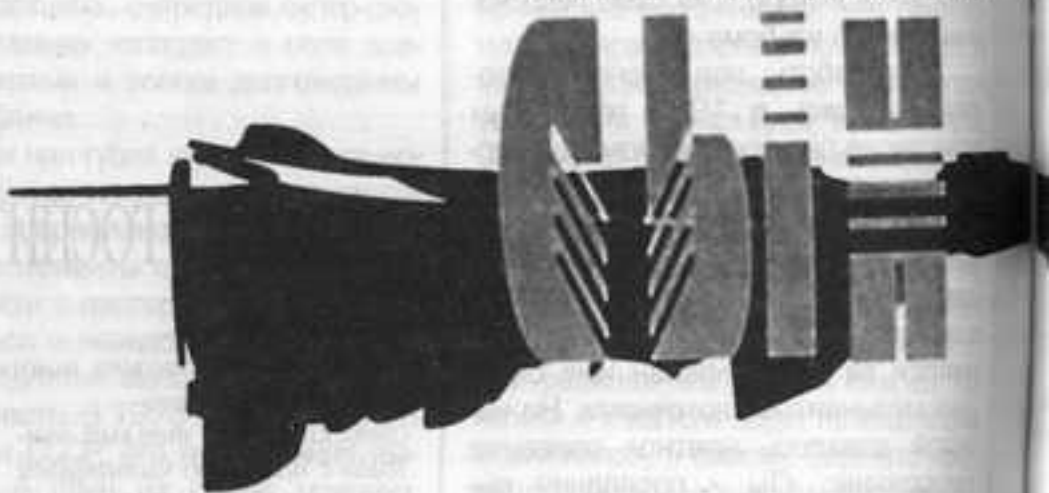
певицу Маргариту,

певца Олега Попова,

ведущую концерта Аллу Павленко –

всех, принявших участие

в благотворительном вечере.

Глава 1

186

– Мистер Флетчер?

Небо, должно быть, прохудилось. Дождь лил с такой силой, что Флетч и Кэрри с трудом разглядели "маячки" и фары двух патрульных машин, перегородивших узкую дорогу. К ним направлялся крупный мужчина в желтом дождевике и широкополой шляпе.

– Ага! – воскликнула Кэрри. – Говорила тебе, Флетч, не бросай в кинотеатре пакетик из-под воздушной кукурузы на пол! Они поехали за нами. Теперь тебя арестуют и посадят за решетку.

– Кто это? – спросил Флетч.

Им приходилось чуть ли не кричать, чтобы слышать друг друга в шуме барабанившего по брезентовой крыше джипа дождя.

– Ронди, – ответила Кэрри. – Племянник Бигги Уилсона. Ты с ним охотился, когда вы чуть не затравили Картера, потому что от него пахло, как от настоящего опоссума.

Флетч приоткрыл дверцу джипа, поленившись опускать стекло.

– Привет, Ронди. Как поживает твой дядюшка?

– Ни на что не жалуется, мистер Флетчер. – Ронди осветил фонарем салон джипа, проявив интерес к заднему сиденью. – Добрый вечер, Кэрри. У вас тоже все в порядке?

– Мы счастливы, как черви, копошащиеся в теплой грязи.

– Чего-чего, а грязи сейчас предостаточно.

– Что случилось, Ронди? – Кэрри перегнулась через Флетча. – Шериф опять потерял очки?

– Несколько преступников решили устроить себе небольшой отпуск. И удрали из федеральной тюрьмы в Кентукки.

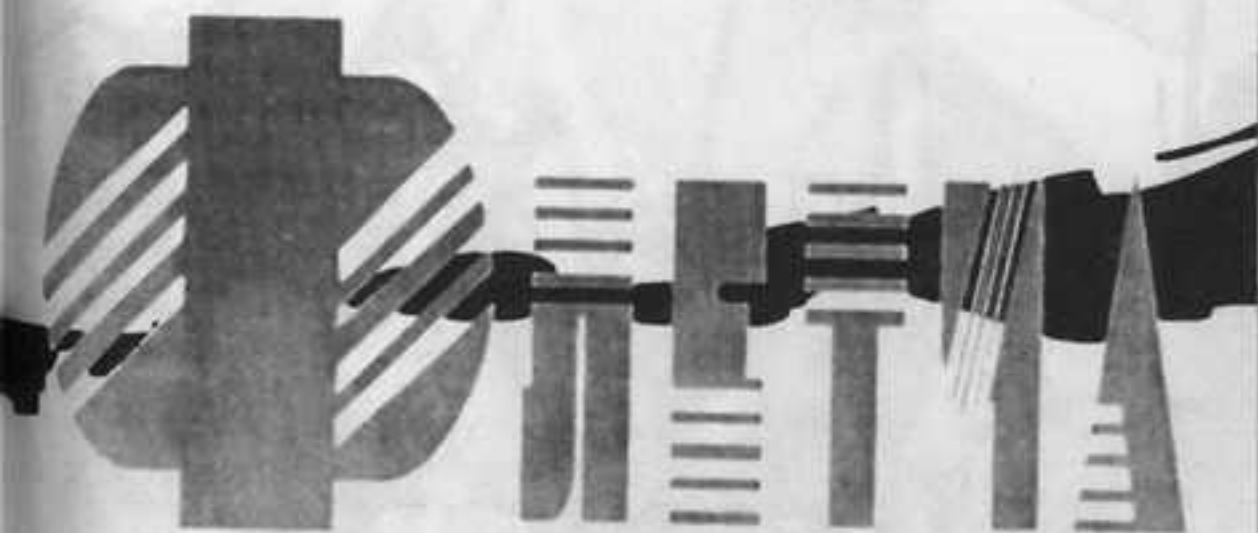

Рисунок АЛЕНСЕЯ ОСТРОМЕНЦОВОГО

– Не удивительно, что они подались к нам, – хмыкнул Флетч. – Мы же рекламируем Теннесси, как прекрасное место для отдыха. ПРИЕЗЖАЙТЕ В ТЕННЕССИ. Не так ли пишут на рекламных щитах и плакатах?

– Мы всегда рады приезду туристов, мистер Флетчер. А из-за этих парней тревожимся только потому, что они могут остаться без завтрака, который в федеральных заведениях подают в полном соответствии с установленным распорядком дня.

– Да уж, нельзя оставлять их голодными.

– Совершенно справедливо, сэр. Они же ушли из дома без карманных денег, поэтому мы и беспокоимся.

– Вооружены и опасны? – улыбнулся Флетч.

– Вооружены или нет, мы еще не знаем. Но наверняка опасны.

К дверце джипа подошел шериф Роджерс, также в желтом дождевике, широкополой шляпе, резиновых сапогах, с фонарем в руке.

– Мистер Флетчер, мисс Кэрри, добрый вечер.

– Добрый вечер, шериф, – ответила Кэрри. – Неужели Фрэнси не разрешает вам принимать душ дома?

– Она говорит, что я повсюду разбрасываю мокрые полотенца. Так что в сильный дождь всегда отправляет меня на улицу. Из-за этих мокрых полотенец она дуется на меня уже тридцать два года, – шериф улыбнулся. – Странно, конечно, но некоторые женщины совсем не меняются.

– А с чего это нам меняться? – фыркнула Кэрри.

– Давно вы уехали с фермы?

— Несколько часов тому назад, — ответил Флетч. — Ездили в Сент-Ив. Поужинали, сходили в кино. Уехали примерно в четверть шестого.

— Дома у вас есть оружие, мистер Флетчер?

— Естественно.

— Взломщик может его найти?

— Безусловно.

— Оружие заряжено?

— Нет. Патроны я держу в другом месте.

— Это хорошо. Может, мы отправим с вами Ронди?

Ронди нахмурился. Его не прельщала поездка в тесноте заднего сиденья.

— Мы сумеем постоять за себя. Скольких вы разыскиваете сегодня преступников?

— Четверых. — Шериф выудил из кармана дождевика мокрый клочок бумаги, сунул руку под крышу джипа, направил на листок луч фонаря. — Один убийца, один покушавшийся на убийство, один похититель детей и один торговец наркотиками.

— Ничего себе, — присвистнул Флетч. — А Ронди говорил о каких-то шалунишках. Фамилии-то у них есть?

— Крайгель, Фаони, Лири и Морено. — В последней фамилии шериф сделал ударение на первом слоге. Убрав листок в карман, добавил: — Не понимаю, чего они поперлись к нам.

— Полагаю, идут на юг, — предположил Флетч. — К границе с Алабамой. Чтобы потом спрятаться во Флориде.

— Так чего они не пошли напрямую? Зачем давать такой крюк?

— А почему вы решили, что они где-то здесь?

— Меня предупредили, что они движутся в нашем направлении.

А потом их заметила миссис Мобли. Перед самым закатом увидела их на холме, — шериф махнул рукой на запад. — Полагаю, ей верить можно. — Несмотря на свои шестьдесят лет, Мэри Энн Мобли по праву считалась одной из самых метких охотниц округа. — В такой дождь нам до них, конечно же, не добраться. — Шериф нагнулся, посмотрел на ручки переключения скоростей. — Джип у вас с приводом на все четыре колеса, Флетч?

— Да, сэр.

— Вы не будете возражать, если мы попользуемся им? Мы могли бы объехать вашу ферму, посмотреть, нет ли где незваных гостей.

— Какие уж тут возражения. Джип в полном вашем распоряжении.

— Дело в том, что Рондолла я отпустить не могу. На две машины нужны два водителя. Может, я вызову по радию пару моих парней? Они приедут на ферму из города, переседут в джип, убедятся, что около вашей фермы все спокойно, потом подъедут ко мне.

— Как вам будет угодно.

— Бак полный?

— Да, заправился в Сент-Иве.

— Считайте, что мы у вас в долгу.

— Какие пустяки. — Флетч включил первую передачу.

— Будьте настороже. Если они не прибавили шага, то, скорее всего, находятся неподалеку от вашей фермы. К сожалению, я не могу отправить с вами Ронди.

– Да он нам и не нужен. Не волнуйтесь. – Флетч захлопнул дверцу джипа и медленно проехал меж двух патрульных машин.

Кэрри заерзала на сиденье.

– Слушай, а я волнуюсь. Немного.

– По какому поводу? – полюбопытствовал Флетч.

– Четверо преступников подглядывают за нами из-за кустов.

– У нас же есть койоты, волки, рыси, пантеры и змеи.

– И медведь, – добавила Кэрри. Она утверждала, что как-то раз наткнулась у амбара на медведя. Доказательств того, что это действительно был медведь, она не представила.

– Ты же не боишься змей, рысей и медведей, не так ли?

– Зверям присущ здравый смысл, Флетч. С людьми дело обстоит иначе.

– Мне остаться в машине?

– Ни в коем случае. – Флетч подъехал к ферме по старой лесной дороге и остановился на опушке леса. – Этим парням нужен джип. Ты им ни к чему. Так что я лучше возьму тебя с собой.

– А на джип тебе наплевать?

– В определенном смысле. Все равно я отдал его полиции, не так ли?

Под сильным дождем они спустились с холма, держась в тени деревьев. Кэрри взяла Флетча за руку.

– Может, их сожрут рыси. Или пантера, которую ты видел на днях, раздерет их на куски.

– Если ты не намерена молчать, давай вернемся к джипу и подведем к дому, изо всех сил давя на клаксон.

– Впервые гремучие змеи вызвали у меня хорошие чувства, – пробормотала Кэрри.

Когда от забора их отделяла лишь узкая полоска открытого пространства, Флетч остановился, повернулся к Кэрри.

– Тебе лучше подождать здесь. Дай мне время на разведку.

– Здесь? Прошлой осенью ты же видел тут черного волка.

– Думаешь, он никуда не ушел?

– Вполне возможно.

– Волки и так найдут себе пропитание, им не обязательно закусывать именно тобой. А бояться надо их голодных двуногих собратьев, которые думают, что еда произрастает только в холодильниках.

– У меня нет пистолета. Что мне делать, если появится волк?

– Веди себя так, как положено благовоспитанному уроженцу Теннесси.

– И как ему положено вести себя?

– Скажи: "Добрый вечер, мистер Волк. Как здоровье вашего папочки?"

– А какую мне пожать ему лапу? Правую, левую, переднюю, заднюю?

– Если ты замолчишь, то уж люди, по крайней мере, не узнают, что ты здесь.

Флетч перелез через выкрашенный белой краской забор. Пригнувшись, добежал до дома. Заглянул в каждое окно. В доме горели лишь оставленные ими ночники.

В дом Флетч проник через черный ход, прошелся по всем комнатам первого и второго этажей, везде включил свет. Достал из шкафчика в ванной пистолет, зарядил его. Не стал засовывать в мокрый карман джинсов или за пояс, а оставил в правой руке. Вновь вышел в дождь, направился к забору.

– Все тихо. Можешь идти домой.

– Меня здесь нет. Если хочешь знать, пантера утащила меня на целый фут. – С мокрыми белокурыми волосами, прилипшими к лицу, Кэрри перелезла через забор.

– Похоже, в дом они не заходили. Даже овсяная кашка осталась нетронутой.

– Главное, что они не тронули мою маринованную свеклу.

На кухне Кэрри огляделась, дабы убедиться, что все в полном порядке.

– Я хочу принять душ. Горячий душ. Составишь мне компанию?

– Пожалуй, помоюсь после тебя.

– Пойдешь со мной наверх?

– Пантер там нет. Я уже проверил. Знаешь, дай-ка я схожу наверх за дробовиком. А потом ты пройдешь в гостиную, погасишь там свет и подождешь меня.

– Ну конечно, – Кэрри дрожала, мокрая и замерзшая. – Тебе же надо пригнать джип.

Оставив Кэрри в углу гостиной с дробовиком в руках, Флетч двинулся к вершине холма, где они поставили джип. Он несколько не сомневался, что, появившись в гостиной незваный гость, Кэрри не просто выстрелит, но и попадет в цель, поскольку обычно стреляла она отменно. И у нее не дрогнет рука снести голову всякому, кто сунется в ее дом. За долгие годы жизни в южной части Соединенных Штатов Флетч проникся уважением к местным женщинам. К каковым в полной мере относилась и Кэрри.

Не рискнув спуститься по размокшему от дождя склону, Флетч развернул джип, выехал на шоссе и уже по асфальту подкатил к ферме, а затем поставил джип под навес между грузовиком и пикапом.

– Если ты не подстрелишь меня, я проживу достаточно долго, чтобы одарить тебя поцелуем, – воззвал он из столовой, не заходя в темную гостиную.

– А чем ты одаришь меня, если я тебя застрелю?

– Тяжелой работой. Не так-то просто вырыть в мокрой земле большую яму.

В кухне Флетч снял телефонную трубку, послушал. Ни гудков, ни треска.

Телефон не работал.

Флетч открыл банку консервов, вывалил тунца на тарелку, добавил нарезанный лук, сельдерей, майонез, все перемешал. Чуть поджарил два куска хлеба. Положил один кусок на противень, намазал рыбным салатом, добавил сверху швейцарского сыра, который накрыл вторым куском. Противень с сэндвичем поставил в плиту и прошел в кабинет.

Открыл стеклянную дверь во двор. Сел за стол, спиной к ней.

Пистолет положил на стол, прикрыл какими-то бумагами.

За дверью бушевала непогода. Дождь оглушительно лупил по крыше. Ветер шевелил бумаги на столе.

Долго ждать Флетчу не пришлось.

Через несколько минут маленький круглый предмет уперся ему в голову, чуть пониже левого уха.

– Не двигайтесь, – предупредил раздавшийся за спиной голос.

– Добрый вечер, сынок, – ответил Флетч. – Как поживает твоя мамочка?

Глава 2

– Сынок, опусти ПВХ, – хохотнул Флетч.

– Что такое ПВХ? – спросил за его спиной юношеский голос.

– В данном контексте я имею в виду тот кусок белой пластиковой трубки, длиной в шесть дюймов, диаметром в дюйм, который ты держишь в левой руке.

Круглый предмет, однако, продолжал упираться в его голову, пониже левого уха.

– Это дуло пистолета.

– Из этого дула ты выстрелишь на два фута и только сухой горошиной, да и то при условии, что зовут тебя Луи Армстронг*.

Юноша тяжело дышал.

– Вы не можете знать, что у меня в руке. С чего вы решили, что это не пистолет?

– Потому что на тропинке я оставил тебе не пистолет, а кусок трубки.

– Вы оставили мне трубку?

– Да. А потом зажег свет в кабинете, чтобы ты сразу ее заметил. Надобно вселять в молодежь уверенность. Поощрять семейные встречи.

Юноша за спиной Флетча трижды глубоко вздохнул.

– Вы знаете, что я ваш сын?

– Еще нет.

Несколько минут спустя на голову Флетча уже ничего не давило.

– Я вот сижу, – добавил Флетч, – ты стоишь у меня за спиной, то есть имеешь преимущество, так что позволь спросить, можно ли мне повернуться?

– Зачем?

– Чтобы посмотреть на тебя. Меня разбирает любопытство.

– На предмет чего?

– Хочется увидеть произведение Кристал.

– Кристал? – эхом отозвался юноша.

– Твоей матери. Кристал. Твою мать зовут Кристал Фаони, не так ли**?

Вновь глубокий вздох.

* Всемирно известный американский саксофонист (здесь и далее прим. переводчика).

** Роман "Сын Флетча" написан через восемь лет после выхода последнего, девятого по счету, романа о Флетче. В нем автор неоднократно обращается к своим ранним произведениям. Все они опубликованы на русском языке, так что прочитавшему их и без сносок ясно, и каковы именно. Переводчик, однако, полагает, что не все, взявшие в руки этот журнал, читали остальные романы о Флетче, и будет указывать, о каком из ранних произведений вспоминает автор на тех или иных страницах своего нового романа. Подробнее о взаимоотношениях Флетча и Кристал Фаони можно прочитать в романе "Нрбный Флетч", впервые опубликованном на языке оригинала в 1978 г.

- Хорошо.

Флетч медленно повернулся на вращающемся стуле.

Одновременно юноша отвернулся к стене.

Поначалу Флетч увидел только мокрую спину высокого, гибкого молодого человека лет двадцати. На джинсовой рубашке, поперек спины, тянулась надпись: "ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЮРЬМА/ТОМА-СТОН".

Флетч хохотнул.

- Молодежь в своем репертуаре. Не могут носить одежду без чьей-либо рекламы. "Йель" выглядело бы куда лучше.

Юноша сунул кусок пластиковой трубки в карман.

Флетч ногой выдвинул из-под стола корзинку для мусора.

Юноша правильно определил, что означает раздавшийся за его спиной звук, повернулся и, коротко глянув на Флетча, бросил трубку в корзину.

- У тебя глаза матери, - отметил Флетч.

- Она говорит, что все остальное - от вас.

- Бедняга. Ты испачкал пол. - Высокие ботинки юноши покрывали грязь, навоз, соломинки.

- Типично отцовская фраза.

- Снимай их, где стоишь. - Флетч постучал кроссовкой по корзине для мусора. - Ты уже не в тюрьме. Бесплатно тут не работают.

Стоя сначала на одной ноге, потом на другой, юноша снял ботинки и грязные белые носки, побросал все в корзину.

- Не стоило ли поздороваться? Спросить: "Как поживаешь? Чем занимался всю сознательную жизнь?"

- Тебе нравятся слойки с тунцом?

- Что такое слойки с тунцом?

- В детстве я их очень любил. И сейчас люблю. Теплыми.

- Теплая еда лучше холодной.

Флетч прошел в примыкающую к кабинету ванную. Вернулся с двумя полотенцами. Одно протянул молодому человеку. Второе бросил на грязную лужу у его ног. Вытер им деревянный пол.

- Как тебя зовут? - спросил Флетч.

- Джон.

- Фаони.

- Джон Флетчер Фаони.

- Правда?

- До последней буквы.

- А как зовут тебя друзья?

- Джек.

- О.*

- Иногда я говорю, что меня зовут Флетч.

- Ага. Вот это мне ближе.

- Флетч Фаони. Слишком многих зовут Джек.

- Ты абсолютно прав. А мне-то все время казалось, что Кристал нравятся имена, которыми нарекли меня родители.

- Ирвин Морис, - уточнил Джек.

* Возглас разочарования. Флетчер представлялся всем как Флетч (см. роман "Флетч"). Он рассчитывал, что и его сын поступает точно так же.

Флетч вытер грязь, поднял полотенце, повернулся к юноше.

– Поверишь ли, но я понятия не имел о твоём существовании.

– Я знаю. Мама этого не хотела.

Флетч смотрел на босоногого парня с мокрыми от дождя щеками. Джек не стал вытирать лицо полотенцем, просто повесил его на шею.

– Почему?

– Говорила, что вам нет до меня никакого дела. Что я не должен быть вам обузой. Вы не просили ее родить вам ребенка. Она вас провела, заманила в ловушку.

– Нельзя сказать, что она заманила меня в ловушку, – улыбнулся Флетч. – Мы были на журналистском конгрессе в Виргинии. На Плантации Кендрикса. Я хорошо помню, что в ванну я влез добровольно. Разумеется, это была моя ванна, и я не помню, как там оказалась Кристал. Более того, это был классический случай *coitus interruptus**. То есть после того, как третья персона прервала нас, мы не вернулись к тому занятию, что вызвало твое зачатие. Кристал, должно быть, рассчитала все идеально. Я только потом понял, что она хотела забеременеть. От меня. Но считать Кристал умела всегда.

– И какие у вас теперь ощущения?

– Я польщен, что она выбрала именно меня.

– Вы хоть любили ее?

– О, да. Кристал была очаровательна, умна, остроумна, начитанна. Великолепная кожа. Бесподобные глаза. Она могла бы стать писаной красавицей.

– Если бы не весила полторы тонны.

– Да, ей и тогда казалось, что у нее избыточный вес. А как обстоят дела сейчас?

– Вес у нее нормальный, – ответил Джек. – Для человека ростом в четырнадцать футов. – Он прошел на середину кабинета, огляделся. – Лампы в доме зажигаются автоматически?

– Чем вызван этот вопрос?

– Свет в комнатах зажигался поочередно. А пятнадцать минут спустя вы подъехали на джипе. У вас радиоуправляемый выключатель?

– В каком сарае твои попутчики? – ответил вопросом на вопрос Флетч.

Юноша помялся.

– В самом дальнем.

– Они курят? Есть у них спички, зажигалки?

– Они не курят. Насчет зажигалок не знаю.

– Спички, если они и есть, наверняка промокли, и пользоваться ими нельзя.

– Откуда вы о них узнали? О моих "попутчиках"? Почему вы их так называете?

– По пути домой я встретил шерифа. Дороги перекрыты. Вас ищут.

– Однако. И шериф назвал среди прочих фамилию Фаони?

– Крайгель. Фаони. Лири. Морено. Который из них ты?

* *Coitus interruptus* – прерванный половой акт.

- Что вы хотите этим сказать?

- Убийца, покушавшийся на убийство, похититель, поставщик наркотиков?

- Покушавшийся на убийство.

- Понятно.

Юноша стоял, вытянувшись по стойке "смирно".

- Я хочу спросить, один ли вы в доме. До вашего приезда здесь никого не было.

- Ты пытаешься сказать мне, что твои приятели - грубые и жестокие люди?

- Да.

Флетч сдвинул бумаги, прикрывавшие лежащий на столе пистолет. Взял его, сунул за пояс.

- Ты видел, что я приехал один.

- Это точно.

- Копы прежде всего будут искать тебя и твоих попутчиков в сараях. Детями они сами всегда там прятались. - Джек промолчал. Флетч указал на холм. - За дальним сараем, в ста пятидесяти метрах левее, есть глубокий овраг. Там сейчас свалка. Стволы деревьев, ржавая колючая проволока, старые столбы. Чего туда только не набросали. Кто-то полагал, что так можно остановить его расширение. В такой дождь по оврагу несется водяной поток. Я уверен, что копы туда не заглянут. - Они туда не заглянут, подумал Флетч, потому что с детства знают, что там водятся змеи. - Ты хочешь помочь своим попутчикам уйти от погони? - спросил он Джека.

- Да.

- Тогда покажи им, как добраться до оврага. Пусть они залягут там и не высовывают носа, пока их не позовут. Башмаки возьми с собой. Надень, когда выйдешь из дома.

- Почему вы помогаете мне? Я... мы опасны для вас.

- Послушай, разве отцы не должны каждую свободную минуту проводить с сыновьями? Я хочу сказать, ты вот здесь, возможно, у тебя совсем немного времени до возвращения в тюрьму, но, тем не менее, ты сделал большой крюк, чтобы повидаться с отцом...

Джек прищурился.

- Вас, значит, разбирает любопытство?

- Несомненно. И пока копы ищут тебя, у нас будет время пообщаться. Ты со мной согласен?

- Так мне не надо торчать с остальными в том овраге?

- Тут есть душ, - Флетч указал на дверь ванной. - Чистые полотенца. Найдется и комната для гостей. Со шкафами и комодами. Моя старая одежда. Вещи, забытые нашими гостями. Пока будешь мыться и переодеваться, я подогрею слойку с тунцом. Ты пьешь молоко?

- Мы перерезали телефонные провода. Неподалеку от дома.

Флетч пожал плечами.

- Некоторые местные жители до сих пор уверены, что в такой ливень лягушки прыгают с неба. Во всяком случае, когда идет дождь, лягушек на шоссе прибавляется. Это я заметил сам.

- О чем вы говорите?

— Когда я вернусь, постарайся привести себя в божеский вид. Я хочу, чтобы ты больше походил на принца, а не на лягушку.

Юноша попытался улыбнуться.

— Почему?

— Ко мне должны заглянуть двое соседских парней. Они хотят взять джип и поискать на нем тебя и твоих попутчиков.

— Что это за парни?

Флетч, выходя из кабинета, оглянулся.

— Копы.

Глава 3

Снимая на ходу кроссовки, Флетч пересек кухню, открыл дверь чуланчика. Надел высокие сапоги, снял с крючка широкополую шляпу, нахлобучил на голову. Застегнул на все пуговицы длинное коричневое пальто.

Невидимый в темноте, неслышимый в реве падающей на землю воды, вышел через черный ход, обогнул дом.

Джек, стоя у двери в кабинет, где по-прежнему горели все лампы, надевал ботинки. Наклонился, чтобы зашнуровать их.

Как Флетч и предполагал, юноша, сначала по дорожке, а потом по лужайке, зашагал к сараям.

Флетч избрал другой путь: напрямик направился к белому забору, перемахнул через него, добрался до деревьев. С опушки, даже в темноте, даже при дожде, он мог видеть движущиеся силуэты около сараев.

Первым в направлении оврага проследовал худой мужчина невысокого роста. За ним — настоящий гигант, с большой головой, большим животом, широкими плечами. Он сердито размахивал руками. Внезапно остановился, повернулся, что-то крикнул, двинулся обратно к сараю.

Рядом с ним возник высокий, гибкий, как тростинка, мужчина, ударил ногой в пах. Затем рукой по правой челюсти. Перекрывая шум дождя, послышался голос юноши: "Может, теперь ты замолчишь!" Юноша отступил на метр, пригнулся, готовый к драке.

Четвертый мужчина, низенький толстячок, подошел к здоровяку вплотную. Пока толстячок говорил, юноша поспешил к первому мужчине, что стоял у ворот, за которыми начиналось пастбище.

Джек перелез через ворота и бросился к холму.

Второй мужчина последовал за ним.

Перелез через ворота и здоровяк.

Толстячок попытался открыть ворота, но в темноте не смог справиться с засовом, а потому, с немалыми, надо сказать, усилиями, повторил маневр, проделанный остальными.

— Привет, Эйс.

— Это ты, Флетч?

— Да, мадам.

— Олстон только что вошел. Сейчас позову его.

Олстон Чамберс и Флетч подружились еще в армии.

Карьеру Олстон начал прокурором. Когда родились дети, он понял, что государственного жалования ему не хватает, и попытал-

ся стать адвокатом. Денег заметно прибавилось, но ему претило защищать людей, действительно совершивших преступления.

— Одно дело — говорить правду, — разъяснял он Флетчу свою точку зрения, — но совсем другое — исказить ее, разбавлять ложью, дабы посеять сомнение в умах присяжных.

— Тебе это не по душе, так?

— Я ненавижу своих клиентов! Думаю, что большинство из них следует повесить, утопить, четвертовать. Не хочу тратить жизнь на ненавистных мне людей, работать на них.

— Многих такое положение вполне устраивает.

— Я кажусь себе косметологом, попавшим в страну уродов.

— Есть же еще бракоразводные процессы, — заметил Флетч. — По себе знаю, что адвокаты на них неплохо зарабатывают.

— Я хочу засадить всех своих клиентов за решетку!

— Так и займись тем, чтобы сажать их в тюрьму, — пожал плечами Флетч. — Раньше у тебя это неплохо получалось.

В общем, со временем, не без влияния Флетча и его финансовой поддержки, Олстон Чамберс стал окружным прокурором.

Олстон взял трубку.

— Неужели я не могу прийти домой, снять пиджак, понюхать приготовленное женой жаркое и погладить кошку, прежде чем отвечать на твой звонок?

— Ты припозднился. Должно быть, опять притормозил у окружной тюрьмы. Слушай меня внимательно, Олстон.

— Можешь не торопиться. Выкладывай все по очереди. Жена готовит к обеду утку. С маленькими луковичками. Так что поговорить успеем.

— Я обзавелся сыном.

— Почему бы и нет. Я как-то не думал об этом. Новым сыном или старым?

— Старым.

— Сколько же ему лет?

— Ты помнишь Кристал Фаони?

— Помню, что ты говорил о ней. Два миллиона лет тому назад.

— Два с половиной.

— Но романа с этой Кристал, как ее там, у тебя не было. Не так ли? По-моему, это единственная женщина в твоей жизни, к которой ты не питал ничего романтического. Где плод греха?

— Здесь.

— Где?

— На ферме.

— И на кого он похож?

— Я его как следует не разглядел. Он такой грязный...

— То есть весь в грязи?

— Он шел под дождем, преодолевая все преграды. Леса, болота, бурные реки.

— Этот парень чего-то от тебя хочет?

— Его намерения мне пока не ясны, и у меня к тебе две просьбы. Ситуация довольно сложная. Могу я положиться на тебя, Олстон?

— В чем?

— Во-первых, необходимо выяснить, где сейчас Кристал Фаони. Диктую фамилию по буквам — эф-а-о-эн-и.

- Хочешь послать букет цветов? Поздновато.
- Адрес. И телефон.
- Разве ты не можешь узнать их у сына?
- Ты это сделаешь?
- Только после того, как расправлюсь с уткой. Замуж она не выходила?
- Скорее всего, нет.
- Где она была, когда ты в последний раз слышала о ней?
- В Бостоне.
- Когда?
- Двадцать лет тому назад. Двадцать с небольшим.
- Великолепно. Да, теперь она может быть женщиной с фамилией Макджилликадди.
- И второе, сегодня утром или вчера ночью совершен побег из федеральной тюрьмы Томастон, штат Кентукки.
- От тебя это не очень и далеко.
- Не очень. Бежали четверо.
- И что тебя интересует?
- Все.
- А что тебе известно?
- Преступления, за которые их посадили. Убийство, покушение на убийство, похищение людей и торговля наркотиками.
- Веселенькая компания.
- Я знаю их фамилии.
- Но не собираешься назвать их мне.
- Лири, Морено и Крайгель.
- Я насчитал только троих.
- Джон Флетчер Фаони.
- Кто?
- Повторяю по буквам - эф-а-о-эн-и.
- Святой Боже! Бедняга. А я-то мгновение тому назад завидовал тебе. Ты узнаешь, что у тебя есть сын... радуешься... и тут выясняется, что он сбежал из федеральной тюрьмы... За что его посадили?
- Он говорит, что его специализация - покушения на убийство.
- Так он хотел кого-то убить!
- Истины познать нам не дано. Во всяком случае, на текущий момент. Но кое-что выяснить в наших силах.
- Флетч, эти парни неподалеку от твоей фермы? Все четверо? А где Кэрри?
- Наверху. В постели. Мирно спит.
- Я знаком с генеральным прокурором...
- Пожалуйста, Олстон, позвони, куда я тебя прошу. Полицейские тоже здесь. Просто их слишком много, и я не успеваю одновременно заниматься ими и сбором информации.
- Да уж. Не много ли ты на себя берешь? Черт, у меня даже поднялось давление. Видишь, до чего ты меня довел. Сидишь на Богом забытой ферме, в миллионе миль от цивилизации, в ревущем урагане, в окружении сбежавших преступников, да еще Кэрри храпит в своей кровати...
- Кэрри не храпит. И никогда не храпела. Я уверен, что один из этих парней мой сын, Олстон. Уверен, что он сознательно привел их ко мне, и хочу знать, почему. Понятно? Так что, пожалуйста, уз-

най все, о чем я тебя попросил. И не старайся дозвониться мне. При первой возможности я позвоню сам. Наслаждайся уткой.

- Спасибо, - отозвался Олстон. - Не пропадай.

- Эй, мистер Флетчер! - Помощник шерифа Уилл Сэнборн всунулся в дверь черного хода. Его измазанные глиной ноги остались снаружи.

- Привет, Уилл. Похоже, вы были не таким мокрым, даже когда родились.

- Что это за мужик ходит по вашей библиотеке?

- Мужиков там нет.

- Юноша.

- А, вы про Джека? Вам с молоком или с сахаром?

- Черный, пожалуйста.

- Это мой сын, Джек.

Уилл наморщил лоб.

- Ваш сын, Джек? Не знал, что у вас есть сын.

- Неужели? Наверное, это моя вина. Я думал, все знают, что у меня есть сын и зовут его Джек. Кто с вами?

- Майкл.

- Идите сюда, Майкл.

- А где Кэрри?

- Наверху, в постели.

- Есть здесь кто-либо еще?

- Значит, вы осмотрели ферму, прежде чем постучать в дверь?

Молодцы. Заходите.

- Мы испачкаем пол.

- Он каменный. И легко моется.

В маленьком темном холле оба помощника шерифа, в дождевиках и шляпах, казались особенно массивными. Не снимая дождевиков, они повесили мокрые шляпы на крючки и прошли на кухню.

- Вам нужен джип. - В голосе Флетча не слышалось вопросительной интонации.

- Да, - ответил Уилл. - Шериф сказал, что сначала мы должны осмотреть ферму.

- Эти типы где-то неподалеку, - добавил Майкл. - Наверняка.

- Мокрая трава очень скользкая. Будьте осторожны, резко не поворачивайте.

- Вы говорите прямо как мой отец, - улыбнулся Майкл. Он только что демобилизовался из армии и рассчитывал двадцать лет проработать в полиции, как и его отец.

Уилл выразительно смотрел на пистолет, засунутый за пояс джинсов Флетча.

- Их четверо? - спросил Флетч.

- Трое, - ответил Майкл.

- Трое? А шериф говорил, что четверо.

Майкл пожал плечами.

- Возможно.

- Когда они сбежали?

- Прошлой ночью, - ответил Уилл. - Возможно, ближе к утру.

- Кто-нибудь пострадал?

- Вроде бы нет.

- Как им удалось сбежать?

– Никто не знает. Это же тюрьма особого режима, не так ли? – Уилл посмотрел на Майкла.

– Да, – кивнул тот. – Эти парни – убийцы.

– Шериф велел нам осмотреть все комнаты в вашем доме, мистер Флетчер, – продолжил Уилл. – Даже ту, где спит мисс Кэрри, – он вновь глянул на пистолет Флетча. – Он опасается, что они могут держать мисс Кэрри заложницей, пока вы заговариваете нам зубы.

– Заговариваю зубы? – Флетч широко улыбнулся. – Я его понимаю.

– Один из нас останется внизу, а второй поднимется с вами наверх.

– Разумеется.

Флетч провел их по комнатам первого этажа. Помощники шерифа заглянули во все туалеты и ванны.

Флетч услышал звуки настраиваемой гитары.

Они вошли в кабинет.

В ярком свете люстры на большом кожаном диване сидел Джон Флетчер Фаони. Аккуратно причесанный, свежесбрившийся. Чистенький, как кусок мыла, с которого только что сняли обертку. Босиком, в шортах и футболке.

Он оторвался от гитары, посмотрел на них.

Помощники шерифа, вошедшие в кабинет следом за Флетчем, улыбались.

– Черт побери, для лягушки ты слишком уж чистый, – пробормотал Флетч. – Может, могут летать и хрюшки, – и добавил, уже громче. – Это мой сын, Джек Флетчер. Помощники шерифа, Уилл Сэнборн и Майкл Джексон, Джек.

Отложив гитару, Джек поднялся, пожал руки обоим.

– Как получилось, что мы незнакомы? – спросил Майкл. – Мы же одного возраста.

– Ходил в школу в другом месте, – ответил Джек.

– И я тебя не знаю, – добавил Уилл. – Никогда не видел.

Джек подтянул шорты.

– Все потому, что папаша немного меня стыдился. Он прикидывался, что и не знает о моем рождении, а потому, пока я рос, не подпускал к себе, переводя из одной частной школы в другую.

– Его воспитывала мать, – пояснил Флетч.

– Однако, – начал Майкл. – А кто твоя мать?

– Ее зовут Кристал, – ответил Джек. – Она занимается радиобизнесом на севере.

– И очень деловая женщина, – ввернул Флетч.

– Долго ты здесь пробудешь? – спросил Майкл. – Приблести лицензию, и я покажу тебе места, где рыба сама лезет на крючок.

– Завтра утром я должен отвезти его в университет Северной Алабамы.

Джек коротко глянул на Флетча.

– Ясно. Но ты приезжай на уик-энды. Мы что-нибудь придумаем. Только предварительно позвони мне. Твой отец знает моего.

– Я останусь внизу, а вы двое осмотрите комнаты наверху, – распорядился Уилл.

– Где-то неподалеку могут быть сбежавшие из тюрьмы преступники, – добавил Майкл специально для Джека.

— Знаю, — рассмеялся Джек. — Поначалу я подумал, что папа достал пистолет, потому что я слишком часто залезал в холодильник.

— Он только что приехал, — заметил Флетч. — Голодный.

Поднимаясь с Майклом по лестнице, Флетч услышал слова Уилла: "Я никогда не видел в доме твоих фотографий".

— Видите ли, — ответил Джек, — мой отец и мать долго не поддерживали никаких отношений. Такое случается. Она хотела, чтобы я принадлежал только ей.

Флетч ждал в холле, пока Майкл заглядывал на чердак, в кладовую, во вторую спальню.

— Мисс Кэрри здесь? — прошептал Майкл, указывая на закрытую дверь.

— Да.

— Я только загляну в щелочку. — Он приоткрыл дверь в большую спальню. Улыбаясь, закрыл ее. — Она не умерла?

— Она спит очень тихо.

— А она дышит?

— По-другому у нее не получается.

— Все в порядке? — спросил Уилл, когда они спустились в кухню.

— Тишина и покой, — ответил Майкл.

На прощание Джек пожал руку обоим помощникам шерифа.

— Удачной вам охоты.

Флетч проводил полицейских в прихожую.

Когда они натянули сапоги, Уилл повернулся к Флетчу.

— Мистер Флетчер, если они где-то здесь и следят за фермой, то знают, что мы побывали у вас. Если мы наткнемся на них, они могут броситься в дом. Вы понимаете, к чему это может привести?

— Да.

— Возможно, наш приезд только усугубил ваше положение.

— Я понимаю.

Майкл открыл дверь. Дождь не утихал.

— При необходимости стреляйте без колебания.

Флетч думал об очаровательном, обаятельном молодом человеке, что остался в его кабинете.

— Будьте уверены.

Глава 4

— Красиво у вас тут. — Джек убрал с кофейного столика альбомы, когда Флетч внес поднос и сел в кресло-качалку.

— Скажи мне, кто едва не стал твоей жертвой? — произнес он с беспокойством.

— Коп.

— О, Господи!

— Не Бог, всего лишь полицейский.

— Сукин сын.

— Не стоит называть так Кристал.

— Просто удивительно, что у тебя еще целы ноги и руки.

— Я же не убил ее.

— Так это была женщина?

— Я не уточнял, хотя она была в юбке.

— Ты просто попытался ее убить.

- Попытался.
 - А что обусловило твои противозаконные действия?
 - Она пристала к моему приятелю.
 - И где это произошло?
 - В Луисвилле, штат Кентукки.
 - А что вы делали в Луисвилле, штат Кентукки?
 - Ехали на юг.
 - На юг? Уж не сюда ли?
 - Возможно. А уж в Нашвилл* наверняка.
- Флетч взглянул на гитару, которую Джек нашел в комнате для гостей. Ее оставил знаменитый исполнитель фольклорных песен, который как-то провел на ферме пару недель.
- Ты музыкант?
- Джек пожал плечами.
- Мы хотели это выяснить.
 - Кто это "мы"?
 - Мой приятель и я. Он играет на ударных.
 - И где он теперь?
 - В тюрьме штата Кентукки.
 - А с чего это женщина-полицейский пристала к твоему приятелю?
 - Из-за машины, за рулем которой он сидел.
 - А почему ее заинтересовала машина?
 - Мы же ее украли, - улыбнулся Джек. - Розовый "кадиллак" с откидным верхом. Старая модель.
 - Потрясающе, - Флетч покачал головой. - Вы умыкнули "кадиллак" до того, как приехали в Нашвилл?
 - Конечно. Мы хотели, чтобы нас приняли, как королей.
 - Хорошенькие из вас вышли короли. Так что произошло?
 - Я в нее выстрелил. Не хотел, чтобы она арестовала его. В тот момент я даже не сидел в машине. Мог бы исчезнуть, спасая собственную шкуру. Я же не знал, что она не одна. Другие копы оказались у меня за спиной и стукнули по голове дубинкой. Мерзавцы. А потом посадили в тюрьму за покушение на убийство полицейского. Можете вы в это поверить?
 - Могу.
 - Люди сейчас не ценят верность.
 - У полицейских были основания остановить тебя.
 - Конечно. Наверное, в иной ситуации я бы такого себе не позволил.
 - Из чего ты стрелял?
 - Из пистолета. Тридцать второго калибра.
 - Зачем вам вообще понадобился пистолет?
 - Мы купили его. На всякий случай. Мы же путешествовали. Собирались ночевать на природе.
 - Ты не сидел в машине, но пистолет был при тебе.
 - Он придавал мне уверенности.
 - Сынок, у тебя нелады с потенцией?
- Брови Джека взлетели вверх.

* Нашвилл - административный центр штата Теннесси, известен проводимыми там музыкальными фестивалями.

- Да нет, вроде бы все у меня в порядке.
- Тогда не понимаю, зачем тебе понадобился пистолет.
- Так и у вас пистолет засунут за пояс.

- По приказу шерифа. - Флетч встал, подошел к стеклянной двери. - Я окружен сбежавшими преступниками. По крайней мере один из них, возможно, и ты, убийца. Если хорошенько подумать, вы все убийцы. Похищение людей, торговля наркотиками: вы укорачиваете нам жизнь.

Сквозь пелену дождя у самой вершины холма Флетч видел фары джипа. Рассекал темноту и мощный фонарь в руках полицейского, сидевшего рядом с водителем.

- Вы не боитесь стоять у освещенного окна? - спросил Джек. - С учетом сложившихся обстоятельств?

- Нет, - Флетч обернулся к нему. - Почему ты такой загорелый? Сколько просидел в тюрьме?

- Пять недель. А до того меня выпустили под залог. Вот и болтался без дела, загорал. На работу выпущенных под залог берут неохотно. Тем более обвиняемых в покушении на убийство.

- Почему ты не приехал сюда?

- Не хотел вас стеснять. И потом, я дал подписку о невыезде за пределы штата.

- Ты сбежал из федеральной тюрьмы особого режима, пробыв в ней всего пять недель?

- Мне там не понравилось. Шумно. Еда оставляет желать лучшего. Я прочел все книги в библиотеке.

- Ты владеешь каратэ?

- Есть немного, - вновь Джек удивленно взглянул на Флетча. - А! Вы выходили из дома, не так ли? Видели, как я уговаривал моих попутчиков идти к оврагу.

- Как фамилия здоровяка, которого ты огрел сначала ногой, а потом ладонью?

- Лири. Он сумасшедший.

- А который из них Крайгель?

- Низкорослый, лысый, в очках. Его зовут Крис Крайгель. Значит, вы следили за мной. - Джек взглянул на кроссовки Флетча, джинсы. - Как вам удалось не промокнуть?

- Где Кристал? - сменил Флетч тему разговора.

- Вообще, или в данный конкретный момент?

- Вообще. И в данный момент.

- В Индиане.

- Она по-прежнему работает журналистом?

- В некотором роде. Ей принадлежат пять радиостанций.

- Какая, однако, молодец.

- Она называет их денежными машинами. Мы живем, жили около Блумингтона. В данный момент Кристал проходит регулярный двухнедельный курс голодания. В специальной клинике. Она уезжает туда каждые полгода. В эти две недели связаться с ней невозможно. Все мысли должны быть сосредоточены на потере веса. Для нее это жизненно важный вопрос. Не похудев, она не может ходить. - По выражению лица Джека чувствовалось, что он очень любит мать. - Ноги не выдержат ее веса. Ее вены... ее сердце...

Джек съел все, что было на подносе.

- Принести еще еды? - спросил Флетч.
- Джек откинулся на спинку дивана.
- Нет. Благодарю. Может, попозже.
- Флетч сел за стол.
- Как ты узнал, где я живу?
- Время от времени о вас пишут газеты. С тех пор, как вы опубликовали книгу "Пегая лошадь: Биография Эдгара Артура Тарпа, младшего". Она имела большой успех, не так ли?
- Ты ее прочел?
- Да. Моя мать один раз пыталась написать книгу. Осилаила восемьдесят страниц. На половине речь шла о вас. Ей нравится рассказывать истории, в которых вам отводится центральное место.
- Она и раньше шокировала людей историями обо мне*.
- Они правдивые?
- Едва ли.
- Моя мать любила вас. И сейчас любит.
- Вот об этом я не подозревал.
- Вы женились на принцессе? Я читал об этом в газетах.
- Да, я был женат на принцессе.
- Ее убили?
- Застрелили.
- Почему?
- Центральная Европа. Политика. Этнические группы.
- Разве принадлежность к той или иной этнической группе - политика?
- О, да. Несколько людей хотят подгрести под себя как можно больше власти. Вот и вся политика.
- Вы были с вашей женой, когда... когда ее застрелили?
- Я сидел в той же машине позади нее. Энни-Мэгги не думала о политике. Она думала о еде. О фруктах, сырах, соусах, картофеле, котлетах.
- Она была толстой?
- Нет.
- И на ферме вы теперь один?
- Вместо ответа Флетч выдвинул ящик стола. Достал из него пистолет. Из другого, запертого, ящика вытащил обойму и коробку с патронами. Бросил пистолет Джеку. Обойму и коробку с патронами положил на кофейный столик рядом с подносом.
- Что это? - спросил Джек.
- Пистолет.
- Это я знаю. Я спрашиваю о другом. Что вы делаете?
- Даю тебе пистолет.
- Зачем? - Джек не решался коснуться пистолета руками. - Вы опять хотите провести меня?
- Разве я на такое способен?
- Да. Думаю, что да.
- Тебя не было со мной в джипе, когда меня остановили на шоссе. Часом позже помощники шерифа нашли тебя в моей компании. Как ты попал сюда? Где твоя машина? Откровенно говоря, здешние жители не верят, что в сильный дождь лягушки падают с

* Пример такой истории и произведенного ею эффекта читатель найдет в романе "Нрбий Флетча".

неба. У полицейских должны быть твои приметы. Я хочу вооружить тебя. Если эти парни вернутся, зная, кто ты такой, я попрошу тебя сказать им, что держал меня и... меня в заложниках. Заряди пистолет.

Джек открыл коробку с патронами.

— Но у вас тоже есть пистолет.

— Я позабочусь о том, чтобы он исчез, как по мановению волшебной палочки.

Джек уже вставлял патроны в обойму.

— Закон запрещает помогать сбежавшему преступнику, — добавил Флетч.

— Так к чему вооружать меня?

— Ты все равно никого не пристрелишь.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Джек вставил в обойму пять патронов. Положил ее на диван.

— Обойму надо вставить в пистолет, — напомнил Флетч.

Джек взял пистолет в руки, покрутил его, наконец вложил обойму в рукоять.

— Ты не собираешься дослать патрон в патронник?

— Потом. — Джек положил пистолет на то место, где лежала обойма.

Во входную дверь постучали. Раз, другой, третий. Флетч улыбнулся.

— Вот и гости.

Он вытащил из джинсов рубашку, чтобы прикрыть рукоять пистолета.

На крыльце стоял низкорослый, лысеющий толстячок в тюремной одежде. С головы до ног вымазанный грязью и навозом. Он щурился на Флетча сквозь грязные, мокрые стекла очков.

— Вы Крис Крайгель, сбежавший убийца? — осведомился Флетч.

— Да.

— Идите к черному ходу.

И Флетч захлопнул дверь перед носом толстяка.

Вернувшись в кабинет, он первым делом отметил, что пистолет исчез с дивана.

— К тебе гость. Я послал его к черному ходу. Если уж мы не можем не впускать в дом мразь, попытаемся избавиться от грязи. Грязь копы обязательно заметят.

Глава 5

Постучав в дверь спальни, Флетч протараторил: "Все сбежавшие преступники — трусишки".

Кэрри держала в руках нацеленный на дверь дробовик. Указательный палец ее левой руки лежал на спусковом крючке.

Флетч рассмеялся.

Переступил порог, закрыл за собой дверь.

— Все в порядке? — спросила Кэрри.

— В зависимости от того, что брать за точку отсчета. Ты еще не готова спуститься вниз, не так ли?

— Нет. У нас что, гости?

— Да. Санта-Клаус постучался в нашу дверь.

- Не мое дело учить тебя, но Санта-Клаус не приходит летом. -
Кэрри хихикнула и двинула Флетча локтем по ребрам.
- Жаль. Зовут его Крис Крайгель. Он низенький, толстый...
Кэрри подняла голову.
- Ты серьезно?
- Да. Он здесь.
- Кто здесь?
- Крис Крайгель.
- Один из сбежавших преступников! Мне показалось, что я слышу, как барабанят в дверь. Этот шум и разбудил меня.
- Полагаю, он не смог найти печную трубу. Еще двое преступников, судя по всему, прячутся в овраге.
- В каком овраге? - Она махнула рукой в сторону холма. - Там?
- Да.
- Откуда ты знаешь?
- Я порекомендовал им спрятаться. Майкл и Уилл взяли джип. И прочесали все вокруг.
- Овраг, - скорчила гримаску Кэрри. - В ливень.
- Тебе их жалко?
- Но почему ты послал их туда? Ты же знаешь, с какой скоростью несетя по оврагу вода. Господи, а змеи!
- Я хотел, чтобы их как следует потрепало. Если уж нам не избежать общества сбежавших преступников, пусть это будут бесценные преступники.
- Общество сбежавших преступников! Почему ты не перестрелял их? Почему не сдал полиции? Ты говоришь, Майкл и Уилл были здесь, - она села на кровати.
- Из-за Джека.
- Какого еще Джека?
- Кэрри, я думаю, это мой сын.
- Ее синие глаза широко раскрылись.
- Когда-то я знал одну женщину, звали ее Кристал Фаони. Тоже журналистка, - быстро заговорил Флетч. - На журналистском конгрессе мы с ней трахнулись, один раз. Этого юношу зовут Джон Флетчер Фаони. Он - один из сбежавших преступников. Или, по меньшей мере, говорит, что его так зовут. Он вроде бы много знает о Кристал, обо мне.
- Фаони, - повторила Кэрри. - Ты узнал фамилию, когда шериф перечислял тебе сбежавших преступников. Потому-то ты и приготовил сэндвичи, как только вошел в дом.
- Такая фамилия встречается нечасто.
- Твой сын! Почему ты не сказал мне?
- У меня не было уверенности.
- Я спрашиваю, почему ты не сказал, что у тебя есть сын?
- Я не подозревал о его существовании, пока этой ночью он не вошел в мой кабинет. Кристал из тех женщин, что хотят рожать и воспитывать ребенка самостоятельно. Теперь я верю, что он мой сын.
- Она не дала тебе знать?
- Нет.
- Ты расстроен?

– Естественно.

– Как ты узнал, что ему нравятся слойки с тунцом?

Флетча всегда удивляла конкретность вопросов Кэрри. В сравнении с ней окружной прокурор Олстон Чамберс задавал лишь наводящие вопросы.

– Этой ночью он съел бы что угодно.

Кэрри положила руку ему на плечо.

– Мне так тебя жалко.

– Покушение на убийство, – тяжело вздохнул Флетч. – Он пытался застрелить полицейского.

– Почему ты влез в это дело? Даже если он и твой сын, это он пытался кого-то убить. Я хочу сказать, ты не несешь за него ответственности.

– Из любопытства.

– Ты знаешь, до чего довело любопытство орангутанга?

– До чего?

– Пойди и спроси у него. Он до сих пор сидит в зоопарке Мемфиса. Ты же видел, какой он злобный.

– Ты слышала шерифа. По какой-то причине сбежавшие преступники дали крюк, чтобы попасть сюда, на ферму. Их привел сюда этот парень, Джек. Почему?

– Чтобы убить тебя, – ответила Кэрри. – Ты – отец. Накачал его мать и удрал.

– Нет, – замотал головой Флетч. – Ему известно, что Кристал не сообщила мне о его рождении. Провинился я лишь в одном – за все эти годы ни разу не позвонил Кристал, не спросил: "Как поживаешь?". Но это не преступление.

– Он сумасшедший, не отдающий отчета своим поступкам подросток. Он стрелял в копа.

– Стрелял в копа. Якобы.

Кэрри недоуменно посмотрела на Флетча.

– Что значит, якобы?

– Он сказал, что стрелял в женщину-полицейского из пистолета тридцать второго калибра. Я дал ему мой пистолет, точно такой же. Внимательно следил, как он заряжает его. Думаю, парень понятия не имеет, как загнать патрон в патронник. Его мутит от одного вида пистолета.

– Так и должно быть, – отрезала Кэрри. – Чего ты ожидал? Так он стрелял в женщину-полицейского?

– Форма одинакового цвета и у женщин, и у мужчин, – буркнул Флетч. – Или я не прав?

– Ты ищешь предлог для оправдания, – заявила Кэрри. – Думаешь, что он твой сын, и пытаешься полюбить его. – Она покачала головой. – Эти мерзавцы. В доме!

– И еще двое в овраге. Полагаю, надо сходить за ними. Привести сюда.

– А я полагаю, что мы должны позвонить шерифу, чтобы их забрали. Всех, включая и твоего Джека. Если он стрелял в копа, его следует бросить к красным муравьям, – она посмотрела на стоящий на прикроватном столике телефонный аппарат.

– Телефон, между прочим, не работает, – пояснил Флетч. – Они перерезали провода.

– Не думаю, чтобы они пришли сюда для того, чтобы готовить еду, вытирать пыль и красить забор. А твой спутниковый телефон работает?

– Да. Но им знать об этом не обязательно. Я хочу выпроводить их отсюда до того, как монтеры телефонной компании обнаружат обрезанные провода. Вечером я сказал Уиллу и Майклу, что этим утром отвезу Джека в университет Северной Алабамы.

– Они его видели?

– Даже говорили с ним. Он их очаровал. Майкл пригласил его на рыбалку.

– Ты выдал его за своего сына?

– В определенном смысле.

– Тогда ты влип. На все сто процентов.

– Я подстраховался. Дал Джеку пистолет тридцать второго калибра. Чтобы он мог держать нас в заложниках. Если копы вернутся.

– Ну, ты даешь! – ее глаза метали молнии. – Это уж перебор, Флетч. Мало того, что ты привел сбежавших преступников, убийц и насильников, в дом, так ты еще и вооружил их! Чтобы они использовали оружие против нас! Против копов! Когда ты вошел в спальню, разве я не спросила тебя, все ли в порядке?

– Я же тебе сказал: в зависимости от того, что брать за точку отсчета.

– Так то была шутка? – Кэрри улыбнулась.

– Кэрри, этому парнишке что-то от меня нужно. Что конкретно, я не знаю. Да и ты, наверное, тоже.

– Он хочет, чтобы ты спас его шкуру.

– Возможно. Но я считаю, что можно пойти ему навстречу.

– Ты в своем ампула, Флетч. По-прежнему думаешь, что для тебя нет ничего невозможного.

– Нет. Я так не думаю. Многое мне уже не по плечу. Я просто хочу выяснить, что привело его в мой дом.

Кэрри вновь посмотрела в окно.

– Если мы собираемся кормить этих преступников завтраком, нам понадобятся яйца из курятника.

– Я их принесу! – Флетч вскочил. – Всегда готов повиноваться мисс Кэрри.

Глава 6

– Ага! Теперь мне все ясно, – воскликнул Крайгель, когда Флетч вошел в кабинет. Чисто вымытый, поблескивающий очками, закутанный в халат, он сидел в кресле. Под дужкой очков на переносице темнело родимое пятно. – Подойдите сюда!

Флетч остался у двери.

За спиной Крайгеля Джек переминался с ноги на ногу.

Крайгель встал, направился к Флетчу. Обеими руками потрогал его голову. Для этого ему пришлось встать на цыпочки. Обошел Флетча кругом, оглядел с ног до головы.

– Вы отец Джека?

– А вы кто, френолог? – Флетч хмуро глянул на Джека.

– У вас одинаковые фигуры! Одна кровь!

– Вы чокнутый? – спросил Флетч.

Крайгель повернулся к Джеку, шагнул к нему, потряс за плечи.

— Этот человек — твой отец! Почему ты не сказал мне? Он один из нас! Мы спасены!

— Восславим Господа, — пробормотал Флетч.

— Представь меня, — приказал Крайгель.

Джек вытянулся в струнку.

— Отец, это преподобный доктор Крис Крайгель! — на мгновение Джек приложил руку ко рту, похоже, сдерживая смех. — Доктор Крайгель, это мой отец, Ирвин Морис Флетчер!

— Очень рад нашему знакомству, — улыбнулся Флетчу доктор Крайгель.

Флетч видел, что Крайгель, играющий роль императора или иной царственной особы, с большим трудом преодолевал желание заснуть. Усталость буквально валила его с ног. Конечности Крайгеля двигались так, словно преодолевали сопротивление не воздуха, а воды. Верхние веки так и стремились соприкоснуться с нижними. Если он не говорил, то дышал через нос, ритмично, словно во сне.

Глаза Крайгеля раскрылись, когда в кабинет вошла Кэрри. Он ахнул и протянул к ней руки.

— Брунхильда!

— Брум Хильда*? — переспросила Кэрри, на ее загорелом, веснушчатом лице сверкнули широко посаженные синие глаза.

В свое время Кэрри довелось управляться с шестью братьями, наемными работниками, бывшим мужем, сыновьями, бесчисленными племянниками и крупными животными. Так что в доме, да и на ферме, не было человека, опаснее Кэрри. Флетчу хотелось, чтобы все это поняли.

Пренебрежительно глянув на преподобного доктора Криса Крайгеля (серенький толстячок в сером халате, с венчиком серых волос над ушами), стоящего спиной к стеклянной двери, она перевела взгляд на Джека.

Тот не отвел глаз.

— Джек! — воскликнул Крайгель. — Это твоя мать?

Джек шумно глотнул.

— Разумеется, нет.

Кэрри появилась на свет значительно позже Флетча, да еще и выглядела моложе своих лет.

Крайгель шагнул к Флетчу и Кэрри. Судя по всему, он намеревался взять их за руки, Флетч засунул руки в карманы. Кэрри повернулась к Крайгелю. Похоже, она собиралась дать ему в нос, если бы он посмел коснуться ее.

— Брунхильда и Зигфрид! — воскликнул Крайгель. — Это ли не прекрасно!

— Вы! — Кэрри ткнула Крайгеля пальцем и указала на диван. — Идите туда и ложитесь. Одна ваша половина поглупела от усталости. Вторая, похоже, просто глупая. И я не хочу больше слышать вашей глупой болтовни о Брум Хильде и этом, не помню, как там его. Понятно?

Крайгель плюхнулся на диван, положил руки на колени. Улыбаясь, закрыл глаза.

* Получилось, что Крайгель, перепутав имя (вместо Кэрри — Хильда), еще и обозвал ее шваброй (по англ. broom).

– Как он его назвал? – спросила Кэрри Флетча.

– Зигфрид.

– Никогда не слыхала.

– Спроси Вагнера.

– Кто такой Вагнер?

– Писал музыку.

– У него тут живут родственники?

– Возможно.

Вновь Кэрри пристально вгляделась в Джека. Так она обычно смотрела на жеребца, которого намеревалась оседлать.

– Дерьмо собачье. Он – твой сын, с этим все ясно. У него твоя фигура.

– Я... – начал Джек.

Теперь палец Кэрри едва не проткнул грудь Джека.

– А ты лучше помолчи, необъезженный пони. Если будешь попусту раскрывать рот, я лично возьму кнут и буду стегать тебя всю дорогу до того стойла в Кентукки, из которого ты сбежал. Поверь мне, я не шучу.

Джек склонил голову.

– Я верю, мадам.

Крайгель хохотнул, не открывая глаз.

– Прекрасно! Я их нашел!

Флетч улыбнулся.

– Ей действительно можно верить.

– Что за жизнь ты себе устроил? – продолжала Кэрри. – Стрелять в женщину, которая выполняет свои служебные обязанности? Ты же симпатичный парень. Хорошо играешь на гитаре. Да что на тебя нашло?

– Э... – Джеку, несомненно, еще не приходилось получать нагоняй от южанки.

– И что ты вообще здесь делаешь? Пока рос, не ударил пальцем о палец, чтобы связаться с отцом, а как попал в беду, ударив из тюрьмы, сразу объявился здесь, среди ночи, да еще притащил с собой это отребье. Чего тебе надобно, парень?

Взгляд Джека метнулся к Флетчу.

– Э...

Взмахом руки Кэрри заставила его замолчать.

– Я уже все слышала. Идите за яйцами, – она посмотрела на Крайгеля, спящего на диване. – Если этот мешок с дерьмом сдвинется с места, я разорву его на куски и разбросаю их по кукурузному полю.

– Она разбрасывает, – сказал Флетч Джеку. – Будь уверен.

– Яйца? – переспросил Джек, когда они вышли из дома. – А магазин далеко?

Флетч уже шагал к сараям. Пересекая дорогу, он услышал рев грузовика Эмери, спускающегося с холма. Тот вечно ездил с пробитым глушителем, возвещая о своем появлении шумом.

Джек пристроился рядом с Флетчем.

– Кто она?

– Кэрри.

– Вы женаты?

- Нет.

- Собираетесь пожениться?

- В наши дни жениться приходится на женщине и двух адвокатах. Где найти такую большую кровать?

- Она без колебания бросится туда, куда и дураки боятся сунуть нос, так?

- Если Кэрри что-то говорит, ее следует слушать.

Джек указал на коттедж на другой стороне лужайки.

- Там никто не живет. Я проверял прошлой ночью.

- Я все не возьму в толк, как тебе удалось найти этот дом? Вас преследовали. Дождь лил как из ведра. Ты уже тут бывал, не правда ли? Высматривал меня?

- Да.

- А за какое преступление попал в тюрьму твой Крис Крайгель?

- Приехав из Южной Африки, он поселился в отеле. Горничная, она принесла чистое постельное белье или что-то еще, вошла в номер в тот самый момент, когда он заканчивал душить девушку из какой-то фирмы эскорт-услуг. Его взяли с поличным. Можно сказать, прямо на девушке.

- И сколько он уже отсидел?

- Пять или шесть лет.

Они вошли в темноту сарая.

- А откуда взялся "преподобный доктор"?

- Насколько мне известно, он где-то защитил диссертацию.

- По какой науке?

- Наверное, история. А может, социология. Не знаю.

- Но с чего он стал "преподобным"?

- Думаю, этот титул он приобрел в тюрьме. Послал пять долларов по объявлению на последней странице какого-то журнала и получил соответствующий сертификат.

В одном из стойл Флетч взнуздal Хетклиффа, вывел его в проход.

- И какие у тебя с ним отношения?

- Я - его правая рука. Далеко ли до магазина? Вы поедете туда верхом?

- Я поеду на холм за двумя твоими попутчиками. Составишь мне компанию? Вон вторая лошадь.

Джек держался поближе к Флетчу, но подальше от Хетклиффа.

- Они такие большие.

- Я бы этого не сказал, - Флетч вскочил на лошадь. - Или хочешь пробежаться трусцой?

- Разве вам не нужно седло?

Флетч уже ехал к дальней двери.

- Открой, пожалуйста, ворота.

- Эй, - Джек побежал рядом с лошадью. - Вы всегда садитесь на лошадь в одних шортах?

- Да, - кивнул Флетч. - Совсем как коренные американцы.

Флетч подъехал к нижней части оврага. По его дну с шумом бежала вода.

В овраге, головой вниз, зацепившись за ржавую колючую проволоку, с левой ногой в старой ванне, лежало тело одного из сбе-

жавших преступников, невысокого роста, худощавого. Морено. Его широко раскрытые глаза смотрели в безоблачное небо. Шея сильно раздулась.

Флетч догадался, что сначала его укусила гремучая или мокасиновая змея, а потом он утонул.

Одним меньше, сказал себе Флетч.

С холма донесся громкий рев.

– О-о-ру-у-у!

Флетч посмотрел направо.

По склону на него неслась стосемидесятикилограммовая туша Лири. Промокший насквозь, с ног до головы вываленный в грязи, он бежал, низко опустив голову, и орал.

Флетч чуть развернул Хетклиффа.

Когда Лири приблизился, двинул лошадь прямо на него.

Лири свалился в овраг.

Флетч отвел лошадь от края на несколько шагов.

– О-о-ру-у-у! – донеслось из оврага.

Лири выкарабкался.

Вновь с криком бросился на Флетча.

Тем же маневром Флетч еще раз сбросил Лири в овраг.

Опять выбравшись из него, Лири на мгновение замер.

Сидя на лошади, Флетч наблюдал за ним с трех метров. И уже подумал, что Лири нашел более эффективный способ решить возникшие перед ним проблемы.

Но нет. Лири просто набирался сил для новой атаки.

– Оо-о-ру-у-у!

Столкновение с Хетклиффом закончилось с тем же результатом.

Теперь уж рев раздался из оврага.

– А-р-р-р-р-р-р-р-р-р!

Флетч осторожно подвел Хетклиффа к самому обрыву.

В овраге Лири приземлился прямо на тело Морено. И орал, пытаясь освободиться от уже начавшего раздуваться труп, цепляясь руками и ногами за проволоку, столбы, дырявую ванну. Поднявшись, он начал карабкаться вверх по глинистому склону.

Выбравшись из оврага, тяжело дыша, долго смотрел на наполовину ушедший под воду труп.

– Доброе утро, – поздоровался Флетч.

Маленькие, близко посаженные под нависающим лбом глазки Лири впились во Флетча.

– Вы проголодались?

Держась руками за живот, Лири заковыляла к ферме. Флетч, верхом на Хетклиффе, двинулся следом.

Глава 7

– К завтраку мы ждем только троих, – предупредил Флетч Кэрри, входя на кухню.

– А что случилось с четвертым?

– О нем позаботились змеи.

Кэрри даже не повернулась к нему, занятая готовкой.

– Дьявол отличает своих любимчиков.

— Ветчина? — спросил Флетч. — Ты хочешь кормить их домашней ветчиной?

— Совершенно верно.

— День будет жарким.

— Вот и хорошо. У них будет такая жажда, что они и думать ни о чем не смогут, кроме как о холодной, чистой воде. Им даже плюнуть будет нечем.

— Только меня ветчиной не корми.

— А что приготовить тебе?

— Одному Богу известно. — Флетч начал разбивать яйца над большой миской.

Джек изумленно посмотрел на Флетча, когда тот появился из курятника с одиннадцатью яйцами.

— Однако! У вас свои яйца! Они же грязные!

— А ты думал, их высиживают уже смешанными с маслом и молоком?

Около них, по подъездной дорожке, ведущей к курятнику, схватившись руками за живот, выписывал маленькие круги Лири. Измочаленный, весь в синяках, испуганный, едва не утонувший, потрепанный лошадей, пообщавшийся с трупом, он едва стоял на ногах.

Флетч полагал, что в таком состоянии он ни для кого не представлял угрозы.

Эмери, их наемный работник, остановил свой грузовичок у одного из сараев. Он кормил лошадей и несушек.

Когда Флетч вышел из курятника, Эмери стоял чуть в стороне. Взгляд его перемещался от Джека и Лири и обратно.

Едва скрипнула дверь курятника, он повернулся к Флетчу.

— Познакомься с Джеком Флетчером, Эмери.

— Джеком Флетчером?

Эмери редко чему удивлялся. За годы работы у Флетча ему довелось видеть многих знаменитостей, певцов, писателей, политиков, африканских и афро-американских лидеров, гостивших на ферме. Когда соседи спрашивали Эмери, кто сейчас гостит на ферме, тот всегда отвечал одинаково: "Я никого не заметил". Флетч знал, что Эмери не спросит, кем ему доводится Джек: сыном, племянником, кузеном или однофамильцем.

Эмери и Джек обменялись рукопожатием. Затем Эмери вновь бросил взгляд на Лири.

— Кто это? Он будет здесь работать?

— Нет. Послушай, Эмери, вот о чем я тебя попрошу. Сооруди в кузове грузовика клетку из стальных решеток. Высотой в девять футов. Брось туда пару охапок сена. Затем загони туда бычка, того паршивца, что научился перелезть через проволочные ограждения. Подгони грузовик к дому и поставь в теньке.

Эмери уже направился к навесу, под которым стоял грузовик.

— Вы слышали утренние новости? — обратился он, похоже, к своим сапогам.

— Нет. Что-нибудь интересное?

Эмери развернулся и зашагал к Флетчу.

– Из тюрьмы сбежали преступники. Десять или двенадцать человек. Откуда-то из Миссури. Говорят, они появились в нашем округе.

– О, конечно. Пресса любит подкидывать подобные известия. Аккурат для того, чтобы напугать лошадей. Между прочим, Эмери, бычка отвезет Кэрри, а я с Джеком поеду в университет Северной Алабамы. Говорю тебе на случай, если нас будут спрашивать.

– Не волнуйтесь, – Эмери вновь пошел к навесу. – Я захватил с собой ружье.

Грузовик с Эмери за рулем проехал мимо Флетча, Джека и Лири, когда те шагали к дому.

– Наш третий гость пока на улице, – сказал Флетч Кэрри. – Его фамилия Лири. Я попросил Джека помыть его под шлангом.

Кэрри выглянула в окно.

– Громила. Урод.

– Еще и глупец, – добавил Флетч.

Тихим голосом, не отрываясь от готовки, Флетч изложил свой план касательно грузовика, бычка, Лири, Кэрри, легковушки, Джека, Крайгеля, себя. Кэрри не только одобрила, но и похвалила план, уточнив некоторые детали.

Выйдя из двери черного хода, Флетч бросил на землю большой мешок для мусора. Указал на него Джеку.

– Засунь туда всю тюремную одежду и башмаки.

– А что делать с мешком?

– Пока еще не решил. Сюда приедут копы. Чтобы забрать тело Морено.

Джек вскинул голову.

– Только Морено?

– Остальных к тому времени здесь не будет. Между прочим, а куда вы направлялись?

– На юг. В Толливер, штат Алабама. Там лагерь. В лесах. Вы знаете, где находится Толливер?

– Да. Вас ждут?

– Крайгеля ждут.

– Что это за лагерь? Бойскаутов?

– Клана. – Джек всматривался в лицо Флетча.

– Клана? А что это такое?

– Если вы не знаете, то у вас есть возможность выяснить, что это такое. Я бы хотел, чтобы вы все увидели собственными глазами.

– Я и так знаю – безупречные надежные парни.

– Разумеется. С которыми можно пойти на охоту.

– Если ты правая рука Крайгеля, то кто у нас Лири?

– Телохранитель.

– Телохранитель Крайгеля?

– Да.

– Кого же он похитил?

– Девушку-подростка. Он думал, что она согласилась убежать с ним.

– Она придерживалась противоположного мнения?

– Да. И он перевез ее в другой штат.

– Изнасиловал?

– По-моему, он думал, что они занимаются любовью. Продержал ее три недели в школьном автобусе. Когда, наконец, понял, что она его не любит, отвез девушку в билиардную и попытался продать.

– Его оскорбили в лучших чувствах. А Морено? Какова его роль в планах Крайгеля?

– Деньги. У него осталась заначка. Во Флориде.

– Выручка от продажи наркотиков?

– Да.

– Вы намеревались ограбить его?

– Ограбить? Он нам задолжал. – Джек улыбнулся. – А вот потом мы собирались ограбить его. Узнав, где он прячет денежки.

– Ты, вижу, умеешь не только играть на гитаре. – Обходя лужи, Флетч направился к коптильне и добавил: – Иди в дом. Попроси Кэрри найти одежду для твоих попутчиков. Белую рубашку и брюки для Крайгеля, возможно, и галстук. Рабочую куртку и штаны или комбинезон для Лири. Я не хочу давать Лири рубашку.

Джек искоса взглянул на перепачканную грудь Лири.

– Действительно, зачем ему рубашка.

– Извините, но вследствие подземных толчков в Калифорнии мы не можем соединиться с указанным вами абонентом. Позвоните, пожалуйста, чуть позже.

– Однако! – Флетч сидел в коптильне, закрыв дверь на задвижку, и смотрел на спутниковый телефон. – Похоже, они привыкли к тому, что Калифорнию трясет, раз ввели в память компьютера такую запись. Сослаться на подземные толчки! Какое хладнокровие!

Набирая номер Олстона Чамберса, Флетч испытывал угрызения совести, ибо его звонок разбудил бы не только Олстона, но и всю его семью. Он, однако, умасливал свою совесть рассуждениями о сложившейся на ферме ситуации: мало ему сына, сына Кристал, так еще у него на руках оказались убийца, насильник-похититель и труп в овраге. Он не только помогал беглецам, но, судя по всему, ему предстояла дальняя дорога неизвестно куда. Да еще Кэрри с радостью согласилась помочь в реализации его плана, рискованность которого во многом определялась достоверностью информации, которую он и хотел получить. Из монолога автоответчика Флетч уяснил, что Олстон и его семья уж во всяком случае не спят. Или погребены под обломками дома, или сидят рядом с ним на лужайке.

Флетч набирал домашний номер Энди Систа в Виргинии, а перед его мысленным взором проплывала Калифорния, образы друзей, которых он помнил и любил.

Энди взял трубку после первого гудка.

– Слушаю.

– Энди, что с Калифорнией?

– Подземные толчки. То ли нарастающие, то ли затухающие.

Эти сейсмологи говорят на каком-то непонятном мне жаргоне.

– Разрушения большие?

– Вышли из строя многие коммуникационные системы. Поэтому мы ничего не знаем. Толчки начались час тому назад. А где вы находитесь?

- На ферме. И звоню я не из-за Калифорнии.
- Это хорошо. - Голос у Энди был грустный. Совсем не такой, как обычно. - Задайте вопрос, на который я могу ответить.
- Энди, ты, похоже, не в себе.
- У меня все хорошо.
- С чего ты такой раздражительный?
- У меня полный порядок.
- Энди, мне нужна помощь. Прежде всего надо найти одну женщину. Зовут ее Кристал Фаони, - он продиктовал имя и фамилию по буквам. - Когда-то она работала в газетах, насколько я знаю, замуж не выходила. Вроде бы у нее есть сын, по имени Джон, которого она воспитывала сама. Мне сказали, что сейчас ей принадлежат пять радиостанций в Индиане. Кажется, у нее дом в Блумингтоне. В данный момент она пребывает в санатории, худеет, оборвав все контакты с окружающим миром. Где - не знаю.
- Эф-а-о-эн-и?
- Да.
- Необычная фамилия. Негаснущий огонь давней любви?
- Скорее, искорка.
- Зачем вам понадобился я? Вы можете узнать все, что вас интересует...
- Потому что в данный момент я не располагаю возможностью звонить куда-то еще, - оборвал его Флетч. Его не смущала мысль о том, что Энди подумает: "Старина Флетч совсем обленился". - Я хотел бы увидеться или хотя бы поговорить с Фаони в ближайшие дни. Выясни, где она находится. Какие у нее планы. Действительно ли она ни с кем не желает общаться? Разумеется, когда найдешь ее.
- Хорошо.
- Далее, несколько преступников вчера сбежали из федеральной тюрьмы в Томастоне, штат Кентукки.
- Да. Двое.
- Двое?
- Я пытаюсь вспомнить прошедший у нас сюжет. Разумеется, "Глоубел кейбл ньюс" подробно информировала о случившемся своих зрителей.
- Энди, ты знаешь, что у меня на ферме нет кабельного телевидения.
- Знаю. Вы готовите какой-то материал, мистер Флетчер? Я хочу сказать, для Ге-ка-эн?
- Возможно.
- Нужны вам операторы?
- Нет. Еще нет. При побеге никто не пострадал?
- М-м-м. Вроде бы нет. Хотите, чтобы я порылся в памяти моего компьютера?
- Нет. Сейчас у меня нет на это времени. Надо позвонить еще в одно место.
- Извините, что не обратил особого внимания на это происшествие. Прошлым вечером мы... э... ездили в Вашингтон на концерт.
- То есть вернулись поздно.
- Знаете, что показалось мне странным?
- Расскажи. - Флетч глянул на часы.

— В первом отделении играл большой оркестр, вы понимаете, как в сороковых годах. А во втором — рок-группа, как в шестидесятых.

— Эклектика.

— У меня все перепуталось. До головной боли.

— Тебе надо идти в ногу с жизнью, дружище.

— Что-нибудь еще? Мне пора на работу.

— Что такое "Клан"?

— Какой?

— Полагаю, это логичный вопрос.

— Мистер Флетчер, я же говорил вам, что вчера вечером мои уши подверглись шумовой атаке, от которой я еще не отошел.

— Я знаю, Энди. В виргинской глубинке ты ведешь спокойную, размеренную жизнь.

— Это действительно вопрос? Я должен что-то выяснить о каком-то клане?

— Точно я пока сказать не могу. Но мой вопрос не вызвал у тебя никаких ассоциаций?

— Может ли человек заболеть от шума? На ужин мы ели мясо, фаршированное орехами, с жареным рисом в тайландском ресторане. Не от еды же я так плохо себя чувствую, не правда ли?

— Кто знает. Орешки на всех действуют по-разному. Я позвоню тебе на работу. Не пытайся связаться со мной.

— Привет, Этна. Если вас не затруднит, соедините меня с шерифом.

— Доброе утро, мистер Флетчер. На ферме все в порядке? Вы пережили этот ужасный ливень?

— Все в полном ажуре, Этна. Мы бодры, как боксер после десятого раунда.

— А шериф выглядит сегодня уставшим, мистер Флетчер.

— Неудивительно.

— Послушайте, мистер Флетчер, раз уж вы позвонили, передайте, пожалуйста, Кэрри, что у Энджи Келли есть рецепт орехового пирога, который хотела испечь Кэрри.

— Передам. Энджи Келли. Ореховый пирог.

— Кто это говорит об ореховом пироге по моему телефону?

Флетч узнал суровый голос шерифа. В это утро шериф был, похоже, суровее, чем обычно.

— Мистер Флетчер хочет поговорить с вами, шериф.

— Я искренне сомневаюсь, что мистера Флетчера интересует рецепт орехового пирога.

— Я даже не знал, что Кэрри хотела его испечь. Послушайте, шериф, я могу предложить вам двоих.

— О чем вы?

— О преступниках. Сбежавших преступниках.

— Где они?

— Один мертв. Мы нашли его в овраге, что тянется за моими сараями. Думаю, его ужалила змея, а потом он утонул.

— Опишите его.

— Похоже, испаноязычный американец.

— Можно считать, что мы его арестовали, не так ли?

- Полностью с вами согласен.
- Опишите второго.
- Крепкого телосложения. Белый. Не слишком умен.
- Понятно. Постарайтесь задержать его. Мы его арестуем.
- Пожалуйста, не надо.
- Не надо?
- Кэрри отвезет его на перекресток Уорти-Роуд и Олд-Каунти-Пайк. Он будет в кузове грузовичка. Она сделает вид, будто в грузовике кончился бензин, и как только остановится на перекрестке, можете брать его.
- Почему мы просто не можем приехать и пристрелить его на вашей ферме?
- Я бы этого не хотел.
- О, извините, мистер Флетчер. Ваша жена. Принцесса... Вы не хотите, чтобы полиция нарушила покой вашей фермы. Происшествие может привлечь туристов, не так ли? Пресса вспомнит об убийстве вашей жены. Причина в этом?
- В определенном смысле. - Флетч не счел нужным открывать шерифу истинную причину. - Если мы все сделаем по-моему, сопротивления он не окажет. С наших слов он поймет, что Кэрри помогает ему бежать. Мужчина он крупный. Но, когда грузовик остановится, будет клевать носом. Так что вы без труда наденете на него наручники.
- Конечно. - Флетчу показалось, что у шерифа заплетается язык. - Мы пристрелим его там, где вы скажете.
- Кэрри незачем видеть, как стреляют в человека, будь то ферма или дорожный перекресток.
- Ладно, я все понял. Мы должны оберегать наших дам. И их огородики. Выйдем из леса и осторожноенько вынем его из кузова, словно горшок с петуньей. Повторите еще раз, где нам ее ждать?
- На пересечении Уорти-Роуд и Олд-Каунти-Пайк. Она будет там ровно в девять.
- Ясно. Ровно в девять.
- Флетч не ожидал, что ему удастся столь быстро уговорить шерифа не приезжать на ферму.
- Пересечение Уорти-Роуд и Олд-Каунти-Пайк, - повторил Флетч.
- Я понял. Мы там будем. В кроссовках.
- Между прочим, шериф, могу я попросить вас об одной услуге?
- Просите о чем угодно.
- Этим утром я повезу моего сына и его профессора в университет Северной Алабамы. На моей машине. Им обязательно надо быть там к одиннадцати. Вы можете сказать вашим парням и дорожной полиции, чтобы нас пропускали беспрепятственно?
- Конечно. Я даже помню номерные знаки вашей машины. Немедленно свяжусь по радио со всеми кордонами. Вы же так помогли нам - задержали двоих преступников. Мы были на ногах всю ночь.
- В машине нас будет трое. А Кэрри встретится с вами на пересечении Уорти-Роуд и Олд-Каунти-Пайк ровно в девять.
- Великолепно! - воскликнул шериф. - Значит, остался только один!

И шериф бросил трубку, прежде чем Флетч успел уточнить, чем руководствовался шериф в своих арифметических расчетах.

Глава 8

— Вас зовут Кэрри? — спросил Джек.

Кэрри мыла сковородку в раковине и не слышала, как он вошел на кухню. Когда она выпрямилась и повернулась к нему, ее загорелые щеки рдели румянцем.

— Брум Хильда, — ответила Кэрри. — Я ведьма.

Джек бросил две бумажные тарелки и пластмассовые нож и вилку в мусорное ведро.

— Так вас называл Крайгель.

— То есть ты другого мнения?

— Другого.

— Он жирный. Уродливый. И еще грубый.

— А я... — Джек так и остался у двери на кухню. — Какой?

— Ты? Это известно только Богу и тебе. Но я подозреваю, что ты еще не пришел к определенному выводу.

— Не пришел? — Джек, похоже, задал этот вопрос себе. — Возможно. Но мне не хотелось бы так думать. Скорее всего, я не такой, каким вы меня себе представляете.

— Не сын Флетча?

— Сын. Вы сами сказали, что мы похожи. У нас одинаковые фигуры. Так ведь?

— Ты действительно совсем как он. Стоишь вот сейчас в пятнадцати футах, чуть склонив голову, смотришь на меня с добродушной усмешкой, опустив руки, такой аккуратненький, чистенький. Точно как Флетч, когда мы впервые познакомились. И миллион раз после этого. Ты хотел подойти ко мне?

— Нет, мадам. Разумеется, нет.

— Когда ты хочешь, ты говоришь совсем как южанин. Я пыталась научить Флетча, но у него ничего не получается.

— Вы, должно быть, любите его.

— Потому что учу образу жизни южан?

— Потому что терпите наше присутствие, — он улыбнулся. — Потому что еще не перестреляли нас. Правда, я давно не видел Крайгеля.

— Он спит неправедным сном. Тебя не удивляет, что мы стараемся вам помочь?

— Нет. Я этого ожидал. Флетч известен своим чрезмерным любопытством.

— Да уж, любит докапываться до сути. Мы вас не боимся, знаешь ли.

— Это ясно и без слов.

— А должны?

— Меня — нет, — Джек выглянул в окно. Лири спал на траве. — А остальные, как я понял, этим утром не в форме, совсем слабые. Или мертвые. Они провели ночь в овраге, сражаясь со змеями, потоками воды и еще Бог знает с чем.

Разделенные кухней, Джек и Кэрри улыбались друг другу.

— Что поражает меня, так это ваши манеры. Вас обоих.

– Не поняла.

– Почему никто из вас просто не подошел ко мне и не сказал: "Привет. Как дела?"

– Разве ты не появился здесь темной ночью, под страшным ливнем и не привел с собой троих головорезов?

– И все-таки...

– Что-то я не слышала, как ты постучал в дверь, вошел, широко улыбаясь, и сказал: "Привет, папа. Я твой сын, Джек. Как поживаешь?". Или у меня что-то со слухом?

– Да вроде бы со слухом у вас все в порядке.

– Кроме того, – продолжала Кэрри, – Флетч не любит задавать вопросы. Он говорит, что, задавая вопрос, можно получить ответ, но невозможно узнать правду. А вот чтобы узнать правду, надобно ждать, наблюдать и слушать.

– О, да. Я слышал о его методах.

– От своей матери?

– Да. И от других.

– Твоя мать любила Флетча?

– Да.

– И сейчас любит?

– Да. И меня тоже.

– А как она восприняла приговор суда, отправивший тебя в тюрьму? Держу пари, она гордится тобой.

Джек отвел глаза.

– Держу пари, что да.

– Понятно, – Кэрри вздохнула. – Что же касается мистера Флетчера, то он, я в этом нисколько не сомневаюсь, скоро со всем разберется. В том числе и с твоими мотивами.

– Почему вы не спрашиваете, как я воспринимаю происходящее?

– Происходящее с вами или вокруг вас?

Джек сложил руки на груди.

– И первое, и второе.

– О, да. Флетч называет нынешнюю молодежь осязательным поколением. Неважно, что вы знаете, главное, что вы чувствуете, ощущаете. И вот что я тебе скажу, парень. Ваши чувства важны, кто с этим спорит, но ни у кого нет на них времени, потому что никакой жизни не хватит на то, чтобы разбираться со своими чувствами.

Джек уставился на нее.

– Что же остается, подавлять чувства?

– Нет, разумеется, нет. Взять хотя бы тот выстрел в женщину-полицейского. Ты выстрелил, потому что у тебя возникло такое желание. А вот представь себе, что ты попал на телевизионное ток-шоу, где ты можешь поговорить о том, что чувствуешь. Пятнадцать минут люди будут тебя жалеть, но в итоге ты все равно попадешь в тюрьму, – она помолчала, а потом добавила: – Так как ты воспринимаешь происходящее?

– Странно все это. Я только что впервые увидел отца. Только что увидел вас. Дом, в котором вы живете, – он махнул рукой в сторону сараев. – У вас есть лошади, которые могут неслышно подойти сзади и укусить за ухо. В кухне у вас чертовы картины!

– Не смей ругаться при мне! – воскликнула Кэрри.

– Ругаться! Во время ливня он загнал моих, как он выражается, “попутчиков” в овраг, по которому несся бурный поток. Он убил одного, а остальных довел до такого состояния, что они валяются на землю, стоит прикоснуться к ним пальцем. Мой отец!

– Испугался? – спросила Кэрри.

Джек глубоко вздохнул.

– Я знаю, о чем я думал, когда шел сюда.

– Так вот, я не знаю, о чем ты думал, но уже сыта по горло и тобой, и твоими чувствами. У нас много дел.

– Да. Надо найти одежду.

– В кладовке лежит огромный комбинезон, оставшийся от наемного работника, которого в нашем округе никто не мог прокормить. Его спровадили в Канзас. Может, он подойдет тому чудовищу, что спит сейчас на траве и кормит комаров и мух со всей округи?

Джек посмотрел в окно.

– Никого он не кормит.

– Кормит, кормит.

– Флетч что-то говорил насчет костюма для Крайгеля. Рубашка. Галстук.

– Этим я займусь сама. После того, как разбуду Крайгеля. Мне не терпится накормить его завтраком. Тебе понравилась домашняя ветчина, которую ты съел на завтрак?

– Соленоватая.

– Хочешь еще?

– Сейчас нет, благодарю.

– Ладно. Если почувствуешь, что хочешь сала, скажи мне.

Глава 9

– Клянусь Господом, мисс Кэрри, – воскликнул Флетч, входя в столовую, где завтракал преподобный доктор Крис Крайгель, – никогда еще мы не принимали наших гостей с таким почетом!

В белой рубашке, пурпурном галстуке, темных брюках, Крайгель сидел во главе длинного полированного обеденного стола. Фарфоровая посуда, серебряные ложки, ножи, вилки. И Джек, стоявший навытяжку чуть в стороне.

– Еще ветчины? – спросила Кэрри толстячка.

– Да, пожалуйста. – Светло-синие глаза сошлись к родимому пятну на переносице. – Очень нежная.

Кэрри наложила ему полную тарелку ветчины.

– Все триста пятьдесят фунтов белой плоти, которая зовется Лири, спят мертвым сном на траве, – продолжал Флетч. – Между прочим, забыла сказать. Эни просила передать, что интересующий тебя рецепт орехового пирога есть у Энджи Келли.

У Кэрри чуть дернулись губы. Сказанное означало, что Флетч обо всем договорился с шерифом.

Джек переводил взгляд с Флетча на Кэрри. Он понял, что сообщена какая-то важная информация, но спрашивать ни о чем не стал.

Крайгель откашлялся.

– В данный момент у меня есть миссия, которую я должен выполнить.

– В чем же заключается ваша миссия? – полюбопытствовала Флетч.

– Попасть к людям, которые меня ждут. – Крайгель с трудом поднялся.

– Еще ветчины? – спросила Кэрри.

– Нет, благодарю.

– Мы уже все продумали. – Флетч вытащил из кармана потрепанную карту, разложил ее на столе. – Нам придется вас разделить. Все дороги перекрыты, полиция ищет троих. Четверых. Я прикинусь, что везу своего сына и вас, его профессора, в университет Северной Алабамы. Мы въедем по этой дороге в Алабаму, видите, а вот здесь свернем на восток, к Толливеру.

Кэрри внимательно следила за пальцем Флетча,двигающимся по карте.

У Крайгеля же то и дело закрывались глаза.

– А как же мой телохранитель? – спросил он. – Как же мистер Лири?

– В этом-то и прелесть нашего плана. Мистер Лири поедет в кузове грузовичка. За руль сядет мисс Кэрри. Она вроде бы повезет бычка. А мистер Лири составит ему компанию. Это же обычное дело: работник едет вместе с животными. Дороги она знает прекрасно и присоединится к нам в Толливере. То есть вы все доберетесь до цели назначения, но разными путями.

Крайгель посмотрел на ладную фигурку Кэрри.

– Понятно. Но он же мой телохранитель.

– Да перестаньте, – отмахнулся Флетч. – Я и Джек будем с вами. Чего вам бояться? Вы же знаете, что Джек мастерски владеет приемами каратэ. А я? Мне еще не доводилось встретить человека или животное, которые могли бы меня испугать.

– Вы будете вооружены? – спросил Крайгель.

– Разумеется, нет, – ответил Флетч. – Самое худшее для нас – иметь при себе оружие. – Он уже засунул пистолет тридцать второго калибра, который нашел на диване, и телефон спутниковой связи под водительское сиденье. Заряженный пистолет тридцать восьмого калибра положил под водительское сиденье грузовичка. – Мы же поедем через полицейские кордоны. Если копы найдут оружие, они наверняка задержат нас. И вы еще до ленча вернетесь в Томастон. Не стоило бежать из тюрьмы только ради того, чтобы пообщаться со змеями в овраге.

Крайгель хотел бы при стычке с властями иметь оружие под рукой.

Флетч хотел иметь оружие при стычке с Крайгелем и Лири. Кроме того, Флетча интересовало, как поведет себя в кризисной ситуации Джек Фаони.

– Я хочу, чтобы мой телохранитель оставался со мной, – пробурчал Крайгель.

– Что? – переспросил Флетч. – Получается, что вы не доверяете Джеку?

– Я этого не говорил. Но телохранитель мне необходим.

– Вы не уловили изюминки плана.

– Какой еще изюминки? – Крайгель потер подбородок.

– Изюминка плана – Лири.

- Лири - изюминка?

- О, да, - кивнул Флетч. - Приманка.

- Приманка! - воскликнул Крайгель.

- Если копы сумеют поймать его здесь, - Флетч провел пальцем по маршруту Кэрри, - мы тем более выберемся из Теннесси без помех, - и он показал другой маршрут, по которому намеревался везти Крайгеля и Джека.

- Понятно. - Крайгель озабоченно огляделся. Перешел на шепот. - Он не может нас услышать?

- Он спит. - Флетч понял, что ради собственной свободы Крайгель уже готов пожертвовать Лири.

- Полагаю, с этим все ясно, - подвел черту Крайгель.

- Разделяй и властвуй, так, кажется, говаривал Юлий Цезарь.

- Он сказал: "Все дороги ведут в Рим".

- И это тоже. Известный говорун, этот Цезарь. Вижу, вы знакомы с его военными деяниями.

- О, да, - кивнул Крайгель.

Флетч сложил карту.

- Тогда в путь. Ваши сторонники заждались вас.

- Залезай в кузов, - распорядился Флетч.

- Как? - спросил Лири.

Стоя на подъездной дорожке, в резиновых сапогах Флетча и комбинезоне, надетом на голое тело, он смотрел на металлическую решетку, опоясывающую кузов.

- Да, конечно. С такой массой через решетку тебе не перелезть.

- А это еще что? - Лири указал на бычка весом в четыреста пятьдесят фунтов, мирно стоящего в кузове.

- Молодая корова, - ответил Флетч.

- А почему я не могу ехать в кабине с женщиной? - спросил Лири.

- Потому что тебе придется держать молодую корову. Ты же не хочешь, чтобы она расшиблась, не правда ли?

- Нет.

- Я так и думал. Между прочим, в кузове есть сено. По пути можешь покормить ее.

Крайгель вышел из дома, прошествовал к легковушке и плюхнулся на заднее сиденье. Джек молча стоял у грузовичка.

Флетч шагнул к Лири.

- Ты же не боишься? Не боишься маленькой коровы?

- Разумеется, нет! - фыркнул Лири.

Кэрри высунулась из кабины грузовичка.

- Пора ехать.

- Эй, Джек, - Флетч схватился за секцию решетки, заменяющей задний борт. - Помоги мне поднять ее.

Они подняли секцию достаточно высоко, чтобы Лири мог пролезть между ней и полом кузова.

- Быстрее! - крикнул Флетч. - Не можем же мы держать ее на руках весь день. Забирайся в кузов, или я запру тебя в курятнике.

Бычок, увидев щель между решеткой и полом, попытался выбраться из клетки.

Лири как раз залезал в кузов, а потому они стукнулись головами. Ни один не выразил неудовольствия, не закричал от боли. Флетч и Джек установили решетку на место, закрепили ее. Кэрри широко улыбнулась Флетчу и завела двигатель. — А теперь держи маленькую корову, — крикнул Флетч Лири. Лири встал, широко расставив ноги, и ухватил бычка за хвост.

Глава 10

— Хочется пить.

— Правда? — удивился Флетч. — С чего бы это? Жары-то еще нет. Они ехали с опущенными стеклами. Кондиционера в салоне не было.

Сидя рядом с Флетчем, Джек внимательно изучал его лицо.

— Интересно, как там дела у Кэрри и Лири.

Часы на приборном щитке показывали четверть десятого. Если все прошло, как задумывалось, Лири, закованного в наручники, уже везли в патрульной машине в тюрьму. А бычок вновь мирно щипал травку на пастбище, не понимая, с чего это утро началось для него с путешествия в кузове грузовика.

Если все вышло, как задумывалось.

Миновав поворот, они увидели десяток автомобилей, выстроившихся перед полицейским кордоном. Машины ждали досмотра. Флетч вырулил в левый ряд, медленно поехал вперед.

— Что вы делаете? — спросил Джек.

— Не хочу ждать досмотра. Надеюсь, мои соседи не обидятся. Не объяснять же им, что преступники, которых разыскивает полиция, сидят в моем автомобиле.

— Вы хотите сдать нас?

Высунув руку из окна, Флетч помахал Майклу Джексону.

Майкл помахал рукой в ответ, крикнул: "Эй, подождите!"

Флетч нажал на педаль тормоза. Выругал себя за то, что не бросил в багажник ни одного чемодана. Затем вспомнил, что оставил мешок для мусора с арестантскими одеждой и ботинками у двери черного хода, и выругал себя еще раз.

Майкл наклонился к окну со стороны Джека.

— Привет, Джек. Приедешь домой на следующий уик-энд?

— Возможно. Точно не знаю.

— В субботу у меня выходной, и мы решили устроить пикник на реке. Не хочешь составить компанию?

— Звучит заманчиво.

— Будут и девушки.

— Лучше не придумайшь.

— Захвати гитару.

— Обязательно.

— Я звякну твоему отцу. — Майкл посмотрел на заднее сиденье. — А это кто?

— Это учитель Джека. Профессор Джошуа Блэк. Мы захватили его по пути.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался Майкл.

— Очень хочется пить, — прокричал Крайгель.

— Как самочувствие, Майкл? — спросил Флетч.

Помощник шерифа провел пальцем между шеей и воротником.

— Мокрый, как мышь. Спасибо за кофе, мистер Флетчер. Сэмми и Бобби катаются сейчас на вашем джипе. Неподалеку от фермы.

— Машина цела?

— Один раз едва не перевернулась, а в остальном полный порядок. Джип — это не легковушка, — Майкл хлопнул по крыше рукой, словно по крупу лошади. — Не смею вас задерживать. Увидимся в субботу, Джек.

Пока Флетч маневрировал между барьерами, Джек, повернувшись, махал Майклу рукой. Затем посмотрел на Флетча.

— Хорошо, что он нас не задержал.

— Да уж, — согласился Флетч.

Крайгель откашлялся.

— Я же сказал, мне очень хочется пить.

— О-хо-хо, — вздохнул Флетч.

— Кто тут профессор Джошуа Блэк?

Флетч и Джек промолчали.

— Что значит "Джошуа Блэк"? — не унимался Крайгель.

Флетч вновь промолчал, а Джек ответил:

— Это слова одной американской песни.

— И как называется эта песня?

— Старина черный Джек.

— Старина черный Джек? — взвился Крайгель. — Вы назвали меня старым черным Джеком? Это что, шутка?

— Что-то я должен был ему сказать, не так ли? — спросил Флетч. — Или мне следовало представить вас как Санта-Клауса?

226 Джек на гитаре наигрывал мелодию песни "Старина черный Джо".

Выехав на центральную площадь Толливера, штат Алабама, Флетч свернул к тротуару, затормозил.

Грузовичок, за рулем которого сидела Кэрри, остановился неподалеку.

Лири сидел в клетке вместе с бычком.

Флетч вылез из кабины, направился к Кэрри.

— Какого черта? — спросил он.

— Флетч, — Кэрри высунулась из окна. — Тебе доводилось слышать такое выражение: "Я не могла добиться, чтобы меня арестовали"?

— Что случилось? Что ты тут делаешь?

— Я приехала на перекресток ровно в девять, минута в минуту. Нажала одновременно на педали газа и тормоз, грузовик резко дернуло, из чего следовало, что возникли неполадки с двигателем. Этот громила хотел вылезти из кузова по крыше кабины, чтобы помочь мне. Слава Богу, бычок бодал его сзади, не давая найти точку опоры. Мне пришлось захлопнуть капот и ехать дальше.

— Ты не наткнулась на дорожный кордон?

— Я вообще не встретилась с полицией. За всю дорогу не видела ни единого копа. Я превышала скорость. Проезжала, не останавливаясь, знаки "Стоп". Говорю тебе, делала все, чтобы меня задержали. Неужели полицейские обоих штатов отправились на рыбалку?

— Если они так ловят правонарушителей, то наверняка вернутся без рыбы.

– Я решила, что лучше всего ехать сюда. Объехала площадь четыре раза. В Толливере нет даже дорожной полиции! Никто не патрулирует переход у школы!

– Боже мой, извини меня. Я не хотел подвергать тебя такому риску.

– Я-то в полном порядке, – ответила Кэрри. – Не то, что он, – она указала на кузов.

Флетч обошел грузовичок сзади.

– Привет, Лири. Как доехал?

Лири являл собой жалкое зрелище. Бычок вышиб ему два передних зуба. Глаза Лири запылали от синяков. На лице краснели ссадины. Рваная рана на предплечье сочилась кровью. Навоз покрывал его с ног до головы. Оставшиеся чистыми участки кожи цветом напоминали солнце. Покусали Лири и оводы.

– Хочется пить, – пробурчал Лири, едва шевеля раздувшимися губами.

Сострадания к нему Флетч не испытывал. Вздохнув, он повернулся к Кэрри:

– Ты делала все, как мы договорились? Приезжала на перекресток? Я хочу сказать, ты здесь не потому, что волновалась обо мне?

– Нет, конечно, – улыбнулась она.

– Не понимаю, что случилось с шерифом.

– Тщательно подготовленные планы часто не приводят к нужному результату.

– Да. Но я не уверен, что мы сможем постоять за себя. Привезти женщину, тебя, в лагерь психопатов... Когда мы приедем туда, следи за тем, что говоришь, хорошо?

– Я буду вести себя тихо, как церковная мышка.

– Что бы ты ни сказала, этих дураков не изменишь.

– По каждому из них плачет пуля.

– Вот этого нам не надо.

Кэрри поджала губы.

– Если они не начнут первыми, я их не трону.

Подойдя к автомобилю, Флетч открыл дверцу со стороны Джека.

– Садись за руль. Меня не примут в вашу компанию.

Джек перебрался на сиденье водителя, наблюдая в зеркале заднего обзора за пристроившимся им в хвост грузовичком.

Глава 11

– Добро пожаловать в Шервудский лес, – улыбнулся Флетч Кэрри.

– Лес лесом, а где будет шериф Ноттингемский, когда понадобится тебе?

Странные личности толпились вокруг. По большей части в камуфляжных брюках и рубашках. Многие с широкими поясами, на которых висели охотничьи ножи и пистолеты. Были среди них здоровяки, толстяки, коротышки, с наголо выбритыми головами, со шрамами или следами оспы на лице, с выбитыми зубами, сломанными носами, один даже без уха, кое у кого лихорадочно блестели глаза.

— Это они-то супермены? — спросила Кэрри.

— Закрой рот, женщина, — ответил Флетч.

— Такое ощущение, что их только что оттерли от пола харчевни. Мужчины стягивались к задней двери легковушки.

Крайгель подождал, пока Джек распахнет дверцу, вылез с заднего сиденья с той же помпезностью, с которой императрица Екатерина выходила из своей золоченой кареты, и вскинул руки.

— Я пришел!

— Да уж, — хмыкнула Кэрри.

Стоящие вокруг Крайгеля мужчины отсалютовали ему поднятой правой рукой. Один, правда, сделал то же самое левой.

Трое мужчин стояли у опушки леса с автоматическими карабинами в руках.

— лейтенант Фаони, — представился им Джек, рубя слова. — Командор Крайгель, — представил он Крайгеля и добавил, что грузовик с Кэрри за рулем и Лири в кузове прибыл с ними.

— А ты кто? — спросил один из мужчин Флетча.

— Зигфрид, — ответил Флетч.

— Подпольная кличка — Зигфрид, — пояснил Джек.

По грязной, извилистой проселочной дороге они углубились в густой лес.

На полпути встретились еще с одним мужчиной с автоматическим карабином, пристально вглядывавшимся в их лица, когда они проезжали мимо.

Лагерь располагался на старой вырубке, в центре которой высился бревенчатый дом с высокой кирпичной трубой и крытым крыльцом. Тут и там на вырубке стояли навесы: алюминиевая крыша, поддерживаемая столбами, залитыми бетоном. Некоторые навесы обзавелись брезентовыми стенами. Компанию навесам составляли пять или шесть жилых домов-трейлеров, знавших лучшие дни. Синяя, белая, серая, коричневая краска на их бортах поблекла от солнца. Хватало на вырубке и легковых автомобилей. По периметру, у самых деревьев, расположились будочки переносных туалетов.

Наверное, именно таким представлялся рай семилетним сорванцам.

Рядом с бревенчатым домом стоял флагшток.

Флаг на его вершине ничем не напоминал государственный флаг Соединенных Штатов.

То было красное полотнище с черными значками, очень похожими на отпечатки на песке куриных лапок.

— Послушай их. — Кэрри кивнула в сторону мужчин, что-то говорящих Крайгелю. Голоса звучали резко, сердито. — Среди них нет ни одного южанина.

Флетч прислушался.

— Ты права.

Из бревенчатого дома строевым шагом вышел мужчина средних лет. В коричневой форме, с погонами. Отпечатки куриных ног красовались у него в петлицах и на плечах. Широкий пояс поддерживал внушительных размеров живот. Из кобуры торчала рукоять шестизарядного револьвера.

За мужчиной следовал юноша в точно такой же форме, в руках он нес доску с зажимом для бумаг.

— Пить! — донеслось из кузова. Лири прижался лицом к решетке. Он понял, что больше грузовик никуда не поедет. — Выпустите меня!

Флетч усмехнулся.

— Скажи "пожалуйста".

— Да пошел ты...

Мужчины расступились, давая дорогу человеку в форме. Тот остановился перед Крайгелем, вытянулся в струнку, попытался щелкнуть каблуками мягких сапожек. Вытянул в приветствии правую руку.

Он назвался командором Вольфом.

Крайгель небрежно отсалютовал ему.

Начались представления. Правые руки поочередно взмывали вверх.

Едва оба командора направились к бревенчатому дому, Джек подошел к ним.

Кэрри смотрела на бычка, что томился в кузове.

— Надо увезти его в тень. Напоить.

— Это точно. — От бычка слово "пожалуйста" не требовалось. Он и так хорошо потрудился в это утро. Флетч повернулся к Джеку. — Помогите мне поднять решетку. Я думаю, бычок сыт по горло компанией Лири.

Вдвоем они подняли заднюю секцию. Лири подлез под нее, зацепился за что-то ногой, рухнул на землю лицом вниз. Рассмеялся.

Пока Флетч и Джек ставили секцию на место, Лири поднялся. Хихикая, бросился к мужчине, который мог поспорить с ним габаритами. Все так же смеясь, со всей силы ткнулся лбом в лоб мужчины. Упал без чувств.

Остальные мужчины бесстрастно наблюдали за происходящим. Оставив Лири жариться на солнце, они неторопливо разошлись по вырубке.

Кэрри села за руль грузовичка, завела двигатель. Задом подавала грузовик в промежуток между трейлерами, в тень деревьев.

— Каковы ваши планы? — спросил Джек.

— Еще не знаю, — ответил Флетч.

— Вы уезжаете? Или намерены задержаться?

Флетч помялся.

— Я несу за все это определенную ответственность. Я же помог вам бежать.

Джек прищурился. На губах заиграла легкая улыбка.

— То есть вы останетесь здесь, пока не разберетесь, что, зачем и почему мы все это делаем, а уж потом сдадите нас полиции?

— Что-то в этом роде, — кивнул Флетч. — Я еще не утолил свое любопытство.

Улыбка Джека стала шире.

— Вы поняли, что многого не узнаете, сдав нас полиции незамедлительно?

— Вы дали мне понять, что преследуете какую-то цель. И заставили задуматься, а какова же она.

Джек рассмеялся.

- И вы заглотили наживку.

- Да. Заглотил. Ты этого хотел. Я не стал противиться.

- Хотел, - признал Джек. - Я надеялся, что противиться вы не станете.

- Естественно, надеялся. Иначе не потащился бы через полстраны к моему дому за помощью. Напрямую путь короче. Вы могли добраться сюда еще вчера.

- Это точно. Да еще с деньгами Морено.

- Ты пришел в мой дом, чтобы втянуть меня в эту авантюру.

- Пока все идет нормально, - Джек уперся пальцем в солнечное сплетение Флетча, - Зигфрид.

- Хватит с меня этого дерьма.

Джек вытащил из кармана пачку денег.

- Две тысячи долларов. Их дал мне командор Вольф. Он хочет, чтобы я оборудовал лагерь системой громкой связи.

- Громкой связи?

- На вечер намечены встречи. Вы отвезете меня в Хантсвилл, чтобы я смог купить необходимые компоненты?

- Кэрри должна поехать с нами? Или отправиться домой?

- Будет лучше, если она поедет с нами.

- Почему?

- Ваша логика. Копы скорее обратят внимание на двух мужчин, чем на двух мужчин и женщину.

- Ты прав.

- Пойду посмотрю, что нам понадобится. И сразу вернусь. Но лишь после того, как найду что-нибудь попить. После того, как напьюсь до отвала.

- Нет возражений. А перекусим мы в Хантсвилле.

- Флетч, здесь есть женщины и дети! Маленькие дети! Младенцы! В этом большом, грязном трейлере.

Флетч подошел к припаркованному в тени грузовику.

Кэрри где-то нашла большую пластмассовую ванну и затащила ее в кузов. Когда бычок выхлебывал всю воду, она наливала ее ведром через прутья решетки.

- Дети грязные, Флетч. Кругом валяются грязные ползунки. В трейлере воняет. Я думаю, они голодны. Женщинам, по-моему, недо них. Что будем делать?

- Мы едем в Хантсвилл, - ответил Флетч. - С Джеком. Или ты отгонишь грузовик домой? Я бы предпочел второй вариант.

- Я не могу оставить этих детей. Одна девочка засовывала в еще беззубый рот младенца кусок недожаренного гамбургера. Мы должны привезти им питательные смеси. Молоко. Ползунки. Мыло. Если мы привезем мыло, смогут они постирать одежду?

- Не знаю.

- Я поеду с вами. И вернусь сюда.

- Это странно. - Кэрри, сидевшая на переднем сиденье, смотрела в заднее стекло. Они как раз въехали в лес. - Темно-зеленый четырехдверный "сатурн" с номерными знаками штата Теннесси.

– А что тут странного? – Флетч оглянулся, но не увидел ничего, кроме деревьев. – Ты, наконец, нашла автомобиль с номерными знаками южного штата?

– На темно-зеленом "сатурне" ездит Фрэнси.

– Какая еще Фрэнси?

– Жена Джо Роджера.

– Шерифа Джо Роджера? – спросил Флетч.

– Да.

– Должно быть, совпадение, – предположил Флетч.

– Должно быть, – не стала спорить Кэрри.

Глава 12

– Сукины дети. Мерзавцы. Не хочу я есть их еду.

Большую часть второй половины дня Флетч проспал на откинутом сиденье. Его разбудила открывшая дверцу Кэрри. Она уселась рядом.

Солнце уже скатилось к горизонту, но жара не спадала.

Кэрри протянула Флетчу пластиковую миску с фаршированным перцем, пластиковую ложку и банку минеральной воды. Ее трапеза состояла из того же перца и минеральной воды.

– И не надо. Давай не будем есть их еду, – предложил Флетч.

– Придется, – возразила Кэрри. – Я голодна как волк. И потом, я привезла сюда столько всего, что могу получить что-то взамен, – чувствовалось, что Кэрри очень устала. Она попробовала фаршированный перец. – Б-р-р-р! Вкус как у заливной кетчупом нарубленной жабы. Эти иностранцы даже не знают как готовить фаршированный перец.

До того как заснуть Флетч припарковал легковушку в тени, неподалеку от грузовичка, но подальше от центра лагеря. Капотом к трем обшарпанным трейлерам, около которых кучковались женщины и дети.

Он и Кэрри отнесли пакеты с едой и умывальными принадлежностями к трейлерам. Действительно, при близком знакомстве сразу выяснилось, что женщины и дети страдали от недоедания. Они едва двигались. Грязь покрывала как кожу, так и одежду. А многочисленные синяки и кровоподтеки ясно показывали, что по крайней мере в этой части лагеря правят железный кулак и кованый сапог.

Несколько мальчишек были одеты в камуфляжную форму и армейские ботинки. Один шестилеток щеголял в такой же униформе, что и командор Вольф, даже с теми же знаками отличия на погонах и в петлицах.

Девочки-подростки и женщины довольствовались простенькими платтяцами, заношенными чуть ли не до дыр. Многие были босиком.

Флетч решил, что подремлет в машине, приглядывая за Кэрри, решившей провести в трейлерах генеральную уборку. И уж конечно, он проснулся бы, если б она закричала.

Флетч даже не притронулся к перцу.

– Знаешь, что случилось?

– Расскажи.

— Трое из этих недоносков подошли к трейлерам. Сначала просто стояли и смотрели на меня. Потягивая пиво из банок и виски из бутылок. Выпучив глаза. Вспучив штаны. Я такое уже видела.

— Почему ты не разбудила меня?

— Не было нужды. Они приблизились. Начали отпускать шуточки. Знаешь, какие.

— Насчет тебя?

— Естественно. Потом они рассыпались. Двое стали заходить по бокам, третий двинулся прямо на меня. Флетч, я уверена, что они трахнули бы меня прямо там, на глазах у женщин и детей. Ты понимаешь? Чтобы указать мне мое место.

— Кэрри!

— Успокойся. Успокойся. Лучше догадайся, кто появился у трейлеров, расшиб головы двоим, а третьему дал такого пинка, что на верняка сломал ему копчик.

— Джек.

— Нет. Лири.

— Кто?

— Лири. Заорал: "Оставьте в покое мою женщину! Я видел от нее только добро! Она мой друг!" — Кэрри хихикнула.

Сложив ноги по-турецки, Лири сидел в тени рядом с машиной. Фаршированный перец из огромной миски он брал руками. Большая часть попала в рот.

Выбитые зубы, распухшие губы напоминали о долгом пути, который ему пришлось проделать в компании с бычком. Под глазами налились синяки. Рану на плече никто не промыл. Навоз засох и на комбинезоне, и на волосах. Кожа на открытых местах пламенела, обожженная солнцем.

— Мы, конечно, обошлись с ним по-хорошему, — пробормотал Флетч. — Иначе и быть не могло.

— Полагаю, он так и думает. Во всяком случае, лучше, чем другие. Остальное время он держался в трех-четыре метрах от меня. Я чувствовала себя в полной безопасности. Прямо как на конгрессе "Дочерей Американской революции".

— Рад слышать, что он ценит доброе отношение.

— Хочу сказать тебе кое-что еще.

— Разве попытки изнасилования недостаточно?

— Я глянула на номерные знаки темно-зеленого "сатурна".

Флетч пожал плечами.

— Зачем?

— Флетч, номерные знаки нашего округа.

Даже без фаршированного перца в животе у Флетча возникли неприятные ощущения.

— Кэрри, мы оба знаем шерифа Джо Роджерса. С ним охотился и удил рыбу. Он бывал на ферме чаще, чем Свидетели Иеговы. Никогда раньше в моем присутствии ни словом, ни делом он не показал себя расистом.

— Проявить себя таким при тебе мог только полный идиот.

— Это совпадение, — не сдавался Флетч. — Не один же темно-зеленый "сатурн" в нашем округе.

- Я уверена, что это машина Фрэнси, - стояла на своем Кэрри.
- А я искренне надеюсь, что ты ошибаешься.
- Мне бы тоже этого хотелось.
- А мне, думаешь, нет?
- Кэрри, почему бы тебе не сесть за руль грузовичка и не поехать домой?
- А что собираешься делать ты?
- Наблюдать. Слушать. Думать.
- Ты полагаешь, что ты на железнодорожном вокзале?
- Мы знаем, что этот молодой человек лжец.
- Знаем?
- Пока ты и Джек ходили по магазинам, я кое-кому позвонил.
- В этом я не сомневалась.
- Ни в Федеральной тюрьме в Томастоне, ни в любой другой нет заключенного с фамилией Фаони. И не было в обозримом прошлом.
- Кэрри отправила в рот последнюю ложку.
- У него на спине было написано Фаони. А также "Федеральная тюрьма Томастон".
- Я знаю. На одежде можно написать все, что угодно.
- Значит, этот парень не сидел в тюрьме?
- Этот парень сидел. Иначе он бы не пользовался доверием Крайгея и Лири... Но, раз он сидел в тюрьме, фамилия его не Фаони.
- То есть этот парень не твой сын.
- А вот на этот вопрос я пока ответить не могу.
- Существует ли Джон Флетчер Фаони? Ты думаешь, что этот парень - близкий приятель Кристал, и он по-своему истолковал то, что она рассказывала ему?
- Джон Флетчер Фаони существует. Он учился в Блумингтоне, Чикаго, Бостоне.
- И что из этого?
- Секретарь его матери утверждает, что он проводит лето в Греции.
- В Греции, - повторила Кэрри. - Знаешь, это не Греция.
- Нет. Не Греция.
- И путь в Грецию не проходит через Алабаму.
- Нет. Поэтому мы знаем, что парень лжет. Если он солгал в одном, почему бы ему не лгать и во всем остальном? Нет смысла узнавать у лжеца правду, не так ли? Вот я и хочу вывести его на чистую воду. Понаблюдаю, подожду, послушаю. Почему он лжет? Кто он? Каковы его цели?
- С Кристал ты не говорил?
- Нет. Связаться с ней невозможно. Она в каком-то санатории, где лечат от ожирения тех, для кого еда, что наркотик. Энди Систу не удалось связаться с ней.
- Для нас всех еда, что наркотик.
- Нам нет нужды есть постоянно. А некоторые без этого не могут.
- Да уж, люди так легко увлекаются чем-либо, а потом их уже не остановишь.
- Надо во всем разобраться. Этот молодой человек сказал, что стрелял в женщину-полицейского. Так ли это? Этот молодой чело-

век сказал, что его посадили в тюрьму за покушение на убийство. Так ли это? Этот молодой человек сказал, что его зовут Джон Флетчер Фаони. Ни одно из вышеперечисленных утверждений не соответствует действительности.

— А может, этот молодой человек свихнулся?

— Вполне возможно.

— Это же факт, что он якшается с этими расистами.

— Потому-то мы здесь. Кто он? Откуда? Что ему от меня надо?

— Он самозванный "лейтенант" самозванного лидера этой шайки человеконенавистников.

— Да уж, принимает в этой истории самое непосредственное участие.

— Подозреваю, едва ли кто из мужчин мечтает, чтобы его сын стал убийцей полицейских, сбжавшим преступником, расистом и организатором сборища человеконенавистников.

— Я о таком не мечтал.

— Если он такой мерзавец, пусть даже он и твой сын, почему мы должны оставаться здесь?

— Если я сейчас уеду, то, скорее всего, потеряю его след. Тогда мне никогда не узнать правды.

— Может, ты и не хочешь знать правду.

— Я всегда хочу знать правду.

— Поиски правды могут завести тебя в тюрьму, Флетч.

— Кэрри, я хочу, чтобы ты уехала домой.

— Нет, сэр.

— Почему нет?

— Потому что, уехав, я буду волноваться о тебе.

— Мне доводилось попадать и не в такие передраги.

— Если я останусь, ты позаботишься о том, чтобы мы вовремя выбрались отсюда.

— Вовремя для чего?

Кэрри смотрела на темные холмы, окружавшие лагерь.

— Мрачное местечко.

— Не уходи от вопросов.

Джек, держась в тени деревьев, направлялся к ним. В руке он нес наушники.

— Не надо кормить меня баснями, — Кэрри пристально вглядывалась в Джека. — У него твоя походка.

— Да. Он ставит одну ногу перед другой. Не ищите того, чего нет, мисс.

— Когда он идет, его плечи и бедра не двигаются. Только ноги.

— Конечно, — кивнул Флетч. — Весомое доказательство, но не столь точное, как анализ дэ-эн-ка.

Дверцы машины они держали открытыми.

— Наслаждаетесь жизнью? — спросил Джек.

— Если это жизнь, — отпарировал Флетч.

— Не нравится фаршированный перец? — Джек покосился на нетронутую миску Флетча.

— Можешь взять, — Флетч протянул ему миску.

Джек положил наушники на колени Флетча.

— Чем фаршировал перец ваш повар? — спросила Кэрри. — Сушеными водорослями?

Джек попробовал предложенное ему угощение.

– Похоже на то.

Кэрри повернулась к Флетчу.

– Парень знает, чем отличается хорошо приготовленный фаршированный перец.

– Для кого эти наушники? – спросил Флетч.

– Для вас, – Джек уже ел перец. – Вас обоих. – Он достал из кармана две пары ушных затычек и отдал Флетчу. – Вставьте их в уши. Когда увидите, что я надеваю наушники, последуйте моему примеру. И не снимайте их, пока я не сниму свои. Затычки и наушники.

– Зачем?

– Крайгель собирается произносить речь.

– Давай сюда затычки, – потребовала Кэрри.

– Я кое-что сделал с системой громкой связи.

– Что-то я тебя не понимаю.

К ним направился командор Вольф.

– Вставьте затычки, – повторил Джек.

Вольф вытянулся в струнку у открытой дверцы со стороны Флетча. Джек подался назад, продолжая есть фаршированный перец.

– Я командор Вольф!

– А я Шолом Алейхем*, – она указала на Кэрри. – Это Голда Мерир**, в молодости.

– Доктор Крайгель предупреждал меня о вашем своеобразном юморе, мистер Флетчер.

– Рад это слышать.

– Вы можете шутить, мистер Флетчер, но вы и ваша дама остаетесь теми, кто вы есть, и никак не можете стать другими.

– Повторите, пожалуйста.

– Вы все увидите сами. Те из вас, кто верит в единый для всех мир, братство людей разных национальностей, десегрегацию, быстро изменяет свою точку зрения, едва только в лесу останется один олень. И вы сразу поймете, чьей стороны надо держаться.

Кэрри и Флетч переглянулись.

Афро-американский лидер, обсуждавший с Флетчем проблему гражданских прав на веранде фермы, в какой-то момент громко рассмеялся и воскликнул: "Флетч! Уж вы-то не потчуйте меня этой сказочкой о едином для всех мире!"

Сидящая в машине Кэрри наклонилась, чтобы Вольф смог увидеть ее лицо.

– А-а-аф! – пролаяла она.

– С незапамятных времен находились люди, которые используют идею экономического соревнования с тем, чтобы разжигать ненависть и провоцировать насилие ради удовлетворения собственной жадности.

– А-а-аф! – согласилась Кэрри.

Флетч смотрел Вольфу в глаза.

– И это не шутка.

* Помимо псевдонима известного писателя (Шолом Нахумович Рабинович, 1859–1916), это приветствие на идиш – "Мир вам".

** Премьер-министр Израиля в шестидесятые годы, родилась в России.

– А-а-аф! А-а-аф! – Кэрри откинулась на сиденье. – Флетч, я не слышала? Он действительно назвал меня сухой?

– До сей поры он ничего тебе не говорил. Даже не смотрел на тебя.

– Предупреди его, что я могу укунить его за ногу.

Вольф протянул Джеку пачку с шестью презервативами.

Вторую передал Флетчу.

– Это еще зачем? – полюбопытствовал Флетч.

– Пожалуйста, после использования отнесите их в штаб. Клерк зарегистрирует их.

– Наша сперма будет положена на хранение, – пояснил Джек. – А потом использована.

– Не понял.

– Для искусственного осеменения. Чтобы улучшить нашу расу.

– Мистер Флетчер, – командор Вольф все еще стоял навытяжку, – вы должны признать, что дети рождаются не у тех людей.

– Если вы говорите о своих родителях, то тут я с вами согласен.

Щеки Вольфа побагровели.

– Делайте то, что вам говорят! Это приказ!

Он по-военному развернулся и зашагал прочь, вскинув подбородок, широко развернув плечи.

Джек не сводил глаз с Флетча.

– Держи, – Флетч передал презервативы Кэрри. – Отдай их своему приятелю Лири. Этим ты избавишь мир от многих хлопот.

Держа в одной руке пустую миску из-под фаршированного перца, другой Джек подкинул в воздух пачку презервативов, поймал ее.

– С чего мне-то возражать? – задал он риторический вопрос. – Я сам – продукт селективного улучшения породы, не так ли?

Глава 13

– Привет, Энди, как твоя голова?

– Больше похожа на голову, мистер Флетчер. Потихоньку отхожу от вчерашнего грохота.

– Это хорошо. Во-первых, расскажи мне, пожалуйста, о "сейсмической обстановке" в Калифорнии. Я еще не слышал никаких новостей.

– Кабельное телевидение – это одно, мистер Флетчер. Я знаю, почему вы не смотрите Ге-ка-эн, но неужели у вас на ферме нет даже радиоприемника? Работающего от батареек, если к вам не протянуты провода? Или ваша ферма экранирована от радиоволн?

– У нас есть радиоприемник, Энди. Просто у меня нет времени все утро крутить педали динамо-машины, чтобы зарядить аккумуляторы. Да и потом, приемник у нас очень старый. Он может поймать лишь новости Второй мировой войны.

Флетч сидел за рулем своего автомобиля, припаркованного на выжженной солнцем стоянке торгового центра Хантсвилля, штат Алабама.

Поездка в город прошла спокойно.

Едва автомобиль затормозил, Джек скрылся в магазине, торгующем электроникой. Кэрри поспешила в супермаркет.

Флетч достал из-за сиденья телефонный аппарат спутниковой связи и набрал номер Энди Систа в штаб-квартире "Глоубел кей-бел ньюс" в Виргинии.

– Подземные толчки в Калифорнии, – говорил Энди таким тоном, словно его попросили рассказать о некоем событии, имевшем место во Франции в шестнадцатом веке. – Значительные.

– Значительные в смысле нанесенного ущерба?

– Да. Итоги еще не подведены. Землетрясение затронуло обширные территории на южном побережье. Разрушены линии энергоснабжения, водопроводы, были пожары, рухнул маленький мост, многоэтажные здания устояли, хотя им предстоит тщательный осмотр на предмет возможности выдержать последующие толчки. Два человека погибли. Зафиксированы еще два толчка меньшей силы. Сейсмологи говорят, что особых поводов для волнений нет. Как трясло, так и будет трясти. Так или иначе, землетрясение в Калифорнии отвлекло внимание прессы от побега из тюрьмы. В обычной ситуации такая история обязательно стала бы сенсацией. А тут о ней практически не упоминают.

– А почему она тянула на сенсацию?

– Из-за личности одного из беглецов. Кстати, я ошибся. Сбежало трое.

– Трое?

– Да. Крис Крайгель, наиболее интересный из всех, кто мог бы привлечь к себе внимание, если бы не землетрясение в Калифорнии. Пятьдесят три года, уроженец Южной Африки, сын богатых землевладельцев, имевших интерес в банковском бизнесе. Получил в Варшавском университете диплом доктора философии по антропологическому разделу культурологии. В Южной Африке активно проповедовал апартеид, возглавлял неонацистское движение. Предположительно был одним из вдохновителей разжигания племенной вражды. Одетый в нацистскую форму, участвовал в марше через Союзт, когда, как вы помните, белые убили семьдесят два черных – мужчин, женщин и детей. Прежнее южно-африканское правительство тогда сняло с себя ответственность, заявляя, что ему ничего об этом не известно.

– Помню.

– Сразу после этого Крайгель провел несколько лет в Польше, не обременяя себя работой. Часто ездил в Германию, Францию, Англию. После крупного погрома в Мюнхене в годовщину *Kristallnacht*^{*}, Крайгель прибыл в Соединенные Штаты, несомненно, скрываясь от правосудия. Не успел он ступить на нашу землю, как его арестовали, обвинили и осудили за убийство третьеразрядной проститутки в своем номере. Он задушил ее то ли по ходу полового акта, то ли не в силах совершить оный. Проститутка, между прочим, была черная.

В тюрьме Крайгель взялся за старое. Он присвоил себе звание "преподобный" и начал проповедовать "этническое очищение", расизм. В последние пять месяцев в федеральной тюрьме Томасон, штат Кентукки, произошли два расовых бунта.

^{*} Хрустальная ночь (Ночь длинных ножей) – 11 ноября 1938 г., когда по всей Германии прошли еврейские погромы.

— Я этого не знал.

— Хуан Морено, тридцати восьми лет, — продолжал Энди Сист, — гражданин Колумбии, член Меделлинского наркокартеля. Предположительно Хуан Морено — вымышленное имя и фамилия. Его работа в основном заключалась в запуске самолетов и кораблей для контрабанды наркотиков, а также организации их приема. Его поймали в восточном Техасе с грузом кокаина, который он вез на машине "скорой помощи". Водителя нашли в заднем салоне мертвым. Он умер от потери крови, вызванной раной от удара отвертки в шею. Виновным в убийстве Морено не признали, в отличие от целого букета других преступлений. Помимо кокаина, он вез с собой бриф-кейс, набитый чековыми книжками, купчими на недвижимость, другими денежными документами. На документах стояли разные фамилии, но везде расписывался Морено.

— Морено нашли, не так ли?

— Нет.

— Нет?

— Об этом не сообщалось. Последнее сообщение поступило к нам двадцать минут тому назад.

— Однако, — у Флетча засосало под ложечкой.

— Джон Лири. О нем и сказать-то нечего. Насильник. Тридцать два года. Практически не бывал на свободе. Сидит с восьми лет. Первый раз его сочли "неуправляемым ребенком".

— В восемь лет?

— Тут сказано, что мужчина он крупный, физически крепкий и очень опасен.

— То есть с ним не могли сладить даже в восьмилетнем возрасте?

— Ожидая решения суда Пенсильвании по делам несовершеннолетних, он разбил голову детскому психологу, который намеревался протестировать его. Действительно, "неуправляемый ребенок". У него потрясающий послушной список. Как только власти передавали его очередному опекуну, он на кого-нибудь нападал. Его отправляли в исправительное заведение, там все повторялось. У него просто страсть избивать людей. Вооруженное нападение, вооруженное нападение, вооруженное нападение, погром, грабеж, грабеж, грабеж. Поджог. Нападение на сотрудника полиции. Последний раз его посадили за похищение тринадцатилетней девочки, которую он умыкнул в другой штат и держал под замком с аморальными целями. Многократное изнасилование, рабство. Что подразумевается под рабством?

— Он старался продать ее в баре.

— О, так вы что-то знаете?

— Естественно. Иначе с чего у меня возникло желание узнать еще больше?

— Мистер Флетчер, вы не натолкнулись на этих людей? Я имею в виду, вы знаете, где они находятся?

— Я могу сказать только одно.

— Что же?

— В матадоры Лири тоже не годится. Даже быка он атакует не с того конца. Но я по-прежнему в недоумении, Энди. Ты говоришь мне, что беглецов трое. А местный шериф сказал, что их было четверо.

— Нам известно только о троих.

— Нет ли еще одной фамилии в зачитанной тобой полицейской сводке?

— Я прочитал вам все, до последней точки. Сбежали трое: Крайгель, Морено, Лири. Это уже никакие не новости. О побеге сообщили больше двадцати четырех часов тому назад. Из федеральной тюрьмы в Томастоне сбежали три человека, мистер Флетчер.

— Вот это и непонятно. Почему шериф сказал, что их было четверо. Даже назвал фамилию.

— Вы лучше меня знаете, что в материалах, поступающих в средства массовой информации, часто много путаницы.

— Да, но...

— Могу лишь добавить, что в сводке, которую я вам зачитал, есть пробел.

— О чем вы?

— Чистое поле между фамилиями Морено и Лири. Похоже, откуда вымарали какую-то фамилию, а чистое поле не убрали. А может, какая-то техническая ошибка.

— Может, и так, — согласился Флетч.

— Теперь относительно мисс Кристал Фаони. — Энди сообщил Флетчу ее возраст, домашний адрес в Блаумингтоне, штат Индиана, назвал место и адреса пяти принадлежащих ей радиостанций в том штате, добавил, что никогда не выходила замуж, зато у нее есть сын, Джон Фаони, закончивший Северо-восточный университет, занимающийся в Бостонском университете, в настоящее время путешествующий по Греции. Мисс Фаони не состояла и не состоит на учете в полиции, ее кредитоспособность ни у кого не вызывает сомнений. В данный момент она проходит курс лечения в санатории в Висконсине.

— Я позвонил ей домой, — продолжал Энди, — наткнулся на приходящую домработницу. В ее конторе мне сказали, что она в санаторий уехала на две недели. Связаться с ней никакой возможности нет. Ее секретарь сказала мне, что курс похудания, который проходит мисс Фаони, требует полнейшей концентрации внимания и включает в себя медитацию. Что это за медитация? Не думать о голоде и еде теперь называется медитацией? Секретарь не хотела давать мне адрес и название санатория, но мне удалось ее очаровать. Она знала, что через персонал санатория мне все равно не пробиться. Так оно и вышло. Связаться с мисс Фаони невозможно. Она концентрируется. Медитирует. И так далее.

— Как называется санаторий?

— Блайт-Спирит. Находится в Форварде, небольшом городке в Висконсине, в ста милях от Чикаго.

— Похоже, интересный материал, Энди.

— Какой материал?

— Интересный сюжет для Ге-ка-эн. Возможно, мне понадобится съемочная группа.

— Как скажете, мистер Флетчер. Вы — единственный из владельцев Ге-ка-эн, телевизор которого не подключен к нашему кабельному каналу.

— Благодаря этому у меня свежий взгляд на происходящее.

- Честно говоря, с этим я согласен. Могу еще чем-нибудь вам помочь?

- Нет. Спасибо, Энди.

- A su ordenes, senor*.

Флетч долго сидел, глядя на умолкнувший телефон.

Его легкие, из хлопчатобумажной ткани, рубашка и шорты намокли от пота. Наконец он набрал номер рабочего телефона Олстона Чимберса.

Секретарь тут же соединила его со своим боссом.

- У вас все нормально? - осведомился Флетч.

- Все бы ничего, да первым же толчком сбросило на пол всю полку со штойбецким стеклом, - ответил Олстон. - Разбилось все. Даже кубок, врученный мне за победу в турнире по гольфу.

- А с чего калифорнийцу держать штойбецкое стекло на полке? - спросил Флетч.

- А где же его держать? Или ты думаешь, что ему самое место между двумя матрацами на подпружиненной платформе?

- Дельная мысль.

- Да еще лопнули трубы. Так что пришлось бриться механической бритвой.

- Мне тебя жаль! Наверное, до сих пор дерет кожу?

- Эти толчки надоедают, Флетч.

- Я тебя понимаю.

- У вас с Кэрри все в порядке?

- Да, конечно.

- А где твой вновь объявившийся сын?

- В Греции.

- Что?

- Не бери в голову. Мне жарко, я устал. Солнце слепит глаза. Одно с другим не сходится.

- Теперь насчет Кристал Фаони. В данный момент связаться с ней невозможно. Она в санатории "Привидение Блэтеринга" или что-то в этом роде, в каком-то Богом забытом городке в Висконсине. Могу продиктовать тебе точное название.

- Не надо. Я это уже знаю. Утром не смог к тебе дозвониться. Поверишь ли, автоответчик известил меня о подземных толчках в Калифорнии.

- Но вот с другими твоими вопросами возникли сложности. Из тюрьмы в Томастоне сбежало трое. Их фамилии - Крайгель, Морено и Лири. Никакого Фаони.

- Олстон, ты в этом уверен?

- Флетч, я лично говорил с генеральным прокурором штата Кентукки. Говорил с директором тюрьмы в Томастоне, с министерством юстиции в Вашингтоне, округ Колумбия. Фаони не сбежал.

- Ничего не понимаю.

- Никакого Фаони и не было.

- Что?

- В федеральной тюрьме в Томастоне, штат Кентукки, не было заключенного с фамилией Фаони.

– Джон Флетчер...

– Ни Джона Флетчера Фаони, ни Александра Фаони, ни Бетти Бупа Фаони. Я проверил списки всех заключенных Соединенных Штатов. Ни в одной из тюрем страны нет Джона Флетчера Фаони.

Меня используют, подумал Флетч. Я это знаю. Меня вовлекли в эту историю помимо моей воли... Но кто? По какой причине? Этот парень знает обо мне то, что известно лишь Кристал... как мы вывалились из душа... Крайгель отметил наше сходство... Кэрри сказала, что мы похожи... Джон Флетчер Фаони не сидел в тюрьме... Он в Греции...

Джек вышел из магазина с двумя доверху нагруженными тележками и покатила их к Флетчу.

Бетонные плиты автостоянки дышали жаром.

– Выдумка, – пробормотал Флетч. – Все выдумка.

– Флетч, что с тобой?

– Больше говорить не могу, Олстон. Должен спрятать телефон.

– Спрятать телефон?

Флетч разорвал сеть.

И спрятал телефон.

Не успел Джек уложить в багажник электронное оборудование, как появилась Кэрри с ворохом пакетов, банок, коробок. Молоко, овсянка, детские смеси, ползунки, мыло, лосьоны, зубные щетки, полотенца...

Наконец, они уселись в машину.

– Как насчет ленча? – осведомился Флетч.

– Перекусим в машине, – постановила Кэрри. – Наскоро. Мне надо вернуться, – она повернулась к Джеку. – Прежде чем меня тоже обвинят в издевательствах над детьми.

– В таком случае придется заехать в аптеку, – заявил Джек.

– Это еще зачем? – фыркнула Кэрри.

– Концентрированная соль, – ответил Джек. – Которой посыплют ветчину.

– Что тебе надо в аптеке? – спросил Флетч.

– Ушные затычки.

– Хорошая мысль, – пробурчала Кэрри. – Купи и на нашу долю.

Глава 14

Посреди вырубки собралось от пятидесяти до шестидесяти мужчин.

По их лицам и позам чувствовалось, что многие из этих счастливых отдыхающих приложились кто к спиртному, а кто и к наркотикам.

Они готовились разжечь костер.

Огромная куча бревен, сучьев, веток высилась в дальнем конце вырубки. Значит, сегодня у них праздник, предположил Флетч.

Среди мужчин выделялся лысый толстяк в грязном белом фартуке.

– Должно быть, повар, – заметила Кэрри. – Надо бы спросить у него, где он набрал столько водорослей.

Несколько женщин стояли на почтительном расстоянии от мужчин. С младенцами и девочками. Мальчики находились с мужчинами.

Микрофон и два динамика разместили на верхней из трех ступеней, ведущих на крыльцо бревенчатого дома.

Флетч и Кэрри расположились сбоку, так, чтобы видеть и толпу, и крыльцо.

Джек между крыльцом и толпой устанавливал на треноге видеокамеру.

— Это же надо, — повернулся Флетч к Кэрри. — Они намереваются заснять все на пленку.

— Тщеславие, кругом одно тщеславие, — прокомментировала Кэрри.

— Не только, — возразил Флетч. — Как и все их предшественники, они хотят оставить документы для истории.

— Чтобы потом все отрицать, так?

Из дома на крыльцо вышел командор Вольф. За ним — командор преподобный доктор Крис Крайгель. Последним на крыльце появился юноша в форме. В руках он держал доску со скрепкой для бумаг.

Мужчины, стоящие перед бревенчатым домом, трижды приветственно подняли правые руки. Трижды прокричали "Heil".

Вольф посмотрел на красное полотнище, реющее на флагштоке за спинами мужчин, вскинул правую руку, сказал "Heil". Один раз, негромко.

Флетч заметил, что в этот самый момент, когда внимание всех сосредоточилось на Вольфе, Джек снял видеокамеру с треноги. Присев на корточки, он снимал мужчин, двигая камерой взад-вперед. Стараясь запечатлеть на пленке все лица.

Тем временем заговорил Вольф. Начал с приветствия. Отметил, что видит перед собой настоящих мужчин Америки. Пошутил насчет того, как бы расстроились их работодатели, узнай, где проводят ночь эти мужчины.

Флетч искоса глянул на Кэрри.

У той от изумления открылся рот. Лицо побледнело, несмотря на загар. Даже веснушки поблекли, а глаза округлились, сверкнули синевой.

Она повернулась к нему.

— Флетч...

— Ничего не говори, — предупредил Флетч. — Не плачь.

— Я не могу этого терпеть.

— Я знаю.

— Почему они пришли за этим сюда, эти ужасные люди? Номерные знаки на их автомобилях... они же не местные.

— Они нынче везде. На севере, юге, западе, востоке — последние подсчеты показали, что в Америке триста сорок шесть организаций фашистского толка, на двадцать семь процентов больше, чем годом раньше. Они проповедуют этнические чистки. Сепаратизм. — Флетч уже догадался, что Крайгель прибыл в Соединенные Штаты с тем, чтобы объединить местные фашиствующие организации и связать их с аналогичными движениями в других странах.

Арест, суд, приговор за столь мелкое правонарушение, должно быть, разъярили его.

— Дети, — глаза Кэрри наполнились слезами. — Младенцы.

— Я знаю.

Кэрри слушала еще с минуту.

А затем, нисколько не скрывая своих намерений, вставила в уши затычки.

Подбадриваемый аплодисментами, свистками, криками "Права белых!", Вольф говорил, говорил, говорил. Американцы африканского происхождения сравнивались с грязью, еврейского объявлялись отродьями Сатаны. Президентская администрация именовалась не иначе, как Е-о-эс-о — еще одна сионистская организация.

Не слыша того, что говорил Вольф, Кэрри чуть расслабилась. Сложила руки и смотрела себе под ноги. Лицо ее по-прежнему оставалось бледным.

Под крики "Права белых! Права белых!" Вольф закончил речь и отступил назад, со сложенными на груди руками.

К микрофону шагнул Крайгель. Голос у него был более пронзительный, чем у Вольфа.

— С этой секунды я нарекаю это место "Лагерь Орания".

Ему ответил рев одобрения.

Флетч сомневался, что многие, да и вообще кто-то из слушателей знал, что означает Орания. В Южной Африке в Орании находилась штаб-квартира Движения сопротивления африканеров*.

Без сомнения, Крайгель хотел подчеркнуть, сколь высоко он ценит этот лагерь.

— Эй, — Флетч подтолкнул Кэрри. А когда она повернулась к нему, указал на Джека.

Джек вновь установил видеокамеру на треногу. А сам возился со звуковым пультом на скамейке у крыльца. Он уже надел наушники. И вертел какие-то диски.

Флетч вставил в уши затычки, последовав примеру Кэрри. Затем надел наушники. Свободные болтающиеся концы проводов Флетч засунул за воротник.

Надела наушники и Кэрри.

Губы Крайгеля шевелились, он энергично кивал, махал руками, но Флетч не слышал ни слова. Руки же слушателей то и дело взлетали вверх, они широко разевали рты, словно утки в пруду, ждущие, пока им бросят хлеба. Флетч ничего не слышал.

И тут Кэрри толкнула его в бок. Он проследил за ее взглядом.

Трех маленьких девочек, стоявших с женщинами, начало рвать.

На глазах у Флетча внезапно вырвало одну из женщин, к полному ее удивлению.

Двое мальчишек уже блевали, опустившись на колени.

Несколько мужчин вдруг схватились за животы. Повернулись. Попытались выбраться из толпы. Их вырвало.

На крыльце молодой человек в форме повернулся на каблуках и скрылся в бревенчатом доме.

* Националистическая организация, выступающая за сохранение режима апартеида.

У Крайгеля посерело лицо. Губы его еще двигались, не как у оратора, а как у рыбы, вытщенной на берег.

Рука Вольфа застыла на полпути ко рту. Он изумленно посмотрел вниз. Подошел к поручню, ограждающему крыльцо.

Несколько мужчин, стоявших внизу, у самого крыльца, отпрыгнули назад. И все-таки не убереглись. Многие из мужчин рухнули на колени, другие блевали стоя, на головы, плечи, спины колена-преклоненных.

Кэрри медленно повернулась к Флетчу. Ее глаза раскрылись еще шире. Она улыбалась.

Некоторые стояли, застыв в полном изумлении, словно стальные столбы в поврежденном ураганом лесу.

Джек повернул на пульте переключатель. Лампочки, перемигивающиеся на панели, погасли.

Джек снял наушники. Притворившись, что по очереди чешет уши, вытащил затычки. Флетч и Кэрри сделали то же самое.

Кэрри схватила Флетча за руку. Ее глаза горели огнем.

— Что такое? — спросил Флетч.

Она мотнула головой в сторону поверженных слушателей Крайгеля.

Позади, уставившись на них, с отпавшей челюстью, стоял их друг, шериф, Джо Роджерс.

Глава 15

— Нет, нет, нет, — Флетч отказывался верить своим глазам.

Он и Кэрри огибали поляну, на которой стояли, лежали, блевали слушатели Крайгеля, подбираясь к Джеку, по-прежнему возившемуся с электроникой.

Поначалу Флетч направился к Джо Роджерсу. Но тот ретировался за трейлеры в лес.

— Говорю тебе, Кэрри, шериф здесь по делу. Записывает имена, номерные знаки. Ты знаешь. Обычная полицейская работа. Иначе и быть не может.

— Почему же он убежал от тебя?

— Потому что я повел себя глупо. Он не хотел, чтобы я раскрыл его.

— Как бы не так!

— Он здесь по долгу службы.

— Служит он в другом округе, мистер Флетчер, — процедила Кэрри. — В другом округе другого штата.

— Это Крайгель! — обратился к ним с крыльца Джек. — Вот уж кто может развести вонь, не правда ли?

— Кое-кто может, это точно, — ответил Флетч.

Вместе с Кэрри он поднялся на крыльцо.

— Как тебе это удалось? — спросила Кэрри. Похоже, ее мнение о Джеке начало меняться в лучшую сторону. Каким-то образом, с помощью электроники, он заставил проблеветаться едва ли не весь лагерь Орания.

— Удалось что? — Джек скручивал провода, тянущиеся от микрофона к динамикам, от пульта к микрофону.

— Вызвать столь живую реакцию слушателей, — пояснил Флетч.

– Я кое-чему научился, – Джек широко улыбнулся. – Как лишить людей возможности сопротивляться. Сто один способ.

– К примеру, загнать их в ревуший поток, – кинул Флетч.

– С потоком было все в порядке, не правда ли?

– Ты абсолютно прав.

Тем временем окончательно стемнело.

Флетч огляделся. Шериф был в сапогах, джинсах, рубашке.

Несколько автомобилей выехали из лагеря.

Над алюминиевыми крышами под навесом горели лампы. Мужчины на поляне перед бревенчатым домом постепенно приходили в себя, обменивались сердитыми репликами.

– Ты слышал о Джеке Роджерсе? – спросил Флетч Джека.

– Да. Вы говорили о нем в машине. Ваш друг. Шериф. Правильно?

– Правильно.

– Я попытался кое-что выяснить насчет него.

– Выяснил?

– Он у нас по части принуждения.

Кэрри повернулась к Флетчу, глаза ее широко раскрылись.

– К чему он принуждает? – спросил Флетч. – Кого?

– Внутренняя служба безопасности, – пояснил Джек.

– И чем он занимается?

– Если некоторые из наших ведут себя не так, как положено, он с ними разбирается.

– Призывает к порядку?

– В определенном смысле. Это тайная организация. Должна быть таковой. Как вы говорили: "Глушцы не могут хранить секреты".

– Он их убивает? – Флетч почувствовал, что сердце у него бьется чаще обычного. – Пристреливает их? Мы говорим о шерифе Джо Роджерсе?

– Да, полагаю, иной раз и пристреливает. Но обычно душит. С помощью струны. В назидание остальным, знаете ли.

– О, Боже, – ахнула Кэрри. – Фрэнси!

– Поддерживает дух верности в войсках, – добавил Джек.

Флетч повернулся. Оперся о поручень.

– Флетч... – позвала Кэрри.

Двое мужчин, один в фартуке, второй – без, поднесли пылающие факелы к собранной на краю вырубке куче дров.

Мужчины, стоявшие плотной стеной перед крыльцом бревенчатого дома, разбились на кучки. Они о чем-то переговаривались, бутылки переходили из рук в руки. Сквозь вонь, идущую от туалетов и дух блевотины, легкий ветерок доносил до Флетча запах махианы. От группы к группе то и дело переходили один-два человека.

Флетч догадался, что они обсуждают свое внезапное недомогание и ищут "стрелочника", дабы возложить на него вину за происшедшее.

Один из мужчин, лет сорока с небольшим, отделился от группы и направился к крыльцу. Заговорил, глядя снизу вверх на Флетча.

– Ты ел фаршированный перец?

– Нет.

– Совсем не ел?

– Совсем.

– И ты не блевал. Я не видел тебя блюющим.

– Правильно. Я не ел. Меня не тошнило. Я не блевал.

Мужчина повернулся к группе, которую он только что покинул.

– Видите? Он не ел фаршированный перец. Он не блевал.

Из группы раздалось сердитое ворчание.

Мужчина зашагал к своим.

Флетч обернулся.

На крыльце стояли только Джек и Кэрри.

Кэрри, расправив плечи, взявшись руками за поручень, смотрела на вырубку.

Джек подсоединял идущие от динамиков провода к проигрывателю.

– Это еще зачем? – спросил Флетч.

– Мы собираемся потанцевать, – ответил Джек. – Вы любите танцевать?

– Буги-вуги.

– А вы умеете танцевать буги-вуги? – спросил Джек Кэрри. – Я бы хотел пригласить вас на вальс.

– Только не сегодня. – Кэрри бросила взгляд на покрытую лужами блевотины землю. – На такой площадке не растанцуешься.

– А, ерунда, – отмахнулся Джек. – Все равно придется спускаться с крыльца.

– Если я и спущусь, то не для того, чтобы танцевать, – отрезала Кэрри. – Флетч! Не пора ли нам уехать? Прямо сейчас?

– Как можно! – воскликнул Флетч, но в голосе не слышалось веселья. – Танцы ведь только начинаются.

– Я думаю, на это стоит посмотреть, – вставил Джек. – Я про танцы.

– Незачем мне на них смотреть, – упорствовала Кэрри. – Я уже увидалась всякого.

– Побудь, пожалуйста, с Джеком, – попросил ее Флетч. – Мне надо отойти на минутку.

– Неужели тебе так приспичило, что ты не можешь потерпеть?

Джек поставил диск на проигрыватель, повернул верньер звука.

– Громкости достаточно?

– Я тебя не слышу, – ответил Флетч. – Музыка все заглушает.

Из динамиков гремел военный марш.

И тут же, словно марионетки на ниточках, несколько мужчин у костра замаршировали, махая руками с зажатыми в них бутылками. Угрюмость, написанная на их лицах, сменилась блаженством.

Флетч проскользнул между трейлеров и нырнул в лес. Он ничего не слышал, кроме шуршания опавших листьев под ногами да грома военного марша, доносившегося с вырубки.

И тут что-то стукнуло его по голове, повыше уха, из глаз посыпались искры. Сбитый на землю, он откатился в сторону.

Шериф Джо Роджерс стоял над ним, сжимая в руке толстую палку.

– Дерьмо! – прорычал он, глядя на Флетча. – Зачем ты меня искал?

– А почему бы и нет?

– Тебе не положено искать меня.

– Нельзя же убить только за то, что я искал вас, Джо.

– Еще как можно.

Шериф взмахнул палкой, целясь в голову Флетча.

Флетч схватил палку, потянул на себя. Шериф начал падать на него. Флетч ногой ударил шерифа в живот. И вновь откатился в сторону, дабы шериф упал на землю, а не на него.

Шериф на мгновение застыл, лежа лицом вниз, широко расставив ноги.

– Ты намеревался убить меня, Джо? – Флетч дал шерифу пинка. – Ты намеревался убить и Кэрри. – Второй пинок по заднице был покрепче первого. – Поднимайся, негодяй. Я хочу видеть твою мерзкую физиономию.

Для мужчины таких габаритов шериф встал на удивление легко. Они оказались совсем рядом.

– Сукин сын, – Флетч кипел от гнева. – Обеспечиваешь, значит, безопасность Клана.

– Не просто обеспечиваю, а возглавляю Службу внутренней безопасности, – поправил его шериф.

Флетч пренебрежительно хмыкнул.

– Естественно! Как же без громких титулов! Шериф службы внутренней безопасности! В банде психопатов, так и не вышедших из детства.

– Ты здесь лишь по одной причине, Флетч. Чтобы уничтожить нас. Так или иначе.

– А ты лишь выполняешь свою работу. Не так ли, шериф?

– Совершенно верно.

– Прошлой ночью ты и твои помощники вроде бы искали командора Крайгеля. Вы дали ему пройти, не так ли? А что за спектакль устроил ты мне этим утром? Кэрри везла эту образину в кузове грузовика. Я еще подумал, что это ты так легко на все соглашаешься?

Шериф шагнул к Флетчу. Его кулаки размером могли соперничать с шарами для боулинга.

– Я-то думал, что хорошо знаю тебя, Джо.

– Ты скажешь мне, как собирался нас уничтожить, Флетч. Скажешь, что ты тут делаешь. Иначе я выбью из тебя все, что мне нужно.

– Попробуйте. Вам уже известно, что у меня крепкая голова.

– Говори, черт побери, пока я не отвернул твою паршивую голову.

На вырубке гремели военные марши.

– Я привез сюда Крайгеля.

– Это точно.

– Вы потеряли его около моей фермы, не так ли?

– Ты привез его не просто так. Ты – не наш.

– С чего такая уверенность, Джо?

– Я знаю тебя, Флетч. Знаю о тебе все, Ирвин Морис Флетчер. Ты здесь только по одной причине. Чтобы растоптать нашу орга-

низацию. Я занимаю в ней важный пост. Защищаю этих людей. А ты лжешь. И остановить тебя можно только одним способом – незамедлительно с тобой разделаться.

– Да уж, такие подонки, как ты, знают только один выход из любого положения – убийство. Так, Джо?

Шериф улыбнулся.

– И здесь ты прав.

– Мог бы и не улыбаться.

Шериф двинулся на него, попытался схватить, чтобы повалить на землю и сломать шею.

Но Флетч отреагировал мгновенно. Ускользнул от рук шерифа, успев ударить его ребром ладони по переносице.

Он уже думал, что шерифу его не достать, когда что-то огромное обрушилось ему на голову.

У Флетча подогнулись ноги. Лежа на земле, он увидел перед собой толстую палку, которой ранее ударил его шериф. Схватил ее. Уже поднялся на колени, когда шериф вновь бросился на него. Держа палку обеими руками, вогнал свободный конец в живот шерифа. Вскочил на ноги, пока шериф падал на землю. С силой ударил его палкой по затылку. Шериф затих и не шевелился.

Флетч прощупал пульс за ухом шерифа. Сердце работало. Шериф потерял сознание, но не умер.

Пошатываясь, Флетч направился к бревенчатому дому. Болела голова. Ему казалось, что кровь в мозгу свернулась, не желая течь по венам. Болела шея. Он почти ничего не видел.

– Лагерь Орания, – пробормотал Флетч. – Место, куда весь мир приходит поплевать.

Второй раз он упал у трейлера. Ноги отказывались ему служить. Неимоверным усилием воли он сумел не лишиться чувств. Ему становилось все хуже.

Я должен ясно мыслить, говорил себе Флетч, я должен увезти отсюда Кэрри.

Он привалился спиной к бетонному блоку, подставленному под угол кузова.

Кровь уже свернулась во всем его теле. Ноги не желали двигаться.

Ему нужно время, несколько минут, чтобы вернуть способность мыслить, восстановить зрение.

Теряя сознание, вновь приходя в себя, в какой-то момент он вспоминал, что забыл взять у шерифа маленький пистолет, который тот всегда носил засунутым в сапог.

Он также вспомнил, что оставил шерифу и струну, которой тот душил неугодных.

Глава 16

– Флетч, что с тобой?

В ушах у него гудело, перед глазами все пылало, он не видел и не слышал, как подошла Кэрри.

– Превратился в кокосовый орех.

– Что случилось?

– Меня ударили по голове.

- Чем?

- Шаром для боулинга.

- Чушь несешь. И глаза у тебя стеклянные.

- Я столкнулся в лесу с Роджерсом. Захотелось узнать, сказала ли Джек правду. Джо был мне другом.

- Похоже, Джек тебя не обманул.

- Это точно.

- Бедная Фрэнси. Я уверена, что она не имеет об этом ни малейшего понятия. - Кэрри вгляделась в темный лес. - Где сейчас Джо?

- Отдыхает. - Флетч показал кулаком, в каком направлении следует искать Джо. - Я вышиб из него дух.

- Ты избил шерифа? - нервно спросила Кэрри.

- Он даже потерял сознание. И едва ли скоро придет в себя. - Флетч осторожно пощупал шишки на голове. - Я и представить себе не могу, что мы скажем в свое оправдание, когда уедем отсюда.

- Мы можем сейчас уехать?

- Я не могу вести машину. Плохо вижу. Не могу даже ходить. Сядь. Дай мне несколько минут. А потом мы уедем.

- Бедный Флетч. - Кэрри вновь глянула на лес, села, взяла Флетча за руку. - Могу я что-нибудь для тебя сделать?

- Да, - ответил Флетч. - Не пой мне маршевых песен.

- Я и не собиралась.

Флетч попытался разглядеть, что происходит на вырубке.

Мужчины кружили вокруг костра, кто по часовой стрелке, кто - против. Некоторые делали вид, что держат в руке маршалский жезл, другие показывали, что несут на плече ружье. Они начали шлепать по затылкам, по плечам тех, мимо кого проходили. Чувствовалось, что в шлепки вкладывается сила.

Флетча передергивало при каждом ударе по голове, который он видел.

"Танец" становился все более неистовым.

Мужчины, похоже, наслаждались собой, своим насилием.

Большинство скинуло рубашки. Их потные тела блестели в лунном свете и в свете костра.

Поначалу удары по голове, по плечам наносились открытой ладонью. Потом, раздевшись до пояса, мужчины начали сталкиваться друг с другом, смеялись, затем всем телом ударялись в кого-то еще. Некоторые падали. Казалось, они затеяли веселую, примитивную, глупую игру. Кое у кого на лицах появилась кровь. Один мужчина, чем-то разобиженный, разбил бутылку об голову юноши. Тот, естественно, рухнул на землю. Часть мужчин разбилась на пары и начала бороться, не соблюдая правил.

А динамики по-прежнему изрыгали марш.

- Что они нашли в этом забавного? - спросила Кэрри, наблюдавшая за "танцами". - Или хотят доказать, что главное для мужчины - крепкий кулак?

- Обычная субботняя ночь в летнем лагере, - ответил Флетч.

Лири попал в свою стихию. С безумным смехом он метался по вырубке, сталкивался с людьми, валял их на землю, бил кулаком в лицо.

— Не понимаю, как ему удается просто держаться на ногах, — вздохнул Флетч.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как кто-то подскочил к Лири сзади и хватил доской по голове.

Флетч обеими руками схватился за свою голову.

Лири рухнул, как подрубленный дуб.

— Ему и не удастся, — ответила Кэрри на предыдущую фразу Флетча.

Некоторые из молодых начали демонстрировать приемы, которые, судя по всему, видели в фильмах. Какие-то неуклюжие удары ногой, направленные то ли в шею, то ли в голову, после которых они сами падали на землю...

— Отвратительно, не правда ли?

Произнесший эти слова Крайгель стоял у трейлера, чуть в стороне от Флетча и Кэрри.

Они повернулись к нему.

В мерцающих отблесках костра родимое пятно на переносице Крайгеля то появлялось, то исчезало.

— Это не сароега, — подтвердил Флетч.

Крайгель на шаг приблизился к Флетчу.

— А что это такое?

— Кикбоксинг, — ответил Флетч. — Искусство, танец, метод борьбы, созданный бразильскими рабами для защиты своих хозяев.

— Черными рабами?

— Да. Черными рабами. Это красиво. И смертельно опасно.

— Красиво?.. — Крайгель наблюдал за мужчинами, мечущимися у костра, наносящими удары кулаками, ногами.

Несколько человек уже без чувств лежали на земле. У большинства остальных кровь шла из носа, рта, ушей.

— Полагаю, вы разочарованы тем, что увидели в этом полушарии, доктор.

— Они так глупы, — вздохнул Крайгель. — Невероятно глупы. Надеюсь, вы понимаете, что у меня нет сомнений в глупости этих животных, мистер Флетчер?

— Животных? Так это не супермены?

— Нет. Вы супермен, мистер Флетчер. Все это я делаю для вас.

— Напрасные старания.

— Никогда не судите о лидере по его последователям.

— Не судить?

— Разве можно мерить одной меркой меня и этих глупцов?

— А разве нельзя?

— Мы лишь используем этих психопатов для достижения поставленной нами цели.

— Используйте их, — повторил Флетч.

— Разумеется. Используем. Хотелось бы без этого обойтись, но не получается. Так что по многим причинам вы должны быть мне благодарны.

— Извините, я никогда не ношу с собой чековую книжку.

— Где бы были этой ночью собранные здесь идиоты, чем бы занимались, если б сейчас не вышибали друг другу мозги?

— Может, пекали бы дома пирожки?

– Для них жизненно важно в чем-то участвовать, состоять в чем-то большом, лучше в тайном обществе, которым они могли бы гордиться. Эти болваны по своей сущности члены банды. Они не способны, вы видите это сами, жить своей собственной жизнью. Это не личности. Мы лишь пользуемся этим. Направляем их энергию. Организуем их. Им необходима вводимая нами дисциплина.

Флетч едва не задохнулся от негодования.

– Дисциплина! – Он потер лоб ладонью. По ходу разговора Крайгель неоднократно пристально смотрел на Флетча, дабы понять, не произошло ли с ним чего. – Странное у вас понятие о дисциплине.

– Да, – кивнул Крайгель. – Дисциплина. Дисциплина в секретности. Пока они принадлежат нам, они сдерживаются, находясь среди обычных людей, хранят в тайне сведения о могуществе нашей организации. Дисциплина зиждется на вере в величие нашей миссии.

Флетч смотрел на округлый животик Крайгеля, его узкие плечи, двойной подбородок.

– К этим дуракам я не испытываю ничего, кроме презрения, – закончил Крайгель и растворился во тьме.

– Я тобой горжусь, – сказала Кэрри после его ухода.

– Почему?

– Ты артист. Старый дурак так и не понял, что ты не можешь шевельнуть и пальцем.

– Это точно. Я же Зигфрид.

Джек появился из-за угла бревенчатого дома.

– Я ищу вас обоих. Что вы здесь делаете?

– Приходим в себя, – ответил Флетч.

– Он столкнулся в лесу с шефом службы внутренней безопасности, – пояснила Кэрри.

– Вашей службы, – добавил Флетч. – Шеф по какой-то причине не поверил, что я – один из вас. Я запомнил сказать ему про Зигфрида.

– Похоже, они схватились, – встала Кэрри. – Флетч победил.

– Выглядит он совсем не как победитель, – отметил Джек. – А где же наш шеф?

– Надеюсь, мучается ночными кошмарами, – ответил Флетч. – Возможно, ему чудится, что черные захватили власть над миром и заставляют его собирать хлопок и петь еврейские песни.

Кэрри повернулась к Джеку.

– Флетч не может встать.

– Это я понимаю.

– Я скоро оклемаюсь, – пробормотал Флетч. – И мы уедем отсюда.

Джек сел на траву так, чтобы видеть Флетча, Кэрри и костер.

– Знаешь, Джек, – подал голос Флетч, – этот лагерь ужасно защищен.

Взгляд Джека скользнул по холмам.

– Я знаю. Печально, конечно. Практически ни у кого из этих парней нет военной подготовки. Примерно восемьдесят пять процентов из них побывали в тюрьмах и психиатрических клиниках.

- Это меня пугает, – призналась Кэрри. – Столько идиотов, бегущих с автоматами, пистолетами, ножами, цепями, кнутами.
- Я вас тоже пугаю? – спросил Джек.
- Конечно, – с улыбкой ответила Кэрри.
- Я так и думал. Вы же видите, какой я страшный.
- Наверное, увижу, – заметил Флетч. – Но сначала мне надо прийти в себя.
- Тебе получше? – спросила Кэрри.
- Да, – Флетч медленно поднялся.
- Постоял, дожидаясь, пока пройдет головокружение.
- Джек и Кэрри тоже встали.
- Что ж, позвольте вас покинуть, – сказал Джек.
- С нами не поедешь?
- Нет, – последовал короткий ответ.
- Джек повернулся, засунув руки в карманы, и зашагал к бревенчатому дому.

Глава 17

Следуя за Кэрри, Флетч направился к тому месту, где стояли легковушка и грузовичок.

Шли они между деревьями и трейлерами. Двигался Флетч с трудом, болела голова, ноги едва держали тело. Он боялся, что вот-вот свалится снова.

Падать не хотелось.

– ФЛЕТЧ!

– О-о-о-о, – выдохнул Флетч.

Он почувствовал на шее струну. Кто-то затягивал ее сзади. А он-то уже решил, что ему удастся вывезти Кэрри из лагеря.

Пытаясь засунуть пальцы правой руки под струну, Флетч отмахнулся левой рукой. Он увидел, что Кэрри сидит на земле, словно тряпичная кукла на магазинной полке.

В ушах зашумело.

Его глаза закрылись. Внезапно давление на шею ослабло, и он повалился на землю.

Упав, тут же сел. Пальцами правой руки сорвал струну с шеи.

Рядом лежало тело крупного мужчины.

Над ним стоял стройный юноша.

Присев над телом, юноша перевернул тело.

– Джек? – Кэрри приблизилась к лежащему на земле мужчине и склонившемуся над ним юноше.

Подойдя вплотную, положила руку на плечо юноши.

– Джек...

Флетч встал. Шагнул к ним.

– Он мертв, – вздохнула Кэрри. – Бедная Фрэнси.

Не вставая, с посеревшим лицом, Джек посмотрел на Флетча.

– Видите? Я убил полицейского.

Втроем, Джек, Кэрри и Флетч, двинулись к легковушке и грузовичку. Теперь они уже не прятались в тени деревьев.

Поначалу шли молча.

Шерифа они оставили рядом с опушкой, где обычно никто не ходил.

– Я ударил его только раз, – нарушил молчание Джек.

Кэрри всхлипнула.

Уже у самого грузовичка они столкнулись с группой мужчин. Те тащили по земле что-то тяжелое.

Как выяснилось, бычка.

– Эй, лейтенант! – воскликнул один из мужчин. – Ты не голоден?

Флетч подошел к мужчинам, остановившимся передохнуть, и посмотрел на Кэрри, стоявшую в нескольких шагах.

– Мы собираемся зажарить его, – добавил другой мужчина.

– Я присоединюсь к вам через несколько минут, – тихо произнес Джек.

Он и Флетч двинулись дальше. Кэрри обогнала их и первой вошла в лес. Закричала.

Когда Флетч подскочил к ней, она лупила кулаками по болтающимся в воздухе ногам мужчины. Она натолкнулась на них. Ноги болтались на уровне ее головы и плеч.

Флетч оттащил ее от болтающегося трупa. Посмотрел вверх. Узнал грязный фартук.

– Мой Бог! – ахнул Джек. – Они повесили повара!

Члены Клана не дождались, пока бычок зажарится на углях, оставшихся от костра. Они слишком оголодали. Куски мяса едва прогрелись, когда люди начали рвать его руками и есть практически сырым.

Две из четырех комнат первого этажа окнами выходили на ту же сторону, что и крыльцо. Маленькая комната, где работал Джек, служила кабинетом, побольше, с камином, – столовой и кухней. Одну из оставшихся отвели Крайгелю, во второй спал Вольф.

Первым делом Джек скопировал на дискеты, купленные в торговом центре, все файлы, хранящиеся в памяти компьютера: списки членов с указанием фамилии, адреса, возраста, рода деятельности, кратких биографических данных, фамилии и адреса подписчиков ежемесячного журнала "Клан", фамилии и адреса тех, кто жертвовал Клану деньги, адреса и названия банков, в которых Клан держал деньги, с фамилиями владельцев счетов.

Одним из них, в банке Бирмингема, значился Карстон Вольф. На его счету лежало пятьдесят три тысячи двести восемьдесят пять долларов и двенадцать центов.

Воспользовавшись книгой паролей и модемом, Джек проник в гигантскую компьютерную сеть. По "доске объявлений" ознакомился со всеми посланиями с пометкой "Всем штаб-квартирам! Срочно!" за последние сорок восемь часов.

Главная новость заключалась в том, что преподобный доктор командор Крис Крайгель бежал из федеральной тюрьмы в Кентукки и скоро будет среди своих соратников, чтобы "по праву возглавить международное движение".

Крайгель характеризовался как "основатель и организатор интернационального Клана, известный религиозный лидер, историк, антрополог, философ, профессор, писатель, активный защитник прав белых". Указывалось, что он разыскивается властями Южно-Африканской Республики и полицией нескольких европейских стран.

Ни в одном из сообщений не говорилось о прибытии Крайгеля в лагерь под Толливером, штат Алабама. Зато хватало заявлений о том, что "свобода, жизнь и безопасность Крайгеля должны обеспечиваться любыми средствами, даже ценой жизни членов Клана, принесенной в жертву во благо остальных".

Хватало на "доске" и посланий Крайгелю, вероятно, от различных религиозных штаб-квартир Клана, расположенных как на территории страны, так и за рубежом. Большинство из них содержали персональные заверения в стремлении работать плечом к плечу с Крайгелем, дабы "содействовать дальнейшему укреплению интернационального Клана".

Джек нашел, что с помощью маленького компьютера в лагере Орания под Толливером можно без труда получить списки членов всех групп, разбросанных по стране и миру. Нашел он перечень "Намеченных к уничтожению". К его несказанному удивлению, компьютер любезно предоставил всю интересующую его информацию по немецкому подразделению организации, называющемуся "Аутономен", члены которой предпочитали появляться на людях в масках, ставили перед собой задачу "защиты" демонстрантов, выступающих за права белых, от немецких правоохранительных органов.

Клан мог гордиться идеальным ведением документации.

— Блайт-Спирит. Доброе утро.

— Доброе утро. Это Джек Фаони. Могу я поговорить с моей мамой, мисс Кристал Фаони?

— Ваша мать медитирует. Вы знаете пароль, мистер Фаони?

— Здоровье, — ответил Джек.

Этим паролем Кристал пользовалась с самого первого визита в Блайт-Спирит. Он никогда не менялся.

Джек вернулся в кабинет в бревенчатом доме, служившем штаб-квартирой, после прогулки по лагерю Орания. Когда уже совсем рассвело, он прогулялся по окрестностям с видеокамерой. И заснял все. Шоссе, проселочную дорогу, трейлеры, навесы, переносные туалеты, бревенчатый дом, флагшток, флаг, окружающие лагерь холмы, мишени на стрельбище, опечатанный старинный бункер, в котором, как он предполагал, хранились оружие и боеприпасы.

Напоследок он навел видеокамеру на повара, болтающегося на толстой ветви.

Вернувшись в штаб-квартиру, он нарушил завтрак командоров Крайгеля, Вольфа и лейтенанта Трейси, сообщив им о том, что повара повесили.

Крайгель хлопнул ладонью по столу и рассмеялся.

— Понятно! Значит, они блевали не от моей речи! А я-то уж подумал, что потерял прежнюю хватку! Парни разобрались, что во всем виноват фаршированный перец! И повесили повара!

— Черт! — выругался Вольф. — Хорошего повара не так-то легко найти. Этот готовил неплохо. Из любых продуктов.

— Хорошо, что они повесили повара, а не оратора! — Крайгель вновь рассмеялся. — Другого, наверное, и быть не могло! Парни знают, что не хлебом единым жив человек!

– Извините, что помешал вашему завтраку, – продолжил Джек. – Я нашел еще одного покойника. В лесу, за женскими трейлерами.

– Возьми пару яиц, Джек, – предложил Крайгель. – Что-то у тебя усталый вид. Плохо спал? Я-то отлично выспался. Крепкий сон – лучшее лекарство от всех болезней. Вы, молодые, быстро восстанавливаете силы. Нам на это требуется куда больше времени. Давай я налью тебе кофе.

Завтрак они закончили вчетвером. Вольф и Трейси обсудили, где похоронить повара и второго покойника. Трейси получила задание найти повару замену и поручить ему незамедлительно готовить завтрак. Похороны Вольф взял на себя.

– Мы отложим церковную службу, чтение Библии и мою проповедь, – решил Крайгель. – Проведем их через час после того, как этого кулинара зароят в землю, – он в какой уж раз рассмеялся. – К одиннадцати мы успеем, не так ли?

– Несомненно. – Вольф поставил на стол кружку из-под кофе, и они с Трейси вышли из дома, Крайгель последовал за Вольфом, чтобы посмотреть, “посинел ли труп”.

Телефонистка переключила Джека на номер Кристал. Она взяла трубку лишь после десятого звонка. Джека это не удивило. Он привык к тому, что его мать еле двигается.

– Привет, ма.

– Джек, как у тебя дела?

– Все ничего. Только хочется поспать и принять душ. Как ты?

– Обычное дело. Потеряла несколько фунтов. – Пустыня Сахара потеряла бы столько же, если б кто позаимствовал ведро песка. – У тебя все в порядке? Расскажи мне о себе. Ты нашел отца?

– Да.

– И что ты о нем думаешь?

– У него старческий маразм.

– Старческий маразм? – переспросила Кристал. – У Флетча?

– Да. Он не может вспомнить ни одну из историй, которые ты рассказывала о нем...

Глава 18

– Мистер Флетчер. Мы нашли труп! – объявил Эмери.

– Правда?

– Да. Уже раздувшийся.

В воскресенье утром Флетч проверил факс, что стоял у него в кабинете, убедился, что никаких сообщений от Энди Систа не поступало, с чашкой кофе поднялся на второй этаж и вышел на балкон. Ему нравилось наблюдать, как утреннее солнце разгоняет туман. Голова еще болела, саднила шея в тех местах, где струна впилась в кожу.

Из лагеря Орангия под Толливером они с Кэрри уехали около полуночи.

Флетч уже сел за руль, когда Джек наклонился к окошку, словно хотел еще что-то сказать. Флетч ждал, не заводя двигатель, но Джек не разжимал губ.

Тут Флетч понял, что Джек все еще в шоке: он убил человека, они наткнулись на повешенного повара.

Так что первой на проселочную дорогу, ведущую к шоссе, выехала Кэрри.

— Интересно мы провели время, не так ли? — спросил Флетч Джека.

— Да уж, уик-энд еще не закончился.

Джек огляделся.

— Почему вы уезжаете? Развязка может наступить в любую минуту.

— У меня есть другие дела, — холодно ответил Флетч.

Джек не поинтересовался, какие именно.

— Я отличаюсь тем, что всегда докапываюсь до истины.

— Не потому ли вас однажды едва не убили*?

— Информации, полученной из одного источника, обычно недостаточно даже для написания газетной статьи**. Между прочим, спасибо тебе, что взял для нас дробовик. Ты провел нас обоих.

— Наверное, я еще не могу сказать вам: "Верьте мне".

— Да нет, — возразил Флетч. — Можешь. А теперь повторй за мной.

— Я готов.

— Все бандиты — трусы.

— Все бандиты — трусы.

— Параноики — враги самим себе.

— Параноики — враги самим себе.

— До свидания.

— До свидания.

По пути на ферму, следуя за Кэрри, Флетч заказал билет на самолет.

Потом позвонил Энди Систу домой.

— Энди! Держу пари, за этот день я успел тебе надоест.

— Нет, сэр, — Энди зевнул. Уже перевалило за полночь, и Энди, скорее всего, успел заснуть. — Все нормально.

— Дело в том, что я хочу дать материал о людях, которые могут умереть от ожирения. Особенно меня интересует санаторий "Блайт-Спирит" в городе Форварде, штат Висконсин.

— Вы охрипли, мистер Флетчер. У вас болит горло?

— Есть немного.

— Жаль. Когда вы хотите отснять этот материал?

— Завтра.

— Вы хотите сказать, сегодня? В воскресенье?

— Разве уже воскресенье?

— Для меня да. Если я ложусь в кровать, а потом просыпаюсь, сколь бы мало я не спал, для меня это уже следующий день. Так я воспитан.

— Ясно. Сегодня. В воскресенье.

— К чему такая спешка, мистер Флетчер? Материал-то не сенсационный.

— Согласен.

— Я вас понял. Извините. Таким образом вы хотите добраться до этой Фаони.

* Подробнее в романе "Выбор Флетча".

** Расшифровку этой фразы следует искать в романе "Флетч и ядра Бредли".

— Правильно.

— И вам нужно добраться до нее как можно скорее из-за другой истории, над которой вы работаете.

— В логике тебе не откажешь, особенно, если учитывать, что ты еще окончательно не проснулся.

— И позвольте мне высказать догадку: другая история имеет непосредственное отношение к беглецам из федеральной тюрьмы в Кентукки. Я не ошибся?

— Сейчас ничего не могу тебе сказать. Я не уверен, о чем эта история. Не уверен, есть ли она вообще. А если и наберется материал для репортажа, я не имею ни малейшего понятия, как его подать.

— Я понимаю.

— Энди, откровенно говоря, в этой истории у меня личный интерес.

— Ага! Так я и думал. Фаони — ваша давняя пассия!

— Так что я оплачу свои расходы сам.

— Мы, работающие за жалованье, оценим это, мистер Флетчер.

— Есть сейчас в Чикаго свободная съемочная группа? Смогут Синди и Мак встретить меня в аэропорту от двенадцати до часа дня?

— Я узнаю.

— Комментарии я, разумеется, напишу сам, если...

— Да, сэр, мистер Флетчер. Я распоряджусь, чтобы отдел исследований передал вам по факсу всю информацию о людях, которые не могут оторваться от еды. Вы получите ее еще до рассвета.

— Отлично. И все о "Блайт-Спирит". Кому принадлежит санаторий, кто им руководит, покрываются ли их услуги медицинской страховкой или клиент платит по кредитной карточке.

— Да, сэр. Но, мистер Флетчер...

— Слушаю, Энди.

— Когда я в прошлый раз звонил в "Блайт-Спирит", они изо всех сил оберегали своих клиентов. Почему вы думаете, что воскресным днем они с распростертыми объятиями примут вас, Синди и Мака с его видеокamerой?

— Разумеется, тебе придется их уговорить. Очаровать. Заверь их, что мы ни в коем случае не посягаем на право их клиентов на уединение. Разве что среди них найдется доброволец, который сам пожелает выступить перед камерой. Мы не будем навязывать им свою волю.

— А не заподозрят они, что мой полуночный звонок, извещающий о прибытии съемочной группы Ге-ка-эн, вызван не интересом к санаторию, а чем-то иным?

— Я уверен, что "Блайт-Спирит" — частный санаторий, единственное назначение которого — получение прибыли. Энди, мы же предлагаем отрекламировать их бесплатно. Они просто вцепятся в тебя. Известность означает приток новых клиентов, новые поступления в кассу. И мы дадим им возможность познакомить общественность с их фирменными методами лечения. Будь уверен, они клюнут на такую приманку.

Энди промолчал.

А Флетч, хохотнув, продолжил:

– Ну хорошо, позвони в "Блайт-Спирит" утром. Скажи, что наша съемочная группа случайно оказалась в их округе, так что им предоставляется шанс...

– Я понял.

– Извини, что звоню так поздно в субботний вечер.

– В воскресное утро.

– В воскресное утро.

– Ничего страшного, мистер Флетчер. Всегда интересно наблюдать, как вы работаете. Держу пари, вы попали на сенсационный материал.

– Не делай ставку на то, чего не знаешь, Энди.

Когда они прибыли на ферму, чисто вымытый джип стоял под навесом. Поэтому Флетч решил, что в некоем деле поставлена точка. Он подумал, что останки Хуана Морено вывезены с территории фермы.

Мешок для мусора с грязными тюремной одеждой и ботинками стоял нетронутый у двери черного хода.

Телефон работал.

Флетч еще не успел выпить кофе, когда на двор въехал грузовик Эмери. Обычно Эмери не появлялся на ферме по воскресеньям.

Эмери подошел к дому, щурясь от солнечного света.

– Я не знал, что вы с Кэрри вернулись ночью. Поэтому решил подъехать, чтобы накормить лошадей и кур.

– Спасибо, Эмери. Мы вернулись довольно-таки поздно.

– Я понял, что вы дома, лишь увидев ваши автомобили под навесом.

– Мы ездили на танцы. В Алабаму.

– Хорошо повеселились?

– Пожалуй, да.

– Вы тоже танцевали, мистер Флетчер?

– Нет, только смотрел.

– Много хорошеньких девушек?

– Хорошеньких девушек... – Флетч загнулся, вспомнив потных, обнаженных до пояса мужчин, лупящих друг друга у костра. – Кроме Кэрри, я ни на кого не смотрю.

– В гости к маме вы бы их не позвали, так?

– Кое-кого я бы позвал к судье.

– Такие страшные?

– Ужасные.

– Мистер Флетч, я подумал, что мы потеряли корову. Учужа трупный запах. Нос вывел меня к оврагу. Там лежит человек. Мертвый. Подозреваю, один из сбегавших преступников.

– Возможно. Утром все твои родственники были на месте, Эмери?

Эмери рассмеялся.

– Всех их перечислить невозможно. Но в трупе я никого из них не признал.

– Это хорошо, – Флетч допил кофе. – Пожалуй, прогуляюсь с тобой к оврагу, прежде чем позвоню в полицию...

– Полагаю, мне придется слетать в Чикаго.

Кэрри вошла в кабинет, в халате, с чашечкой кофе.

Сидя за столом, Флетч просматривал материалы, полученные по факсу из штаб-квартиры Ге-ка-эн и от Энди Систа. Методы лечения обжор вообще и применяемые в "Блайт-Спирит" в частности, год основания санатория, его структурные подразделения, фамилии владельца, администрации, ведущих специалистов, расчетное число пациентов, номер лицензии.

Помимо этого Энди сообщал, что Мак в больнице с переломом ноги, но в чикагском аэропорту от двенадцати до часа его будут ждать Синди и Роджер. Администрация "Блайт-Спирит" с радостью согласилась принять съемочную группу Ге-ка-эн во второй половине дня и со своей стороны пообещала уговорить одного или двух пациентов "сказать им несколько слов о качестве лечения и уровне обслуживания".

— Когда? — Кэрри села на диван.

— Сейчас оденусь и поеду.

— Ты собираешься пообщаться с Кристал? Но я думала, что она никого к себе не подпускает.

— Я надеюсь пообщаться с Кристал.

— Может, она покажет тебе почтовые открытки, которые ее сын посылал из Греции?

— Может, и покажет.

— А что ты предпримешь, если так оно и будет?

— Не знаю.

— "Мы все — загадки, требующие решения", — процитировала Кэрри Флетча.

— Что-то в этом роде, — ответил Флетч.

— Не знаю, что еще ты можешь предпринять. Ты должен попытаться встретиться с Кристал, и как можно скорее. Но, чьим бы сыном ни был этот парень, прошлой ночью он спас нам жизнь. В этом сомнений нет. Я практически не сомкнула глаз. Все время ворочаюсь без сна.

— Я знаю.

— Флетч, я до сих пор сомневаюсь, наяву это видела или мне все причудилось. Эти жуткие мужики. Эти безумные глаза. Оружие. Грязь, в которой живут их женщины и дети. Эти трое парней, которых разметал старина Лири. Их мерзкие речи. "Ниггеры", "дети Сатаны", "сионистское государство". Бесконечные вопли о "правах белых" до сих пор звенят у меня в ушах. А как они все блевали. Неужели Джек добился этого с помощью электроники? А бешеные танцы у костра. Эти глупые люди, сталкивающиеся, словно самодвижущиеся игрушки, лупящие друг друга по головам. Шериф Роджерс, убитый одним ударом. Повар, болтающийся на дереве.

Глаза Кэрри припухли от слез.

— Эта ночь далась тебе нелегко.

— Тебе тоже.

— Пока я ни в чем не уверен наверняка. Может, причина в тех ударах, которыми наградил мою голову шериф. Я до сих пор не знаю, почему все это произошло, и что, ежели такое вообще возможно, мы должны предпринять.

— Я не буду знать, что действительно видела и слышала, пока окончательно не выяснится, сын тебе Джек или нет. Это логично?

Флетч не спешил с ответом.

– Я хочу сказать, – продолжила Кэрри, – что делает Джек среди этих людей, если он твой сын? Так или иначе, почему он затянул нас в эту мерзкую историю?

– Дети только и занимаются тем, чтобы создавать проблемы родителям. Мне не раз говорили об этом. – Флетч потянулся к телефону. – Я должен позвонить в полицию.

– Бедная Фрэнси, – вздохнула Кэрри. – Я же ей ничего не смогу сказать.

– Это точно.

– Этна? Почему ты на работе в воскресенье? А как же хор?

– Доброе утро, мистер Флетчер. Все остальные совершенно вымотались после охоты на сбежавших преступников. И от шерифа со вчерашнего дня ни слуху, ни духу. Слово он умер.

Флетч воздержался от комментариев.

– Этна, мы нашли в овраге покойника.

Глаза Кэрри вылезли из орбит.

– Не может быть!

– Может. Судя по тому, как выглядит труп, он пролежал в овраге больше суток. Тело невероятно раздулось. Лопнули все пуговицы на рубашке, разорвалась молния на джинсах.

– О-о-о, – простонала сидевшая на диване Кэрри.

– Готов поспорить, это один из сбежавших преступников, которых вы искали.

– Шерифа это порадует. Парни разочарованы тем, что не поймали хотя бы одного из этих бандитов. Я сейчас же позвоню ему. Возможно, он захочет взглянуть на покойника до церковной службы.

– Позвони, пожалуйста.

– А Кэрри далеко?

– Сидит рядом.

– Передайте ей трубку. У меня есть рецепт орехового пирога Энджи Келли, который Кэрри хотела переписать...

Флетч протянул трубку Кэрри.

– Этна хочет поговорить с тобой. Насчет орехового пирога.

– О, Господи! – Кэрри пересекла кабинет, взяла трубку.

– Доброе утро, Этна, как поживаешь?

Поднимаясь на второй этаж, Флетч бормотал: "Боже ты мой! Наверное, мы никогда не избавимся от этого проклятого трупа!"

– Майами! – воскликнул Джек. – Фу!

Трейси зарделся, посмотрев на карту.

В воскресенье, в три часа пополудни, они вчетвером стояли у стола.

Совещание началось позже, чем они намечали.

Джек немного вздремнул, а проснувшись, взялся за подготовку системы громкой связи, дабы все могли услышать проповедь преподобного Крайгеля, намеченную на одиннадцать часов.

Разматывая и подсоединяя провода, он увидел возвращающуюся из леса похоронную команду, семь человек с лопатами. Подой-

дя к бревенчатому дому, они долго пили воду из шланга. Как он понял из слов мучимых жаждой мужчин, они вырыли одну очень большую яму. В которую и сбросили повешенного повара, неопознанное тело Джозефа Роджерса и кости теленка.

Преподобный Крайгель сказал над могилой несколько слов, отметив, среди прочего, к изумлению могильщиков, что они "похоронили повара в обнимку с ростбифом".

Перед церковной службой Джек запустил через динамики военные марши, как и приказал ему Крайгель. После бурной ночи члены Клана вяло подтягивались к бревенчатому дому.

Крайгель и Вольф, каждый с Библией в руках, сидели на раскладных стульях на крыльце.

С ангельским выражением лица, не отрывая глаз от флага, Трейси пригласил к микрофону "нашего фюрера, преподобного доктора командора Криса Крайгеля, провидением Божиим освобожденного из когтей сионистского государства".

Паства, рассеявшаяся на земле, пробурчала в ответ: "Хайль". Некоторые подняли правые руки до уровня груди.

— Государства, — без преамбулы продолжил Крайгель, — которое предало каждого настоящего белого гражданина этой великой страны, Соединенных Штатов Америки.

— Права белых, — невянятно донеслось с земли.

— Сегодня, — возвестил Крайгель, — мы стоим у истоков новой мировой революции. Некоторые могут назвать ее возрождением национализма. Это революция Кланов, племен! Мы все поднимаемся и ринемся в битву. Говорю вам, братья мои. Мы должны быть готовы подняться как белая нация! Каждое племя, каждая народность в этом мире стремится к тому же, поэтому мы должны очиститься духовно, очиститься этнически, изгнать из нашей среды всех, кто не наш.

Стоя за электронным пультом, Джек вставил в уши затычки, надел наушники. Повернул некоторые диски.

К его величайшему сожалению, первой начала блевать беременная женщина, затем двое детей. А вскоре все мужчины, поселившиеся едва ли не до утра, стояли на коленях, покрывая землю лужами блевотины. Потом они начали расползаться в поисках чистого места для новых луж.

Трейси тем временем ретировался с крыльца в дом.

Командор Вольф последовал за ним, но на пороге его согнуло пополам, и он облевал как крыльцо, так и прихожую.

Проповедника Крайгеля на этот раз вырвало, когда он отвернулся от микрофона.

Держась за головы и за животы, паства разбрелась. Кто к трейлерам, кто в лес. Некоторые упали на землю прямо на опушке, едва добравшись до тени. В итоге отпала необходимость готовить ленч: аппетит у всех отшибло начисто. Лагерь Орания затих. И совещание командоров Крайгеля и Вольфа началось лишь около трех.

— Вы ему доверяете? — Вольф зыркнул на Джека, вошедшего в комнату.

— О, да, — кивнул Крайгель.

— А я вот нет.

Джек улыбнулся Вольфу.

— Разумеется, вы мне доверяете.

— Джек ниспослан мне Богом, — пояснил Крайгель. — Он пробыл со мной недолго, но именно благодаря ему мне удалось бежать.

— М-м-м-м, — Вольфа этот довод не убедил.

— Джек для меня как сын, — заметил Крайгель. — Кроме того, вы видели его отца.

— Это одна из проблем, — гнул свое Вольф. — Его отец никоим образом с нами не связан, если судить по его словам.

— Еще как связан, — возразил Крайгель. — Отец Джека очень помог мне. Укрыл от полиции, переодел, провез через полицейские кордоны, доставил сюда.

— Мне не понравились разговоры этого Флетчера.

— Неважно, что человек говорит, — назидательно сказал Крайгель. — Главное, что он делает.

— Пожалуй, я с этим разберусь, — упрямылся Вольф. — У меня есть свои источники информации.

— Джек застрелил сотрудника, — Крайгель пустил в ход тяжелую артиллерию. — Женщину.

— Ну хорошо, — согласился Вольф.

Вот тогда Крайгель и расстелил на столе карту Майами.

— Господа, присядем.

Они сели с четырех сторон стола.

— Хотя нас только двое, — продолжил Крайгель, — не считая наших лейтенантов, совещание войдет в историю. Поэтому я попросил Джека записать все на пленку.

Джек достал из кармана диктофон, положил на карту Майами, включил.

Он все равно намеревался все записать, будет на то желание Крайгеля или нет.

— Трейси, — Вольф повернулся к лейтенанту. — Стенографируй.

Трейси уже приготовил доску с несколькими листами бумаги и ручку.

— Я предлагаю трехэтапный план, который позволит нам достичь поставленной цели. Цель эта — выгнать людей из Майами.

— Каких людей? — Вольф уставился на карту, словно хотел найти на ней не название улиц, а фамилии неугодных. — Почему из Майами?

— Разве вы не слышали, что Майами называют "столицей Латинской Америки"?

Вольф об этом, похоже, не слышал.

— Довольно-таки большой город.

— Почти все его жители — чужаки, — беспелеяционно заявил Крайгель.

— Чужаки? — теперь уже Трейси вперился в карту, желая увидеть на ней свидетельство пребывания чужаков.

— И как вы намерены атаковать Майами? — спросил Вольф.

— Первый этап — разведка, — ответил Крайгель. — Второй — диверсии. Третий — вооруженное выступление.

— Вы намерены захватить Майами? — спросил Вольф.

— Совершенно верно, — кивнул Крайгель.

— Захватить и удержать?

– Почему нет? Вы думаете о военной мощи сионистского государства Соединенных Штатов, не так ли?

– Такие мысли приходят на ум.

– Как только мы захватим Майами, весь регион захлестнет поток белых американцев, жаждущих сбросить ярмо так называемой демократии, равенства и прочей белиберды. Контролируемая нами территория будет расширяться, захватывая Техас, Колорадо, Неваду. Майами станет нашей столицей.

– Там прекрасный климат, – отметил Джек.

– Вы мыслите по-крупному, – в голосе Вольфа слышалось уважение.

– Мы это сделаем, – заверил его Крайгель. – Максимум за три года.

– Но как? Где мы возьмем людей?

– Судя по полученному мною докладу, ваша организация насчитывает тридцать тысяч членов. Я, на текущий момент, контролирую половину заключенных Соединенных Штатов. Вы представляете себе, сколько это народу?

– Много, – ввернул Джек.

– Кроме того, мы имеем немало сторонников среди студентов, безработных... Да, люди у нас будут, если мы привлечем их, подготовим и направим их энергию в нужное русло. Нам нужны новые тренировочные лагеря, много лагерей. И за образец мы должны взять организованный вами, командор Вольф, лагерь Орания. – Вольф расправил плечи. – Я вижу, что вы становитесь одним из лидеров нашего движения.

Трейси, раздувшись от гордости, повернулся к Джеку и скорчил гримасу.

– Разведка, – Крайгель наклонился к карте. – Мы должны знать, где расположены электростанции, снабжающие город электричеством. Как перекрыть поступающую в Майами воду. Вывести из строя канализационные коллекторы. Взорвать основные мосты.

– Там тоже море, – заметил Джек. – Океан.

– Да, – Крайгель провел рукой по кусочку Атлантического океана, попавшего на карту. – Я полагаю, что чужаки покинут город морем. Уплывут в Латинскую Америку. И в Нью-Йорк.

– Но они могут доставить по морю еду, воду, войска, – указал Вольф.

– Они не успеют.

– Сэр? – вмешался Трейси. – Как мы сможем атаковать город, предварительно взорвав мосты?

– Это изюминка моего плана, – ответил Крайгель. – Вы слышали о пятой колонне? Троянском коне? Наши войска уже будут в городе. После отключения электроэнергии и воды мы захватим аэропорт. А потом будем занимать квартал за кварталом, тесня чужаков в море.

– Но им не хватит кораблей, – обеспокоился Трейси.

– Пусть выбираются из города вплавь, – усмехнулся Крайгель.

– Ты все записываешь? – спросил Вольф сына.

– Да, сэр.

Вольф откинулся на спинку стула.

– План четкий и продуманный. Скажите мне, командор Крайгель, где мы возьмем деньги для всего этого? На подготовку наших людей, закупку оружия?

– Много маленьких Майами, – ответил Крайгель. – Опробуем все на модели. Через шесть недель, я думаю, командор Вольф, этого времени вам хватит, чтобы подготовить первую группу, мы выберем маленький городок на Юго-Западе, Юге, Среднем Западе, Западе, это неважно, проведем детальную разведку, отключим воду и электроэнергию, атакуем и освободим городские банки и прочие деловые и финансовые учреждения от наличности. Это миллионы и миллионы долларов.

– М-м-м-м, – Вольф обдумывал услышанное. – Экспроприация. Идея мне нравится. Мы постараемся удержать эти маленькие города?

– Нет, – покачал головой Крайгель. – Только обчистим их. Вы наносите внезапный удар, запираете полицейских и прочих городских тиранов в их же собственных тюрьмах и сматываетесь той же ночью, унося с собой все деньги и ценности.

Вольф стукнул ладонью по столу.

– Великолепно! Я за!

– Остальная часть моего плана касается вас и меня, мой дорогой Вольф.

– Не обращайтесь ко мне "мой дорогой", – насупился Вольф.

– Я намереваюсь разместить свою штаб-квартиру здесь, в лагере, который я нарек Оранией.

– Мы будем счастливы принять вас у себя.

– Тогда используйте все ресурсы, которыми вы располагаете, и постройте красивый дом для меня и моих ближайших сотрудников. Большой и роскошно обставленный. С кондиционированием воздуха и бассейном.

Вольф мигнул.

– Будет исполнено.

– Мы должны поддерживать престиж вождей.

– Несомненно.

– Иначе члены нашего общества перестанут нас уважать. И мне потребуется преторианская гвардия, абсолютно верные люди, готовые умереть за меня. Такие дома необходимо построить мне и в других регионах страны, а также подготовить абсолютно безопасные маршруты. Чтобы я мог попасть в любой из них, не привлекая излишнего внимания.

Вольф мигнул несколько раз.

– Послушайте, лейтенант Трейси показывал мне приветствия, полученные из отделений нашей организации как этой великой страны, так и всего мира. Абсолютно ясно, что я – признанный лидер. Я настаиваю на том, чтобы все делалось, как полагается. Я должен иметь все необходимое.

Вольф задумался.

– В том числе вертолеты, – вставил Джек.

– Да, – кивнул Крайгель. – Очевидно, мне придется часто бывать в других лагерях. Вертолеты необходимы.

– Одного не хватит? – спросил Вольф.

– Второй должен быть в резерве.

– И ему нужен по меньшей мере один вертолет для эскорта, – добавил Джек.

Крайгель рассмеялся.

– Не волнуйтесь, – он накрыл ладонью руку Вольфа. – У меня большие планы, но это не значит, что надо хвататься сразу за все. С завтрашнего утра вы начнете готовить людей к нападению на маленький город. Чтобы к нам начали относиться с должным уважением! Чтобы расширить наши ряды! Чтобы набить деньгами наши сундуки! Дать мне возможность свободно передвигаться по стране, встречаться с другими командорами, решать организационные вопросы, содействовать реализации наших целей.

– Майами, – напомнил Джек.

Крайгель встал.

– На Майами!

Трейси вскочил.

– На Майами!

– И последнее, – Крайгель посмотрел в окно. – Надо что-то предпринять для оздоровления этого места. Каждый раз, когда я произношу речь, людей рвет. Причина не в еде. Повара повесили зря. И, разумеется, не в произнесенных мною словах. Должно быть, тут плохая вода.

– Совершенно верно, – поддакнул Джек. – Виновата вода.

Глава 19

– Извините, сэ. Вы мистер Флетчер?

– Да.

Обращаясь к нему молодой человек в белоснежном халате.

– Одна из наших пациенток, мисс Фаони, выразила желание встретиться с вами. Вы не возражаете?

Флетч улыбнулся.

– Отнюдь. Где она?

– В своей комнате. Если хочешь похудеть, нельзя отвлекаться, думать о чем-то другом, но... – молодой человек пожал плечами. – Вас не затруднит пройти со мной?

– Разумеется, нет.

Синди и Роджер встретили Флетча в чикагском аэропорту без четверти час. Втроем, в микроавтобусе Ге-ка-зи, проехали сто двенадцать миль, разделявших Чикаго и город Форвард, штат Висконсин.

Персонал "Блайт-Спирит" принял их с распростертыми объятиями.

Флетч помогал Роджеру искать наиболее выигрышные точки для наружной съемки, в корпусе – брать интервью у сотрудников, администрации, пациентов.

Когда Флетча повели в комнату Кристал Фаони, Синди уже усадила пациента на солярии и готовилась задавать вопросы. Интервью она брала не в первый раз, так что вполне могла обойтись без Флетча. Благо, сценарий был у нее под рукой.

У комнаты под номером 27 молодой человек, сопровождавший Флетча, замедлил шаг.

– Мисс Фаони пожелала во время разговора с вами оставаться за занавеской. Вы понимаете, что это ее право, не так ли, сэ?

– За занавеской?

– Некоторые наши пациенты очень чувствительны, когда дело касается их внешности.

– Понятно.

Флетча ввели в великолепно обставленную комнату. Двухспальная кровать, ночной столик, два широких кожаных кресла, сельские пейзажи на стенах, сдвижная стеклянная дверь на балкон.

Занавеска отделяла часть комнаты от кровати до дальней стены. Белая пластиковая занавеска, совсем как та, что задергивают в ванной, моясь под душем.

Через занавеску Флетч различал лишь очертания огромного тела. Тело венчала сфера с аккуратной прической.

Флетч не сразу понял, что он видит сидящего человека.

– По моим расчетам, Флетч, – раздалось из-за занавески, – если взять за точку отсчета встречу с Джеком, тебе потребовалось меньше сорока восьми часов, чтобы найти меня и прорвать мою последнюю линию обороны.

Голос принадлежал Кристал Фаони.

– Привет, Кристал. Жаль, что не могу сказать "как я рад тебя видеть".

– Невеликая это радость, доложу тебе.

– Как ты узнала, что я здесь?

– Услышала твой голос. Наблюдала за тобой из окна.

– Тебе не было нужды приглашать меня к себе.

– Я пришла к выводу, что ты так или иначе доберешься до меня. Но никак не могла решить, хочу ли я тебя видеть...

– Ты ожидала моего появления здесь?

– Я же тебя знаю.

– Да. Знаешь.

– Ты приехал со съемочной группой Ге-ка-эн?

– Да.

– Ловко. Я уверена, что владельцы и администрация "Блайт-Спирит" рады бесплатной рекламе.

– Они всячески нам содействуют. Так почему ты пригласила меня в свою комнату?

– Как только я увидела тебя... Ты на это рассчитывал, не так ли... Ты почти не изменился. Ты сидишь?

Кристал освещал падающий из окна свет. Он же находился в тени, поэтому она его не видела.

– Нет.

– Присядь, пожалуйста.

Флетч едва не утонул в кресле. И уж, конечно, не смог положить руки на подлокотник. Конструкторы кресла предполагали, что сидеть в нем будут более пышнотелые люди.

– Благодарю. Мне вспоминается, что в свое время мы вывалились из душа аккуратно через такую же занавеску.

– Я это тоже помню. Мокрые, голые, как это было чудесно. Ты журналистка, не помню ее фамилии, нашла нас на полу. Когда мы пытались выбраться из-под занавески.

– Фредди Эрбатнот.

— Мы так смеялись. Я боялась, что ты используешь ее появление как предлог для прекращения того, чем мы занимались. Ты, однако, этого не сделал.

— Нет, не сделал.

— Тебя не так-то легко смутить.

— Джек — мой сын?

— А как ты думаешь?

Перед мысленным взором Флетча побежали образы: молодой человек, весь в грязи, в мокрой тюремной одежде, он же, часом позже, чисто вымытый, Джек, сидящий на заборе, освещенный утренним солнцем, Джек, поворачивающий диски электронного пульта в лагере Орания, Джек, склонившийся над телом шерифа Роджерса, Джек, стоящий у дверцы автомобиля, повторяющий за Флетчем фразы...

— Да.

— Так оно и есть.

— Люди отмечают наше физическое сходство.

— Мозги у вас тоже устроены одинаково. Он чертовски любопытен. И душой весь в тебя. Ты нашел его остроумным?

— Остроумным? Наполовину.

— Тебе он понравился?

— Есть и такое.

— Ты его полюбил.

— Кристал, почему ты не сказала мне, что у нас растет сын?

— Ты сердисься на меня?

— Ужасно.

— Почему?

— Ты лишила меня приятных минут. Сама понимаешь, отец и сын, сын и отец. Дни рождения. Футбол.

— Ребенок в доме — это не только дни рождения и футбол.

— Ты считала меня абсолютно безответственным?

— Сколько раз ты женился? Трижды?

— Да.

— У тебя были дети от других жен?

— Ты же не знала моих жен. Я хочу сказать, ты была знакома только со мной. Тогда мы еще не успели повзрослеть. Я до сих пор не знаю, что побудило меня жениться на Барбаре и Линде.

— Ты, бывало, говорил, что веришь в общественные институты.

— Да.

— Меняем не только мы, но и они.

— А особенно меняет их технический прогресс. Велосипед. Автомобиль. Радио, телевидение, телефон, компьютер. Противозачаточные таблетки. Человеческие отношения меняются куда быстрее, чем сами люди. Мы пытаемся не отставать. Но большинству это не удается.

— У твоих жен детей от тебя не было, не так ли? Как бы ты воспринял известие о том, что я родила от тебя? Какие бы испытывал чувства?

— Возможно, был бы счастлив.

— Ты женился на принцессе из Восточной Европы. Я читала, что ты называл ее Анни-Магги. Ты ее любил?

— Да.

— Хотел от нее ребенка?

— Она была беременна, когда ее убили. Я думал, что об этом известно только нам и одному доктору. Возможно, из-за этого ее и убили.

— О Боже! Извини, Флетч.

— Кому-то выпадает длинная жизнь, кому-то короткая.

— Я оказала тебе большую услугу, Флетч.

— Каким образом?

— Если бы ты воспитывал сына, он бы бунтовал против тебя, спорил с тобой, выступал против всего, что ты полагал правым. Сыновья, они все такие.

— Полагаю, не все.

— Твой был бы таким. Я в этом уверена. А Джек обожает тебя, потому что ранее с тобой не встречался.

— Это точно.

— Говорю тебе, обожает. Ему хочется знать о тебе все. У него целый альбом с газетными вырезками. Я даже намеревалась отвести его к психоаналитику после убийства Анни-Магги, так он расстроился. Он, наверное, сотню раз перечитал твою книгу об Эдгаре Артуре Тарпе, младшем.

— Правда?

— Я думаю, выучил ее наизусть. Он настоял на том, чтобы поступить в твой колледж.

— Он учился в Северо-Западном университете?

— Только потому, что там учился ты.

— Кристал, ты пичкала его этими глупыми историями обо мне.

— Естественно. Мать, которая не возвращает сыну уважения к отцу, теряет сына. Так же, как и отца. Есть нормы, которые никогда не меняются. Я рассказала ему, сколько раз и какими способами ты увиливала от получения Бронзовой звезды. Он не один год приставал ко мне, пытаясь найти возможность самому получить за тебя эту медаль, чтобы хранить ее у себя. Скорее всего, решения он так и не нашел.

— Чья фамилия стоит в его свидетельстве о рождении? — спросил Флетч.

— Твоя.

— И зовут его Джон Флетчер Фаони?

— Да.

— Почему Джон?

— Ты хотел еще одного Ирвина Мориса?

— Нет.

— Никакого Джона у меня не было. Не волнуйся.

— Твоя секретарь сказала, что Джон Флетчер Фаони проводит лето в Греции.

— Там его нет. Как тебе известно, сейчас он в лагере в Алабаме.

— В лагере, говоришь... Кристал, Джон Флетчер Фаони никогда не сидел в тюрьме. Ни в федеральной, ни в тюрьме любого из штатов. Мы проверяли.

— Да и нет. Нет и да. Он провел пять недель в федеральной тюрьме Томстона, штат Кентукки. Как полицейский агент.

— Агент?

— Как только он бежал из тюрьмы, его досье было уничтожено.

– Он не убивал копа и не стрелял в копа?

– Разумеется, нет. Убийство копа – одно из наиболее ценных Кланом преступлений.

Флетч вздохнул.

– Розовый "кадиллак" с откидным верхом. Я знаю, что этот паршивец понятия не имеет, как заряжать пистолет. Кто же устроил его в тюрьму и почему?

– Я.

– Черт побери! Ты засунула симпатичного парня в федеральную тюрьму! Ты представляешь себе, что с ним могло случиться? Что, возможно, уже случилось?

– Ничего с ним не случилось.

– Откуда ты знаешь?

– Джек отлично владеет приемами рукопашного боя.

– И что? Некоторые из этих парней...

– Кроме того, он хорошо играет на гитаре.

– Так ли это важно?

– Организацией этого дела занималось много людей, Флетч.

– К примеру?

– Джек Сандерс.

– Сандерс? Он же на пенсии.

– Связи-то у него остались. Генеральный прокурор Соединенных Штатов. С нашей последней встречи, Флетч, я приобрела много друзей.

– Друзей?

– Джек всегда хотел идти по твоим стопам.

– Однажды я пытался попасть в тюрьму*. Мне это не удалось.

– Это особый случай. Помощь его оказалась неоценимой.

– Как это?

– Джек учился на факультете журналистики Бостонского университета. Проводил много времени с Джеком Сандерсом и его женой. Джек, я говорю про Джека Флетчера...

– Джека Флетчера Фаони.

– Да, конечно. Джек хотел писать свой диплом о Клане. Секретной организации, о существовании которой он узнал то ли в университете, то ли где-то на улице. Его хотели завербовать в нее. И твой дорогой редактор, Джек Сандерс, предложил провести журналистское расследование, то есть подготовить материал для публикации.

– Сукин он сын.

– Мы обсудили его предложение.

– Ты и Джек Сандерс?

– Джек Сандерс и я.

– Вы не обсудили его со мной. Для кого предназначался этот материал?

– Как ты думаешь, он не заинтересует "Глоубел кейбл ньюс"?

– Понятно. Меня поймали на живца.

– Слушай, я думаю, от такой истории никто не откажется. Похоже, нам придется обсудить условия договора, – Кристал рассмеялась. – Потом я переговорила с Генеральным прокурором.

* Подробнее в романе "Флетч".

- Соединенных Штатов.

- Он перезвонил мне и попросил о встрече с Джеком. Ему понравилась идея использовать Джека. Они намеревались заслать в тюрьму агента ФБР. Но заключенные федеральной тюрьмы особого режима без труда распознали бы его. После встречи с Джеком Ге-пе решил, что Джеку удастся справиться с этим заданием. Все права на этот материал принадлежат Джеку.

- Так-так.

- Этот человек, Крис Крайгель...

- Мы встречались.

- Вроде бы, интеллигентный.

- Негодяй он.

- Его посадили в тюрьму за убийство.

- Я знаю.

- Используя гражданские права федерального заключенного, он организовал и взял под контроль организацию белых, которую назвал Клан, с отделениями во всех тюрьмах, как штатов, так и федеральных. Все чаще начали возникать волнения на расовой почве. Тюрьмы захлестнула волна насилия. Контакты Крайгеля не ограничивались тюрьмами. Немалый авторитет он имел и в националистических организациях других стран, в Европе, в Африке. Сидя в тюремной камере, он создавал общемировое движение! Его не могли лишить гражданских прав, не вызвав волну протеста. Крайгеля переводили из тюрьмы в тюрьму, но этим лишь усугубляли ситуацию, поскольку он завязывал все новые контакты, укрепляющие его влияние. Его даже не могли посадить в одиночку, поскольку такой шаг вызвал бы одновременный бунт во всех тюрьмах. Крайгель стал предельно опасен. Так что за Джека они схватились, как утопающий - за соломинку.

- И что дальше?

- Дальше Джека отправили в тюрьму, чтобы он вошел в доверие к Крайгелю, организовал его побег, оставался рядом с ним, узнал все, что возможно, о его контактах, планах, Клане, других аналогичных организациях...

Флетч тряхнул головой.

- Да, материал потрясающий. Ничего себе дипломная работа. Неужели он не мог, как все, написать диплом о Первой поправке*? Зачем высовываться?

- Джек не такой как все. Он - как ты.

- У меня не было такой сумасбродной мамы! Послать своего сына в тюрьму!

- Мы все пошли на это. И Джек этого хотел. У него был серьезный довод. Перестань кудахтать.

- Я не кудахчу, я протестую.

- Если бы ему не удалось сразу привлечь к себе внимание Крайгеля, он бы не провел там и шести часов.

- В тюрьме?

* Речь идет о первой статье Билля о правах, содержащего первые десять поправок к Конституции США: Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями о прекращении злоупотреблений.

– Ты кое-что забываешь. Никто не решился бы тронуть Джека, если бы Крайгель взял его под свою опеку. Джек был в полной безопасности. Как в собственной постели.

– Ерунда.

– С ним ничего не случилось.

– Ты в этом уверена?

– Да.

– И что же у него был за "серьезный довод"?

– Сам догадаться не можешь?

– Наверное, могу. Скажи мне.

– Встретиться с тобой. На твоей территории. Сделать то, что привык делать ты. И делаешь до сих пор, если судить по передачам Ге-ка-эн. Он не хотел выглядеть просителем. Хотел встретиться с тобой в ходе подготовки серьезного материала, увлечь тебя, заинтересовать тем, чем он занимается, вызвать интерес к своей персоне. Вероятно, ему это удалось, раз ты здесь. Ему необходимо твое уважение. Надеюсь, ты это понимаешь.

– Ну и мамаша у моего сына.

– Впрочем, есть еще один нюанс.

– Какой же?

– Думаю, он перепугался до смерти, глубоко завязнув в этой истории. И хотел, чтобы ты была рядом.

Флетч вспомнил, как Джек стоял у окна его машины. Он явно хотел что-то сказать, но промолчал.

Неужели Джек знал, что мост между отцом и сыном может навести только мать?

Джек лишь сказал: "Верь мне".

А Флетч ответил в том смысле, что Джек еще не давал повода сомневаться в нем.

Теперь Флетч знал всю правду о Джеке.

И знал, что Джек хотел от него.

Флетч шумно выдохнул. Дважды.

– Я... – он откашлялся. – У меня нет достаточного опыта... я не знаю, как вести себя в таких ситуациях.

– Ты хочешь знать, что теперь думает о тебе Джек?

– Нет.

– Он полагает, что у тебя старческий маразм. – Кристал рассмеялась. – Он говорит, что ты забыл все истории, которые я рассказывала о тебе.

Флетч бросил короткий взгляд на занавеску.

– Ты не можешь этого знать, Кристал, если только он не говорил с тобой. В самое последнее время.

– Он звонил этим утром. Из лагеря Орания.

– Значит, он рискнул позвонить. А каким образом его соединили с тобой?

– Он – мой сын. Он знает пароль. А ты – нет.

– Он мог бы облегчить мне жизнь, я бы не мучился от голода.

– Джек говорит, что все у него нормально. Он снял на пленку лагерь и всех, кто в нем находится. Провел ночь, копируя файлы из компьютерной сети Клана. Днем он намеревался принять участие в каком-то важном совещании. Наверное, на нем обсуждалось что-то интересное.

— Он сказал тебе, что заставил всех блевать, когда Крайгель произносил речь?

— О, да, — Кристал рассмеялась. — Совсем как его отец.

Флетч не стал спрашивать, рассказал ли Джек, что ночью убил человека, чтобы спасти его и Кэрри.

— Хватит его нахвалять. Мне и так все понятно.

— Прошлой ночью он даже нашел список лиц, приговоренных Кланом к смерти. И знаешь, кого он в нем нашел?

— Кого же?

— Тебя.

Флетч задумался.

— Вполне вероятно.

— Там значилось: Ирвин Морис Флетчер.

Флетч наклонился вперед.

— Эти сволочи знают, что Джек мой сын.

— Знают?

— Он в опасности! — Флетч вскочил. — Из-за меня! Черт! Пора бежать! Прощай!

С тем Флетч и ушел.

Но мгновением позже вновь возник в дверном проеме.

— Кристал, что ты тут делаешь?

— Худею.

— Джек говорил мне, что ты приезжаешь сюда дважды в год. Уже много лет подряд. Ты похудела?

— На этот раз мне рекомендуют остаться здесь навсегда.

— Ты серьезно?

— Я больна, Флетч. Это серьезно.

— Ты понимаешь, что свое пребывание здесь ты назвала "последней линией обороны"?

— Да. И что такого?

— Против кого ты обороняешься? Меня? Джека? Жизни? Зачем тебе это надо?

— Ты же знаешь, что такое наркомания. Или ты можешь предложить иное решение?

— Конечно.

— Скажи мне.

— Первое: доверься нам.

— Что это должно означать?

— И второе: поменьше думай о еде.

— О, Флетч. Как ты об этом узнал?

— Я еще вернусь. Тогда и поговорим.

Глава 20

— Пора ужинать, — тихо сказал Флетч. — Больше тут делать нечего.

— Что? — Джек оторвал голову от подушки. Взглянул на стоящего в дверях Флетча. Сел, поставил ноги на пол. — Я готов.

Долго стоял Флетч на пороге маленького кабинета в бревенчатом доме в лагере Орания, глядя на своего сына. Джек спал на кушетке у стены. При свете настольной лампы. В шортах, футболке, носках и кроссовках, уткнувшись носом в подушку. Спал крепко. Флетчу он показался совсем юным. Как же он выглядел, подумал

Флетч, когда был моложе, подростком, мальчиком, младенцем, когда спал, просыпался, играл, слушал, смеялся, сердился, скучал. Стоя в дверях, не сводя глаз со спящего сына, Флетч понял, сколько же он потерял.

Занималась заря, начинался понедельник.

Сидя на краю кушетки, Джек тряхнул головой.

— А я все гадал, как мне выбираться отсюда.

— Туман нам поможет.

Флетчу пришлось лететь из Чикаго в Нашвилл через Атланту. Из-за тумана дорога из Нашвилла до Толливера заняла у него много времени. Ехать быстрее он не решался, чтобы не попасть в аварию: видимость была практически нулевая.

С трудом нашел он и съезд на проселочную дорогу, ведущую в лагерь Орания. Два раза проскочил мимо и лишь в третий увидел сторожевую будку, стоящую в нескольких метрах от шоссе.

Флетч остановился у сторожевой будки, приготовившись сказать: "Пароль — Зигфрид". Но никто не вышел из будки, чтобы узнать, что ему здесь надо.

Выехав на вырубку, он задом загнал машину в лес.

Свет горел только в одном окне бревенчатого дома. Флетч осторожно поднялся на крыльцо, тихонько открыл дверь в дом, затем — в кабинет.

— Ты меня ждал? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Джек.

— Давай сматываться отсюда.

Дневной свет уже пробивался сквозь туман.

С вырубki донесся громкий рев, а может, и смех.

— Похоже, Лири проснулся.

— Да, — кивнул Джек. — Он смешал кокаин, пиво, виски и еще Бог знает что.

— Совсем не то, что ему нужно.

— Такой коктейль никому не нужен.

Джек подхватил с пола пластиковый пакет с дискетами, аудио- и видеокассетами.

На вырубке продолжал хохотать Лири. Потом застрекотал не один, а два автомата.

Флетч выглянул в окно.

Лири стояла у флагштока. С автоматом в каждой руке. Он стрелял из обеих, поливая вырубку свинцовым дождем.

И орал: "Хватайте их! Хватайте их, ребята! Они здесь! Скорее хватайте их!"

Заметив, что Лири поворачивается лицом к бревенчатому дому, Флетч отпрянул от окна.

— Ложись, Джек! Ложись!

— Что случилось?

— Лири расстреливает лагерь.

— Он сошел с ума.

Пули разбили оконное стекло, настольную лампу.

Флетч распластался на полу.

Теперь уже стреляли со всех сторон. С разных концов лагеря доносились отдельные крики.

Джек схватил со стола видеокамеру.

– “Параноики – враги самим себе”, – процитировал он и на корточках заковылял к двери.

– Подожди, – попытался остановить его Флетч.

– Некогда.

– Джек!

Джек уже открыл входную дверь и выполз на крыльцо.

– Джек, не надо!

Флетч последовал за сыном, но вылезать на крыльцо не стал. В прихожей, однако, было не намного безопаснее.

Сквозь туман Флетч повсюду видел силуэты мужчин, стоящих с оружием в руках.

Они стреляли по окружающим лагерь холмам.

Они стреляли по трейлерам.

Они стреляли друг в друга.

У флагштока лежал мертвый Лири.

В тумане вооруженные мужчины стояли, раздвинув ноги, согнув колени, чуть наклонившись вперед. Стреляли от бедра. Пули летели во все стороны. Любой звук, любое движение вызывало выстрел.

Сраженные огнем, они картинно падали, пытались встать, а затем катились по земле, принимая смерть. Некоторые драматически взмахивали руками, отбрасывали оружие, а уж потом падали сами.

Флетчу казалось, что эти люди буквально рвутся навстречу смерти, с нетерпением ожидают ее. Они ничего не делали, чтобы хоть как-то защитить себя.

Лежа на крыльце, Джек снимал все видеокамерой.

Некоторые уже падали по бревенчатому дому. Становилось все светлее.

– Господи! Что за идиоты! – Вольф лежал на полу позади Флетча. – Кретины! Как я их ненавижу! Вы только посмотрите, что они творят. Убитых уже много?

– Примерно двадцать, – ответил Флетч.

Крайгель, в полотенце, обернутом вокруг талии, переступил через Вольфа и Флетча, вышел на крыльцо и вскинул руки.

– Прекратите огонь! – прокричал он.

– На нас напали? – спросил Вольф Флетча.

– Да. Лири.

– Лири? Почему?

– Полагаю, нанюхался кокаина.

Трейси уже лежал на полу рядом с Вольфом. Побледневший, как полотно.

– Прекратите огонь! – вопил Крайгель. – Прекратите! Прекратите!

По-прежнему со вскинутыми руками Крайгель спустился с крыльца. Направился к флагштоку, не прекращая кричать.

– Прекратите стрелять! Прекратите! Слушайте меня! Прекратите стрелять, проклятые свиньи!

Крайгель находился в пяти метрах от бревенчатого дома, когда ему прострелили правую ногу. Выстрелом его крутануло на триста шестьдесят градусов.

Прижимая руку к кровоточащей ноге, он продолжил путь к флагштоку.

Прошел еще два метра и получил по пуле в грудь и лицо. На этот раз он рухнул на землю и затих.
— Господи! — простонал Вольф. — Идиоты! Все идиоты! Стрельба продолжалась.
Вырубку устилали тела. Некоторые еще шевелились. Кто-то постанывал.

Наконец воцарилась тишина. На крыльце Джек проверял, осталась ли пленка в видеокамере. Вольф встал и прошел на крыльцо. Флетч и Трейси последовали за ним.

Засунув руки в карманы брюк, Вольф обозревал пейзаж после битвы.

— Ты все заснял? — спросил Флетч Джека.

— Да.

— Даже сквозь туман?

— У этой видеокамеры отличная фокусировка.

— То есть ты видел их лучше, чем они друг друга.

Джек спустился с крыльца. Двинулся по вырубке, снимая каждое тело.

— Как вы думаете, можем мы кого-нибудь спасти? — спросил Флетч Вольфа.

— Да кому это нужно? — ответил тот.

Из трейлеров высыпали женщины и дети. Сбились в кучу, не решаясь выйти на вырубку.

Джек вернулся на крыльцо.

— Сколько убитых? — спросил Флетч.

— Тридцать шесть. Двое еще дышат. Но спасти их не удастся.

— Сколько мужчин было в лагере? — Флетч повернулся к Вольфу.

— Сорок один.

— Похоже, некоторые проспали.

— Они забились под свои койки, — прорычал Вольф. — Мерзавцы. Ничего с ними я не смог поделать. Какие дураки, беспросветные дураки.

Флетч держал в руке пластиковый пакет Джека.

— Пошли, — сказал он Джеку.

Джек нырнул в бревенчатый дом. Вернулся с гитарой.

— Куда? — спросил Вольф. — Куда вы пошли?

Флетч пожал плечами.

— В необъятный мир.

Трейси, в форме, перебежал от одного трупа к другому, долго смотрел на каждого, заламывал руки, печально вскрикивал.

На крыльце Вольф достал из кобуры пистолет. Помахал им.

Флетч не понял, собирается ли Вольф застрелиться или пристрелить его и Джека.

Вольф плюхнулся на раскладной стул. Склонил голову. Зажал пистолет между колен.

Солнечные лучи пробивались сквозь туман.

Мертвецы, лежащие на земле, начали отбрасывать тени.

Глава 21

В низинах все еще держался туман, но большая часть дороги в аэропорт Хантсвилл купалась в солнечном свете.

Они еще свыкались с тем, что слышали, видели, чувствовали несколько минут тому назад в укутанном туманом лагере, окруженные холмами.

— Мы не сообщим об этом? — спросил Джек, когда они вырулили с проселочной дороги на шоссе.

— В этом суть, не так ли? Сообщить...

— Я хочу сказать, прямо сейчас, — Джек искоса глянул на телефон спутниковой связи, лежащий на сиденьи рядом с Флетчем. — Копам или кому-нибудь еще.

— Ты же сказал, что медицинской помощи не требуется. Так?

— Да. Те, кто умирал, уже умер. Такое оружие, как у них, убивает наверняка.

— Тебе нужно время, чтобы подготовить материалы. В полицию может позвонить и Вольф. Если захочет. Наше дело — порадовать зрителя или читателя интересной передачей или статьей.

— Слышал я о тебе одну историю. Ты сообщил в редакцию об убийстве и попросил прислать фотографов, чтобы они сфотографировали вдову, когда она будет звонить в полицию*.

— Неужели?

— Ты только что сказал, что у меня здесь материал для статьи или передачи. — Джек похлопал по пластиковому пакету, лежащему у него на коленях.

— Да, конечно. И ты думаешь, что нет смысла тратить собранный тобой материал на диплом?

— А ты иного мнения?

— Не знаю, что и сказать. Не писал дипломов по журналистике, даже не читал ни одного.

— Кому я могу предложить содержание этого пакета?

— Ты говоришь о средствах массовой информации?

— Да.

— Выбирать тебе. Пакет-то твой.

— С тобой считаются в "Глоубел кейбл ньюс"?

— Со мной? Ты преувеличиваешь.

— Тебе же принадлежит чуть ли не контрольный пакет акций.

— И что? Они разве что разговаривают со мной.

Джек посмотрел в окно.

— Наверное, придется звонить Джеку Сандерсу. Он подскажет, кого может заинтересовать эта история.

— Да, — кивнул Флетч. — Ему можно позвонить.

— Но у меня видеопленки. Зачем они газете?

— Ты прав. Ладно, попробуем связаться с Ге-ка-эн.

— Энди! Извини, что разбудил тебя.

— Да, мистер Флетчер, — пробормотал Энди. — Ничего страшного, мистер Флетчер. Честное слово.

— И то правда, Энди. Я не беспокоил тебя со вчерашнего дня.

— Вчера у нас было воскресенье. Позавчера — суббота.

— Как ты думаешь, получится у нас что-нибудь из поездки в "Блайт-Спирит"?

В машине Джек резко повернулся к Флетчу.

* Подробнее в романе "Флетч".

Голос Энди звучал уже не так сонно.

— Честно говоря, мистер Флетчер, может получиться неплохая передача. Мы добавим к снятому фильму интервью с другими экспертами, представим на суд зрителей их мнение об используемых в "Блайт-Спирит" методах лечения, да еще за такие деньги! Похоже, мы имеем дело с еще одним случаем высокоученого шарлатанства.

— Отлично, Энди. А я-то думал, что все кончится прогоном фильма.

— Еще вот что, мистер Флетчер. Я до двух часов утра занимался этим Кланом. Помните, вы спросили у меня что-то насчет Клана? Так вот, похоже, тут можно накопать много интересного...

— Я звоню тебе как раз по этому поводу, Энди.

— Какому?

— Насчет Клана. Скоро о нем сообщат в информационных выпусках. Но это будет далеко не вся история. Может, Клан даже не называют кланом.

— И что сообщат?

— В военизированном лагере Клана в Алабаме тридцать восемь членов этой организации перестреляли друг друга.

— Как это "перестреляли"?

— В тумане. Один псих открыл стрельбу, и стрелять начали все. Тридцать восемь убитых. Среди них человек, который называл себя преподобным доктором командором Крисом Крайгелем.

— Беглец из федеральной тюрьмы в Томастоне, штат Кентукки?

— Он самый.

— Он мертв?

— Мертвее не бывает.

— Я как раз подбирал его досье прошлой ночью. Вернее, уже этим утром. В разговоре со мной вы упомянули Криса Крайгеля, — голос Энди уже возбужденно дрожал.

— И другой беглец, Джон Лири, перестал попирать ногами землю.

— Между прочим, вчера найдено тело Хуана Морено. В каком-то овраге в Теннесси.

— Это хорошо.

— Мистер Флетчер, все материалы у вас? Я об этой перестрелке.

— У меня?

— У вас их нет?

— Энди, в половине одиннадцатого утра по вашему времени вы сможете встретить в Национальном аэропорту одного человека?

— Конечно. Кого?

— Одного молодого репортера. Зовут его Джек Фаони.

— Что-то мне знакома его фамилия.

— У него есть все. Дискеты с полным набором файлов Клана, как в стране, так и во всем мире, списки членов, списки людей, назначенных к уничтожению. — Джек широко улыбался, не сводя глаз с Флетча. — Банковские счета, планы на будущее. К тому же он лично знал Криса Крайгеля. Есть у него и видеозапись побоища.

— Однако!

— И все в одном маленьком пластиковом пакете.

— Неужели? Кто этот Фаони?

— Обычный парень, с которым я работал несколько последних дней.

– Вчера вы ездили в "Блайт-Спирит", чтобы встретиться с женщиной по фамилии Фаони.

– Да. Хотел удостовериться, что парень – тот, за кого себя выдает. Он возник, словно из-под земли. Я его знать не знал.

– В нем есть репортерская жилка?

– О, да. Задатки у него хорошие. Но ему потребуется твоя помощь. Салли свободна? Снимал он в тумане, так что с монтажом придется повозиться. В эфир этот материал надо давать как можно быстрее. Ни одно событие не вызовет большего интереса, если только Калифорния не провалится сквозь землю.

– Да, сэр.

– Я думаю, в будущем вы продолжите это тему, но не в отдаленном будущем.

– Да, сэр, мистер Флетчер!

– Фаони отдаст вам не все материалы. Это вы должны понимать с самого начала. Генеральный прокурор Соединенных Штатов имеет свой интерес в этой истории.

– Я понимаю.

– Права на книгу и фильм остаются за Фаони, если он этого захочет. Он вылетает рейсом авиакомпании "Эйр Т" из Хантсвилля и приземлится в национальном аэропорту Вашингтона в десять тридцать шесть по местному времени.

– Я там буду.

– Энди?

– Да, мистер Флетчер?

– Пожалуйста, не звони мне сегодня. Хорошо? Мне надо отоспаться.

– Ну что вы, мистер Флетчер. Я бы не позволил себе потревожить ваш сон. Никогда в жизни.

Отключив телефон, Флетч протянул Джеку билет на самолет.

– Я купил его тебе в два часа ночи в Атланте. За тобой даже закреплено место. – Джек разглядывал билет, а Флетч продолжал: – Одна женщина, Славенка Дракулик, жертва этнических чисток, которыми сопровождается гражданская война в Югославии, написала недавно в "Нью-Йорк таймс санди мэгэзин": "Мы воюем. Боюсь, винить в этом некого. Мы сами допустили войну. Мы позволили ей начаться. Нет их и нас. Не в счет числа, массы, категории. Есть только один из нас и, да, мы несем ответственность друг перед другом".

– У тебя есть ручка и клочок бумаги? – спросил Джек.

– В бардачке. Я подумал, что эта цитата может сгодиться для твоей истории.

– Скажи ее имя и фамилию по буквам.

– Святой Боже! Этот парень владеет и ручкой!

Флетч остановил машину у входа в здание аэропорта.

– Если ты не возражаешь, я откланяюсь. Мне пора на покой. Спасибо тебе за содержательный уик-энд.

Джек, вместо того чтобы вылезти из кабины, повернулся к нему.

– Ты ездил в Висконсин, чтобы повидаться с моей матерью?

– Она шлет тебе наилучшие пожелания.

– Как она тебе показалась?

– Кристал сидела за занавеской, Джек. Я ее не видел.

— О!

— Такая же умная и проницательная, как и прежде.

Джек выскользнул на тротуар.

— Подожди, — остановил его Флетч. Вылез из машины к сыну и расстегнул его рубашку. — Ты в этой рубашке с пятницы. Моя, конечно, тоже не первой свежести, но я надел ее вчера утром, и большую часть времени провел в помещениях с кондиционерами. Я не хочу, чтобы тебя сняли с самолета, потому что от тебя сильно воняет.

— Поменяться рубашками?

— Почему нет?

— Здесь?

— У нас есть выбор? Купить новую рубашку ты не успеваешь.

— Это точно.

Стоя на тротуаре, Джек и Флетч поменялись рубашками.

Рубашка Джека, сальная на ощупь, отвратительно воняла.

— Как ты узнал, что я не стрелял в женщину-полицейского? — спросил Джек. — Потому, что я не знал, как зарядить пистолет, который ты мне кинул?

— Есть и другие признаки.

— Какие же?

— Я сомневаюсь, что ты взялся бы за дело, которое не смог бы довести до конца. Даже в случае убийства.

Только десять миль отделяли Флетча от фермы.

Расставшись с Джеком, он завернул в закусочную для водителей-дальнобойщиков, чтобы выпить кофе. Прежде чем выпить кофе, купил себе новую футболку, а ту, что носил Джек, выбросил в урну.

Грудь его футболки украшала надпись: "ЗАЧЕМ ОБНИМАТЬ ДОРОГУ, ЕСЛИ У ТЕБЯ ЕСТЬ Я"?

Флетч чувствовал себя одиноко.

Джек подошел к двери аэровокзала в рубашке Флетча, с пластиковым мешком, набитым дискетами, аудио- и видеокассетами с Сенсацией. Обернулся, прежде чем войти во вращающуюся дверь, и лицо его расплылось в улыбке, он махнул рукой, зная, что его отец смотрит на него...

Флетчу уже не доставало этого парня.

Черт! До пятницы он даже не знал о его существовании.

Флетч нащупал телефон на сиденье и нажал клавишу номера фермы.

— Слушаю, — ответила Кэрри.

— Привет.

— Ты где?

— Буду дома через несколько минут.

— Это хорошо. Догадайся, что я сделала?

— Что?

— Испекла ореховый пирог по рецепту Энджи Келли.

— Замечательно! — воскликнул Флетч.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Завершаем публикацию оригинальных композиций, присланных на V международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена». В 1996 году на страницах журнала было опубликовано 148 композиций. А всего на конкурс поступило более пятисот произведений от 181 автора из девятнадцати стран! Впервые в нашем конкурсе приняли участие композиторы Аргентины, Дании, Израиля, Испании, Польши, Словакии, Финляндии и Хорватии. Мы надеемся на дальнейший рост интереса к нашему традиционному конкурсу и приглашаем всех композиторов, рабо-

тающих в «малом» жанре, принять участие в конкурсе 1997 года.

Журнал «Смена» объявляет VI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр на 1997 год по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы: I приз – 250 000, II приз – 200 000, III приз – 150 000, специальный приз – 100 000 рублей.

Оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся задачи, изображенные на диаграммах в двух экземплярах, с полным решением следует посылать по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена». Последний срок – 15 августа 1997 года. Судья конкурса – международный арбитр по шахматной композиции Виктор Чепижный.

На конверте следует делать пометку «Конкурс составления шахматных задач». Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие миниатюры будут опубликованы в журнале. Присланные задачи не рецензируются. Итоги конкурса будут подведены во второй половине 1998 года и опубликованы на страницах «Смены».

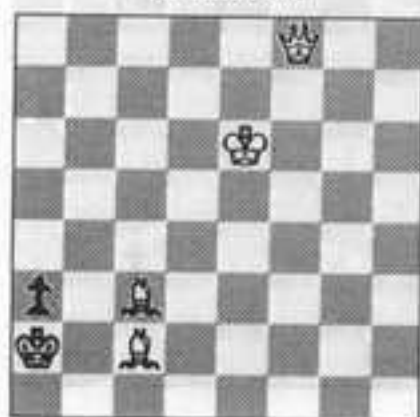
Приглашаем наших читателей принять участие в конкурсе решения шахматных задач, напечатанных в журнале «Смена». Фамилии наиболее активных решателей будут публиковаться. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные и наиболее полные ответы, будут награждены почетными грамотами и книжными призами.

Решения задач следует посылать на открытках (без конверта!) с пометкой «Конкурс решения шахматных задач» по редакционному адресу в течение двух месяцев после выхода журнала. На открытке следует указывать фамилию, имя, отчество и домашний адрес.

В наших конкурсах могут принять участие все желающие!

131. Н. СПАРЕ

Финляндия

Мат в 2 хода

132. Н. ЧЕРНЯВСКИЙ и А. КИРИЧЕННО

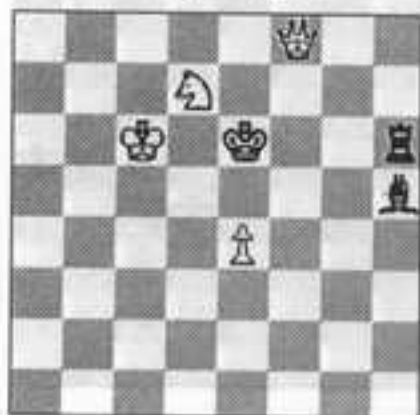
Украина/Россия

Мат в 2 хода

133. М. ХАРАЛОВИЧ

Хорватия

Мат в 2 хода

134. Л. ЛЕБЕДЕВ

Бобруйск, Беларусь

Мат в 2 хода

135. А. КИРИЧЕННО

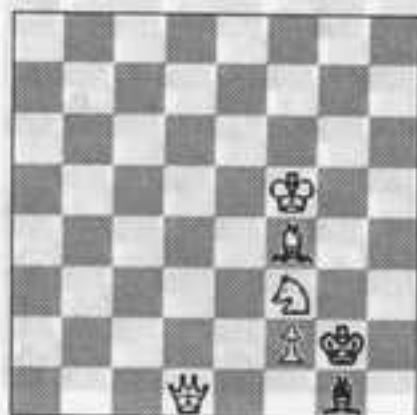
*ст. Старощербиновская
Краснодарского кр.*

Мат в 2 хода

136. В. МАРКОВИЧ

пос. Ильница, Украина

Мат в 2 хода

137. Н. ГЕРАСИМОВ
Санкт-Петербург

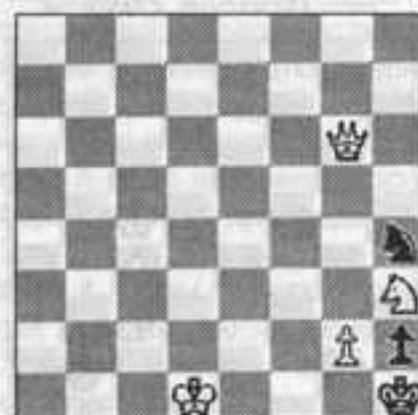
Мат в 3 хода

138. В. ЖЕЛТОНОЖКО и В. НОВАЛЕНКО
Россия

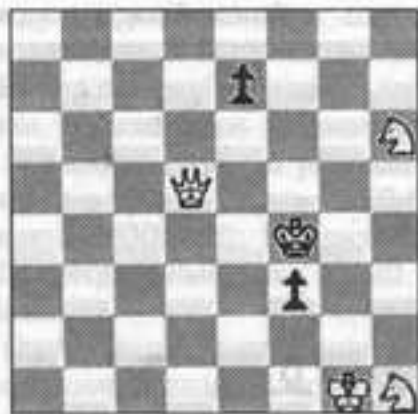
Мат в 3 хода

139. И. СТОРОЖЕНКО
пос. Печенга Мурманской обл.

Мат в 3 хода

140. А. СИЛИВАНОВ
г. Красногубинск

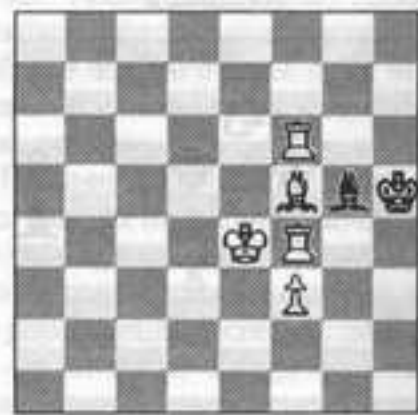
Мат в 3 хода

141. Ж. РОТЕНБЕРГ
Франция

Мат в 3 хода

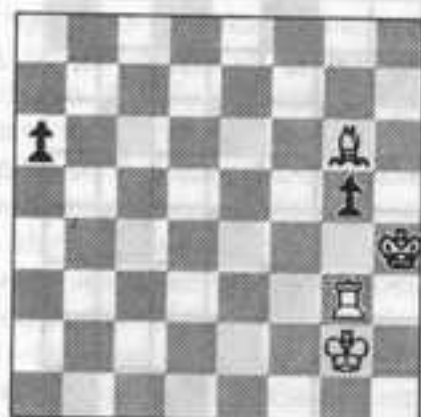
142. Л. ЛЕБЕДЕВ
Бобруйск, Беларусь

Мат в 3 хода

143. В. МЕЛЬНИЧЕНКО

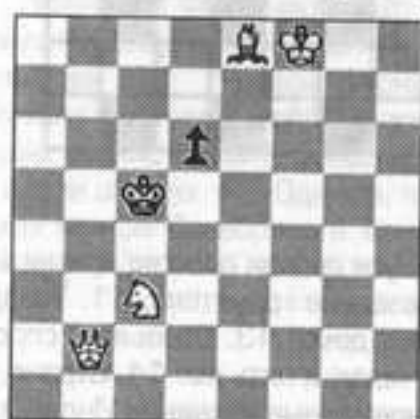
г. Котовск, Украина

Мат в 4 хода

144. В. КОЛПАНОВ

ст. Кавказская Краснодарского кр.

Мат в 4 хода

145. С. АБРАМЕНКО

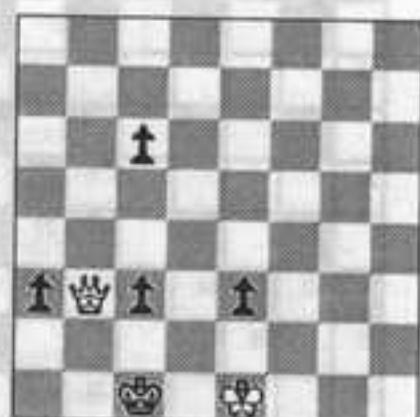
г. Волжский Волгоградской обл.

Мат в 4 хода

146 В. ЖЕЛТОНОВИЧ и В. НОВАЛЕНКО

Россия

Мат в 4 хода

147. Н. ЧИСТЯКОВ

Омск

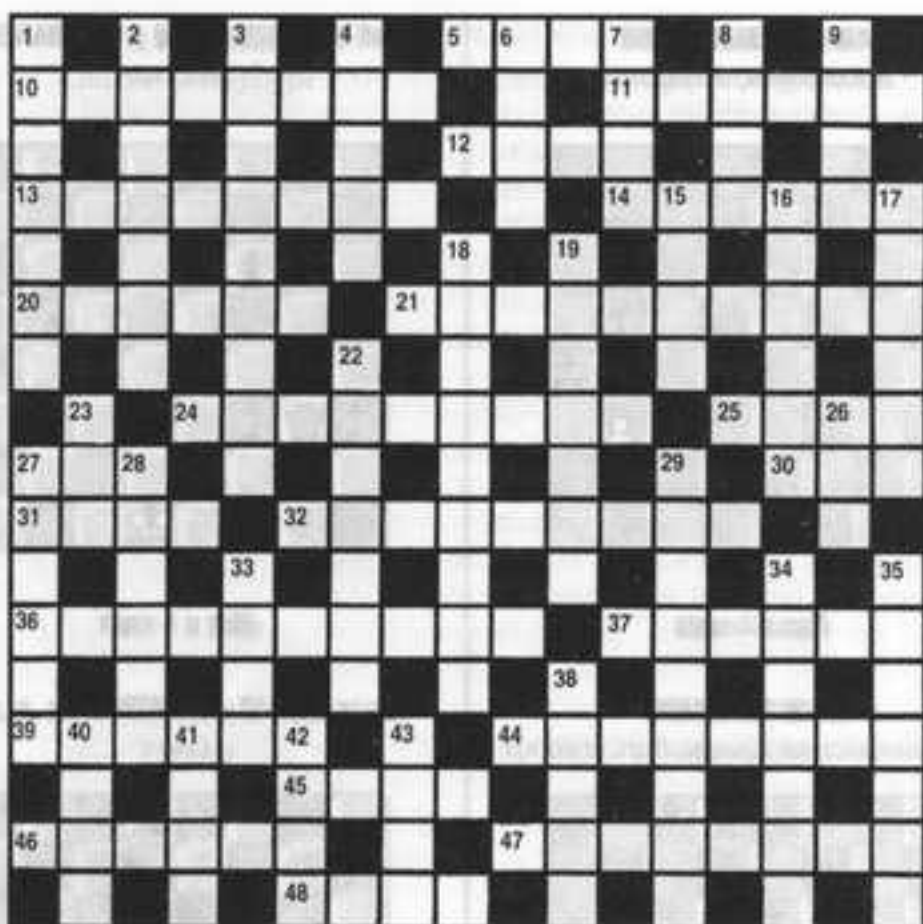
Мат в 4 хода

148. В. ВОВНЕЙНО

Минск, Беларусь

Мат в 4 хода

ЗРУДИТ

По горизонтали.

5. Ради него на Руси делали пологие крыши. 10. Более привычное название гранитоля. 11. Усердие трудоголина. 12. Глаз дома. 13. Обезьяна, способная свернуть лист в конус и пить им. 14. Страна, откуда происходят современные названия Индии и реки Инд. 20. Русский художник, о котором его друг Ф. Иордан сказал: «Упрям и своеобразен был он сильно». 21. Самая большая баранка. 24. Царица, рожденная под знаком Тельца. 25. Животное, чьей шкурой на Чукотке обшивают вельботы. 27. Сбор в Турции в XVI-XVIII веках на подарки султану. 30. Южная оконечность острова Хонсю. 31. Человек, с которым, по И. Крылову, «во всяком деле мука». 32. Одно из свойств меда. 36. «Ручная» наука, которую практиковал Анаксагор. 37. Шерсть от первой стрижки овцы. 39. Немецкий философ, считавший, что философия должна ориентироваться на математику. 44. Одна из двух основных черт вступившего в лондонское общество любителей прошлого. 45. Чешский скрипач, чьей памяти П. Чайковский посвятил квартет. 46. Восьмая часть суток в Древнем Риме. 47. Чемпион мира по прыжкам в высоту, всегда ступавший в сектор правой ногой, хотя толчковая у него левая. 48. Сорвать... (получить взятку на Руси).

По вертикали.

1. Модельер, автор костюмов олимпийской сборной России этого года. 2. Зайчиха в «Айболите» Н. Чуковского: «Мой зайчик, мой мальчик попал под..!». 3. Сборна на подоле женского платья, на портъере. 4. Принц у народов Востока. 6. Прозвище Афины как богини победы. 7. Напиток в «Пирующих студентах» А. Пушкина. 8. Рыбный студень. 9. Ласковое домашнее прозвище маленького Листа. 15. Испанский архипресвитер, создавший «человеческую комедию XIV столетия». 16. Излучатель красоты. 17. Титул жены хана у народа хунну. 18. У нас – махание нуланами после драки, у французов – ... на лестнице. 19. Собака, у которой хвост называют прутом. 22. Картина мазилы. 23. Певчая птица, привлекаемая березой и ольхой. 26. Зерно, каное Русь ввозила большей частью из Персии. 27. Лучший футболист Европы 1975 года. 28. Человек с забритым лбом на Руси. 29. Происхождение народа. 33. Титул князя в мусульманских странах. 34. Двинущая часть часов. 35. Поэт, которого называли последним из моголан старого славянофильства. 38. «Булава Геркулеса», «Горянка», «Фляжка странника» (общее название). 40. Одна из лучших учениц Полины Виардо. 41. Выгон, пастбище вдали от аула. 42. Одежда, часто встречаемая в стихах поэтов Серебряного века. 43. Сухой казахский сыр.

ОТВЕТЫ

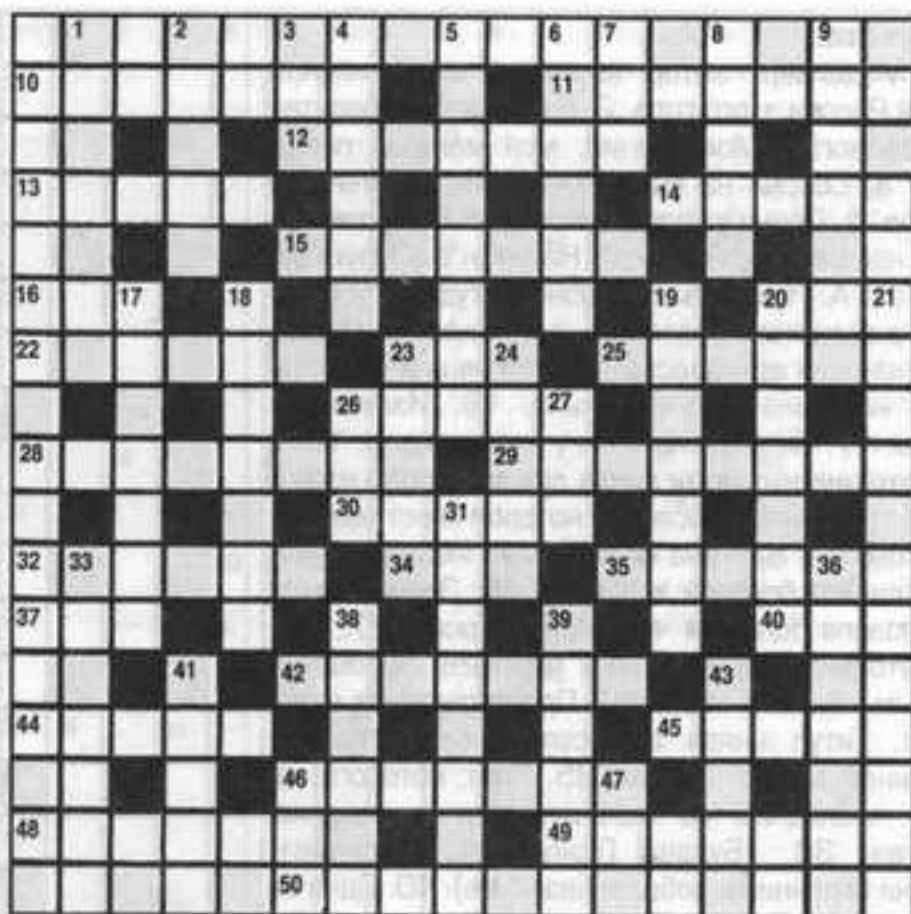
**НА «ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11**

По горизонтали.

5. Орхидея. 9. Говорукин. 11. Частушка. 12. Перенхима. 14. Финвал. 16. Пьюзо. 17. Сипай. 18. Унин. 23. Филин. 24. Мусульманин. 26. Щитомордник. 27. Химия. 31. Лари. 34. Петля. 35. Церий. 36. Юсупов. 40. Гильотина. 41. Законник. 42. Антиидия. 43. Браслет.

По вертикали.

1. Роман. 2. Котельников. 3. Хунхузы. 4. Шими. 6. Руан. 7. Иттрий. 8. Ершова. 10. Марло. 13. Никулин. 14. Фалья. 15. Туф. 16. Пил. 19. Жилин. 20. Бурдель. 21. Василистник. 22. Низир. 25. Лосев. 28. Май. 29. Яин. 30. Дельфин. 32. Горза. 33. Буннер. 34. Поднос. 37. Литне. 38. Энзим. 39. Тире.

КРОССВОРД
Составил
Г. НОВИКОВ,
Брянск

Во горизонтали.

3. Клейстерный материал. 10. Кондитерский продукт. 11. Народное название врача-дантиста. 12. Шумный музыкант в эстрадных оркестрах. 13. Последнее стихотворение в цикле Б. Пастернака «Разрыв» начинается так: «... дрожащий пену с губ облизнет». 14. Роман Ф. Достоевского. 15. Краевой центр России. 16. Имя напитана Шатопера в романе В. Гюго «Собор Паринской Богоматери». 20. Государство, в конце XIX века вошедшее в состав Эфиопии. 22. Цветок, мед с которого дурманит. 23. Велец, пыжьян, хадары (рыба). 25. Произведение высокого мастерства. 26. Французский поэт, чьи стихи на воровском аргю только в этом году изданы по-русски. 28. Меняла в Древней Греции. 29. Знаменитый английский художник, чьиими картинами при его жизни могли любоваться только избранные друзья. 30. Самый маленький из Никладских островов. 32. Рыба, из которой получается замечательная строганина. 34. Часть завода, фабрики. 35. Афинский стретг, так владевший собой, что по его лицу нельзя было определить, испытывает он боль или радость. 37. Француз, наследник Рубенса по батальной живописи. 40. «Скрипичное» дерево. 42. Житель крупнейшего австралийского города. 44. «Хлыстальщица». 45. Мера веса. 46. Средневековый могильник сле-

вян и води в Новгородской и Псковской областях. 48. Самая «жаркая» линия на глобусе. 49. Неглубокий пологий овраг. 50. Рена на севере Аляски.

По вертикали.

1. Острый соус. 2. Гостиница. 3. Залив на западе Ирландии. 4. Единица измерения углов. 5. Офицерский чин в казачьих войсках России. 6. Путь, намеченный по карте и компасу. 7. Первое, как считают историки, стрелковое оружие. 8. Итальянский актер, чей талант открыл Ф. Феллини. 9. Министр внутренних дел в застойные годы, покончивший с собой из-за неблагоприятных дел. 16. Самая мелкая разменная монета Англии, вышедшая из употребления. 17. Подержанные вещи домашнего и личного обихода. 18. Задача на выбор одного из двух решений. 19. Английский мореплаватель, оставивший записки о Московском государстве. 20. Процессия. 21. Служебное слово в европейских языках. 23. Легкая ткань, получаемая из митналя. 24. Свинцовый... (о пулях, дроби). 26. Грамматическая категория глагола. 27. Первичный признак любопытства. 31. Американский экономист русского происхождения. 33. Шапочка из мягкой материи. 36. Настоящая фамилия М. Твена. 38. Герой комедий Бомарше. 39. Самоцвет, который якобы способствует супружеской любви. 41. Американский хищник, легко переплывающий широкую реку. 43. Испытание, проверка. 46. Танец, по которому в Молдавии назван государственный ансамбль. 47. Хоть ... на голове теши (о большом упрянце).

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11**

По горизонтали.

1. Уклейка. 7. Обувь. 11. «Земля». 13. Сердолин. 15. Гренон. 16. Нахлынь. 17. Есенин. 19. Галоша. 20. Йорин. 22. Хук. 25. Пегас. 26. Шкло. 27. Мадэполам. 29. Лапта. 30. Ночегар. 32. Алтай. 34. Салон. 35. Адвокат. 39. Лурдж. 40. Тиранство. 41. Явор. 42. Рибас. 43. Фен. 44. Жених. 48. Арамис. 51. Журнал. 52. Пунтир. 54. Отклик. 55. Йодоформ. 56. Чернь. 57. Ангар. 58. Малахай.

По вертикали.

2. Нарьер. 3. Егорий. 4. Нлин. 5. Пенло. 6. Флинт. 8. Бурлан. 9. Винтовка. 10. Успех. 12. Энвардор. 14. «Надилак». 18. Норов. 19. Гусар. 21. Делегат. 22. Халат. 23. Цапля. 24. Балагур. 26. Штраусс. 28. Мономах. 31. Молва. 33. Юджин. 35. Адрес. 36. Тиберий. 37. Париж. 38. Пятачок. 39. Лоханкин. 43. Физика. 45. Худоба. 46. Ангола. 47. Пламя. 49. Рубеж. 50. Инона. 53. Роба.

Дмитрий Плотников

Дмитрий Плотников определяет свое искусство кратко и точно – «художественное изображение реальности», говорит, что на его полотнах, к примеру, не спутаешь коня с птицей, а мужчину с женщиной. Действительно, его живопись не псевдотрадиционное жизнеподобие, а реальность, «преобразенная» эмоциями, интеллектом, талантом. Он позволяет себе роскошь быть свободным от законов групп, кланов, всевозможных течений. Не признает никаких доктрин и холодной игре ума предпочитает чувствование. Он чуток и для «старых» и для «новых» живописцев.

Еще в юные годы Дмитрий понял, что в будущем станет только художником. Уже тогда он рисовал портреты своих друзей и домашних, обладавшие не только внешним сходством, но и верно подмеченной психологической глубиной. Первой картиной, поразившей воображение ребенка своей удивительной красотой, отточенностью форм, была «Всадница» Карла Брюллова. «Что бы кто ни говорил, – скажет он позже, – но если художник не обладает мастерством рисовальщика, то на всем его творчестве будет лежать флер самодельности, да и вообще перед нами не художник, а графоман».

Стиль Дмитрия – точный академический рисунок, открытый цвет и яркая орнаментальность. (Любовь к орнаменту появилась у него еще в Ивановском художественном училище, которое он закончил). «Для художника нет ничего страшнее стилистической безликости, – считает Дмитрий, – ибо отсутствие сюжета можно оправдать оригинальностью форм, чему пример – работы абстракционистов и дизайнеров, но беспомощность языка моментально убивает любое творение. Поэтому художник – творец, обладающий собственным стилем, бесспорной узнаваемостью».

Все работы Дмитрия можно разделить на несколько циклов – библейский, «золотое детство» (самые счастливые и безоблачные годы связаны с его дедом, что и стало основой для этого цикла картин), «аутизм» (этот термин обозначает закрытость от общества, сосредоточенность на самом себе), эротический «парафраз» (как бы «реплики» известных произведений, таких как «Танец» Матисса или «Поцелуй украдкой» Фрагонара), портрет – психологический, парадный, этнический.

Библейская серия Дмитрия Плотникова – самая многочисленная. Современный человек воспринимает Библию, как реальность – не отстраненно-философскую, а конкретную, повседневную, заполняющую каждую минуту жизни. Здесь – ангел, приветствующий рождение Христа, одетый в серый свитер и джинсы. Иуда больше напоминает сотрудника какого-нибудь НИИ, а округлившийся живот Евы подчеркивает ее символический ореол Праматери человечества. Со времен Адама чудеса и предательства случаются каждый день, только мы не всегда их замечаем. Дмитрию это удается.

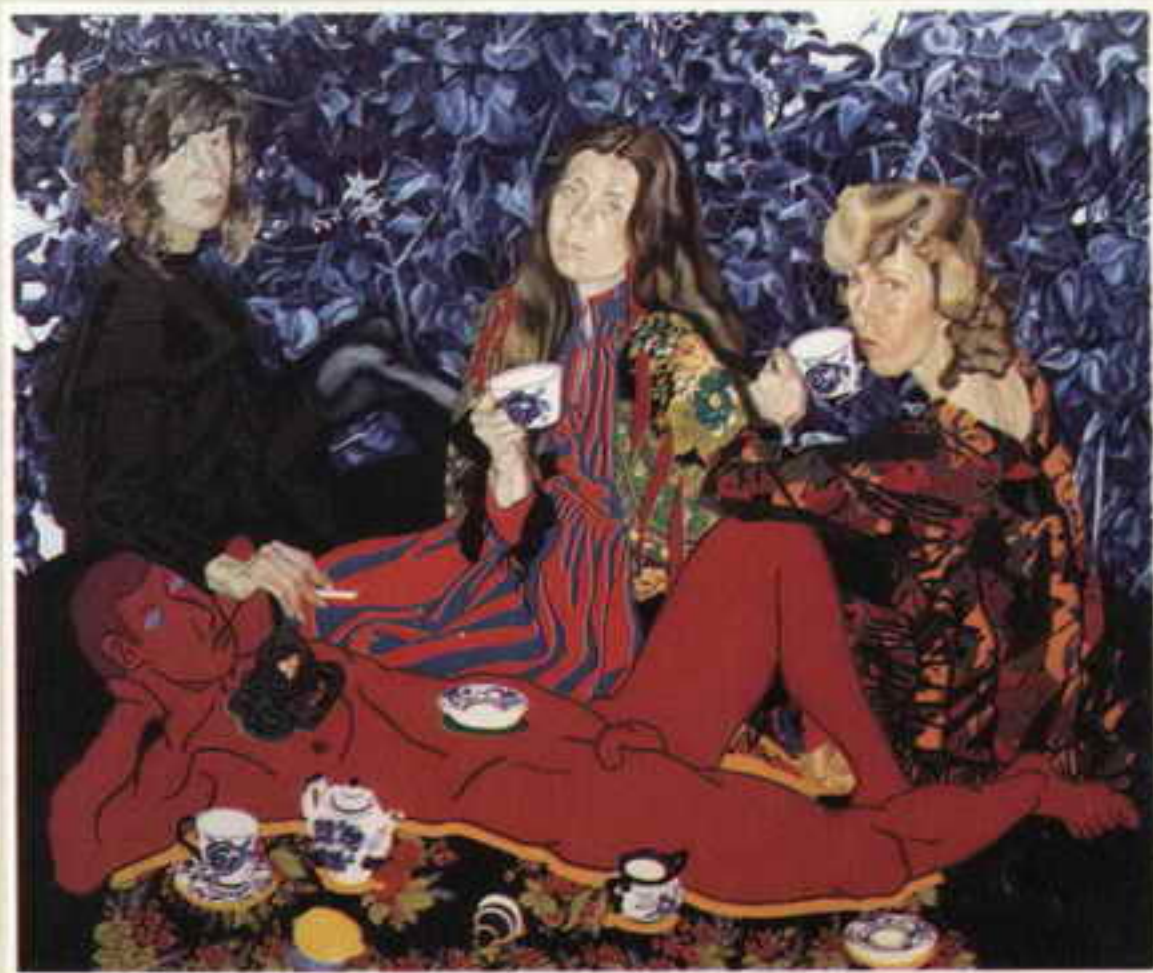
Последние десять лет художник много выставляется, и не только в России – в Германии, Австралии, Голландии. «Художник, – говорит Дмитрий, – как и актер, должен забыть о существовании покой-антракта. Искусство – это тонкая грань между хаосом несовершенного и изломанным человеческим бытием, где художник, подобно Богу древности, мастерством извлекает из хаоса гармонию».

ЛЮДМИЛА КАНДАЛОВА

Дмитрий ПЛОТКИН. В поисках утоления страсти.

Завтрак на траве.

DEBUT
BOY

